



РАДОСТЬ



*Вся правда
о наших
отношениях
с животными*



ГАДОСТЬ

ХЕЛ ХЕРЦОГ



И ОБЕД



Annotation

Эта книга для всех, кого интересуют отношения человека и животного. Можно ли найти закономерности в нашем столь непоследовательном отношении к животным? Почему одни из них попадают в суп, другие становятся лучшими друзьями, третьи вызывают отвращение? Почему 60 % людей одновременно убеждены в том, что животное имеет право на жизнь, и в том, что человек имеет право это животное съесть? Этично ли проводить эксперименты над животными? Почему петушинные бои — это жестокость, а адская жизнь курицы-бройлера — замалчиваемая необходимость?

Хел Херцог — крупнейший специалист в этой области. И он увлекательно рассказывает о самых последних достижениях науки, ничего при этом не упрощая и честно признаваясь в своем неведении, буде такое обнаружится.

Книга — замечательная. Именно поэтому она не просто сборник интереснейших историй, а нечто большее.

-
- [Хел Херцог](#)
 -
 - [Вступление](#)
 -
 - [Можно ли кормить удавов котятами](#)
 - [Наши парадоксальные питомцы](#)
 - [От поведения животных к поведению их владельцев](#)
 - [1](#)
 -
 - [Наши отношения с животными — кого это волнует?](#)
 - [О чем думают антропологи](#)
 - [Какой врач выйдет из дельфина?](#)
 - [Мы похожи на своих собак!](#)

- Собачник и кошачники — психологические антиподы!
 - Если ребенок обижает животных — он вырастет жестоким человеком?
- 2
 -
 - Биофилия: мы любим животных инстинктивно
 - Почему мы терпеть не можем змей?
 - Что в имени тебе моем? Язык и моральное дистанцирование
 - Домашние любимцы или объекты исследований? Важные категории
 - Домашний жук и домашняя собака: шкала культурная и социологическая
 - Этика отношения к животным — сердце начинает и выигрывает
 - Мораль, животные и фу-фактор
 - Спасайте людей, и черт с ними, с животными!
 - Когнитивные ловушки и этика обращения с животными
 - Как у нацистов получалось любить животных и ненавидеть евреев?
 - Антропоморфизм: что мы думаем о том, что думают животные
 - Проблема теории разума
 - Каково быть пауком
- 3
 -
 - Нэнси и Чарли: привязанность, которая не подвела
 - Собаки Сары: Привязанность, которая подвела
 - Кого считать питомцем?
 - Как из питомцев делают людей
 - Любят ли нас наши питомцы безусловной любовью?
 - Животные делают нас счастливее и здоровее? Сначала о хорошем

- Но... домашние животные — еще не панацея
- Почему домашние животные приносят пользу (некоторым) людям
- Домашние животные могут быть опасны для здоровья
- Любовь к животным заложена у нас в генах?
- Содержание питомцев — явление адаптивное?
- Домашние животные как паразиты
- Содержание питомцев как заразное психическое заболевание
- Любовь к животным и миф о единственной причине?
- 4
 -
 - Закулисный мир собачьих выставок
 - От волка к таксе
 - Первая собака — домашнее животное или мусорщик?
 - Охота на ящериц с собаками
 - Из диких в домашние: как расположить к себе лису
 - Умеют ли собаки читать мысли?
 - Как поступила бы Лесси?
 - Что запрещать — породу ил и поведение?
 - Пудели наступают, или почему порода вдруг обретает популярность
 - Что общего между породой собаки и именем для ребенка
 - Взлет и падение породистых собак
 - Хороших собак все меньше?
 - Такие разные собаки, такие разные люди
- 5
 -
 - Крах стереотипов: илущие против течения
 - Кто любит животных больше — мужчины или женщины?
 - «М» и «Ж»: разница в отношении к животным

- [Женщины начинают действовать!](#)
- [Темная сторона силы: жестокое обращение с животными у мужчин и женщин](#)
- [О тех, кто любит животных слишком сильно: кто чаще повинен в скученном содержании](#)
- [Природа \(и истоки\) различного отношения к животным у мужчин и женщин](#)
- [Что расскажет о различиях в отношении к животным Гауссова кривая](#)
- [6](#)
 -
 - [Дерби на пятерых в округе Мэдисон](#)
 - [Культура петушиных боев: азбука для начинающих](#)
 - [Правила петушиных боев](#)
 - [Оправдание тому, чему нет оправдания](#)
 - [Защитники животных и любители петушиных боев: асимметрия ненависти](#)
 - [Кем быть — бойцовым петухом или бройлером?](#)
 - [Как деньги и принадлежность к различным слоям общества влияют на наше восприятие жестокости](#)
 - [Петушиные бои и человеческая мораль](#)
- [7](#)
 -
 - [Почему мясо так приятно на вкус?](#)
 - [Опасности, подстерегающие мясоеда](#)
 - [Почему бараньи мозги любят в Бейруте и терпеть не могут в Бостоне](#)
 - [Печень из собачатины, жаркое из собачатины: исследование одного пищевого запрета](#)
 - [Мясо как отвратительная мертвечина](#)
 - [Пусть мясо отвратительно — но почему же тогда вокруг так мало вегетарианцев?](#)
 - [Разница между словом и делом: мясоеды-вегетарианцы](#)

- Отказ от мяса и пищевые расстройства: темная сторона вегетарианства
 - Почему большинство вегетарианцев возвращаются к мясоедению?
 - Мясо как арена битвы между мозгом и телом
 - Сырой бифштекс на ужин
- 8
 -
 - Этическое наследие Дарвина
 - Морально-этический статус инопланетян и детей-инвалидов: проблема маргинальных слоев
 - Что можно узнать, ставя опыты на мышах?
 - Как ярлыки влияют на наше отношение к животным: мыши хорошие, плохие и домашние
 - Лишние мыши
 - Можно ли причислить мышей к животным?
 - Судим судей: насколько выверены решения комитетов по защите животных?
 - Парадокс опытов над животными:
 - Умеют ли мыши сопереживать? Болевой тест Макгилла
 - А вы готовы убить миллион мышей, чтобы найти лекарство от лихорадки денге?
- 9
 -
 - Наше мнение об обращении с животными зачастую отличается непоследовательностью
 - Освобождение животных как религия
 - За серьезное отношение к животным надо платить
 - Терроризм нового типа
 - Принципы и философия движения за освобождение животных
 - В тисках теории: этическое обращение с животными и границы логики
 - Как должен вести себя хороший человек?

- [В вопросах морали нельзя доверять голове... и сердцу.](#)
 - [Кого считать высокоморальным](#)
 - [10](#)
 - [Спасение животных по-крупному: глобальная революция доброты](#)
 - [Убежище в глухомани](#)
 - [Леди и морская черепаха](#)
 - [Антрозоология в повседневной жизни](#)
 - [Слова признательности](#)
 - [Список рекомендованной литературы](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Хел Херцог

Радость, гадость и обед

Вся правда о наших отношениях с животными

*Посвящается Адаму, Бетси, Кети и
Мэри Джин, которой я обязан абсолютно
всем*

«Хел Херцог охватывает всю сложность наших отношений с животными и помогает понять связанные с этим противоречия. Книга „Радость, гадость и обед“ подвигнет некоторых закоренелых мясоедов к тому, чтобы превратиться в вегетарианцев, но при этом она убедит и множество людей, исповедующих жесткое вегетарианство, отказаться от своих ограничений и получать удовольствие от редкого филе — миньон. То, что Херцог не дает простых ответов на трудные вопросы, делает книгу захватывающе интересной, представляя массу интригующих ситуаций, с которыми иначе столкнулись бы не многие из нас».

*Питер Лофер, автор книги «Опасный
мир бабочек и запрещенных созданий»*

«Наши отношения с животными беспорядочны, усложнены, парадоксальны и шокируют нас. Хел Херцог рассматривает их в форме провокационной книги, которую нужно прочитать каждому, кто стремится понять, кто эти животные, а кто — мы. Прочитайте эту книгу, перечитайте ее еще раз и поделитесь тем, что узнали, с другими. Это действительно очень важно».

Марк Бекофф, автор книг «Эмоциональная жизнь животных» и «Манифест животных: шесть причин для нашего сочувствия», редактор «Энциклопедии отношений животных и человека»

«Хел Херцог искусно объединяет анекдот с научным исследованием, чтобы показать, как почти каждая моральная или этическая позиция касательно наших отношений с животными может привести к абсурдным последствиям. В чрезвычайно захватывающем повествовании он раскрывает причудливые и интересные моменты, с помощью которых мы, люди, пытаемся постичь этот абсурд».

Айрин М. Пенперберг, автор книги «Алексия: как ученый и попугай открыли потаенный мир разума животных и глубоко сблизилась в ходе этого исследования»

«Херцог пишет о значительных идеях и пишет легко... со знанием дела, а также с сочувствием и юмором».

Kirkus Reviews

«Книга „Радость, Гадость и Обед“ чрезвычайно интересна. Я не знаю, когда я читала что-либо более полное о наших очень тесных и очень противоречивых отношениях с животными — отношениях, которые мы столь бездумно, безмятежно продолжаем, независимо от того, насколько они иррациональны. Читателям понравятся шокирующие обсуждения, в которых есть и сострадание и юмор. Эта захватывающая книга действительно очень значима. Прочитав ее, вы долго будете находиться под впечатлением».

*Элизабет Маршалл Томас, автор
книги «Скрытая жизнь оленя: уроки
естественного мира»*

«Как убедительно пишет Хел Херцог, наше порой весьма запутанное и иррациональное отношение к животным очень многое может рассказать о нас самих как о биологическом виде. Книжка просто великолепная — увлекательная, смешная, умная, но при этом очень глубокая и философская. Мне она очень понравилась».

*Роберт М. Сапольски, нейробиолог
(Стэнфордский университет), автор
книг «Monkeyluv» и «Записки
примата»*

Вступление

Почему нам так трудно

адекватно воспринимать

ЖИВОТНЫХ

Люблю размышлять об отношении людей к животным — удается узнать о людях много нового.

Марк Бекофф

Зачастую наше отношение к другим видам живых существ абсолютно нелогично. Взять хотя бы Джудит Блэк. В двенадцать лет она решила, что нечестно убивать животных за то, что у них вкусное мясо. Но кто такие животные? Для Джудит было совершенно очевидно, что кошки, собаки, коровы и свиньи — это животные, а рыбы — нет. Интуиция подсказывала ей: рыбы к животным не принадлежат. И потому последующие пятнадцать лет Джудит, получившая к тому времени степень кандидата наук в области антропологии, придерживалась этой своей интуитивной классификации и считала себя вегетарианкой, хотя и не отказывалась порой полакомиться копченым лососем или рыбой гриль с лимончиком.

Доморощенная биологическая классификация служила Джудит верой и правдой до тех пор, пока она не повстречалась с Джозефом Уэлдоном, аспирантом кафедры эволюционной биологии.

При первой встрече Джозеф, мясоед из мясоедов, попытался объяснить Джудит, что положи она себе на тарелку хоть цыпленка, хоть селедку — с точки зрения этики все едино. В конце-то концов, и рыбы, и птицы относятся к позвоночным, имеют мозг и являются существами социальными. Однако, как он ни старался, ему так и не удалось убедить Джудит в том, что для

кулинарной этики треска — это все равно что курица, а курица — все равно что корова.

К счастью, разногласия по поводу морально-этического статуса трески не помешали молодым людям полюбить друг друга, а затем и пожениться. Новоиспеченный муж не сдавался — семейные обеды проходили под аккомпанемент дискуссий о сходстве и различии рыб и птиц. Спустя три года Джудит вздохнула и сказала: «Ладно. Ты меня убедил. Рыбы — тоже животные».

Однако теперь ей предстояло принять непростое решение — либо перестать есть рыбу, либо больше не числить себя вегетарианкой. Чем-то следовало пожертвовать. Тем временем наступили выходные, и друзья пригласили Джозефа поохотиться на рябчиков. Джозеф едва ли не впервые в жизни взял в руки дробовик, однако все же ухитрился подбить взлетевшую птицу и вернулся домой, на манер доисторического охотника неся на плече мертвую тушку. Он лично ощипал рябчика, приготовил его и гордо подал на обед с гарниром из дикого риса и малинового соуса.

Возводившиеся пятнадцать лет кряду бастионы морали и нравственности рухнули во мгновение ока. («Я просто обожаю малину», — объясняла потом Джудит.) Вкус жареной дичи пробудил в ней новые ощущения. Пути назад не было. Всего неделю спустя Джудит уже всюю налегала на чизбургеры. Она стала полноправным членом клуба бывших вегетарианцев — а в Англии их втрое больше, чем вегетарианцев «действующих».

А вот Джим Томпсон — когда мы познакомились, ему было двадцать пять лет, он учился в аспирантуре и писал диссертацию по математике. Перед магистратурой Джим некоторое время проработал в птицеводческой лаборатории Лексингтона (Кентукки), причем одной из его рабочих обязанностей было приканчивать цыплят после завершения эксперимента. Поначалу Джим не видел в этом ничего особенного, но однажды ему нечего было читать в самолете, и мама подсунула ему номер Animal

Agenda — журнала, посвященного защите прав животных. После этого Джим раз и навсегда перестал есть мясо.

Однако это было только начало. В течение последующих двух месяцев Джим перестал носить кожаную обувь и обратился в вегетарианскую веру свою девушку. Он даже задумался над тем, этично ли содержание в доме животных и птиц, и усомнился в своем праве на домашнего любимца — белого попугая-кореллу. Однажды Джим вошел в гостиную, увидел, как попугай прыгает в своей клетке, и услышал тихий голос, говорящий: «Это неправильно». Тогда Джим попрощался с попугаем и выпустил его в серые небеса над городом Рейли, что в Северной Каролине. «Это было потрясающее ощущение, — признался он мне потом. — Просто невероятное!» Однако Джим тут же добавил: «Я ведь знал, что попугай не выживет и, скорее всего, будет голодать. Наверное, я сделал это скорее для себя, чем для него».

Отношение к животному может быть окрашено сложными эмоциями. Двадцать лет назад Кэрол без памяти влюбилась в ламантина в полтонны весом. Кэрол обратилась в небольшой музей естественной истории во Флориде, надеясь получить какую-нибудь работу — неважно какую. В музее же как раз имелась вакансия: им требовался человек для ухода за тридцатилетним самцом морской коровы по кличке Пышка. У Кэрол не было опыта работы с морскими млекопитающими, но, так или иначе, место ей предложили. Кэрол и не подозревала, что с этого момента ее жизнь изменится окончательно и бесповоротно.

На эволюционном древе Пышка занимал место где-то между Монстром из Черной лагуны и мастером Йодой. Когда Кэрол нас познакомила, Пышка уцепился за край бассейна передними лапами, выставил голову из воды на полметра и испытующе посмотрел мне прямо в глаза. Мозг у ламантина меньше футбольного мяча, однако выглядел Пышка невероятно мудрым. Мне даже стало как-то не по себе. Что до Кэрол, то она была просто влюблена в Пышку.

Двадцать лет кряду вся жизнь Кэрол крутилась вокруг Пышки. Она приходила к нему каждый день, даже в выходные. Важную роль в их дружбе играла еда. Морские коровы травоядны, и Кэрол кормила своего питомца с руки — два центнера листовых овощей, в основном салата-латука, ежедневно.

Впрочем, жизнь с престарелой морской коровой имеет свои трудности. Пышка обожал Кэрол ничуть не меньше, чем она его. Когда Кэрол с мужем уезжали на недельку-другую в отпуск, Пышка впадал в уныние и отказывался от еды. Снова и снова получала Кэрол известие о том, что Пышка устроил голодную забастовку, снова и снова торопливо возвращалась домой и бежала пичкать морскую корову горами кочанного салата.

В конце концов Кэрол перестала ездить в отпуск, и муж заявил, что она как-то неправильно расставляет приоритеты, если предпочитает полтонны жира и мышц родному супругу.

Можно ли кормить удавов котятами

Занимаясь исследованиями в области психологии, я двадцать лет изучал взаимоотношения человека и животных и обнаружил, что причудливые логические построения, продемонстрированные Джудит, Джимом и Кэрл, являются не исключением, а скорее правилом, когда речь заходит о животных. Всерьез же я задумался о том, насколько мы непоследовательны в отношении с другими видами, одним солнечным сентябрьским утром, когда мне позвонила знакомая по имени Сэнди. В то время я изучал поведение животных, а Сэнди преподавала у нас в университете и была активной защитницей прав животных.

«Хел, мне сказали, что ты берешь из джексоновского приюта котят и скармливаешь их своей змее. Это правда?»

Я онемел от изумления.

«Э-э-э... ты вообще о чем? У нас есть змея, но еще совсем маленькая. Да она котенка и не проглотит! И вообще, я люблю кошек, так что, даже будь змея взрослой, я бы ни за что не позволил ей есть котят!»

Сэнди рассыпалась в извинениях. По ее словам, она догадывалась, что это все выдумки, но должна была убедиться лично. Я сказал ей, что все понимаю, но буду очень благодарен, если она объяснит своим приятелям — защитникам животных, что я не обездоливаю общество, похищая у него бродячих котов в угоду удаву своего сына.

Однако потом я задумался о моральной стороне содержания плотоядного питомца. Наш удавчик появился в доме случайно. Летом меня пригласили в университет штата Теннесси, где я занялся изучением развития механизмов защитного поведения у рептилий. И вот однажды, когда я работал с животными в лаборатории, раздался телефонный звонок. Звонивший был совершенно обескуражен — проснувшись утром, он обнаружил, что ночью его семифутовый удав разродился четырьмя с

лишним десятками маленьких извивающихся удавчиков. Удивление хозяина и его жены понять нетрудно: новоявленная мамаша хоть и прожила целых восемь лет в одной клетке с самцом-удавом, эротического интереса к нему никогда не проявляла.

Хозяин удава слышал, что я занимаюсь поведением змей, и потому стал расспрашивать меня о том, как вырастить удавчиков здоровыми и где взять им хороших хозяев. С вопросами о выращивании малышей я перенаправил его к специалисту по рептилиям, которого когда-то знал в ветеринарном колледже, а сам согласился взять одного из змеенышей себе. Тем же вечером мы с моим одиннадцатилетним сыном Адамом отправились к хозяевам удава, где перед нами вывалили кучу шевелящихся червяков. Адам выбрал себе самого симпатичного удавчика и окрестил его Сэмом.

Сэм был очень удобным домашним животным. Он не царапал мебель, не будил по ночам соседей, не требовал, чтобы с ним играли. По натуре он был существом кротким, и только однажды попытался слопать большой палец Адама. Но тут уж Адам был сам виноват. Незачем было сначала играть с хомячком приятеля, а потом тут же брать на руки Сэма. Мозг у удава не больше таблетки аспирина, так что человеческую руку от грызуна он отличить не в состоянии. Пахнет мясом — ну и...

Весть о том, что семья Херцог кормит удавов котятами, пронеслась по округе несколько недель спустя, когда мы вернулись домой, в западные горы Северной Каролины. Понятия не имею, откуда пошли эти слухи, но само по себе обвинение было смехотворным.

Конечно, удав не побрезгует никаким мелким млекопитающим, но в Сэме-то и полуметра не было — он и мышку бы не смог проглотить!

Однако у меня возникли вопросы, терзавшие меня еще не один день. Обвинение заставило меня задуматься о том, что мне и в голову никогда не приходило: о моральном аспекте содержания домашних животных. Змеи не едят морковь и капусту. Так этично ли будет со

стороны моего сына содержать питомца, которому постоянно требуется мясо? Может быть, с точки зрения морали следует предпочесть питомца, которому хватает мяса из кошачьих консервов? И каковы должны быть обстоятельства, чтобы кормление домашнего удава котятами стало этичным поступком?

Женщина, ставшая источником слуха о несчастных котятах, держала у себя нескольких кошек, которых отпускала бродить по лесу у своего дома. Как и многие кошатники, она привычно закрывала глаза на тот факт, что все члены семейства кошачьих, от льва до домашней мурки, плотоядны и питаются мясом. Каждый день все коты Америки вместе взятые съедают целую гору мяса. В ближайшем супермаркете полки отдела «Корм для животных» ломятся от стограммовых баночек с телятиной, бараниной, курятиной, кониной, индюшатиной и рыбой. Реклама утверждает, что «свежее мясо» содержится даже в сухом кошачьем корме. Учитывая, что в Америке 94 миллиона кошек, цифра выходит впечатляющая. Если даже каждый кот съедает в день всего пятьдесят — шестьдесят граммов мяса, то на круг выходит более пяти миллионов килограммов мяса — или три миллиона цыплят — в день.

Плюс к этому коты, в отличие от змей, убивают ради удовольствия. Ученые установили, что жертвой охотничьих инстинктов наших кошек ежегодно становится один миллиард мелких животных. Интересно, что многих кошатниковов вовсе не волнует опустошение, которое их питомцы производят в окружающей среде. Одной группе канзасских котовладельцев сообщили о результатах исследований и о том, как пагубно сказывается поведение их питомцев на местной популяции певчих птиц. Затем слушателей спросили, намерены ли они теперь держать своих питомцев взаперти. Три четверти респондентов сказали — нет, не намерены. Жестокая ирония: многие владельцы котов любят кормить у себя на заднем дворе птичек, тем самым обрекая сотни тысяч злополучных соловьев и пересмешников на верную гибель в когтях своих домашних любимцев. Можно предположить, что

число мохнатых и пернатых существ, ежегодно приносимых в жертву нашей любви к кошкам, минимум вдесятеро превышает число животных, используемых для проведения биомедицинских экспериментов.

Итак, домашняя кошка — это великая разрушительная сила. А с домашними змеями как? Во-первых, их значительно меньше. Кроме того, змеи едят неизмеримо меньше мяса, чем кошки. Как утверждает Гарри Грин, герпетолог из университета Корнелла, изучающий пищевой рацион тропических змей, взрослый удав, живущий в тропических лесах Коста-Рики, съедает в год около полудюжины крыс. Это означает, что средних размеров удаву для хорошего самочувствия достаточно неполных двух килограммов мяса в год. Коту требуется куда больше. Съедая по пятьдесят граммов мяса в день, средний кот за год потребит в пищу около двадцати килограммов. Если судить объективно, то любимец-кот с точки зрения морали оказывается вдесятеро хуже домашней змеи.

Кроме того, каждый год в приютах США усыпляют около двух миллионов бездомных котов, среди которых немало и котят. В настоящее время мертвых животных принято кремировать. Ну так не лучше ли было бы отдавать их трупы любителям змей? В конце концов, эти коты так и так уже умерли, так пусть они спасут десяток-другой мышей и крыс, которым предназначено стать пищей домашних удавов и ужей Америки. И волки сыты, и овцы целы, так ведь?

Ой. Логика завела меня в такие дебри, что теперь скармливание удаву мертвых котят казалось уже не только допустимым, но и более предпочтительным вариантом, нежели кормежка змеи мелкими грызунами. Однако, хотя разум мой и признал, что между крысиной и кошачьей диетой особой разницы нет, сердце не могло с этим согласиться. Мысль о котятах, ставших едой для змей, шокировала меня, и я так и не собрался навестить кошачий приют с кошелкой для трупиков.

Наши парадоксальные питомцы

Случай с удавом заставил меня задуматься и о других сложностях морального плана, связанных с взаимоотношениями людей и животных, свидетелем которых я был. К примеру, в магистратуре был у меня приятель по имени Рон Нейбор, изучавший процесс восстановления мозга после травмы. К сожалению, наилучшими объектами для изучения интересовавших его нейронных механизмов были кошки. Рон применял обычную для неврологии технику: хирургически разрушал определенные части мозга животного, а затем наблюдал, как на протяжении недель и месяцев испытываемые восстанавливались после операции. Беда была в том, что Рон полюбил своих кошек. Он изучал их целый год, и за это время привязался к двум дюжинам обитателей своей лаборатории. По выходным он специально приезжал, чтобы выпустить котов из клеток и поиграть с ними в проходе. Кошки стали его друзьями.

Правила проведения эксперимента требуют, чтобы исследователь подтвердил расположение очагов неврологического поражения у животных экспериментальной группы. Для этого необходимо исследовать ткани их мозга. На определенном этапе проверки производится жуткая процедура, по-научному именуемая перфузией. Животному вводят смертельную дозу анестетика, затем закачивают ему в вены формалин, чтобы мозг отвердел, и отделяют голову от тела. С помощью плоскогубцев исследователь по кусочку удаляет череп животного и извлекает нетронутый мозг, с которого затем делаются срезы для исследования под микроскопом.

На проведение перфузии для всех кошек Рону потребовалось несколько недель. Он стал другим человеком. Некогда веселый и добродушный, он весь ушел в себя, замкнулся, выглядел подавленным. Нескольких магистрантов из его лаборатории эта перемена встревожила настолько, что они вызвались сами

произвести процедуру над кошками. Рон отказался, не желая перекладывать на других моральный груз своей исследовательской работы. В те недели, что Рон «приносил в жертву» своих кошек, он сделался необычайно молчалив. Необходимость убить их сильно на него подействовала. Порой глаза у него были подозрительно красными, а стоило нам войти в зал, как Рон усердно начинал изучать пол у себя под ногами.

Такие же моральные парадоксы связаны и с лучшими друзьями человека — собаками. Примером тому может послужить мой сосед Сэмми Хенсли, фермер, живший чуть дальше по дороге на Шугар-крик в Барнардсвилле, штат Северная Каролина. У Сэмми имелось две страсти: собаки и охота на енотов. На енотов он охотился не ради спортивного интереса; эта охота была частью его жизни. Добытых енотов он не ел. Он свежевал их и приколачивал шкуры к стене сарая, чтобы соседи могли оценить его успехи в охотничий сезон. (Именно помогая ему свежевать енота, я узнал, что у енотов, как и у большинства млекопитающих, в пенисе есть кость; а вот человек в этом смысле исключение.) Однажды я заявил ему, что он развешивает эти шкуры лишь для того, чтобы расстроить мою жену, Мэри Джин, у которой когда-то был ручной енот и которая вообще любит енотов. Конечно, ни о чем таком он и не думал. Просто в горах Северной Каролины так принято, и все тут.

Свою свору Сэмми делил на две части — домашнюю и охотничью, — и жизнь они вели абсолютно разную. Охотничьих собак у него обычно было четыре-пять: пара опытных гончих и один-два щенка, еще только постигавших эту науку. Мне ужасно нравились названия пород: загонщики-уокеры, гончие-плоттхаунды, крапчато-голубые кунхаунды, редбоны... Это были длинноногие псы с низкими голосами, апатичными взглядами, грязными шкурами и характерным для гончих резким запахом. Обычно они выглядели сонными, потому что большую часть времени проводили, лежа в грязи у своих будок, к которым были прикованы восьмифутовыми цепями. Однако с наступлением охотничьего сезона они

преображались и всей сворой носились по ночам сквозь заросли рододендронов, оглушительно лая и нюхая землю. Лай их был слышен по всей округе.

Сэмми любил своих гончих. Он различал их по голосам, по тембру лая мог сказать, загнали ли они на дерево енота или нашли след опоссума (это плохо). Он волновался, когда собаки терялись и не возвращались домой поутру. Но все же это были рабочие собаки, а не домашние любимцы. Если пес не мог больше охотиться, Сэмми продавал его или менял на нового.

Но были у Сэмми и его жены Бетти Сью и другие собаки — домашние. Если гончих никогда не пускали в дом, домашние собаки — мелкие песики вроде бостон-терьеров — чувствовали себя его полноправными жильцами. В отличие от гончих они были членами семьи. Их ласкали, с ними играли, им позволяли клянуть еду за обедом. Как-то раз, когда Сэмми косил сено на крутом участке косогора, его трактор перевернулся, и Сэмми погиб. Вскоре после его смерти Бетти Сью избавилась от гончих, а вот живший у них тогда терьер помог хозяйке пережить трагедию и больше чем кто-либо другой поддерживал ее в то время. Поистине, гончие и домашние псы четы Хенсли жили так, словно принадлежали к двум разным видам.

Большинство принадлежащих американцам собак не выполняют никакой работы и являются просто компаньонами своих хозяев, однако отношение к ним бывает таким же запутанным, как отношение Сэмми к охотничьим и домашним псам. Более половины владельцев собак считают своих питомцев членами семьи. В отчете Американской ассоциации ветеринарных клиник сообщается, что 40 % опрошенных женщин считают: собака дарит им больше любви, чем муж или дети. Однако у собаководения есть и другая, темная сторона. Каждый десятый взрослый американец боится собак, а кроме того, собаки являются вторым по частоте источником шума по ночам и порождают массу конфликтов между соседями. (Так, моему приятелю Россу пришлось продать дом и переехать только потому, что лающие соседские собаки

превратили его жизнь в сущий ад.) Каждый год четыре с половиной миллиона американцев бывают укушены собакой, а более двух десятков человек, большинство из которых дети, погибают от собачьих клыков.

С точки зрения собаки, взаимоотношения человека с его питомцем тоже нельзя назвать безоблачными. Каждый год в приютах для бродячих животных усыпляют два-три миллиона никому не нужных псов. В попытке вывести идеального питомца мы породили кошмарные генетические коктейли в собачьей шкуре. Взять хотя бы английского бульдога — породу, которую специалист по поведению собак Джеймс Серпелл называет «тридцать три несчастья». У бульдогов такие крупные головы, что девяносто процентов щенков могут появиться на свет только с помощью кесарева сечения. Из-за деформаций морды и носовых ходов им тяжело дышать даже во сне. Бульдоги страдают болезнями суставов, хроническими заболеваниями челюстей, глухотой и целым спектром дерматологических заболеваний, причиной которых является морщинистая кожа. И это еще не все — вдобавок английские бульдоги легко перегреваются, склонны пускать слюни, сопеть, пукать и падать замертво от остановки сердца.

Впрочем, в Корее собакам приходится еще хуже — там щенок может быть как домашним питомцем, так и строчкой в меню. Собаки мясных пород обычно имеют короткую шерсть, крупные размеры, сильно смахивают на бродячую собаку из диснеевского «Старого горлопана» и выращиваются в кошмарных условиях, а в конце концов умерщвляются, как правило, электрическим разрядом.

Мы склонны не обращать внимания на такую противоречивость, но меня как психолога она прямо-таки завораживает.

От поведения животных к поведению их владельцев

Я поймал себя на том, что в течение нескольких недель после появления слуха о скормленных удаву котятках больше думал о парадоксах в наших отношениях с животными, чем о своих исследованиях в области поведения животных. С точки зрения общепринятых стандартов мои исследования были весьма успешны. Я опубликовал несколько статей в солидных журналах, получил свою долю грантов и не раз делал доклады на всевозможных научных мероприятиях. Однако я все отчетливее понимал, что вокруг предостаточно умных молодых ученых, исследующих такие темы, как использование голосовых сигналов хлопковыми хомяками, применение воронами орудий труда и оригинальное репродуктивное поведение пятнистой гиены (самки гиены рожают щенков через пенис). И наоборот, мало кто из исследователей пытается разобраться в запутанных связях человека с представителями других видов. Это была нетронутая целина, где я мог начать работу с самых азов и, возможно, сделать свой вклад в науку. Через год я закрыл свою лабораторию, где изучал животных, и целиком отдался изучению психологии взаимоотношений человека и животных.

Переключившись с изучения животных на изучение их владельцев, я стал уделять много внимания людям, которые любят животных, однако при взаимодействии с ними сталкиваются с трудностями морального характера — это и студент-ветеринар, который едва сдерживает слезы, усыпляя щенка; и активный борец за права животных, который не может найти себе девушку, потому что даже простой обед в компании с ним становится мукой; и дюжий цирковой дрессировщик, отдавший всю жизнь медведям-гигантам, которых он возит по стране, обрекая на вечное катание на велосипеде; и седой любитель петушиных боев, который сияет от гордости,

когда я хочу сфотографировать его любимого семикратного чемпиона, сплошь покрытого боевыми шрамами.

Я посещал митинги в защиту прав животных, службы в церквях змеепоклонников и подпольные петушиные бои. Я брал интервью у ухаживавших за животными лаборантов, у солидных профессиональных хендлеров и куда менее солидных цирковых дрессировщиков. Я наблюдал за тем, как студенты впервые в жизни препарируют эмбрион свиньи, и помогал фермерам и их рабочим резать скот. Я проанализировал обширный интернет-диалог между медиками-исследователями и защитниками прав животных — и те и другие пытались прийти к согласию, но им это так и не удалось. Мои студенты изучали женщин-охотниц, спасателей собак, бывших вегетарианцев и владельцев ручных крыс. Мы опросили тысячи людей, узнав об их отношении к родео, к промышленным методам ведения сельского хозяйства и к использованию животных в научных исследованиях. Стремясь разобраться в современных культурных мифах, связанных с животными, мы даже перелопатили несколько сот номеров желтых бульварных газетенки. (Первоначально наша статья, посвященная газетным историям о животных, называлась «Женщина родила девятерых крольчат», однако редактор журнала, получив рукопись, счел заголовок недостаточно научным и потребовал его изменить.)

Как и у большинства людей, моральные обязательства перед животными вызывают у меня внутренний конфликт. Философ Страчан Доннелли называет эту темную область этики «беспокойной серединой». Обитатели беспокойной середины живут в очень сложном мире. Я ем мясо — но меньше, чем раньше, и в рот не беру телятину. Я протестую против того, чтобы кто-то проверял на животных токсичность чистящего средства для плиты или теней для век, однако в поисках лекарства от рака готов пожертвовать легионом мышей. И хотя я не могу не признать убедительными умозаключения мыслителей, ратующих за освобождение животных, я также верю в то,

что значительно более выраженная способность к языку символов, культура и способность мыслить этическими категориями ставят человека на иную ступень морали, отделяя его от животных. Мы, обитатели беспокойной середины, видим мир в оттенках серого, в то время как для поборников прав животных и их наиболее громогласных оппонентов мир состоит лишь из черного и белого цветов. Кто-то обвиняет нас в нерешительности и пассивности. Однако я лично убежден в том, что обитатели беспокойной середины появились на свет не случайно, ибо моральные дилеммы — неизбежный удел существа, наделенного большим мозгом и большим сердцем. Есть мораль — есть дилемма.

Я написал эту книгу для всех, кого интересуют взаимоотношения людей и животных. Будучи исследователем, я, как правило, пишу для специалистов, которые по долгу службы вынуждены читать жаргонную заумь, от которой читателя тут же тянет в сон. Однако я убежден в том, что ученый обязан поддерживать связь с обществом, с людьми, которые не знают разницы между дисперсионным и факториальным анализом, однако хотят быть в курсе результатов современных исследований и жарких споров, которые ведутся в научном мире. Нелегкая задача автора состоит в том, чтобы увлекательно рассказать читателям о последних достижениях науки, ничего при этом не упрощая и честно признаваясь в своем неведении, буде таковое обнаружится.

Многие затронутые в книге темы неоднозначны. Так, исследователи до сих пор спорят о том, чувствует ли собака себя виноватой, когда наложит кучку на ковер посреди гостиной; действительно ли дети, которые мучают животных, вырастают жестокими; какова роль мясоедения в эволюции человека как вида. Общество горячо интересуется самыми разными проблемами, связанными с животными, — например, следует ли запретить содержание питбулей или допустимо ли вести поиски лекарства от рака, если оно будет оплачено гибелью миллионов мышей в год. Порой споры на эти темы вызывают высокий накал страстей, а их участники

защищают свою позицию с почти религиозным фанатизмом. (По этой причине имена некоторых из опрошенных мною людей были изменены.)

В большинстве случаев я стремился подходить ко всем вопросам как можно более объективно. Безусловно, разумные и исполненные добрых намерений представители как одной, так и другой стороны порой будут со мной несогласны. И это правильно. На этот случай я привожу в примечаниях обширный список выдержек из исследований, а также список рекомендованной литературы. Если вы захотите лучше разобраться в том, как домашние животные влияют на здоровье хозяев, или побольше узнать о деятельности движений в защиту прав животных, я дам вам ссылки на соответствующие материалы. Моя задача заключается не в том, чтобы заставить вас по-другому относиться к животным, а в том, чтобы побудить вас глубже задуматься о психологической и моральной стороне одной из самых важных сторон нашей жизни: наших отношений с существами, не принадлежащими к роду человеческому.

Однажды вечером 1986 года я стоял в холле шикарного бостонского отеля и беседовал с Эндрю Роуэном, директором Центра государственной политики в отношении животных университета Тафтса. Мы приехали на одну из первых международных конференций, посвященных взаимоотношениям людей и животных, и обсуждали парадоксы, которые так часто обнаруживаются в нашем отношении к животным. Например, почему в одних странах собака получает еду с обеденного стола хозяев, а в других — сама попадает к ним на стол? Как вышло, что у истоков реализации наиболее прогрессивного законодательства о защите животных стоял Адольф Гитлер? Почему 60 % людей одновременно убеждены в том, что животное имеет право на жизнь, и в том, что человек имеет право это животное съесть? Как мы можем уравновесить этический аспект выращивания свиней на огромных производственных фермах и удовольствие, которое мы получаем, поедая великолепно приготовленную свиную тушенку? Эндрю посмотрел на

меня и сказал: «Закономерность здесь только одна, и заключается она в том, что никакой закономерности в отношении к животным у людей нет».

Объяснению этого парадокса и посвящена моя книга.

1

Антрозоология Новая наука о взаимоотношениях человека и животных

Есть немало причин тому, что мы неспособны изучить свои взаимоотношения с другими животными... Большинство этих причин сводится к двум равно непривлекательным свойствам человеческой природы: гордыне и невежеству.

Клифтон Флинн

Тридцатиминутный путь из аэропорта Канзас-Сити до гостиницы, где проходила конференция, оказался гораздо интереснее, чем все три часа перелета из Северной Каролины. Я ехал на ежегодную встречу Антрозоологического общества. Моей попутчицей оказалась женщина по имени Лейла Эспозито, социальный психолог, недавно закончившая работу над кандидатской диссертацией, посвященной агрессии в школьной среде. Я очень удивился и спросил, зачем же она едет на конференцию, где будут обсуждаться отношения человека с животными. Лейла ответила, что она сотрудничает с Национальным институтом детского здравоохранения и развития человека — руководит одной из его программ, — а на конференцию приехала затем, чтобы рассказать исследователям о новой федеральной программе, финансирующей исследование влияния животных на человеческое здоровье и благосостояние. Спонсорами программы выступают институт и корпорация «Марс», та самая, что производит «сникерсы» для меня и кошачьи консервы Tempting Tune Treats для

моей кошки. Институт особенно интересуется воздействием, которое оказывают домашние животные на детей. Возможно ли эффективно лечить аутизм с помощью домашних питомцев? Действительно ли дети, имеющие собаку, больше играют и реже страдают детским ожирением? Какую роль в нашей привязанности к домашним животным играет окситоцин (так называемый «гормон любви»)? Можно ли утверждать, что дети, выросшие в семьях, где есть домашние животные, менее подвержены астме?

«И сколько же вы готовы на это выложить?» — спросил я. «Два миллиона долларов в год», — ответила Лейла. «Отлично! Именно это нам и нужно», — сказал я. А сам подумал, что в следующие пару дней у Лейлы не будет отбоя от собеседников.

Наши отношения с животными — кого это волнует?

Два миллиона долларов в год — сушая безделица по сравнению с теми шестью миллиардами, которые Национальный институт детского здравоохранения ежегодно выкладывает на исследования рака, однако для антрозоологии, области малоизвестной, это будет настоящий дар небес. Антрозоологи — народ разношерстный. Они изучают практически все аспекты нашего взаимодействия с представителями других видов. Так, на конференции в Канзас-Сити мы говорили о том, как уход за питомцами, страдающими хроническими заболеваниями, влияет на качество жизни их хозяев; повышает ли домашнее животное вероятность выживания после инфаркта; на какие признаки опирается ребенок, когда решает, опасна или нет незнакомая собака; как различается поведение котов и кошек в зависимости от пола (кастрированные коты привязаны к людям больше, чем стерилизованные кошки); и наконец, существует ли у других видов животных понятие морали.

Животные играют огромную роль в самых разных областях человеческой жизни, однако до недавних пор ученые не занимались изучением наших отношений с представителями других биологических видов. Взять хотя бы мою область — психологию. Психологи не одну сотню лет корпели над изучением таких поведенческих процессов, как мотивация, восприятие и память, но не уделяли никакого внимания таким важным аспектам повседневной жизни, как пища, религия, способы проведения досуга. В ту же копилку попали и наши отношения с животными, особенно с домашними — это часть повседневной жизни, которая не оставляет равнодушным никого, кроме психологов.

Одна из причин, по которым ученые не пускались в изучение взаимодействия человека и животных, заключается в том, что многие специалисты считали эту

тему тривиальной. Такое отношение в корне неверно. Понимать, какие психологические механизмы управляют нашим поведением и отношением к другим видам, важно, и вот почему. Домашних животных имеют в среднем два американца из трех, причем многие люди устанавливают со своими питомцами глубокую связь. Кроме того, наши убеждения относительно того, как необходимо обращаться с представителями других видов, не остаются неизменными — многие люди не могут решить, допустимо ли использование животных в биомедицинских исследованиях или их убийство ради вкусного мяса. Споры о том, какое отношение к животным является этичным, стали настолько острой социальной проблемой, что представители ФБР даже назвали радикальных активистов за права животных «самой крупной внутренней террористической угрозой Америки». И наконец, люди просто равнодушны к антропологическим исследованиям. Когда я говорю, что изучаю взаимодействие человека и животных, большинство людей тут же начинает рассказывать мне о своих чокнутых собаках, или о том, почему они не едят мяса, или о своей тетушке Салли, которая держит свору плоттхаундов и охотится с ними на медведей.

О чем думают антрозоологи

Антрозоология не признает границ между науками. В наших рядах вы можете встретить психологов, ветеринаров, специалистов по поведению животных, историков, социологов и антропологов. Как и в других областях, среди антрозоологов не всегда царит единодушие. Мы по-разному относимся к некоторым скользким этическим вопросам, связанным с отношениями человека и животных. Даже название нашей дисциплины нравится не всем. (Некоторые предпочитают называть ее изучением взаимодействия человека и животных.) И все же, несмотря на различия, исследователи отношений человека и животных имеют между собой много общего. Все мы убеждены в том, что взаимодействие с представителями других видов является важной частью человеческой жизни, и надеемся, что наши исследования могут улучшить жизнь животных.

По сравнению с другими науками антрозоология выглядит очень скромно, однако за последние двадцать лет она прошла большой путь. У нас есть несколько журналов, в которых печатаются отчеты об исследованиях в области взаимодействия человека и животных, а Международное общество антрозоологии проводит ежегодные конференции, на которых специалисты рассказывают о своих последних открытиях и спорят о том, можно ли похудеть, гуляя с собакой, или о том, каким образом кошка стала домашним животным. Курс по взаимодействию человека и животных читается более чем в ста пятидесяти американских колледжах, университетах, а такие заведения, как университет Пенсильвании, Пурдью и университет Миссури, создали у себя научно-исследовательские антрозоологические центры.

Чтобы было лучше понятно, чем занимаются антрозоологи, приведем несколько примеров горячих тем из новой науки о взаимодействии человека и животных. Насколько эффективны дельфины в лечении людей? Как

мы выбираем себе питомца? Какова связь между жестоким обращением с животными в детстве и криминальными наклонностями во взрослом возрасте?

Какой врач выйдет из дельфина?

Один из наиболее спорных вопросов в антрозоологии таков: может ли взаимодействие с животными облегчить страдания человека? Лечение при помощи животных (антрозоологи называют его ААТ — animal assisted therapy) существует уже не первое десятилетие. Термин «терапия питомцами» был создан в 1964 году Борисом Левинсоном, детским психиатром, который обнаружил, что порой дети, с которыми ему было особенно трудно работать, полностью раскрывались при игре с собакой врача, которую звали Джинглз. Обитатели дома для престарелых, где живет моя матушка (ей девяносто два года), очень радуются, когда несколько раз в неделю к ним приводят специальных собак. Я сам обнаружил, что для решения своих мелких проблем мне бывает полезно пожаловаться на жизнь нашей кошке Тилли. (Тилли — очень любящий и суровый психотерапевт. Стоит мне начать ныть, как она фыркает и уходит прочь. Наверное, мне бы лучше подошел ленивый золотистый ретривер с печальными глазами — эдакая собачья версия доктора Мелфи, терапевта Тони Сопрано.)

Однако можно ли с уверенностью утверждать, что верховая езда, игры с собачкой или поглаживание кошки излечивают депрессию или помогают развитию коммуникативных навыков у детей с аутизмом? Дженелл Майнер и Брэд Лундал из университета Юты проанализировали результаты сорока девяти опубликованных исследований, посвященных ААТ-работе с детьми, подростками, взрослыми и пожилыми людьми, проводившейся в самых разных условиях, от медицинских учреждений до домов престарелых. Исследователи обнаружили, что наиболее часто в ААТ используются собаки и что эта методика чаще применяется при лечении психических, нежели физических заболеваний. В большинстве (но не во всех) исследованиях общение с животным-врачом действительно принесло больному пользу. В среднем же полученные изменения были

сравнимы с теми, которые могли бы быть получены, если бы пациенты принимали прозак или аналогичные препараты.

А вот дельфинотерапия вызывает куда больше споров, нежели ААТ с привлечением собак или лошадей. В конце концов, используемые в ходе лечения дельфины — это дикие животные, которых удерживают в неволе против их желания. Кроме того, многие утверждения о целительной пользе общения с дельфинами явно преувеличены: дельфины-де излечивают синдром Дауна, СПИД, хронические позвоночные боли, эпилепсию, церебральный паралич, аутизм, нарушения обучаемости и глухоту, а также уменьшают размеры опухолей. Утверждается, что происходит это за счет биоэнергетических полей, высокочастотного пощелкивания и урчащих звуков, с помощью которых дельфины общаются между собой, и даже за счет их способности напрямую влиять на волновую активность человеческого мозга.

Красиво звучит — дельфинотерапия! Знай плавай да поправляйся. Но все-таки прежде, чем на пару недель занырнуть в бассейн к дельфинам, стоит поинтересоваться, какова научная подоплека всех этих утверждений. В большинстве своем они основаны на слухах, непроверенных утверждениях или же стали результатами неадекватных экспериментов, проводившихся весьма пристрастными исследователями. Дельфинотерапия особенно привлекает отчаявшихся родителей, которые готовы заплатить любые деньги, лишь бы исцелить своего ребенка от аутизма или синдрома Дауна. Они пополняют собой более сотни терапевтических дельфиньих программ, проводящихся на островах Флорида-Кис, на Бали, в Великобритании и России, на Багамах, в Австралии, Израиле и Дубай, — приезжают и надеются, что дельфины с их загадочными, как у Моны Лизы, улыбками с помощью неизвестной науке силы сотворят чудо. Между тем дельфинотерапия — занятие не из дешевых. Две недели в Научно-исследовательском центре дельфинотерапии Куракао

(Нидерландские. Антильские острова) обойдутся вам в 7 тысяч долларов — то есть примерно по 700 баксов за каждый проведенный в воде час. Не выброшенные ли это деньги? Свершится ли чудо?

Природа нелегко расстается со своими секретами. Чтобы проникнуть в них, ученым приходится трудиться в поте лица. Исследователь, как и любой другой человек, может ошибаться, особенно если имеет личную заинтересованность в деле. Именно поэтому в магистратуре студентам читают специальные курсы по методам исследования и статистике: чтобы остаться честным, нужно изучить все секреты мастерства. Мы не скупимся на такие слова, как «внутренняя и внешняя валидность», «плацебо-контроль», «случайное распределение», «слепые и дважды слепые испытания» и «корреляция не есть случайность». Не буду утомлять вас подробностями, скажу лишь, что эти приемы и инструменты снижают число случаев, когда испытатель непреднамеренно подыгрывает сам себе.

Хорошие ученые стремятся не упускать и альтернативных объяснений, даже если те разносят вдребезги наши идеи, касающиеся домашних животных. В 1924 годы менеджеры фабрики в Хоторне неподалеку от Чикаго пригласили группу психологов, чтобы те выяснили, как надо изменить условия работы, дабы добиться максимального повышения продуктивности гурда. Психологи стали планомерно вносить разнообразные мелкие изменения. Поначалу они велели сделать поярче освещение в цехах, затем внесли небольшие изменения в систему оплаты, похимичили с расписанием смен и с длительностью перерывов. Исследователи обнаружили, что практически каждое вносимое ими изменение сопровождалось кратковременным повышением эффективности работы, даже если само изменение сводилось лишь к отмене предыдущей инициативы. Из этого был сделан вывод, что повышение продуктивности труда рабочих было связано не с улучшением освещения, лучшей оплатой или более

длинными перерывами — причиной временных улучшений стало нарушение привычной рутины.

А не может ли быть так, что прогресс у пациентов, проходящих дельфинотерапию, объясняется тем самым эффектом фабрики «Хоторн» и является всего лишь следствием переживания нового опыта. Подумайте сами. Мало того что вы проводите время едва ли не с самыми очаровательными существами на Земле, так еще и едете в какое-то прекрасное место, плаваете в тропических морях и какое-то время живете в среде, где все вокруг поддерживают вас и ожидают только успехов.

Как же отделить истинный эффект взаимодействия с дельфинами от всего прочего, что может произойти с человеком за две недели жизни рядом с этими существами? К счастью, существуют методы, которые позволяют отличить реальный результат дельфинотерапии от результатов, порождаемых неосознанными убеждениями и искажающих весь эксперимент.

Чтобы решить непредвзято, основывается ли эффект дельфинотерапии на чем-то большем, нежели приятное времяпрепровождение, мы используем подход а-ля отчет для потребителей. К примеру, что на самом деле показали исследования, в ходе которых изучалось воздействие издаваемых дельфинами звуков на сверхвысоких частотах на детей-инвалидов? Группа немецких ученых тщательно наблюдала за занятиями, в ходе которых группа детей-инвалидов и умственно отсталых проходила дельфинотерапию на островах Флорида-Кис. Было обнаружено, что большинство дельфинов не обращало внимания на детей и практически не издавало ультразвуковых сигналов. По сути, во время каждого занятия на долю детей приходилось в среднем десять секунд ультразвукового дельфиньего «разговора», то есть совершенно незначительное и не дающее эффекта воздействие. Исследователи пришли к выводу, что дети извлекли бы больше пользы из игр с собаками.

А как же якобы имеющаяся у дельфинов способность исцелять людей положительными флюидами,

чудодейственной улыбкой и загадочными электрическими полями? Была проведена тщательная проверка, в которой приняли участие несколько исследователей. Среди них были Лори Марино и Скотт Лилиенфилд из университета Эмори. Лори обожает животных. По субботам она занимается тем, что пристраивает бездомных кошек. Однако сердце ее принадлежит дельфинам. Поначалу Лори, тогда еще студентку магистратуры кафедры нейробиологии, привлекло необычное строение их мозга. На настоящий момент она изучает дельфинов уже почти двадцать лет и стала первым ученым, доказавшим, что дельфины способны узнавать себя в зеркале (это ставит их на одну ступень с людьми, приматами, слонами и сороками). Что касается Скотта, то он психолог-клиницист, построивший свою карьеру на потрясении всего самого святого, что есть в психологии, — например, в свое время он выяснял, действительно ли пятна Роршаха могут многое сказать о вашей личности (нет, не могут).

Благодаря имевшемуся у Лори опыту работы с дельфинами и умению Скотта продираться сквозь психологическую заумь эти двое ученых составили отличную команду, взявшуюся проверить, действительно ли дельфинотерапия оказывает реальное влияние на больные тела и души. Лори и Скотт тщательно оценили методы, с помощью которых производились различные исследования, авторы которых затем заявляли в печати, что дельфинотерапия эффективно излечивает такие заболевания, как депрессия, дерматит, умственная отсталость, аутизм и тревожность. Они обнаружили, что в каждом случае имелись методологические ошибки: слишком малая выборка, отсутствие объективных критериев улучшения состояния, неверно подобранные контрольные группы, неспособность отделить воздействие собственно терапии от влияния положительных эмоций, связанных с новыми занятиями в приятной обстановке, а также конфликт интересов исследователей.

Лори и Скотт пришли к выводу, что шумно разрекламированная способность дельфинов исцелять различные заболевания не имеет под собой научных

доказательств. По их мнению, это лженаука. Более того, Лори и Скотту недостаточно было разоблачить дельфинотерапию и повесить на нее ярлык суеверия от науки; они хотят добиться запрета на эту деятельность. Они называют дельфинотерапию «опасной модой». По поводу моды я с ними согласен, но при чем тут опасность? Если у вас есть деньги, почему бы не купить детишкам пару недель радости и не отправить их плескаться рядом с Флиппером? Это совершенно безопасно.

Нет, не безопасно, утверждает Лори. Она отмечает, что эта «терапия» представляет опасность как для людей, так и для животных. Дельфины могут проявлять агрессию даже по отношению к детям, которых вроде бы должны лечить. В ходе проведенных недавно исследований выяснилось, что половина из четырех с лишним сотен людей, профессионально работавших с морскими млекопитающими, получили различные травмы, а участников программ дельфинотерапии животные били, кусали и даже налетали на них с разгону (последнее привело к перелому ребра и травме легкого). «Терапевт» может наградить вас даже кожным заболеванием.

Кроме того, возникают скользкие вопросы этического плана. Психологи-клиницисты самостоятельно принимают решение о занятиях психотерапией. Дельфинов же никто не спрашивает. В США для терапии используются дельфины, рожденные в неволе, в то время как в других странах для этих целей ловят диких дельфинов, причем иногда устраивают на них крупные облавы. По словам Лори, для того, чтобы один дельфин попал в Гуантанамо, где находится аквариум для китовых и где этот дельфин весь остаток жизни будет плавать кругами в бассейне, семеро других должны умереть.

Имеем ли мы право помещать в неволю умных животных, которые ведут сложную общественную жизнь и имеют изощренную систему коммуникации, и делать из них терапевтов для наших маленьких аутистов? Имей дельфины особую целительную силу, эту практику еще можно было бы оправдать. Но тогда уж будьте добры дать железные доказательства того, что дельфины могут

вернуть замкнутого в себе ребенка-аутиста в мир людей, или что за пару часов игр с дельфинами у девочки с синдромом Дауна IQ вырастет на пятнадцать пунктов, или что дельфиньи электрические поля избавят депрессирующего мужчину средних лет от его хвори. Но таких доказательств нет.

Дельфинотерапия — это никем не управляемая область, работы в которой не сертифицированы и не одобрены ни одной из солидных психологических или медицинских организаций. В 2007 году Общество охраны китов и дельфинов совместно с благотворительной британской программой по исследованию аутизма потребовали запретить программы дельфинотерапии. К ним присоединилась даже основательница дельфинотерапии Бетси Смит. В 1970-х годах, занимаясь антропологией в Международном университете Флориды, она стала сводить умственно отсталых детишек с дельфинами. Поначалу результаты вроде бы были неплохие, и Бетси Смит быстро превратилась в ярую сторонницу дельфинотерапии. Но все это было и прошло. В письме, опубликованном Фондом морских млекопитающих Арубы, доктор Смит пишет, что «целью всех программ, включающих в себя отлов животных, является получение прибыли». Вот так-то.

По свидетельству моих друзей, испытавших это на себе, плавать вместе с дельфинами весело. Но морские млекопитающие — не чудотворцы. Неделя дельфинотерапии не распрямит вам спину, не исцелит больной мозг и не предотвратит следующий эпилептический припадок. Поберегите лучше деньги — и дельфинов тоже.

Мы похожи на своих собак!

Когда я говорю кому-нибудь, что изучаю взаимоотношения людей и животных, то часто слышу: «О, да вам непременно надо поговорить с моей знакомой, мисс Такой-то! Она обожает своего песика/котика/кролика!» Когда моя сестра сказала, что мне следует поговорить с Паулеттой Джекобсон, я воспользовался предложением. Паулетта живет на острове Бейнбридж близ Сиэтла и держит собачку породы шитцу по имени Мисс Бетт Дэвис (сокращенно Мисси). Мисси попала к ней после того, как собачку отобрали у хозяина, который совершенно о ней не заботился. Сейчас Мисси живет в холе и неге — питается домашними котлетками, катается на лодке по заливу Пьюджет-Саунд и одевается как записная модница. Паулетта обожает одевать Мисси. У собачки есть плащик, свитерки, солнечные очки и очки для подводного плавания. Иногда Паулетта с Мисси одеваются как близнецы и катаются вдоль береговой линии Бейнбриджа на мотоцикле. Выглядят они презабавно, прохожие то и дело машут им и останавливаются сфотографировать. На острове вот-вот откроется бутик одежды для животных, и Паулетта ждет не дожидается того момента, когда сможет познакомиться с новыми фасонами собачьих нарядов. Паулетта обожает Мисси. «В ней есть все, чего я только могла хотеть от собаки». Но Мисси для Паулетты — не просто друг. «Мисси — мое второе „я“. Мне нравится думать о ней как о модном аксессуаре».

Известная своей популярностью Николь Ричи тоже весьма буквально поняла слова о том, что домашнее животное — это часть ее самой, и, когда наращивала волосы, выбрала цвет, который получался, если приложить ее волосы к шерсти ее собачки по кличке Симпапуля. Доморощенные психологи прочно утвердились во мнении, что люди похожи на своих питомцев — эдакая психологическая база, подводимая под традиционную позицию. Ну, вы же знаете все эти стереотипы — brutальные байкеры с тюремными татуировками заводят

питбулей, а гламурные длинноногие модели прогуливаются по Парк-авеню с парой поджарых афганских борзых на поводке. Но так ли это на самом деле? Можно ли всерьез утверждать, что мы похожи на своих собак?

Психолог университета Британской Колумбии, специалист по собакам Стенли Корен счел, что это утверждение не так уж неправдоподобно. В конце концов, социальные психологи выяснили, что в романтических отношениях человека влечет к партнеру равной с ним степени привлекательности. Ну так почему бы не выбирать по тому же принципу питомца? Корен предположил, что если люди и впрямь привязываются к походящим на себя животным, тогда женщины с короткими, не закрывающими уши стрижками должны предпочитать собак с ушами торчком — хаски, басенджи и пр., — а женщины с длинными волосами — выбирать вислоухих питомцев вроде биглей или спрингеров.

Чтобы проверить свою гипотезу, Корен попросил женщин, носивших самые разные прически, посмотреть изображения собак четырех пород, различавшихся в основном формой ушей, и расставить эти изображения по степени их привлекательности. Все было так, как он и предполагал, — Корен обнаружил, что женщины с длинными волосами предпочли спрингеров и биглей, женщины с короткими стрижками — басенджи и хаски. Кроме того, женщины с короткими стрижками утверждали, что остроухие породы более дружелюбны, верны и умны. Корен решил, что людям нравятся определенные черты внешнего вида — как в себе, так и в собаках, которых они любят.

Что ж, это интересно. Но все-таки Корен так и не выяснил, действительно ли люди похожи на своих собак. Выяснением этого вопроса занялись не так давно психологи Майкл Рой и Николас Кристенфилд. Читая своим детям книжки на ночь, Кристенфилд отметил, что на картинках владельцы собак часто похожи на своих питомцев. Ему стало интересно, так ли это бывает на самом деле. И если да, то почему?

Исследователи предложили две возможные причины сходства людей с их собаками: сближение и выбор. Теория сближения сводилась к тому, что хозяин и собака становятся все более похожи друг на друга со временем. На первый взгляд — дурацкая идея. Однако же есть факты, свидетельствующие о том, что люди, долгое время состоящие в браке, становятся похожи друг на друга внешне. Кроме того, подмечено, что у людей с излишним весом собаки тоже страдают ожирением. Если теория сближения верна, решили исследователи, то должна существовать зависимость между тем, как долго человек живет со своей собакой, и тем, насколько похожи хозяин и питомец. Теория же выбора гласила, что мы неосознанно выбираем питомцев, которые похожи на нас самих. Рой и Кристенфилд предсказали, что если эта теория окажется верна, то обладатели чистопородных собак будут демонстрировать большее сходство с питомцами, нежели владельцы дворняг. Причина заключается в том, что, выбирая беспородного щенка, мы едва ли можем угадать, каким он будет, когда вырастет.

Чтобы проверить свои догадки, Рой и Кристенфилд стали бродить по паркам, где выгуливают собак, и фотографировать псов и их владельцев. Затем исследователи составили из фотографий группы, включавшие в себя три фотографии: хозяина, его собаки и совершенно постороннего пса. После этого студентам колледжа предложили определить, какая из собак принадлежит тому или иному человеку. В отсутствие закономерности студенты выбрали бы правильное решение примерно в 50 % случаев. Однако, если бы собаки действительно походили на своих владельцев, результаты должны были бы быть куда выше. Исследователи решили, что теория выбора объясняет причины сходства хозяина и собаки лучше, чем теория сближения, и предсказали, что совпадения будут наблюдаться только в случае с чистопородными собаками и что не будет обнаружено никакой связи между степенью сходства хозяина и его пса и тем, как долго они живут вместе.

Исследователи оказались правы по всем статьям. Работая с изображениями чистопородных собак, студенты верно указывали их владельцев в двух случаях из трех. Этот показатель значительно превышал результат, который был бы получен при выборе решения методом случайного тыка. Однако, как и предсказывала теория выбора, студенты не сумели определить хозяев беспородных собак. И наконец, в полном соответствии с теорией выбора, не было обнаружено никаких доказательств того, что человек и собака тем более похожи, чем дольше они живут вместе.

Я скептик, как и большинство ученых. Впервые ознакомившись со статьей Роя и Кристенфилда, я усомнился в прочитанном. Однако позже мне пришлось в это поверить. Исследования, проведенные после этого в Венесуэле, Японии и Англии, показали, что люди правильно указывают на владельца собаки чаще, чем если бы они просто гадали. Нет, не все мы похожи на своих питомцев, однако же научные исследования говорят, что это случается куда чаще, чем можно было бы ожидать. Что ж — можете проверить сами.

Собачник и и кошатники — психологические антиподы!

Мои друзья, Филлис и Билл, живут в смешанном браке. Она кошатница; он — нет. Филлис держит котов со времен колледжа, причем обычно у нее одновременно живут два-три котика. Однажды я прожил у нее в доме месяц кряду, и каждый день скармливал одному ее сумасшедшему коту по кличке Крис две таблетки: одну от эпилепсии, а другую от депрессии. Это всякий раз выливалось в отчаянную схватку, причем победа оставалась за мной далеко не всегда. А в последние годы Филлис выбрасывает целое состояние на ветеринаров, которые штопают ее серую кошку Кусаку после того, как она в очередной раз ввяжется в драку с помоечным котом или енотом.

Почему Филлис так любит кошек? Она говорит, что в них чудесно сочетаются потребность в любви и независимость — кстати, эти же качества она ценит и в муже. А вот собаки, по ее мнению, подхалимы, да и только.

Что касается Билла, то он не особо любит животных, да и никогда не любил. В доме его родителей не было ни собак, ни кошек, да и сам Билл ни капли не мечтал о питомце. Но когда он женился на Филлис, ему пришлось жить в доме полном кошек. Со временем его отношение к кошкам жены сменилось с безразличного на терпимое. Он соглашается с тем, что да, приятно бывает лежать по вечерам перед телевизором и держать на животе кота. Но он не кормит кошек, а будучи в отъезде, никогда не осведомляется по телефону об их здоровье, если звонит жене. Билл говорит, что, не будь он женат, прекрасно обошелся бы без домашних животных.

Филлис работает психотерапевтом. Она хороший психотерапевт. Решив положиться на ее опыт, я спросил, не наблюдала ли она различий между любителями кошек и любителями собак. Ответ меня очень удивил — нет,

сказала Филлис, привязанность к тем или иным животным никак не связана с личностными характеристиками человека и возникает случайно. Просто у вас на заднем дворе вдруг появляется смешной котенок, или вы растете в семье, где держат собак, или вам нужен помощник, который покончил бы с расплодившимися в подвале мышами.

Я почти уверен, что про себя вы сразу сможете сказать, кошатник вы или собачник. Скорее всего, собачник. Дело в том, что, когда я задавал этот вопрос разным людям, почти все они сразу же относили себя к той или иной группе. А согласно опросу, проведенному Gallup, семьдесят процентов американцев считают себя собачниками. Парадоксальная, кстати, картина — ведь домашних кошек в Америке больше, чем собак. (Мы с Мэри Джин, например, собачники, хоть и держим кошку.)

Так можно ли утверждать, что кошатники и собачники имеют разный тип личности, или же это очередное массовое убеждение, на поверку оказывающееся заблуждением?

Этим вопросом занялся Сэм Гослинг, психолог университета Техаса, изучающий индивидуальные различия между людьми и животными. Проведенные им исследования человеческой личности (о которых он писал в потрясающей книге «Взгляд любопытного: Что расскажут о вас ваши вещи») показали, что некоторые наши предпочтения говорят от определенных личностных качествах, в то время как некоторые другие предпочтения не говорят ни о чем. К примеру, Гослинг может многое сказать о вас исходя из того, какую музыку вы закачиваете на свой айпод, как часто делаете уборку в спальне и сколько плакатов с воодушевляющими лозунгами висит на стене у вас в офисе. А вот содержимое холодильника не скажет ему о вас ровным счетом ничего.

Однако прежде чем мы начнем выяснять, в чем отличие кошатников от собачников, следует сделать краткий экскурс в психологию личности. Психологи спорят о природе личности уже добрую сотню лет. Так,

они никак не могут решить, сколько же у человека личностных характеристик. Всеобщего согласия по этому вопросу нет, однако большинство психологов считает, что можно вполне достоверно описать личность, пользуясь пятью базовыми личностными характеристиками. (Техника эта называется пятифакторной моделью; сами психологи обычно зовут ее просто «Большой пятеркой».)

В Большую пятерку входят следующие личностные характеристики:

- Открытость новому — закрытость
- Расчетливость — импульсивность
- Экстраверсия — интроверсия
- Независимость — приспособляемое
- Эмоциональная нестабильность — эмоциональная стабильность

Вместе с Энтони Подберсеком, антропологом Кембриджского университета, Сэм задумался над тем, отличаются ли люди, которые держат домашних животных, от тех, у кого домашних животных нет. Ученые перерыли гору научной литературы, отыскивали результаты десятков исследований по сравнению этих двух групп и получили весьма противоречивые результаты. Стоило им обнаружить исследование, доказавшее, что владельцы домашних животных более экстравертны, более эмоционально стабильны или менее независимы, чем те, кто не держит домашних животных, как тут же обнаруживалось другое исследование, в ходе которого никаких различий между этими группами не было обнаружено вовсе. Ученые пришли к выводу, что нет никаких данных, свидетельствующих о том, что базовые личностные характеристики владельцев животных отличаются от базовых характеристик прочих людей.

Но можно ли сказать то же самое, сравнивая собачников и кошачников? Сэм поддерживает онлайн-вариант личностного опросника Большой пятерки и за последние десять лет получил ответы от нескольких

десятков тысяч людей. (Вы и сами можете принять участие в этом исследовании, если пройдете по адресу www.outofservice.com/bigfive.) В 2009 году он временно ввел в опросник один дополнительный вопрос, предложив участникам указать, считают ли они себя собачниками, кошатниками, или и тем и другим, или ни тем ни другим. За последующую неделю тест прошли 2088 собачников и 527 кошатников.

Каковы же были результаты теста?

- Собачники более экстравертны.
- Собачники более приспособляемы.
- Собачники более расчетливы.
- Кошатники менее эмоционально стабильны.
- Кошатники меньше открыты новому.

Что ж, тут кухонные психологи оказались правы — между собачниками и кошатниками разница есть, да и основные различия вы вполне могли бы предсказать заранее. Но в науке всегда есть свои нюансы — и в данном случае нюанс заключался в том, что различия личностных показателей у собачников и кошатников оказались сравнительно невелики. (Единственным исключением стал показатель экстравертности — там различия достигали среднего уровня.) Вывод прост: когда вы называете себя собачником или кошатником, вы позволяете узнать кое-что о вашей личности — меньше, чем узнал бы исследователь из содержимого вашего айпода, но больше, чем сказала бы ему содержимое вашего холодильника.

Если ребенок обижает животных — он вырастет жестоким человеком?

В последний свой визит на Манхэттен я провел полдня в Метрополитен-музее, разглядывая картины, изображавшие взаимоотношения людей и животных. Картин таких я увидел немало, но больше всего меня поразил холст итальянского художника шестнадцатого века Аннибала Карраччи. Картина называлась «Дети, дразнящие кота». На картине были изображены двое милых детей и кот. Мальчик придерживал кота левой рукой, а в правой у него был рак. Мальчик дразнил рака, побуждая его вцепиться массивной клешней в кошачье ухо. От ангельских улыбок, свидетельствовавших о том, что игра детям очень нравится, у меня мороз пробежал по коже. О, вопиющая жестокость! Что это — простая детская забава или свидетельство скрытой патологии психики, которая однажды прорвется наружу еще более страшным насилием?

Бессмысленная жестокость по отношению к представителям других биологических видов очень наглядно показывает связь нашего отношения к животным с другими, более обширными вопросами психологии. К примеру, что лежит в основе жестокого обращения с животными — личностные свойства или влияние среды? Некоторые ученые убеждены, что корни жестокости кроются в истории человека как вида и особенно тесно связаны с тем фактом, что нашими предками были, по всей видимости, плотоядные обезьяны, которым нравилось разрывать добычу на части. Впрочем, есть и те, кто убежден, что дети от природы добры, а в бессердечном отношении к животным повинна наша культура, в которой есть место охоте и поеданию мяса. Любят поговорить о жестокости и те, кто отслеживает проблемы морального плана, связанные с взаимодействием человека и животных. Вот, например, охотник получает удовольствие от убийства оленя — а чем оно отличается от

удовольствия, которое получает злой ребенок, привязывая жестянку к собачьему хвосту?

Антрополог Маргарет Мид писала, что «одна из самых опасных вещей для ребенка — убить или замучить животное и не понести за это никакой кары». Ее слова звучат эхом темы, всплывающей то тут, то там на протяжении не одной сотни лет. Джон Локк и Иммануил Кант видели прямую связь между жестоким отношением к животным и насилием, направленным на людей. По сути, Кант считал, что мы должны быть добры к животным по одной-единственной причине: потому, что жестокое обращение с животными ведет к насилию над людьми. Некоторые антропологи убеждены, что жестокое обращение ребенка с животными — это первый шаг на пути к превращению в преступника. Впрочем, эту точку зрения разделяют не все.

Одно из первых систематических исследований, рассматривавших связь жестокого обращения с животными и преступности, было проведено психиатром Аланом Фелтхаузом и ведущим исследователем взаимоотношений людей и животных Стивеном Келлертом. Они опросили группу агрессивных преступников, неагрессивных преступников и людей, не совершивших ни одного преступления. Среди преступников с высоким уровнем агрессии было гораздо больше тех, кто неоднократно мучил животных, нежели в других группах. Степень жестокости тоже была иной — агрессивные преступники заживо пекли котов в микроволновках, топили собак и мучили лягушек.

Ознакомившись с этим и аналогичными исследованиями, я сам стал спрашивать своих друзей, обижали ли они в детстве животных. Результат оказался совершенно непредсказуем. Так, мой приятель Фред, строитель по профессии, признался, что в детстве они с товарищами взрывали лягушек петардами. Когда другому моему приятелю, Генри, было пять лет, мама купила ему маленького коричневого щенка с длинными висячими ушками. Однажды Генри — ныне профессор физики — с друзьями решили поиграть и начали бросать щенка друг

другу через штакетник. Щенок то и дело ударялся о штакетины, и спустя несколько дней умер. Генри сказал, что теперь не может вспоминать об этом без слез. А когда я задал Линде вопрос о том, не мучила ли она в детстве животных, она замолчала и стала очень серьезной. Да, призналась она, мучила, но говорить об этом она была не в состоянии. Самым безобидным из всех оказался Иен — он ограничился тем, что жег муравьев с помощью увеличительного стекла.

Я был потрясен, узнав, как много среди моих знакомых людей, обижавших в детстве животных. Однако ни один из них не пошел по кривой дорожке, не стал уголовником, не начал бить жену и не превратился в серийного убийцу. Между прочим, ничего страшного не случилось и с Чарльзом Дарвином, который написал в своей автобиографии, что ребенком «я избил щенка — наверное, просто потому, что наслаждался собственной силой». (Однако дальше Дарвин пишет: «Этот случай тяжелой ношей лег на мою совесть, свидетельством чего может послужить то, что я по сей день точно помню место, где было совершено злодеяние».)

Я и сам не без греха. Ребенком я жил во Флориде, и мы с друзьями любили стрелять из духовых ружей «Дейзи ред райдер», используя в качестве мишеней сухопутных крабов и жаб. Однажды утром я шел куда-то с ружьем и вдруг увидел сидящую на ветке певчую птичку. Я подумал — а стрельну-ка я в нее. Все равно ведь не попаду. Да и что ей мое духовое ружье? Как оказалось, я глубоко заблуждался. Пуфф — и птичка замертво упала на землю. Я был ошарашен. Как велика оказалась разница между уродливым сухопутным крабом и красивой птичкой на дереве! Больше я никогда не стрелял в животных.

Мысль о том, что жестокое обращение с животными в детстве тесно связано с насилием над людьми, так укоренилась в общественном сознании, что появился даже торговый знак «Связь», зарегистрированный Американской ассоциацией гуманизма. Пропагандисты Ассоциации часто начинают публичные выступления с описания различных трагедий. Начать с серийных убийц:

все они — Альберт Де Сальво (Бостонский душитель), Джеффри Деймер, Ли Бойд Мальво (один из вашингтонских «снайперов») — в детстве обвинялись в жестоком обращении с животными. Все школьные «расстрелы» в таких городах, как Колумбии (Колорадо), Спрингфилд (Орегон), Джонсборо (Арканзас), Перл (Миссисипи), Падука (Кентукки), также совершались мальчиками, в прошлом обижавшими животных.

Впрочем, подобные примеры с историями никогда меня всерьез не убеждали. Если послушать некоторых пропагандистов «Связи», то можно даже поверить, будто животных обижали в прошлом абсолютно все серийные убийцы и школьные «стрелки». Между тем это неправда. Проанализировав 354 дела о серийных убийствах, исследователи обнаружили, что почти 80 % убийц никогда не обращались жестоко с животными (по крайней мере, данные об этом отсутствуют). Связь же школьных убийств с жестоким обращением с животными еще более сомнительна. В 2004 году спецслужбы США совместно с Департаментом образования провели тщательное исследование психологического профиля виновников тридцати семи школьных «расстрелов». Исследователи обнаружили, что только один из пяти «стрелков» мучил животных, и вынесли следующий вердикт: «Лишь малая доля преступников мучила или убивала животных в период, предшествовавший случившемуся». Таким образом, становится очевидно, что некоторые пропагандисты «Связи» переоценивают связь между жестоким обращением с животными в детстве и преступностью во взрослом возрасте. Впрочем, есть свидетельства того, что какая-то связь между этими явлениями все же существует. Не удастся только пока определить, насколько сильна эта связь и почему она возникает.

Есть несколько причин, по которым можно решить, будто жестокое обращение с животными в детстве приводит к дальнейшему развитию склонности к насилию. Первую из этих гипотез я зову «Гипотезой плохих задатков». Известно, что ко времени поступления в

начальную школу некоторые дети уже успевают стать обманщиками, жуликами, ворами и агрессорами. Психиатры называют такое поведение кондуктивным расстройством. В 1960-х годах считалось, что для таких детей наиболее характерны три вещи: поджоги, энурез и жестокое обращение с животными. И хотя на самом деле эти три фактора связаны вовсе не так тесно, как тогда казалось, Американская психиатрическая ассоциация все еще включает жестокое обращение с животными в список диагностических критериев при определении кондуктивных расстройств. Согласно гипотезе плохих задатков, жестокость по отношению к животным является не причиной дальнейших преступлений, а признаком серьезных проблем у детей, многие из которых во взрослом возрасте будут демонстрировать различные психопатии.

Более популярная в «Связи» версия называется гипотезой постепенного роста насилия. Сводится она к тому, что, отрывая крылышки бабочке или избивая собаку, ребенок делает первый шаг по пути, который когда-нибудь может привести его за решетку. Прекрасным выражением этой идеи служит название популярной книги Линды Мерц-Перес и Кэтлин Хайд: «Жестокое обращение с животными: путь к насилию над людьми». Одним из следствий этой гипотезы является использование фактов мучения животных для диагностики и выявления потенциальных серийных убийц и школьных «стрелков» прежде, чем их склонность к насилию успеет возрасти многократно.

Так что же, вопрос закрыт? Можно смело утверждать, что жестокое обращение с животными в детстве — верный путь к насилию во взрослом возрасте? Не обязательно. Группа исследователей под руководством Арнольда Арлюка, социолога Северо-восточного университета, предложила необычный способ проверки гипотезы постепенного роста насилия. Исследователи сравнили досье преступников, некогда мучивших животных, с данными по группе законопослушных горожан из той же местности. Если теория роста насилия

верна, рассуждали исследователи, тогда мучители животных должны продемонстрировать склонность к действительно жестоким преступлениям, а не к таким заурядным правонарушениям, как торговля наркотиками или угон автомашин.

Результаты исследования свидетельствовали отнюдь не в пользу гипотезы постепенного роста насилия. Да, мучители животных действительно были не подарком для общества. Жить с ними по соседству было сущим наказанием, они совершали гораздо больше преступлений, чем законопослушные граждане из второй группы. Но вот особых пристрастий по части преступлений у них не обнаружилось. Мучитель с равной вероятностью мог быть осужден как за насильственное преступление, так и за ненасильственное, вроде кражи со взломом или торговли наркотиками.

Есть и другие причины, по которым нам следует быть очень осторожными, устанавливая связь между детской жестокостью и насилием во взрослом возрасте. Из базового курса философии (точнее, логики) нам известно, что «если все А являются Б, то это не значит, что все Б являются А». Таким образом, тот факт, что большинство героиновых наркоманов начинали с курения марихуаны, вовсе не значит, что каждый, кто впервые затянулся марихуаной, теперь наверняка превратится в героинщика. Точно так же, даже если каждого школьного «стрелка» и серийного убийцу заставляли в детстве за мучением животных (что вряд ли), мы не можем сделать из этого логический вывод о том, что любой ребенок, обрывающий крылышки бабочке, непременно станет убийцей.

Более того, идея о превращении большинства жестоких детей в преступников не подтверждается цифрами. Эмили Паттерсон-Кейн и Хизер Пайпер проанализировали результаты двух дюжин отчетов об исследованиях, содержащих информацию относительно случаев жестокости в детстве у людей с повышенной склонностью к насилию (серийных убийц, преступников на сексуальной почве, школьных «стрелков», насильников и убийц) и аналогичных случаев у людей, не имевших

криминального прошлого (учащихся колледжей, тинейджеров, нормальных взрослых людей). Было обнаружено, что животных мучили всего 35 % совершивших жестокие преступления, — но среди мужчин в «нормальной» контрольной группе таких было уже 37 %! Аналогичные результаты получила и Сюзанна Гудни Леа, социолог. Она изучила детский опыт 570 юношей и девушек, из которых 15 % мучили животных, и обнаружила, что дети, постоянно ввязывавшиеся в драки, лгавшие, применявшие оружие и устраивавшие пожары, действительно превращались в жестоких взрослых. Что же до жестокости по отношению к животным, с агрессивным поведением во взрослом возрасте она связана не была.

У Арнольда Арлюка есть талант — слушать других. В его присутствии люди чувствуют себя совершенно свободно и рассказывают о таких вещах, о которых не сказали бы никому другому. Наверное, Арлюку хорошо удавалось бы расследование убийств. Так вот, эту свою способность он использовал для того, чтобы понять, что же двигало студентами колледжа, которые в прошлом мучили животных. Найти бывших мучителей было несложно — Арлюк просто спросил своих учеников, есть ли среди них такие люди. Студенты, с которыми он затем поговорил, в детстве травили рыбу хлоркой, обрывали ножки мухам, обливали бензином и поджигали кузнечиков, швырялись живыми лягушками. Очень типичным оказалось замечание одной из опрошенных девушек: «По-моему, нам просто нечего было делать, скучно и все такое, и мы как будто решали — ну, пойдем, что ли, котом помучаем».

Студенты Арлюка — вовсе не исключение из правил. Недавний опрос, проведенный среди студентов колледжа, показал, что две трети студентов-мужчин и более сорока процентов студенток признались, что в детстве они мучили животных. И тогда Арлюк сделал весьма неожиданное заключение. Он считал, что для большинства детей жестокое обращение с животными является нормальным этапом взросления. Он называет это

«стыдным развлечением», запретным плодом наравне с бранными словами и курением. Он считает, что, мучая животных, дети втайне играют в игры, где обретают взрослую власть. Кроме того, во время таких игр возникает связь с товарищами по тайне, с соучастниками преступления. Конечно, случаи мучения животных, о которых рассказали Арлюку его явно нормальные студенты-социологи, были в основном помягче, чем зажаривание котов в микроволновке и швыряние щенков с крыши дома. И в отличие от закоренелых преступников, с которыми работали Фелтхауз и Келлерт, большинство студентов Арлюка сожалели о том, что творили в детстве. Но факт остается фактом — детская жестокость распространена гораздо больше, чем мы привыкли считать.

Итак, щекотливая правда заключается в том, что большинство бессмысленных жестокостей над животными творят не только изначально плохие дети, но и нормальные детишки, которые когда-нибудь станут хорошими гражданами. Сам я считаю, что жестокое обращение с животными заставляет задуматься над одним вопросом — нет, не над тем, почему так жестоки душевнобольные психопаты. Здесь как раз ответ очевиден: эти люди больны умственно, слепы морально или злы. Есть гораздо более интересный вопрос, выходящий за пределы сферы наших отношений с животными: почему совершенно нормальные хорошие люди делают совершенно плохие вещи?

Для некоторых исследователей и для организаций защиты животных связь между жестокостью по отношению к животным и насилием над человеком превратилась в святыню, которую они защищают с поистине миссионерским пылом. Однако все большее число ученых начинает сомневаться в истинности излишне упрощенного подхода, демонстрируемого «Связью». Их беспокоит то, что пропагандисты «Связи» и средства массовой информации способствуют возникновению иррациональной моральной паники в массах. Противники «Связи» не говорят, что мы должны

закрывать глаза на случаи мучения животных. По их мнению, мы должны рассматривать жестокое обращение с животными как проблему потому, что это действительно проблема, а не потому, что дети-мучители обязательно превратятся во взрослых психопатов.

Между собой антрозоологи никак не придут к согласию относительно того, насколько сильна связь между мучением животных и насилием над людьми. Споры в этой области ничуть не уступают спорам в других областях изучения человеческого поведения. Психологи уже не первый год спорят о том, способствует ли уровень насилия в телепередачах росту детской агрессии, подстегивает ли порнография преступления на сексуальной почве, наконец, полезно ли ребенку ходить в садик или нет. Так и с вопросом о жестоком обращении с животными — согласие пока не достигнуто. Слишком уж это серьезный вопрос. Как мы видим из этих примеров, спектр интересов антрозоологии очень широк. Мы исследуем такие вопросы, как личностные различия между собачниками и кошачниками, просто потому, что нам это интересно. С другой стороны, исследование эффективности лечения при помощи животных или изучение связи между жестоким обращением с животными и агрессией у взрослых имеют важное прикладное значение. Есть, однако, и еще одна причина, по которой нам важно и интересно изучать взаимодействие с другими людьми. Дело в том, что, изучая взаимодействие людей с животными, мы можем рассматривать человеческую природу под необычным углом. И в следующей главе я покажу, что прав был французский антрополог Клод Леви-Стросс, написавший: «Хорошо думать с позиции животного».

2

Как важно быть милашкой Почему мы думаем то, что думаем, о существах, которые думают совсем не так, как мы

Проще сопереживать собаке, чем блохе.

Эрик Грин

Перед Джуди Баррет из Гринсборо (Северная Каролина) встала проблема. Джуди и ее муж обожали синешеек, маленьких певчих птичек, и потратили массу денег на то, чтобы привлечь пару этих птиц гнездиться на заднем дворе. Купили даже ящичек-дуплянку с защитой от змей и специальные птичьи ванночки. Джуди держала у себя в холодильнике запас мучных червей, потому что слышала, что это любимое лакомство синешеек. И усилия Барретов принесли плоды. Птицы к ним явились — правда, не совсем те, которых они ожидали. Стоило хозяевам отвернуться, как предназначенный для синешеек домик был оккупирован воробьями, отложившими там пять яиц.

Джуди была в совершенной растерянности. Она написала письмо Рэнди Коэну из *New York Time Magazine* — Коэн ведет в журнале колонку «Этика», в которой очень деликатно разбирает разнообразные моральные проблемы повседневного плана.

Джуди спросила его: этично ли будет выбросить яйца заурядного воробья, чтобы освободить место для пары очаровательных синешеек?

Коэн ответил — нет. «В этике очарование роли не играет».

Чисто логически он был прав. И все же, пусть даже вымирающая порода моральных философов и не признает за очарованием никаких преимуществ, симпатичная внешность играет большую роль в формировании отношения людей к другим видам. К примеру, когда люди решают, сколько они готовы пожертвовать на спасение вымирающих видов, наибольшее влияние на их решение оказывает размер глаз животного. Увы, гигантской китайской саламандре в этом плане не повезло. Это самая крупная и, пожалуй, самая отталкивающая амфибия на Земле — два метра коричневой слизи и глаза-бусинки в придачу. Ее портрета на брошюрах собирающих пожертвования природоохранных организаций вы точно не увидите. Но сравните гигантскую саламандру с другим китайским животным, тоже редким, но куда более симпатичным — с гигантской пандой, глаза у которой за счет черных кругов выглядят просто огромными. Такая это милая зверушка, что ее даже сделали символом Всемирного фонда охраны дикой природы.

На нашей планете живет 65 тысяч видов млекопитающих, птиц, рыб, рептилий и амфибий, однако лишь немногие из них пользуются большой популярностью среди людей. Почему нам нравится гигантская панда и не нравится гигантская саламандра, почему мы любим орлов, а не грифов, синешеек, а не воробьев, ягуаров, а не бурых крыланов (между прочим, принадлежащих к одному из двух видов млекопитающих, самцы которых способны к вскармливанию потомства молоком)? Наше отношение к животному очень часто зависит от его внешних данных — привлекательности, размеров, формы головы, наличия шерсти (приятно) или слизи (неприятно), а также от степени его сходства с человеком. Слишком много или слишком мало ног — незачет. Неприятные привычки (питается фекалиями или пьет кровь) — то же самое. Учитывается и вкус мяса, но он не так важен, как могло бы показаться.

Непоследовательность взглядов, также омрачающая наши отношения с животными, тоже берет свое начало из странностей человеческого мышления. Нам нравится

считать себя существами рациональными. Однако исследования в области когнитивной психологии и бихевиористской экономики показали, что очень часто мы мыслим и ведем себя абсолютно нелогично. Так, в одном эксперименте людей спросили, сколько они согласны пожертвовать на то, чтобы спасти водоплавающих птиц от гибели в загрязненных нефтью водоемах. В среднем участники отвечали, что готовы заплатить 80 долларов за спасение 2 тысячи птиц, 78 долларов за спасение 20 тысяч птиц и 88 долларов за то, чтобы спасти 200 тысяч. Даже животные порой ведут себя куда логичнее — в ходе недавних исследований было доказано, что муравьи, выбирающие место для нового муравейника, демонстрируют более рациональное поведение, чем люди в поисках нового жилья.

Почему же нам так трудно мыслить последовательно, когда речь заходит о животных? А между тем причина всех парадоксов, имеющих отношение к нашему взаимодействию с другими видами живых существ, заключается в том, что наше мышление нередко представляет собой кашу из инстинктивных, усвоенных, языковых, культурных, интуитивных и умственных упрощений.

Биофилия: мы любим животных инстинктивно

В изящной маленькой книжечке, написанной в 1984 году, гарвардский биолог И. О. Вилсон предположил, что наш вид чувствует инстинктивное расположение к миру природы. Он назвал эту черту биофилией и попытался доказать, что она является неотъемлемой частью человеческой природы. Поначалу я отнесся к идее скептически, однако теперь вижу все больше подтверждений правоты Вилсона. Психологи Джуди Делоч и Меган Пикард, занимающиеся вопросами развития, обнаружили, что даже самые маленькие дети предпочитают фильмы о животных фильмам о неодушевленных предметах. Группа эволюционных психологов из университета Калифорнии (Санта-Барбара) продемонстрировали, что человеческие органы зрения специально приспособлены к выделению животных из окружающей среды — эта способность была очень полезна нашим предкам, которым приходилось высматривать вокруг то хищников, то добычу. Эту идею психологи назвал и гипотезой мониторинга движущихся предметов.

Похоже, что некоторые животные нравятся нам инстинктивно. Рассказывая о взаимоотношениях человека и животных, я обычно демонстрирую среди прочих слайды, неизменно вызывающие у аудитории шквал возгласов «ути-пути!» и «какая лапочка!». Это фотографии котят и щенков. Реакция зрителей на эти фотографии служит отражением того элемента человеческой природы, от упоминания которого ученые-бихевиористы начинают биться в корчах: инстинкта. Естественная привязанность ко всем, кто походит на младенца, — к детям, щенкам, утятам и прочему — называется «реакцией опеки». Впервые это определение предложил австрийский этолог Конрад Лоренц. Детеныши животных схожи с человеческими младенцами — они лобастые, с большими

головами, большеглазые, щекастые и неуклюжие. Лоренц назвал эти характеристики триггерами родительского инстинкта, поскольку они мгновенно пробуждают в нас родительское чувство.

Классическим примером того, как легко нами манипулировать с помощью факторов, запускающих родительский инстинкт, является мультфильм «Бэмби». Поначалу Уолт Дисней требовал, чтобы художники-мультипликаторы изобразили олененка как можно точнее. Он велел привезти пару оленят из штата Мэн и заставил своих мультипликаторов побывать на препарировании подгнившего трупики новорожденного олененка. Загвоздка заключалась в том, что на всех набросках Бэмби выходил у художников похожим на настоящего оленя, но в нем не было того очарования, которое могло бы пленить сердца зрителей. В результате олененку решено было придать детские черты. Дисней велел художникам сделать Бэмби мордочку покороче, а голову побольше. Потом были добавлены большие глаза с хорошо видимыми белками. Так Бэмби превратился в некое подобие человеческого младенца.

Еще одним доказательством умения Диснея создавать героев, пробуждающих в нас родительские чувства, стал Микки-Маус. Появился он в 1928 году, поначалу был отнюдь не тем очаровательным трикстером, которого мы знаем, и звался Пароходным Вилли. В течение последующих 50 лет Дисней постепенно менял образ. Чтобы придать Микки доброты и тонкости, его сделали больше похожим на ребенка. Голова у Микки стала размером почти с половину туловища, а уши и черепная коробка выросли почти вдвое. А наша врожденная склонность таять при виде пары больших глазок — влияет ли она на наше восприятие существ другого вида? Конечно влияет. Лучше всего сказал об этом современный гарвардский биолог Стивен Джей Гулд, проследивший за эволюцией образа Микки: «Вкратце говоря, нам застит глаза отклик на собственных детей, и эту реакцию мы переносим на другие живые существа, у которых обнаруживаются характерные для детей признаки».

Влияние очаровательного облика животного на наше к нему отношение можно проиллюстрировать, вспомнив общественное осуждение ежегодного «урожая» детенышей гренландских тюленей с ледовых полей Атлантического побережья Канады. Новорожденные тюлени выглядят точно как надо — белоснежная шубка и большие бездонные глаза. В 1970–1980-х страшные фотографии новорожденных, истекающих кровью под ударами дубинок, прикреплялись к брошюрам и плакатам борцов за запрет на охоту. В 1987 году правительство Канады вроде бы поддалось общественному давлению — так, слегка. Оно запретило убийство детенышей тюленя менее 14 дней от роду — в этом возрасте шерсть у тех начинает темнеть и они уже не так похожи на детей. Кто старше четырнадцати дней — тех пожалуйста. Таким образом, правительство Канады не прекратило охоту на детенышей тюленя; оно прекратило охоту на симпатичных детенышей тюленя.

За трепетное отношение к похожим на младенцев животным приходится расплачиваться. Любовь человека к симпатичным зверушкам породила целые породы собак, в которых взрослая особь навсегда остается размером со щенка. Младенческие мордочки китайских мопсов и французских бульдогов приводят к проблемам с дыханием, а выпученные щенячьи глаза едва-едва помещаются в глазницах. Выводя неотенические породы собак (неотения — это биологический термин, означающий сохранение детских черт у взрослой особи), мы создали эмоционально незрелых животных, подверженных собачьим разновидностям неврозов. А что в результате? Торжество фармацевтики и появление новых разновидностей валиума и прозака для наших депрессивных, тревожных питомцев с обсессивно-компульсивными расстройствами.

Почему мы терпеть не можем змей?

Итак, у нас есть биофилия — любовь к таким существам, как щенки или маленькие тюлени. А есть и биофобия — например, мы боимся змей. В опросе, проведенном Gallup в 2001 году, американцев спросили, от каких вещей их бросает в холодный пот. Четыре из десяти наиболее популярных ответов были связаны с животными, причем первое место в этом списке принадлежало змеям. (Три других распространенных страха касались пауков, мышей и собак.) Да что там, даже легендарный медик-миссионер Альберт Швейцер, считавший, что чтить следует любую жизнь, всегда держал под рукой ружье — стрелять змей.

В самом начале моей исследовательской деятельности мне довелось вживую наблюдать нестыковку между обаянием змей и страхом, который испытывали перед ними люди. Я проводил лето в парке змей во Флориде — записывал урчание, ворчание и рычание аллигаторов. В самом начале туристического сезона парк приглашал на работу студентов, имевших опыт работы с рептилиями, чтобы они исполняли роль экскурсоводов. В конце каждой экскурсии гид надевал пару защитных сапог и спускался в яму, полную крупных гремучих змей и водяных щитомордников — змей, яд которых смертелен для человека.

Кульминацией шоу был трюк с шариком. Экскурсовод надувал шарик, выбирал гремучую змею покрупнее и дразнил ее рогулькой до тех пор, пока змея не приходила в ярость и не изготавливалась к нападению. После этого нужно было взять шарик за один конец и медленно приблизить его противоположной стороной к разозленной змее. Когда шарик оказывался в футе от змеиной морды, гид быстро и резко толкал шарик вперед, прямо в змею. Если все было сделано правильно, змея с силой вонзала зубы в шарик. Бабах! — шарик лопается, туристы

подпрыгивают от неожиданности, а потом аплодируют и даже иногда дают чаевые.

Одному из наших студентов не хватало духу в последний момент швырнуть шарик прямо на полуторадюймовые клыки гремучей змеи. Старые служащие парка вообще не слишком жаловали студентов, а уж этого мальчика и подавно. По утрам, до открытия парка, я вместе с ними ходил к яме смотреть, как парень учится фокусу с шариком. Нарядившись в колом стоявшую на нем рубашку хаки, он с хладнокровным и самоуверенным видом входил в яму, прижимал рогулькой змею, брал ее за голову и сцеживал яд, для чего заставлял змею сунуть зубы в стеклянный стакан и потирал ядовитые железы. Делал он это совершенно спокойно. Но потом подходило время для последнего фокуса — трюка с шариком. Тут у парня начинали дрожать руки. Он надувал шарик, и чем дальше, тем больше трясся. Потом он выбирал себе жертву — техасского гремучника.

Тут все старые сотрудники прямо-таки впились в него глазами. Кто-то начинал квохтать по-цыплячьи (на местном диалекте труса называют «цыпленком»), а кто-то шептал ободряюще: «Ну, давай, давай, ты же можешь, давай!» Тем временем парнишка брал шарик и начинал медленно подносить его к змее. Но гремучие змеи не интересуются тем, что движется медленно. Чтобы змея ударила, предмет должен двигаться быстро. Змею надо раздражить.

Паренек медленно-медленно подносил шарик к морде змеи, в конце концов касался им змеиной морды и заставлял животное откинуться назад и потерять позицию для атаки. Гремучая змея, у которой хватило бы яда на пятерых взрослых мужчин, у него вела себя тише мыши. Да, падким до впечатлений туристам тут смотреть было не на что.

Парнишка уходил из ямы, опустив глаза и чуть не плача от унижения, а работники парка безжалостно гоготали ему вслед. Наконец, на седьмой день своих попыток научиться работать со змеей мальчик не явился

на работу. Больше я его никогда не видел. Вся эта история очень напоминала мне слова апостола Павла о том, что порой дух силен, но плоть слаба. И действительно, на этих утренних уроках в парке змей плоть с ее исконным страхом перед змеями одержала победу над духом.

Если смотреть объективно, страх американцев перед змеями не имеет под собой ровно никаких оснований. Каждый год в США от змеиных укусов погибает не более дюжины человек, причем большинство из них — мужчины с хлещущим через край тестостероном и мозгами ниже пояса. Один такой случай был описан в журнале, *Annals of Emergency Medicine*. В больницу неотложной помощи поступил мужчина сорока одного года от роду, которого змея укусила в язык. Описание случившегося говорит само за себя: «Друг пострадавшего поднес змею к лицу мужчине, в то время как пострадавший передразнивал движения змеиного языка. Внезапно гремучая змея рванулась вперед и нанесла укус в дорсальную поверхность языка. Зубы змеи все еще были погружены в мягкие ткани, когда друг пострадавшего рывком извлек змею изо рта мужчины». Ой-ой-ой... Язык у мужика раздулся, как апельсин, почти перекрыл дыхательное горло, и тот чуть не умер.

Почему же американцы так боятся змей? Ведь куда выше шанс погибнуть от собачьих клыков, чем от укуса змеи. Быть может, офидиофобия — это пережиток ветхозаветных мифов, ну, тех, в которых говорится о змеях, нагих женщинах и яблоках? Или же людей пугает чужеродность безногого существа? Или его фаллическая форма? А может быть, страх перед змеями возник еще во времена наших предков и заставлял их бежать прочь от этих опасных животных?

Споры о том, преобладает ли в страхе перед змеями врожденный или усвоенный компонент, ведутся учеными вот уже двести лет. Психолог из Северо-западного университета Сюзанна Минека утверждает, что у обезьян страх перед змеями появляется в результате опыта. Она обнаружила, что пойманные на воле дикие макаки-резусы змей боятся, в то время как обезьяны, рожденные в неволе,

не испытывают подобного страха. Однако же если лабораторная обезьянка, никогда прежде не сталкивавшаяся со змеями, увидит, как на них реагируют ее дикие собратья, она тут же станет бояться змей сама.

Однако другие исследователи считают, что страх приматов перед змеями имеет более глубокие корни. Этолог Гордон Бургхардт из университета Теннесси и его коллеги из Института приматов в Киото провели эксперимент, в ходе которого японским макакам было предложено взять пищу, лежащую перед клеткой со змеями. Многие макаки продемонстрировали сильнейший ужас перед змеями, хотя прежде никогда с ними не сталкивались. В книге «Плод, дерево, змея: почему мы видим их везде» Линн Исбелл из университета Калифорнии (г. Дэвис) убедительно доказывает, что в ходе эволюции мозг приматов приобрел способность замечать змей вокруг себя. Психологи университета Виргинии Ванесса Ло Бью и Джуди Де Лош (кстати, сама страдающая страхом перед змеями) задались целью проверить, действительно ли у человека имеется встроенный детектор, распознающий змей. Они продемонстрировали взрослым людям серии фотографий живой природы и предлагали отобрать те из них, на которых есть змеи. Как легко можно догадаться, испытуемые отбирали фотографии со змеями куда быстрее, чем фотографии цветов или многоножек. Затем эксперимент повторили, однако в роли испытуемых выступили трех-четырёхлетние дети, никогда прежде не сталкивавшиеся со змеями. Как и взрослые, дети подмечали змей лучше, чем других животных.

Итак, природный фактор играет не последнюю роль в нашем страхе перед змеями. Но это только одна сторона медали. Почти половина американцев не боится змей, а 400 тысяч жителей США держат змей в качестве домашних питомцев. Кроме того, в разных культурах к змеям относятся по-разному. Мой друг Билл пять лет прожил в Танзании, работая егерем. В деревне, где он жил, никто не отличал ядовитых змей от безопасных. Увидев змею, деревенский житель тут же кричал «Ньюка!» — и

все, кто был рядом, неслись к нему на помощь и помогали справиться с гадinou. А вот в Новой Гвинее все обстоит совсем не так. Биолог Джаред Даймонд сообщает, что жители Новой Гвинеи не боятся змей, невзирая на то что треть всех обитающих на острове видов весьма ядовиты. В отличие от танзанийцев гвинейцы прекрасно умеют отличать ядовитых змей от безвредных, причем последних они употребляют в пищу.

Мысль о том, что на наше отношение к животным влияют как гены, так и окружающая среда, полностью соответствует обновленной концепции биофилии, представленной О. И. Вилсоном. Вначале Вилсон считал, что биофилия представляет собой накрепко вбитое инстинктивное стремление человека слиться со всем ярким и прекрасным. Однако несколько лет спустя Вилсон пересмотрел свою концепцию и включил в нее глубинное влияние научения на наши отношения с природой. «Биофилия, — пишет он, — представляет собой не инстинкт как таковой, а комплекс выученных правил, которые могут быть вычленены и проанализированы носителем на индивидуальной основе». Ну а задача выявления выученных правил, определяющих наши взаимоотношения с природой, — это уже епархия антрозоологии.

Что в имени тебе моем? Язык и моральное дистанцирование

Наше отношение к животным влияет и на то, какие имена мы им даем и в каких выражениях о них говорим. Выражения, связанные с животными, встречаются в человеческом языке на каждом шагу. Некоторые из них служат похвалой («трудиться как пчела», «память как у слона»), некоторые имеют уничижительное значение («сука»), а некоторые связаны с сексуальной сферой («петух»). Когда мы сравниваем человека с тем или иным животным, мы расписываемся в своей амбивалентной позиции в природе. В одном контексте сравнение с животным является комплиментом, в другом — оскорблением. Психолингвисты спорят о роли языка — отражает ли он наше восприятие реальности или же помогает эту реальность создавать. Я придерживаюсь второго варианта. Взять хотя бы названия, которые мы даем животным, которых едим. Есть такая рыба, клыкач патагонский — она напоминает какое-то древнее существо, имеет зубы-иголки и желтые глаза навывкате, а обитает в глубоких водах у побережья Южной Америки. Существо с таким сложным названием в категорию вкусняшек не вписывалось, пока какой-то предприимчивый импортер из Лос-Анджелеса не окрестил его более произносимым именем: «чилийский сибас».

Слова, которые мы используем, говоря о мясе, помогают нам не думать об этической стороне нашего мясоедства. В самом деле, купить у мясника фунт говядины куда легче, чем фунт коровы. Очевидно, семантическое моральное дистанцирование становится все менее необходимо по мере того, как мы идем вниз по филогенетической шкале, — для курицы, утки или рыбы специальных лингвистических ширмочек у нас нет. А вот в других странах мира люди не пользуются «мясными» эвфемизмами. Так, в немецком языке свинина, говядина и телятина именуется соответственно Schweinefleisch

(плоть свиньи), Rindfleisch (плоть коровы) и Kalbfleisch (плоть теленка). В мандаринском наречии китайского языка говядина называется «нюрю», то есть мясо — «рю» — коровы — «ню»; свинина будет «дзюрю» («мясо свиньи»), а баранина — «янрю» («мясо овцы»).

Силу слова осознают все, кто сражается в войне за права животных, как с той, так и с другой стороны. Описывая охоту на тюленей в Канаде, ответственное за это правительственное агентство использует такие нейтральные слова, как «добыча», «сортировка», «план управления». Противники же охоты приправляют свою речь весьма выразительной лексикой: «бойня», «резня», «зверство». То, что менеджеры по работе с животными именуют «плавательным рефлексом мертвого животного», на язык активистов переводится как «содрать заживо шкуру».

Группа «Люди за этичное обращение с животными» (PETA), борющаяся за права животных, сообщила американцам о том, как страдают животные, которых выращивают на животноводческих фермах, на которых охотятся, которых используют в исследованиях, которые содержатся в цирках и зоопарках. Однако поднять волну возмущения им практически не удалось, поскольку мы ненасытны в своем желании съесть еще суши с тунцом и замучить сорокасантиметровую озерную форель, опрометчиво принявшую мормышку номер четырнадцать за живую муху. Как говорит одна моя знакомая, Кэти, она ни за что не станет есть существо, у которого есть лицо; впрочем, рыба не в счет. А группа PETA избрала новую стратегию: чтобы заставить нас иначе относиться к обладателям плавников вместо шерсти, их решено было переименовать. И слоган новой кампании по борьбе с рыболовством звучит так: «Спасите морских котят!»

Джоан Данейер это понравилось бы. Она написала книгу «Равенство животных: язык и свобода» и считает, что определенная лексика упрощает нам эксплуатацию других видов. Она предлагает изменить ряд названий, например, именовать аквариумы акваторьями, животных в зоопарке — заключенными, а ковбоев — мучителями

коров. Она хочет, чтобы мы называли своих питомцев не иначе как «мой собачий друг» и «мой кошачий друг». Нет, мне, конечно, приятно называть Тилли «моим кошачьим другом», но подозреваю, что мой дантист — у него в приемной стоит аквариум — не захочет говорить, что ему пора сменить воду в «акваторье для моих рыбьих друзей».

Домашние любимцы или объекты исследований? Важные категории

Выбор слов, которыми мы пользуемся, говоря о животных, тесно связан с еще одним фактором, влияющим на наше отношение к ним, — с категориями, на которые мы делим живых существ. К примеру, животным из категории «домашний любимец» мы даем имена, а животным из категории «объект исследований» обычно не даем. Когда я недавно спросил биолога, дает ли он клички своим лабораторным мышам, он посмотрел на меня как на сумасшедшего. И неудивительно. В конце концов, все мыши, которых он изучает, разбирает на части и колет шприцами, выглядят практически одинаково. Ну и стоят ли они того, чтобы давать им имена?

Однако иногда категории животных оказываются очерчены не так четко. Когда я учился в магистратуре, мы давали клички некоторым лабораторным животным — тем, кто жил в лаборатории уже долгое время и стал скорее любимчиком, нежели объектом изучения. Например, у нас был Ползун — коралловый аспид с крайне неприятным характером (возможно, бывшим следствием эксперимента, в котором Ползуну вырезали язык). А любимчиком всей лаборатории был внушительный полутораметровый полоз по кличке Ир. Лаборатория получила его еще младенцем. Ир был существом необычным — у него было две головы и один пенис (у большинства змей голова одна, а пенисов два). Одну голову мы прозвали Инстинкт, а другую Разум. Отсюда и получилась кличка.

Однако перевод животного из категории лабораторных в категорию любимцев может вам дорого обойтись. Одна женщина, ветеринар-исследователь, рассказала мне, что как-то раз «влюбилась с первого взгляда» в щенка бигля, который должен был быть использован в смертельном для собаки эксперименте. Ветеринар отвела в уголок одного из лаборантов и

тихонько велела ему поменять животных местами. Вместо бигля на смерть пошла другая собака. Женщина понимала, что бигль выжил только потому, что на него обратил благосклонное внимание некто, облеченный властью (то есть она сама). Спустя несколько лет она все еще чувствовала вину за то, что обрекла на смерть другую собаку.

Человек начал делить животных на категории очень давно. Исследователи Йельского университета провели эксперимент, в ходе которого показывали детям дошкольного возраста картинки неизвестных им животных (например, сайгаков и панголинов) и предметов (например, лузекс — штуковины для рисования кругов — и гарфлом — приспособления для разглаживания полотенец) и записывали, какого рода вопросы дети задавали об увиденном. Эти вопросы свидетельствовали о глубоко укоренившейся системе категорий, включающей в себя четкое разделение одушевленных и неодушевленных предметов. Увидев панголина, дети спрашивали: «Что он ест?» А увидев гарфлом — «Как оно работает?», «Зачем оно нужно?». О животных подобных вопросов не задал никто.

Существуют и доказательства того, что человеческий мозг склонен думать о животных не так, как о неодушевленных предметах. В своей книге «Имена живой природы: столкновение инстинкта и науки» Кэролд Кейсак Юн описывает ряд интереснейших случаев, в которых фигурировали люди с травмой мозга, сохранившие практически все умственные способности за исключением одной: эти люди больше не узнавали животных и не могли их назвать. Некий Дж. Б. Р., у него был поврежден мозг в связи с энцефалитом, с легкостью называл такие неодушевленные предметы, как фонарики, кошельки и каноэ, но становился в тупик, если ему показывали изображение попугая или собаки. Исследователи также сообщают, что некоторые участки нашего мозга просыпаются при виде изображения животного, однако не реагируют на изображение человеческого лица или на неодушевленные объекты. Более того, те же самые зоны

активизируются, когда слепые от рождения люди слышат названия животных. Остается предположить, что некоторые отделы человеческого мозга в ходе эволюции стали специализироваться на обработке информации о животных.

Домашний жук и домашняя собака: шкала культурная и социологическая

Арнольд Арлюк заметил, что существует огромная разница между зоологической классификацией животных и тем, к каким культурным и психологическим категориям относят этих самых животных неучены. В зоологии существует филогенетическая шкала, отражающая эволюционную историю организма. В повседневной жизни, когда речь заходит о животных, включается то, что Арлюк назвал социозоологической шкалой. Эта порой субъективная система категорий основана на том, какую роль то или иное животное играет в нашей жизни. И вот результат — собака и гиена находятся на одной отметке филогенетической шкалы (отряд плотоядные), однако на социозоологической шкале они оказываются невероятно далеки друг от друга.

Важнейшую роль в построении социозоологической шкалы играет культура. Возьмем, например, насекомых. Как правило, американцы относятся к ним со смесью страха, антипатии и отвращения. А вот в Японии отношение к жучкам-паучкам является куда более сложным. Какой американский ребенок будет прыгать до потолка от радости, получив на день рождения жука-рогача? А японский — будет. В японском языке есть даже слово «муси», понять которое представителю западной цивилизации не так-то просто. Взрослые японцы называют муси насекомых, пауков, саламандр и даже некоторых змей. Головастики для них тоже муси, а взрослая лягушка — уже нет. Маленькие же японцы используют слово муси, когда говорят о насекомых, особенно о поющих сверчках, светлячках, стрекозах и больших жуках с массивными рогами.

Муси принадлежат миру мужчин. Мальчики ловят их, сажают в красивые клеточки и даже соревнуются, чей муси сильнее. В токийских универмагах продают принадлежности для ловли муси, принадлежности для

выращивания муси, террариумы для муси, подушечки для муси и, конечно, самих муси, стоимость которых может доходить до нескольких сот долларов. В качестве популярного развлечения проводятся матчи, на которых владельцы соревнуются, чей жук сможет сдвинуть большую тяжесть, или заставляют жуков драться над кусочком арбуза — эдакое сумо в варианте для насекомых. Увидеть эти схватки можно на YouTube. Для собак и кошек у японцев есть другое слово — «пэтто». Жук-носорог — пэтто или игрушка? Эрик Лорент, антрополог, изучавший муси, утверждает, что с учетом важнейших поведенческих аспектов можно утверждать: насекомые являются домашними животными. Дети играют со своими жуками и получают от этого огромное удовольствие. Многие дети называют своих крупных жуков словом пэтто. Воистину, вредитель в одной культуре — любимчик в другой.

Антрозоолог Джеймс Серпелл разработал простую и элегантную модель культурных различий, влияющих на наше мнение о представителях различных видов. Серпелл считает, что наше отношение к животным сводится к двум основным факторам. Первый из них — эмоциональное отношение к тому или иному виду («эмоции»). Положительный вариант — любовь и симпатия, отрицательный — страх и отвращение. Вторым фактором является «полезность» — может ли данное животное быть полезно человеку или удовлетворять какие-либо его потребности (например, животное годится для еды или возит грузы), либо же оно действует в ущерб нашим интересам (ест нас самих или помидоры у нас в огороде).

Представим себе систему координат. Эмоциональному фактору будет соответствовать вертикальная ось, на самом верху которой будет любовь/симпатия, а в самой нижней точке — отвращение/ужас. Горизонтальная линия будет служить отображением фактора полезности: слева будет область «бесполезно/наносит вред нашим интересам», а справа — «полезно». Теперь у нас есть система категорий о четырех клетках, с помощью которой нам легко разобраться в том, какую

роль животные играют в нашей жизни и к каким категориям мы их относим: «любимые и полезные» (верхний правый квадрат), «любимые и бесполезные» (верхний левый), «отвратительные и полезные» (нижний правый) и «отвратительные и вредные» (нижний левый).

С помощью этой простой системы можно разобраться даже в свойственном различным культурам несхожем отношении к лучшему другу человека — собаке. Собаки-поводыри для слепых и собаки, используемые в терапии, однозначно относятся к категории «любимые и полезные». Типичная собака американца, напротив, хоть и любима, но практически бесполезна в традиционном смысле слова. В Саудовской Аравии собак не любят, и они становятся олицетворением категории «отвратительные и вредные». Самой же интересной категорией, вероятно, является та, к которой относятся животные одновременно отвратительные и полезные. Так, в племени бамбути, обитающем в Итури (Конго), над собаками издеваются, бьют их, безжалостно пинают и не кормят, вынуждая воровать остатки пищи. И все же эти собаки считаются ценным имуществом, поскольку без них бамбути не смогли бы охотиться.

Модель Серпелла позволяет рассматривать и изменение нашего отношения к животным того или иного вида. В статье «Как голуби превратились в крыс» Колин Джеролмак рассмотрел образы голубей в заметках из *New York Times* за последние 150 лет. Он обнаружил, что в сознании ньюйоркцев голуби постепенно перешли из категории «любимых и бесполезных» в категорию «отвратительных и вредных». То же самое произошло и с отношением моего шурина к оленям. Когда он только поселился в новом доме над заливом Пьюджет-саунд, ему очень нравилось смотреть, как олени забегали к нему на задний двор. Бэмби да и только! Однако все изменилось, когда шурина, к вящей радости голодных оленей, решил завести огородик. Теперь шурина оленей ненавидит, а Бэмби в его персональной классификации занимает то же место, что и крысы с гусями (последние гадят на его

газон), то есть относится к категории отвратительных и вредных.

Этика отношения к животным — сердце начинает и выигрывает

Наше отношение к животным служит отражением еще одной неизбывной проблемы человеческой психологии — конфликта между логикой и рассудком.

Третьего сентября 1977 года четырехметровый нильский крокодил по имени Куки проводил праздник Дня труда за любимым занятием всех крокодилов: греясь на солнышке. Куки жил в Серпентариуме Майами — так назывался парк рептилий, в котором обитали столетние черепахи, крупные питоны, с легкостью заглатывавшие козу, а также ящерицы и ядовитые змеи всех разновидностей. Среди прочих посетителей в этот день в парке был шестилетний Дэвид Марк Вессон со своим отцом. Желая посмотреть на крокодила, они протиснулись к яме, где жил Куки, и увидели, что крокодил неподвижно лежит у пруда. Мистер Вессон решил показать сыну, что крокодилы умеют двигаться. Он поставил Дэвида на бетонную стенку, окружавшую яму, и отвернулся в поисках пары ягод дикого винограда, которые можно было бы швырнуть в крокодила. О дальнейшем догадаться нетрудно.

В тот самый миг, когда отец отвернулся, Дэвид упал в яму, на то самое место, где Куки обычно кормился. При желании крупные крокодилы могут двигаться со скоростью молнии. В следующее мгновение Куки схватил мальчика. Услышав крики ужаса, владелец парка Билл Хааст бросился к яме, перепрыгнул через стену и начал молотить Куки кулаками по голове. Увы, отобрать Дэвида у крокодила весом почти в тонну ему не удалось. Куки нырнул в свой пруд, не выпуская зажатое в зубах тело. Труп мальчика удалось извлечь лишь несколько часов спустя.

Хааст был в отчаянии. Той же ночью он спустился в крокодилью яму и всадил в голову Куки девять пуль из своего «люгера». Через час животное умерло.

Когда я впервые услышал о гибели Дэвида и Куки, логика подсказала мне, что казнить животное было бессмысленно. Пусть Куки и весил почти тонну, мозг у него был величиной с мой большой палец. Можно смело утверждать, что крокодил, если воспользоваться философским термином, не «отвечает за свои действия». После гибели Куки жена Хааста сказала: «Крокодил вел себя естественным образом, только и всего». И она была права.

Однако более примитивная часть моего рассудка была согласна с необходимостью кары. Согласился с ней и автор редакционных статей из *New York Times*, назвавший смерть крокодила «эмоционально верным, хотя и абсолютно иррациональным поступком». Правильно ли поступил Хааст, застрелив Куки? Следовало ли нам прислушаться к логике, твердившей, что нельзя наказывать крокодила за то, что он следует своим инстинктам? Или же нужно было внять гласу эмоций, требовавшему возмездия за смерть невинного ребенка?

Споры о том, что лежит в основе человеческой морали, эмоции или рассудок, ведутся не одну сотню лет. Философ восемнадцатого века Дэвид Хьюм считал, что в основе морали лежат эмоции; Иммануил Кант выводил мораль из доводов рассудка. Заинтересовавшись психологией взаимоотношений человека и животных, я решил выяснить, что происходит в человеческом сознании, когда мы рассматриваем вопросы морали, касающиеся других видов. В то время ведущим специалистом по психологии морали считался гарвардский психолог Лоуренс Колберг. Подобно Канту, Колберг считал, что принятие связанных с моралью решений происходит после тщательного обдумывания вопроса: мы взвешиваем все за и против тех или иных действий и затем принимаем логичное решение. Колберг исследовал развитие морального мышления у детей. Он рассказывал им историю, в которой имелась моральная дилемма, а затем предлагал ребенку разрешить ситуацию и объяснить, почему было выбрано то, а не иное решение. Самой известной историей Колберга был рассказ о

бедняке по фамилии Хайнц, который ради спасения своей умиравшей от рака жены украл у жадного аптекаря лекарство, за которое тот запросил чересчур дорого. Колберговы детишки мыслили весьма логично и даже учитывали такие факторы, как вероятность, что Хайнца поймают на краже, и счастье, которое последует за выздоровлением его жены.

Мы с моей студенткой Шелли Гэлвин использовали этот метод, когда исследовали процесс принятия решений относительно использования животных в экспериментах. Мы поступали просто. Предлагали участникам оценить ряд гипотетических предложений о проведении экспериментов с участием животных. Участники должны были одобрить эксперимент или отказать в его проведении и объяснить, какими причинами они при этом руководствовались. В одном примере исследователю, ищущему лекарство против болезни Альцгеймера, требовалось разрешение на имплантацию стволовых клеток обезьяньих эмбрионов в мозг взрослых обезьян. В другом примере ученый намеревался ампутировать переднюю часть конечностей у новорожденных мышат, чтобы изучать роль генов и опыта в развитии сложных двигательных стереотипов. Оба примера были взяты из реальной жизни.

Примерно половина участников разрешила эксперимент на обезьянах, однако ампутацию конечностей у мышей допустила только четверть из опрошенных. Решения эти нас не удивили, однако стоявшие за этими решениями доводы оказались неожиданными. В случае с обезьянами студенты склонялись к рациональному разрешению ситуации. Они исходили из соображений затрат и выгод от эксперимента, а также учитывали имеющиеся у животных права. Но когда речь зашла о мышках, все оказалось иначе. Участники писали: «Отгалкивающий эксперимент!», «Подумайте только, как будет смотреть на вас бедное животное!» или «Отвратительно!». Решая вопрос об ампутации конечностей мышонка, испытуемые руководствовались

отнюдь не логикой, а собственными эмоциями по поводу эксперимента.

Исходя из превалировавшей тогда в психологии теории морального развития, мы предполагали, что наши испытуемые будут принимать решения, исходя из логики. А получилось ровно наоборот — все решали чувства. Это предсказывал еще Джонатан Хайдт, один из лидеров новой школы психологии морали, которая подчеркивает примат сердца над головой в вопросах этики. Подобно многим другим психологам, Хайдт убежден, что познание у человека состоит из двух отдельных процессов. Первый из них интуитивен, сиюминутен, бессознателен, произволен и эмоционален. Второй же, напротив, связан с размышлениями, осознан, логичен и замедлен. Нередко он включается в работу уже после того, как мы приняли быстрое интуитивное решение, — включается и разбирает всю когнитивную путаницу, подбивая базу под наши эмоциональные решения.

Хайдт утверждает, что наши моральные суждения отражают работу этих двух систем и что в вопросах морали обычно доминирует нелогическая интуитивная система. Теорию морали, предложенную Хайдтом, чудесно усвоила Люси, редактор и активист движения за права животных, которой я задал несколько вопросов. Когда речь зашла о том, насколько важную роль играют в ее борьбе за права животных логика и эмоции, Люси сказала: «Начинается всегда с эмоций. Но потом мне очень часто удается найти логическую причину своих эмоциональных реакций. В противном случае я не смогла бы привлекать людей на свою сторону или защищать свою позицию».

Мораль, животные и фу-фактор

Все мы, подобно Люси, обычно можем подвести базу под свои решения из области морали. Но порой шустрая логика нас подводит.

Так, Хайдт предлагал испытуемым рассмотреть ряд ситуаций, которые провоцировали сильнейшее неприятие при том, что никому не наносился реальный вред. В одной ситуации женщина мыла унитаз американским флагом. В другой взрослые брат с сестрой, отправившись на каникулы в Европу, решили один раз переспать друг с другом, для подстраховки используя два разных вида противозачаточных средств. В одной из ситуаций присутствовал домашний любимец: «Прямо перед домом машина задавила принадлежавшую владельцам дома собаку. Те слышали, что собачье мясо имеет приятный вкус, и потому разрезали собаку на куски, приготовили и съели на ужин».

Внимание, вопрос! Можно им было делать шашлык из собственной собачки или нет?

Когда испытуемых спрашивали, допустимо ли использовать в пищу домашнего любимца, большинство быстро отвечали: «Есть собственную собаку нельзя ни в коем случае!» Проблема начиналась, когда требовалось обосновать решение логически — когда людям предлагали объяснить, что именно они видят неправильного в том, чтобы съесть животное, которое уже умерло и не будет испытывать боли. В большинстве случаев опрошенные не смогли привести логичных доводов в поддержку своего решения. Хайдт назвал это моральным шоком. Это и есть фу-фактор. Просто нечто отвратительно само по себе.

Психолог университета Пенсильвании Пол Розин называет отвращение моральной эмоцией. Факторы, вызывающие отвращение, — например, секс с родным братом или сестрой — универсальны. Такие телесные выделения, как фекалии, моча и менструальная кровь, также неприятны людям вне зависимости от контекста.

Интуитивная мораль зависит и от того, к какому социальному классу принадлежит ее носитель. Восемьдесят процентов опрошенных бедняков из Филадельфии сказали, что есть собственную мертвую собаку нельзя, однако это же мнение разделили только 10 % представителей высшего класса филадельфийцев. Хайдт считает, что такая разница связана с тем, что представители высших классов склонны мыслить в рамках моральной системы, особо обращая внимание не на оскорбительность явления, а на то, будет ли кому-либо причинен вред — а в данном случае собака уже мертва, а значит, и вреда никакого. Впрочем, люди зачастую говорят одно, а делают совсем другое. Подозреваю, что даже самый богатый испытуемый никогда не заказал бы сэндвич с филадельфийским сыром, луком, соусом «Чизвиз» и рубленным мясом гончей.

Спасайте людей, и черт с ними, с животными!

Изучая причудливые пути морали в человеческом мышлении, исследователи зачастую просят людей сказать, как бы те повели себя в той или иной гипотетической ситуации. Один из самых распространенных сценариев этого рода называется «сломанная вагонетка». Ниже приведены оригинальные варианты. Как поступили бы вы?

Вариант 1. У вагонетки отказали тормоза, и она несется по путям на пятерых людей. Вы можете спасти их — достаточно лишь повернуть выключатель, и вагонетка поедет по другим путям, на которых стоит всего один человек. Если вы повернете выключатель, этот человек умрет. Допустимо повернуть на другой путь и спасти пятерых человек ценой жизни одного?

Вариант 2. Вагонетка с неисправными тормозами катится на пятерых людей. Вы стоите на пешеходном мосту над путями. Рядом с вами стоит крупный мужчина. Если вы столкнете его под колеса вагонетки, пятеро будут спасены. Допустимо ли это?

Если вы принадлежите к большинству, ваши решения в этих ситуациях будут разными. В первом варианте *до* % опрошенных отвечают «да» — да, едущий в вагонетке должен повернуть выключатель, чтобы вагонетка поехала по другим путям и погиб один человек, а не пятеро. Но во втором варианте только 10 % считают, что столкнуть толстяка на рельсы будет правильно.

Почему люди, как правило, принимают такие разные решения в этих двух ситуациях? В конце-то концов итог тот же: один погибнет, пятеро спасутся. Я предложил обе задачки с вагонеткой одному из самых высокоморальных людей, какие мне только известны, — своей жене. И решение Мэри Джин ничем не отличалось от решения большинства. Однако когда я попросил ее обосновать

сказанное, все свелось к интуиции. Жена сказала, что столкнуть человека с моста — это совсем не то же самое, что повернуть выключатель ради чьего-то спасения. Но почему? Невролог Джошуа Грин проследил за тем, что происходило в мозгу опрашиваемых в момент принятия решения, и обнаружил, что вариант проблемы с непосредственным участием (столкнуть толстяка с моста) задействует те участки мозга, которые работают с эмоциями; вариант же с опосредованным участием (повернуть выключатель) такого отклика не вызывает.

Психолог из университета Калифорнии Риверсайд по имени Льюис Петринович воспользовался задачей о неисправной вагонетке для того, чтобы выяснить, изменятся ли решения морального плана в случае, если интересы человека будут напрямую противопоставлены интересам представителей другого вида. Вот два сценария из тех, которыми пользовался он.

Вариант 3. Вагонетка со сломанными тормозами мчится на пятерых последних в мире горных горилл. Вы можете повернуть выключатель и направить вагонетку на 25-летнего мужчину. Допустимо ли это?

Вариант 4. Вагонетка несется на незнакомого вам человека. Но вы можете повернуть выключатель, и тогда вагонетка задавит вашу собаку. Допустимо ли это?

В обоих случаях Мэри Джин спасла человека, пожертвовав животным, даже когда ей гипотетически пришлось бы убить нашего чудесного лабрадор-ретривера Цали, которого мы тогда держали. То же самое решение принял я. И вы, вероятно, тоже. Петринович обнаружил, что практически все в такой ситуации спасают человека и жертвуют животным. То же самое происходит и в других частях света. По сути, все этические принципы, которые Петринович изучал с помощью самых разных задач с вагонеткой, сводятся к единой мощной моральной установке: *«Спасать следует прежде всего человека»*.

Директор гарвардской лаборатории когнитивной эволюции Марк Хаузер также пользуется гипотетическими сценариями для изучения моральных

аспектов нашего мышления. (Вы можете принять участие в этих исследованиях, пройдя онлайн-тест, посвященный моральным установкам, по адресу <http://moral.wjh.harvard.edu>.) Хаузер привнес кое-что интересное в задачу о выборе между человеком и животным:

Вариант 5. Вы снова прогуливаетесь по мосту над железной дорогой и видите несущуюся по путям вагонетку. На ее пути находятся пять шимпанзе. Рядом с вами на мосту — это гипотетическая задача о морали! — стоит очень крупный шимпанзе. Единственный способ спасти пятерых обезьян заключается в том, чтобы столкнуть под колеса этого здоровяка. Допустимо ли это?

В этом случае большинство опрошенных отвечают — да, нужно пожертвовать одной обезьяной ради спасения пятерых. Но почему же тогда в классическом втором варианте задачи с вагонеткой большинство людей заявило, что недопустимо толкать под колеса одного человека, чтобы спасти пятерых других в совершенно аналогичной ситуации? Логично было бы принять в обеих ситуациях одинаковое решение — ан нет. Когда мы разбираем моральную проблему, касающуюся животных, интуиция подсказывает нам совсем иные решения.

Впрочем, не все согласны с тем, что у нас есть встроенная моральная программа, ставящая интересы человека превыше интересов всех прочих видов. Зоолог из Корнелла Гарри Грин сказал, что однажды выложил 4 тысячи за неотложную ветеринарную помощь для своего желтого лабрадора Райли — «такую собаку встречаешь только раз в жизни». Гарри просто отдал ветеринару свою «Визу» и сказал: «Спасите мне собаку». И не испытал ни тени угрызений совести оттого, что потратил эти деньги на спасение Райли, а не на помощь голодающим детям Африки.

Разумеется, Гарри не единственный человек, готовый платить за спасение жизни своего четвероногого приятеля. Каждый год американцы тратят на своих питомцев деньги, на которые можно было бы дать образование в колледже 350 тысяч нуждающимся школьникам или, если вам так

больше нравится, выплачивать зарплату 80 тысячам патрульным полицейским. Как так получается? В своей неоднозначной книге «Мы и они: чувство идентичности» Дэвид Берреби пишет, что человек от природы склонен делить социальный мир вокруг себя на две категории: «мы» и «они». На протяжении всей человеческой истории животные, не будучи людьми, входили в категорию «они», и отношение к ним было соответствующее. Но те времена давно прошли. В результате массовой миграции из деревень в города менее 2 % американцев живут на фермах, и все мы реже, чем когда-либо, имеем дело с животными и с дикой природой. Забавно, впрочем, — как замечает историк университета Колумбии Ричард Булье, — что чем дальше от нас оказываются животные, дающие нам еду, одежду и кров, тем теснее мы сближаемся со своими домашними питомцами. Мы стали есть больше мяса животных — и стали ощущать больше вины, стыда и отвращения к тому, как мы обращаемся с животными, которых в конце концов съедаем. Иными словами, мы расплачиваемся моральными проблемами за то, что перевели животных из категории «они» в категорию «мы».

Когнитивные ловушки и этика обращения с животными

Даже пытаясь мыслить логически, человек сталкивается с препятствиями. Вот вам два вопроса. Ответьте на них как можно быстрее.

1. Мяч и бита стоят вместе 1 доллар 10 центов. Бита стоит на 1 доллар дороже мяча. Сколько стоит мяч?

2. Какова более вероятная причина вашей гибели — нападение акулы или падение куска обшивки с пролетающего самолета?

Если вы похожи на меня, то в первом случае вы ответили «десять центов», а во втором — «нападение акулы». Однако верные ответы таковы: пять центов и падение детали с самолета. Ошиблись же вы потому, что наше мышление зачастую опирается на быстрые и неточные эмпирические правила, которые когнитивные психологи называют эвристикой. Эвристика — штука эффективная, обычно она позволяет найти верное решение. Я, например, пользуюсь эвристикой утром в субботу, когда сражаюсь с кроссвордом в *New York Times*, а врачи прибегают к ней, когда нужно решить, чем страдает привезенный по скорой больной — несварением желудка или сердечным приступом. Однако подобные упрощения могут отрицательно влиять на процесс мышления и уводить нас с верного пути.

Размышляя о морали, мы также полагаемся на эмпирические правила. Некоторые эвристические ходы были получены в ходе эволюции — так, к ним можно отнести неприятие насекомых и предательства. Склонность к бессмысленной мести является результатом неверного использования того, что специалист по юриспруденции Кесс Санштейн называет «эвристикой наказания». Этим принципом и объясняется тот факт, что я иррационально одобрил убийство крокодила Куки, который съел ребенка.

Один из наиболее важных эвристических приемов именуется фреймингом. В его основе лежит принцип, согласно которому мы размышляем над проблемой в зависимости от того, как она нам преподнесена. У нас в сознании существуют рамки (фреймы), подверженные влиянию культурных норм и запутанных когнитивных привычек, и именно от этих рамок зависит наш взгляд на ту или иную ситуацию. Загнав проблему в рамки, мы уже не рассматриваем альтернативные объяснения или решения. С помощью концепции фрейминга можно объяснить один из самых болезненных парадоксов взаимоотношений человека и животных — нацистское движение в защиту прав животных.

Как у нацистов получалось любить животных и ненавидеть евреев?

В довоенной Германии имела место странная моральная инверсия, благодаря которой огромное количество вполне разумных людей были куда больше озабочены муками лобстеров в берлинских ресторанах, нежели геноцидом. В 1933 году немецкое правительство ввело беспрецедентные по своему охвату законы о защите животных. Помимо прочего, закон запрещал наносить неоправданный вред животным, не допускал бесчеловечного обращения с животными при съемках кинофильмов и исключал использование собак на охоте. Было запрещено купирование хвостов и ушей собак без анестезии, насильственное кормление домашней птицы и жестокое убийство мясных домашних животных. Адольф Гитлер подписал этот закон 24 ноября 1933 года. Это был лишь первый из нацистских законов о защите животных. За ним последовали и другие. Так, в 1936 году немецкое правительство распорядилось анестезировать рыбу перед умерщвлением, а лобстеров в ресторанах было предписано убивать как можно быстрее.

В своем выступлении по радио, посвященном запрету на использование животных при проведении научных исследований, Герман Геринг заявил: «Для нас, немцев, животные — это не просто живые существа в биологическом смысле слова. Это те, кто живет собственной жизнью, кто наделен способностью воспринимать, чувствовать боль и радость, те, кто доказал свою способность сохранять верность и привязанность». Геринг даже пригрозил: «Я отправлю в концлагерь всякого, кто решит, будто может и дальше обращаться с животными как с бездушными вещами».

Гитлер выступал против умерщвления животных в научных целях и считал охоту и скачки «пережитками феодального строя». Он был вегетарианцем и считал, что мясо отвратительно на вкус. Разумеется, современных

активистов движений в защиту животных вовсе не радует перспектива числить Гитлера в единомышленниках, и некоторые даже яростно отрицают то, что он был вегетарианцем и любил животных. Однако антрозоолог Боря Сакс представил тщательно подобранные свидетельства того, что многие нацистские вожди, и Гитлер в том числе, очень серьезно относились к защите животных. (Нет нужды говорить, что любовь Гитлера к животным никак не уменьшает важности дела защиты животных вообще.)

С помощью фрейминга нацисты создали извращенную моральную шкалу на вершине которой находились арийцы, а внизу — ниже большинства животных — «недочеловеки»-евреи. Немецкие овчарки и волки занимали в этой моральной иерархии весьма высокое положение; евреев же нацисты приравнивали к наиболее презренным животным — крысам, паразитам и клопам. В 1942 году евреям запрещено было держать домашних животных. По иронии судьбы, предавая эвтаназию еврейских домашних животных, нацисты действовали в соответствии с юридической процедурой, урегулировавшей уничтожение людей. Однако сами евреи, в отличие от своих котов и собак, не попадали под немецкие законы о человекоубийстве. Концентрационные лагеря, в которые отсылали евреев, не соблюдали законов Третьего рейха, касавшихся охраны животных. С точки зрения нацистов, евреи не были ни животными, ни людьми. Грязные, отверженные существа — недочеловеки, недозвери.

Лично мне нацистская политика защиты животных дает очень много информации о человеческом моральном мышлении. Несколько страниц назад я уже говорил, что на протяжении тысячи поколений наши гены-кукловоды нашептывали нам на ухо «человек прежде всего». Созданная же Гитлером культура, в которой собаки имели моральный статус, недоступный евреям, цыганам и гомосексуалистам, иллюстрирует тот факт, что под влиянием достаточно мощного социального давления человек способен игнорировать голос генов. Беда только в

том, что способность противостоять собственной природе
вовсе не обязательно делает нас лучше.

Антропоморфизм: что мы думаем о том, что думают животные

Нацистская политика защиты животных служит прекрасным примером сложных путей, которыми может пойти человеческая мысль в рассуждении о моральном статусе человека и животного. Впрочем, странные идеи о животных могут возникать где угодно. Пару лет назад я сплавлялся на каяке по Нантахале — популярной туристической реке с бурным течением, протекающей на западе Северной Каролины. Летом на ней полным-полно рафтов с туристами, которые лихорадочно бьют веслами по воде и пытаются избежать подводных камней и боковых течений. Красивая, в общем, река, но холодная — плюс семь градусов круглый год. Упадешь в воду — мало не покажется.

Я был уже на середине маршрута, когда заметил сигарный дымок на рафте в сотне ярдов впереди. Хозяин рафта, мужчина лет пятидесяти, вызывающе попыхивал сигарой и проводил меж стремнинами свое суденышко, в котором сидели его жена и маленькая бурая чихуахуа. Собачке приходилось туго. Она то и дело начинала дрожать, и вид у нее был перепуганный донельзя. И только я это все разглядел, как их рафт взял да и перевернулся.

Надо отдать должное мужчине — даже падая с рафта, он не выпустил сигару из зубов. Чихуахуа тоже повела себя достойно. Ей хватило соображения, чтобы забраться на ближайший кусок суши — на курильщика. Так они и поплыли дальше — мужчина с насквозь промокшей сигарой в зубах, его жена и дрожащая от холода собачонка, отчаянно вцепившаяся в хозяйскую макушку. Помню, я еще удивился, с чего этот мужик решил, будто его собачке понравится сплав по стремнинам холодной реки третьей категории сложности. Ответ прост — все дело в антропоморфизме. Мы, люди, — прирожденные антропоморфисты. Такая в нас заложена программа.

Психологи обнаружили, что люди приписывают мотивацию даже неодушевленным геометрическим фигурам, передвигающимся на экране, — «Ага, теперь красный треугольник действительно сделал тот голубой квадрат. Давай, малыш!»

Событие, ставшее примером человеческой потребности проецировать собственные желания и эмоции на других существ, произошло в 1999 году, когда корпорация Sony выпустила в продажу серию интерактивных собак-роботов под названием AIBO — artificial intelligence robot, или «робот с искусственным интеллектом». На мой взгляд, блестящий металлический «Айбо» куда больше походил на дружелюбного инопланетянина, чем на настоящего щенка, но он умел ходить по-собачьи, сворачиваться калачиком, играть и реагировать на звуки. «Айбо» умел даже показать, радуется он или пребывает в грустях. Зверушка обходилась в 2 тысячи долларов — недешево, и все же Sony продала 150 тысяч «Айбо».

Исследователи из университета Вашингтона и университета Пурдью сравнили реакцию детей и взрослых на «Айбо» и на живую собаку. В результате исследователи пришли к выводу, что роль питомца «Айбо» исполняет весьма посредственно; тем не менее нашлись люди, которые испытывали сильную привязанность к робощенкам. Один владелец робота, принимавший участие в онлайн-дискуссионной группе, заявил, что ему неудобно переодеваться в присутствии «Айбо». Еще один написал: «Я обожаю своего Шпаца. Я все время с ним разговариваю... Когда я его покупал, меня больше всего интересовали достижения техники. Но, купив его, я стал заботиться о нем как о друге. Он стал мне настоящим товарищем... Он член моей семьи. Он не просто игрушка, а, скорее, личность».

Кроме прочего, «Айбо» помогали людям чувствовать себя менее одинокими. Исследователи из медицинской школы университета Сент-Луиса на протяжении двух месяцев раз в неделю приносили одного «Айбо» и одну живую собаку по кличке Спарки в дом престарелых,

чтобы проверить, может ли роботизированный питомец положительно влиять на тамошних обитателей. Люди, игравшие со Спарки или с «Айбо», чувствовали себя менее одиноко, чем представители контрольной группы, не контактировавшие ни с живым псом, ни с роботом. Как оказалось, Спарки и «Айбо» одинаково успешно избавляли обитателей дома престарелых от чувства одиночества, причем те привязывались к «Айбо» так же, как к Спарки. (Увы, уровень продаж не оправдал ожиданий, и в 2006 год) корпорация Sony «усыпила» «Айбо».)

Исследователи Гарварда и университета Чикаго также доказали, что одиночество и антропоморфизм связаны между собой. Ученые попросили студентов колледжа просмотреть кадры из фильмов, подобранные таким образом, чтобы возбуждать либо чувство изоляции и одиночества («Изгой»), либо страха («Молчание ягнят»), контрольной группе испытуемых был показан фрагмент фильма «Высшая лига». Затем студентов просили подумать о своем домашнем питомце и выбрать качества, которые ярче всего говорили бы о их любимце. Те, кто смотрели фрагмент фильма «Изгой», в два раза чаще, чем другие группы, описывали своих питомцев человеческими характеристиками, так или иначе связанными с отношениями между людьми, например «задумчивый», «внимательный» и «симпатичный».

Проблема теории разума

Наша склонность проецировать собственное поведение на все, включая роботов, — это черта, доставшаяся нам вместе с большим мозгом. Эволюционные психологи утверждают, что способность делать заключения о других людях и мысленно ставить себя на их место была огромным преимуществом наших предков, выигравших свой дарвиновский забег за счет умения создавать политические союзы, соперничать за самку и вычислять, кому можно доверять, а кому нельзя. Когда мы умеем представить себе, что думают и чувствуют другие люди, мы обладаем «теорией разума». Человек этой способностью обладает, а вот по поводу других животных с крупным мозгом — шимпанзе, дельфинов и прочих, — до сих пор идут жаркие споры.

Впадая в антропоморфизм, мы распространяем свою теорию разума на представителей других видов. Именно эта тенденция лежит в основе многих наших проблем морального плана, связанных с животными. Возьмем хотя бы охоту. Джеймс Серпелл считает, что охотник, который способен думать как кабан, скорее вернется домой с будущим беконом через плечо. Однако человек, рассматривающий мир с позиции животного, которое он намеревается убить, автоматически начинает сопереживать жертве и чувствует себя виновным в ее гибели. Мой приятель, егерь Билл одно время жил в африканской деревушке, рядом с которой бабуины то и дело уничтожали посева. По ночам обезьяны попадались в ямы-ловушки, а на следующее утро деревенские жители убивали их, однако весьма сильно переживали по этому поводу — уж больно человеческий взгляд был у обезьян. На суахили даже есть пословица «Не смотри в глаза бабуину». Иначе тебе будет очень трудно его убить.

Быть может, метафорические корни первородного греха кроются в двух противоречивых аспектах человеческой природы — нашей склонности сопереживать

животным и нашем желании есть их мясо? Серпелл весьма красноречиво пишет о моральных вопросах, встававших перед нашими предками, обладателями большого мозга: «Высокая антропоморфизация представлений о животных создает у охотника рамку понимания жертвы, идентификации с ней и предчувствия ее действий... Однако здесь же возникает и моральный конфликт, потому что если мы считаем животное такой же личностью, что и свой собрат — человек, тогда умерщвление животного превращается в убийство, а поедание его мяса — в акт каннибализма».

Антропоморфизм нередко является источником нашего чувства вины за дурное обращение с животными, однако есть и другая проблема, связанная с проекцией нашего мышления на другие виды. Зачастую мы неверно интерпретируем их поведение. Неизменные улыбки дельфинов в аквариуме Sea World означают, что животным очень нравится бесконечно плавать кругами в одном и том же бассейне. Неверный вывод. Когда альфа-самец в стае бабуинов зевает, ему скучно. Неверный вывод. (На самом деле он демонстрирует свои внушительные клыки, словно говоря: «Я могу тебя на клочки разорвать».) Когда Тилли трет мордочкой о мою ногу, она показывает, что любит меня. Неверный вывод. На самом деле она помечает мои ноги пахучей жидкостью из желез на щеках, заявляя всему миру, что я являюсь ее собственностью.

Исследователи из университета Портсмута обнаружили, что половина британских собаководовладельцев утверждает, будто бы их питомцы способны чувствовать вину и стыд. Ну, вы же знаете эту картину — хвост между ног и большие печальные глаза, которые словно бы говорят: «Я не хотел какать на ковер». Когда наш золотистый ретривер Дикси, по выражению ветеринара, «делает трагедию», этот взгляд может разорвать вам сердце. Но можно ли быть уверенным, что виноватые глаза и пристыженный вид означают, что ваша собака сознает свой грех?

По мнению психолога Александры Горовиц, изучающей поведение животных в Барнарнд-колледже,

собака ничего этого не сознает. Чтобы выяснить, когда же собака выглядит виноватой — когда и *в самом деле* натворила дел или когда ее хозяин *думает*, будто она натворила дел, — Горовиц провела изобретательный эксперимент. Владельцы собак запретили своим питомцам есть собачье печенье, которое экспериментатор положил прямо под нос собаке. Затем хозяева собак вышли из комнаты. Одним собакам экспериментатор все же дал съесть печенье, а у других его забрал. Когда владельцы вернулись, половина из них ошибочно заявила, будто бы их собаки нарушили запрет, хотя на самом деле эти собаки ничего дурного не сделали. (Да-да, ужасно несправедливо.) Таким образом, результаты показали, что собака имеет виноватый вид лишь тогда, когда ее владелец *считает*, будто бы она не послушалась, — а вовсе не тогда, когда собака и впрямь съела печенье. Нет, эксперимент не является доказательством того, что у собак моральное чувство отсутствует вовсе. Он просто показывает, как легко мы можем ошибиться с интерпретацией внешнего вида и поведения животного.

Каково быть пауком

Когда речь заходит о том, чтобы понять, что происходит в голове у животного, этологи оказываются в трудном положении. С одной стороны, дома их встречает, виляя хвостиком, любимая собака, и они точно знают, что та рада их видеть. Но когда приходится гадать, что же там творится во внутреннем мире паука, осьминога, летучей мыши или слона, этологам становится не по себе.

В классической статье под названием «Каково быть летучей мышью?» философ Томас Нейджел доказывает, что нам никогда не понять, каково быть летучей мышью или любым другим животным. С ним согласны не все специалисты по поведению животных. Однажды мне довелось побывать в Киото на лекции в рамках Международного этологического конгресса, посвященной поведению приматов. В комнате присутствовало человек сорок — пятьдесят ведущих исследователей. Когда окончилась последняя презентация, один из ученых встал и задал странный вопрос. «Прежде чем мы разойдемся, — сказал он, — я хотел бы спросить, кто из вас занялся изучением поведения животных потому, что хотел понять, каково это — принадлежать к виду, который вы изучаете?» Я сидел в самом дальнем углу зала и успел подумать — что за глупый вопрос! Но я ошибался. Руки подняли больше половины присутствовавших исследователей.

В последние двадцать лет у нас есть такая плодородная область, как когнитивная этология, среди интеллектуальных инструментов которой Гордон Бургхардт называет критический антропоморфизм. Сегодня специалисты по поведению животных говорят о соперничестве у мышей, переговорах между шимпанзе и о посттравматических стрессах у слонов. Я недавно спросил у знакомого арахнолога Фреда Койла, что, по его мнению, происходит в головах у пауков, которых он изучает. Ну, например, есть ли у них план, когда они строят паутину? Или же их мышцы и железы механически

подчиняются генетически запрограммированным нейронным импульсам? Мой вопрос застал Фреда врасплох. «Хммм», — ответил Фред. А потом, после долгой паузы, сказал, что считает пауков скорее роботами — эдакими «Айбо» о восьми ногах.

А вот коллега Фреда по лаборатории, тоже арахнолог, относился к паучьему мышлению совсем иначе. Он и впрямь хотел узнать, что происходит в головах у пауков. Как-то раз он одолжил у друзей большой детский манеж и купил в строительном магазине много метров тянущейся резиновой оплетки для проводов. Потом он кропотливо обвязал этой оплеткой манеж и получил огромную паутину, точь-в-точь такую, какие плетут его подопытные пауки.

Однажды поздно вечером Фреду пришлось вернуться в лабораторию за забытой книжкой. Войдя, он увидел своего приятеля — тот безмолвно восседал в центре гигантской паутины, стараясь ощутить себя пауком.

Вывод прост: существует масса причин, по которым взаимодействие людей и животных так часто бывает непоследовательным и парадоксальным. Тысячи исследований показали, что человек мыслит на редкость иррационально, независимо от предмета его размышлений. А уж когда мы задумываемся о других видах — все, тушите свет. Инстинкты заставляют нас влюбляться в мягоньких большеглазых зверушек. Гены и опыт объединенными усилиями учат нас бояться одних животных и не бояться других. Наша культура определяет, кого мы должны любить, кого ненавидеть, а кого съесть на обед. А уж потом идет и конфликт между разумом и чувствами, и наша готовность верить интуиции и сопереживать другим, и склонность проецировать собственные мысли и желания на других существ.

Неудивительно, что наши отношения с другими видами так запутаны!

3

Любовь к домашним животным Почему люди (и только люди) любят своих питомцев

*Считайте животных-компаньонов
почти людьми — и не слишком ошибетесь.*

М. Б. Холбрук

Июль 2007 года. Антуан, молодой француз чуть за двадцать, подходит к девушке, прогуливающейся по большому торговому центру. Рядом с Антуаном идет его симпатичный песик по кличке Гвенду — по-бретонски это значит «черно-белый».

«Привет, — говорит девушке француз. — Меня зовут Антуан. Я только хотел сказать, что вы настоящая красавица. Я днем работаю, но, может быть, вы дадите мне свой номер телефона? Я бы позвонил вам после работы, и мы сходили бы куда-нибудь вместе».

Мгновение девушка колеблется, затем смотрит на Антуана, на его собаку, отвечает «Oui» («Да») и достает из сумочки ручку.

На самом деле француз зовут вовсе не Антуан. Гвенду — не его пес, а лжехозяин гуляет по торговому центру вовсе не затем, чтобы подцепить себе красотку. Француз принимает участие в эксперименте, подготовленном двумя французскими антрозоологами Сержем Сиккотти и Николя Гегеном, которому на самом деле принадлежит Гвенду. Антрозоологи выясняют, насколько эффективно питомцы исполняют функцию социальной смазки. Антуан, выбранный для эксперимента потому, что группа опрошенных женщин сочла его необычайно привлекательным, подходил к 240 случайно выбранным девушкам. В половине случаев он был один, в

другой половине — брал с собой собаку, которую исследователи называли «добродушной, подвижной и симпатичной».

Так что же, присутствие Гвенду придавало Антуану большую сексуальную привлекательность? Mais oui! (О да!) Пока он работал в одиночку, номер телефона ему согласились дать только то% женщин, но стоило Антуану взять с собой le chien (собаку), как их стало почти 30 %.

Было обнаружено, что люди с собаками вызывают симпатию не только у девушек. Французские исследователи выяснили, что и мужчины и женщины втрое чаще дают денег незнакомцу, если тот с собакой («Простите, мэм/сэр, не могли бы вы дать мне немного денег на автобус?»).

Итак, домашние питомцы — или по крайней мере симпатичные собачки, — помогут вам договориться о свидании и заручиться поддержкой совершенно незнакомых людей. Однако тот факт, что животные могут служить социальной смазкой, вовсе не объясняет, почему люди приносят домой кошек, птичек, черепах и даже крыс и обращаются с ними как с членами семьи.

С точки зрения эволюции питомец — это лишняя проблема. Зачем тратить время, силы и ресурсы на существо, с которым мы не связаны генетическими узами и которое не выполняет никакой полезной работы? В конце-то концов, отнюдь не все владельцы домашних животных — привлекательные молодые люди, стремящиеся повысить свой репродуктивный потенциал. Менеджеры индустрии, обслуживающей домашних любимцев, Американская ассоциация ветеринаров и практически любой антрополог, которого я знаю, скажут вам, что мы допускаем в свою жизнь питомцев потому, что те делают нас счастливее, улучшают наше здоровье и дарят свою любовь. А по-моему, все куда как сложнее.

Возьмем две очень разные истории о людях и их питомцах.

Нэнси и Чарли: привязанность, которая не подвела

Спустя пару месяцев после свадьбы Нэнси и Роя Уотсон японцы произвели бомбардировку Перл-Харбора. Рой немедленно записался в армию. Его выучили на радиста и отправили на Окинаву сражаться с японцами. В 1946 году Рой вернулся домой и вместе с Нэнси начал строить собственное воплощение американской мечты. Рой получил работу в отделе запчастей местного представительства фирмы «Форд». Вскоре у них родилось двое сыновей, и Нэнси превратилась в домохозяйку. За несколько лет семья скопила достаточно денег и купила кирпичный домик с тенистым, обнесенным забором задним двориком в западной части Ашвилла (Северная Каролина). Жизнь в доме Уотсонов протекала бурно, но животных они никогда не держали. Рой не любил ни собак, ни кошек, да и Нэнси никогда не причисляла себя к любительницам домашних животных. Рой работал в «Форде» до самой старости, потом вышел на пенсию и через десять лет умер от рака, оставив Нэнси одну в доме, где они прожили вместе сорок лет. Смерть Роя оставила в сердце Нэнси незаживающую рану. Год спустя женщина впала в депрессию и почувствовала, что в жизни у нее ничего не осталось. Сыновья очень переживали за мать и боялись, что одиночество в опустевшем доме не сделает ее жизнь длиннее. Они начали поговаривать о доме престарелых.

Спустя год после смерти Роя Нэнси зашла в круглосуточный магазинчик за хлебом и увидела у кассы написанное от руки объявление: «ОТДАМ КОТЯТ». Девушка на кассе спросила, не хочет ли Нэнси взглянуть на котят. Нэнси отказалась и поехала домой. Однако в выходные она рассказала о котятках приехавшему к ней в гости сыну Аарону. «Мам, — ответил тот, — поехали посмотрим». К его удивлению, Нэнси согласилась. Им показали двух котят семи недель от роду, возившихся в

картонной коробке в подсобке магазина. Один котенок был трехцветный, а другой — угольно-черный. Нэнси тут же выбрала черного — это была любовь с первого взгляда. Она назвала котенка Чарли.

Нэнси и Чарли живут вместе вот уже восемь лет. Нэнси — подвижная, жизнерадостная, умная женщина. По ее словам, они с Чарли стали командой. «Он принес в мою жизнь счастье, — говорит Нэнси. — С тех пор как появился Чарли, я никогда больше не чувствую себя одинокой. В нем вся моя жизнь». Но Чарли для Нэнси не только друг. Он упорядочивает ее жизнь. Встав утром, она сразу же готовит себе и ему завтрак — ложка консервированного тунца для Чарли и тарелка каши для себя. Потом Чарли гуляет минут десять — пятнадцать. Вернувшись, он запрыгивает к сидящей Нэнси на колени, и хозяйка болтает с ним, пока Чарли не устает и не отправляется соснуть в свою корзинку. Просыпается он после обеда. Если день солнечный, кот с хозяйкой бок о бок сидят перед домом в одинаковых креслах до самой темноты. Потом Нэнси готовит ужин, и они едят. Чарли не любит телевизор, поэтому по вечерам он уходит гулять, однако раза два-три заглядывает к Нэнси, пока она не ляжет спать.

Нэнси согласна с тем, что иметь в приятелях кота не всегда удобно. Когда она спит, Чарли превращается из доктора Джекила в мистера Хайда, удирает в леса и занимается тем, чем занимаются по ночам все коты, — охотится. Плоды своих охотничьих вылазок он гордо приносит Нэнси. Обычно это мертвая птичка, часто — мышши-полевки, бывает и белка, а на прошлой неделе Чарли принес крольчонка. Иногда, если добыча хоть и истерзана, но еще дышит, Нэнси открывает дверь и велит Чарли унести это из дома. Чарли повинуется.

Нэнси и Чарли иллюстрируют собой самое лучшее, что бывает, когда человек ощутит связь со своим питомцем. Кот сразу же сделал жизнь Нэнси лучше, и я подозреваю, что своим хорошим здоровьем, крепким рассудком и способностью жить самостоятельно она обязана именно их дружбе.

История Нэнси и Чарли не уникальна. Все то же самое изо дня в день происходит в миллионах американских домов. Не миновало это и моих родителей — они никогда не увлекались животными, но вот папа вышел на пенсию, и в доме появилась первая из трех их такс. Всех трех родители обожали и всех по очереди называли Вилли.

Но вот вам история Сары Коу, свидетельство того, что жизнь с питомцем отнюдь не всегда исполнена счастья и радости.

Собаки Сары: Привязанность, которая подвела

Сара работает администратором в ветеринарной больнице Западного побережья, а ее муж Иен — программист в местном университете. Они были женаты уже три года, когда Сара решила завести собаку. Иен воспринял это известие без особого энтузиазма, но все же согласился. Своей собаки у Сары никогда не было, но, работая в ветеринарной клинике, она повидала множество животных с проблемным поведением, и потому они с Иеном подошли к выбору щенка очень серьезно. Несколько месяцев было потрачено на изучение описаний различных пород. Наконец супруги выбрали шиб-ину, симпатичную японскую породу, выведенную для охоты на мелкую дичь. В Национальном клубе шиб-ину Америки темперамент этой породы принято описывать такими словами, как «веселый и отважный», «настоящий красавчик-мачо» и «неудержимый мохнатый ком из преисподней». Для Сары и Иена это означало проблемы с самого начала.

Хиро было девять недель от роду, когда новые хозяева выбрали его из всего помета. Для этого им пришлось ехать в Орегон. С самого начала Хиро дал понять, что легкой жизни у них не будет. Требуя постоянного внимания, он беспрестанно скулил, а без ежедневных полуторачасовых активных игр становился неуправляем. К счастью, неподалеку от дома нашелся парк, где разрешалось выгуливать собак без поводка, однако Хиро совершенно не умел общаться и никак не мог научиться вести себя с другими собаками. Его туповатость в общении вскоре стала приводить к конфликтам с другими владельцами собак.

В один прекрасный день Хиро, которому было уже полгода, играя, вскочил на спину молодому тибетскому терьеру, тоже кобелю. Иен знал, что подобные игры, напоминающие совокупление, часто встречаются среди

молодых собак и не имеют никакого отношения к их сексуальной ориентации. Однако хозяин терьера закричал: «Нечего трахать мою собаку!! Нечего трахать мою собаку!»

Иен попытался было объяснить хозяину терьера, что щенки просто играют, однако беседа очень быстро переросла в шумную перебранку.

После нескольких аналогичных случаев Сара и Иен устали выслушивать от других собаководов лекции о дурном поведении своего питомца. Они перестали водить Хиро в парк и наняли специального человека, который за 300 долларов в месяц водил пса на долгие прогулки, а сами хозяева могли насладиться часом-другим тишины.

Один из ветеринаров, работавших с Сарой, предположил, что, возможно, синдром дефицита внимания и гиперактивности, которым страдает Хиро, пойдет на убыль, если у пса появится товарищ по играм. О, как он ошибался! Второй появившийся в доме щенок породы шиба-ину по кличке Нами оказался еще хуже Хиро. Нами была задирой — непредсказуемой, агрессивной, требовательной. Она оказалась так ревнива, что Иену с Сарой по ночам приходилось красться в постель на цыпочках. Нами злилась, даже когда Иен целовал Сару по утрам перед уходом на работу. К двум годам Нами уже регулярно принимала валиум и прозак. Большинство владельцев собак относятся к своим питомцам как к детям. У Иена с Сарой один ребенок оказался завзятым панком, а второй — психопатом в пограничном состоянии.

Сара — человек строгих правил и любит аккуратные интерьеры: чистые полы, тщательно подобранная мебель. С появлением собак все это кануло в небытие. Псы изжевали диван, разодрали коврики и разнесли весь дом в клочья. «Мне не хочется жить в доме, где такой бардак, словно там держат сумасшедшего», — сказала мне Сара. Иену и Саре нравится встречаться с друзьями, но собаки свели все общение на нет. Так, пришлось отменить назначенный обед с друзьями, потому что Хиро и Нами

наверняка стали бы безостановочно лаять и таскать со стола еду.

Несмотря на то что собаки испортили семье всю жизнь, Сара и Иен к ним очень привязаны. Сара шьет одежду для Нами. Иен идентифицирует себя с Хиро. Иен сказал мне, что они с Хиро оба похожи на круглые детали, которые кто-то пытается втиснуть в квадратное отверстие. Семья Коу водила собак на курсы дрессировки и советовалась с лучшими специалистами страны. Увы, это не помогло. Несколько раз в год супруги думают, не избавиться ли им от собак — например, отдать в другую семью или даже усыпить, — но им никак не удается синхронизировать свои порывы. Когда Сара уже была готова на все, Иен испытывал огромную привязанность к собакам. А несколько месяцев спустя все уже было наоборот.

Я спросил их, не страдает ли от поведения собак их брак. Супруги долго молчали, а потом переглянулись и признались: да, они посещают семейного психолога. Спустя неделю после нашего разговора Сара написала мне по электронной почте. Они с Иеном решили пожить отдельно. Сара временно переезжает в квартиру. Она сказала, что далеко не последнюю роль в разрыве сыграл стресс, который они с Иеном испытывали от присутствия в их жизни пары сумасшедших собак. Что будет с Нами и Хиро, пока непонятно.

Кого считать питомцем?

На примерах Нэнси и Сары мы видим, что порой взаимоотношения человека и питомца складываются прекрасно, а порой — не складываются вовсе. Но кого же мы считаем своими питомцами? Историк Кейт Томас утверждает, что питомец — это животное, которому позволено входить в дом, которое имеет свою кличку и которое нельзя съесть. Для отправной точки неплохо, но и тут возможны исключения. Мои соседи, например, никогда не впускают свою собаку в дом, а врач, у которого я лечу зубы, не удосужился придумать клички своим тропическим рыбкам. Исключения встречаются даже в той части определения, где говорится про «нельзя съесть». В бытность мою студентом я изучал поведение аллигаторов во Флориде. Однажды вечером мы с Мэри Джин зашли к нашему другу Джиму, профессору агрокультурных наук на пенсии, который владел озером, где я и занимался своими исследованиями. У себя на мини-ферме Джим держал целый зверинец — коз, бентамских кур, мускусных уток, китайского мопса и нескольких морских свинок — детских любимцев. Жена и дети Джима уехали на выходные, и он готовил ужин сам. Не прерывая разговора, он невозмутимо вытащил из клетки морскую свинку, тюкнул ее по макушке палкой, освежевал и положил на гриль. Видимо, свинку он к категории питомцев не относил.

Мне больше нравится определение, которое дал понятию питомца антрополог Джеймс Серпелл из университета Пенсильвании. Он считает, что питомцы — это животные, которые живут с нами и при этом не имеют четких функций. Но даже такое широкое толкование может оказаться не вполне точным. До сравнительно недавнего времени у большинства питомцев, живших в американских домах, были свои функции. К примеру, собаки должны были пасти стада, охотиться, охранять, таскать повозки и даже сбивать масло. Коты считались скорее живыми мышеловками, чем объектами

привязанности. Животные, единственной функцией которых было бы развлечение хозяев, в США практически не встречались вплоть до середины девятнадцатого века, когда возникла мода на птиц в клетках, в частности на поющих канареек.

Каких только животных не держат у себя люди в качестве питомцев — сверчки, тигры, свиньи, коровы, крысы, кобры, аллигаторы, гигантские угри — список бесконечен. Однако когда мы спрашиваем человека, какие животные ассоциируются у него с питомцами, о сверчках и угрях почти никто не упоминает. А кого упоминают? Разумеется, собак и кошек.

Когнитивные психологи называют предмет, воплощающий собой некую категорию, прототипом. Сделайте прямо сейчас вот что: вообразите птицу.

Подозреваю, что вы представили себе воробья, малиновку или орла, но не страуса и не пингвина. Это потому, что малиновка больше похожа на «птицу», чем страус. А какое животное является прототипом питомца? Недавно мы с Самантой Стразанак опросили студентов колледжа, предложив им расставить шестнадцать разных видов животных — причем некоторые студенты держали этих животных у себя дома, — по степени попадания в категорию питомцев (чем выше, тем больше попадает). Разумеется, все сказали, что воплощением понятия питомца являются кошка и собака. Третье место заняла золотая рыбка — 75 % студентов сочли, что она достаточно похожа на питомца. Хомячков, песчанок, кроликов и попугаев записали в питомцы только около половины студентов. Мыши и игуаны оказались в самом конце шкалы, а белые крысы и тарантулы — и того ниже. Почетное последнее место заняли удавы — их сочли питомцами только 5 % опрошенных.

Некоторые защитники животных не любят слово «питомец». Они считают, что, используя его, мы унижаем живущих рядом с нами животных, поэтому наших пушистых, чешуйчатых и крылатых друзей надо звать «животными-компаньонами», а их владельцев —

«опекунами». Организация «В защиту животных», борющаяся за права животных, продвигает в муниципалитетах идею официальной смены терминологии, связанной с домашними питомцами. Почти в двадцати городах (почти все из которых находятся в Калифорнии) и на территории всего штата Род-Айленд эту инициативу подхватили, и теперь в постановлениях, касающихся домашних животных, пишут не «владелец», а «опекун».

Лично мне термин «животное-компаньон» не нравится. Многие наши питомцы вовсе не являются компаньонами своих хозяев. У моего друга детства Джо Билла был любимчик — рак, обитавший в стоявшем у кровати аквариуме. Был ли рак питомцем Джо Билла? Да. А компаньоном? Нет.

С заменой слова «владелец» на «опекуна» тоже не все понятно. В отличие от людей, которые берут под опеку человеческого ребенка, «опекун» животного имеет законное право отдать, продать или стерилизовать своего подопечного против его воли. Более того — если животное-компаньон прискучит «опекуну», то он может даже усыпить своего подопечного. Термины «животное-компаньон» и «опекун животного» — это не более чем лингвистические иллюзии, с помощью которых мы можем притвориться, будто бы наши животные не являются нашей собственностью.

Вопросы владения животными влекут за собой ряд моральных затруднений для многих, кто любит животных, — например, для социолога Лесли Ирвин из университета Колорадо. В своей книге «Если ты меня приручишь: что связывает нас с животными?» Лесли пишет: «Если мы согласимся с тем, что жизнь животного является абсолютной ценностью, тогда будет неэтичным держать этих животных ради удовольствия, независимо от того, станем ли мы звать их компаньонами или питомцами». Головой Лесли верит, что разведение животных и ограничение их свободы ради нашего удовольствия является аморальным. Она утверждает, что взаимоотношения человека и его питомца напоминают

скорее взаимоотношения раба и хозяина, нежели двух друзей. Но вот беда — Лесли глубоко привязана к живущим у нее собакам и кошкам. И потому она продолжает так: «Мне страшно при мысли о том, что я могу вернуться в пустой дом, где никто не встретит меня, виляя хвостом от радости... Однако то удовольствие, которое я получаю от этих встреч, не может служить оправданием для появления все новых и новых предназначенных для этого животных». Лесли оказалась в центре классического конфликта между разумом и чувствами — и, как обычно, победили чувства.

Как из питомцев делают людей

Многие американцы, как и Лесли, глубоко привязаны к своим питомцам. По данным Ассоциации производителей товаров для домашних животных, домашние любимцы живут в 63 % американских домов. В 2009 году бок о бок с нами жили 78 миллионов собак, 94 миллиона кошек, 15 миллионов птиц, 14 миллионов рептилий, 16 миллионов мелких млекопитающих (мышей, хорьков, крыс, кроликов, морских свинок, хомячков, песчанок) и 180 миллионов рыбок. Кейси Грайер обнаружила, что отношение к домашним животным в США периодически меняется. Один такой перелом в отношении произошел в конце девятнадцатого века, когда домашние животные стали символом домашнего очага и многие, особенно матери, считали, что домашние животные прививают детям чувство ответственности и учат их доброте. После Второй мировой войны интерес к домашним животным вновь резко подскочил, но на этот раз причина была в росте частного сектора и в убеждении, что уход за питомцем — это необходимое условие нормального детства.

Однако, хотя домашние любимцы прижились в Америке давно, а отношение к ним не раз успело поменяться, взаимоотношения человека и его питомцев (особенно наши взаимоотношения с кошками и собаками) сегодня вступили в новую фазу. В последние годы питомцев начали считать полноправными членами семьи — эту тенденцию в отрасли товаров для домашних животных называют очеловечиванием любимцев. Сегодня 70 % владельцев домашних животных говорят, что порой позволяют любимцу спать в одной кровати с хозяином, две трети дарят своим питомцам подарки на Рождество, 23 % готовят для них специальную еду, а 18 % — наряжают животных для торжественных случаев.

Хотя доля американских семей, держащих у себя животных, за последние десять лет выросла

незначительно, суммы, которые мы тратим на своих любимчиков, стали расти лавинообразно. Сегодня мы спускаем на питомцев больше денег, чем на кино, видеоигры и музыку вместе. У нас уходит 17 миллиардов долларов на еду и диетические добавки для животных, 12 миллиардов — на услуги ветеринаров, 10 миллиардов — на аксессуаров вроде кошачьих лотков, дизайнерской одежды для собак, ошейников с поводками, мисок для еды, игрушек и открыток на день рождения любимца. Еще 3 миллиарда мы выкладываем на передержку животных, гостиницы для них, мытье и стрижку, курсы дрессировки, массажи, прогулки со специальными людьми, погребальные урны, страховки и суперсовременные коммуникаторы для общения с питомцами.

Как пишет автор прекрасной книги «Народ под собачьей пятой» Майкл Шаффер, самое интересное, что есть в торговле товарами для домашних животных, творится в секторе товаров люкс. На долю элитных брендов приходится 20 % продаж корма для животных, но почти половина прибылей всей отрасли. В предлагаемом элитном меню можно найти такие блюда, как «Рубленая утятинка от Fromm Nutritional» («щедрая порция рубленой вручную экологически чистой утятинки, припущенной в натуральном утином бульоне с картофелем, горохом и морковью»), причем преподносится это блюдо как еда человеческого класса. В завершение изысканного обеда ваш питомец может выпить собачьего пива Bowser или насладиться мисочкой бутилированной воды PetRefresh. Новейшая тенденция в этой области — исключительно натуральные органические продукты. К примеру, «Домашнее собачье печенье от Dr. Harvey» содержит исключительно органические компоненты: овсяную муку, отруби, мед, пыльцу, яблоки, одуванчики, брокколи, перечную мяту и фенхель.

Многие хозяева считают, что их питомцам нравится наряжаться. Интернет-бутик одежды для домашних животных Tea Cups Puppies and Boutique предложит вам «платье от Сваровски для приемов на открытом воздухе» за 3 тысячи долларов или — подешевле — разнообразные

футболочки, маечки, жакетики и денимовые комбинезончики. Если вы не хотите расставаться со своим питомцем ни на минуту, бутик предложит вам изящную переноску змеиной кожи за 1995 долларов. Barrons House of Treasures торгует собачьими штанишками, диадемами, купальниками, смокингами и свадебными платьями. Для байкеров, которые возят своих пусечек на ежегодное моторалли в Стурджисе (Южная Дакота), Harley-Davidson стал выпускать линию собачьего байкерского прикида. А серьезные дизайнеры собачье-кошачьей одежды никогда не пропускают Неделю высокой моды для животных — ежегодное мероприятие в Нью-Йорке, на котором супермодели прижимают к груди йоркширских терьеров и чихуахуа, наряженных в последний писк моды «от кутюр».

Если вашему песику захочется отдыха, он может провести денек в L. A. Dogworks — пятизвездочном собачьем отеле, где постояльцам обещают «абсолютный комфорт». Программа включает в себя часовое посещение «дзен-покоя» — так называется «исполненное восточной простоты помещение, где ваша собака сможет отдохнуть и предаться удовольствиям». Сервисы для домашних животных предлагают и многие роскошные отели. Вашу собаку с расprostертыми объятиями примут в отеле Ritz-Carlton (г. Сарасота) — если только ваш песик весит меньше двадцати фунтов, а вы готовы авансом заплатить 125 долларов за уборку в комнате. Еще за 130 долларов отель предложит вашему элитному питомцу шведский массаж, расслабляющий массаж тела, бодрящий спортивный массаж и более деликатный массаж для питомцев старшего возраста.

Размывание границ между человеком и его питомцем началось не сегодня. Нечто похожее происходило в девятнадцатом веке во Франции. По мере роста и усиления среднего класса росло и увлечение его представителей домашними питомцами, и спустя пятьдесят лет собаки с кошками из полезных животных превратились в членов семьи. К 1890-м годам роскошь и домашние животные были неразделимы. В гардеробе

хорошо одетой парижской собаки имелись ботиночки, ночная рубашка, купальный халат, белье и плащ.росло число парикмахерских салонов для собак и кладбищ домашних животных. В начале девятнадцатого векадохлых собак сбрасывали в Сену, однако уже к середине века парижские любители животных хоронили своих усопших кошек и собак на специальных кладбищах или держали их головы у себя на каминной полке.

Сегодняшнее повальное увлечение одеждой, спа-курортами и бутилированной водой для домашних животных служит воплощением тенденции, которую Майкл Сильверстейн и Нейл Фиске назвали раздуванием. По их словам, спрос на элитные собачьи яства и спа-курорты возник под влиянием тех же культурных сил, которые породили спрос на шестидолларовые чашки кофе и кухонные плиты Viking по шесть тысяч долларов штука. Но что произойдет, когда пузырь лопнет? Готовы ли люди тратить деньги на своих любимцев и в тяжелые времена?

Как утверждает Дэвид Луммис, авторитет в области тенденций рынка товаров для домашних животных, — да, готовы. В 2008 году экономика пошла на спад, а показатели продаж ведущей сети магазинов товаров для животных PetSmart выросли на 8,4 % и составили более 5 миллиардов долларов. Онлайн-ветеринарная аптека PetMedExpress также сообщила о том, что уровень продаж в четвертом квартале 2008 года вырос на 16 % по сравнению с аналогичным показателем 2007 года. Луммис предполагает, что в том году общий доход рынка товаров для домашних животных в США достигнет 56 миллиардов долларов.

Я спросил Кейси Грайер, автора посвященной истории отношений человека и животных книги «Домашние любимцы в Америке», чем можно объяснить такой рост затрат на содержание домашних животных. Она ответила, что индустрия товаров для животных поставила на место потребителей самих питомцев, особенно собак. Многие люди считают, что их питомцы желают и заслуживают того же, чего их хозяева: печенья, пастилок для устранения неприятного запаха изо рта,

плащей, летнего отдыха на пленэре, спа-процедур — и даже дорогостоящих свадебных церемоний.

Но кто же (не считая Ассоциации производителей товаров для домашних животных) выигрывает от этого безумия? Представитель Американского общества против жестокого обращения с животными Стив Завистовски, автор книги «Животные-компаньоны и общество» говорит так: «Если вы покупаете собачий плащ от дождя за 20 долларов, то вы покупаете его собаке. Если же вы покупаете собачий плащ за 200 долларов, вы покупаете его себе». Профессор маркетинга из университета Колумбии Моррис Холлбрук дает такой совет корпорациям, пробивающимся на рынок элитных товаров для животных: «Напоминайте покупателям о том, что они не владельцы своих животных, что животные — не их собственность, а компаньоны, имеющие такие же нужды, желания и права, что и другие члены семьи».

Раньше домашние питомцы обходились сравнительно недорого. До периода, последовавшего за Второй мировой войной, большинство питомцев в Америке питались объедками с общего стола и ни разу не переступали порога ветеринарной клиники. Но времена переменялись. Теперь владелец собаки средних размеров потратит за всю жизнь своего питомца около 8 тысяч долларов на его содержание, а владелец кота — около 10 тысяч долларов (коты живут дольше). Что же вы получите за свои деньги?

Любят ли нас наши питомцы безусловной любовью?

Пару лет назад я опрашивал владельцев домашних животных в ветеринарных клиниках Северной Каролины, задавая им вопрос: что они выигрывают от того, что у них есть домашние животные? Наиболее характерных ответов оказалось три: «Мои животные — члены моей семьи», «Мои животные — мои дети» и «Мои животные — мои друзья». Затем подоспело исследование, проводившееся Робинотом Ковальски, социальным психологом из университета Клемсона. Сотрудничая с ним, я просил владельцев собак и кошек оценить ряд утверждений, в которых сравнивались преимущества отношений с лучшим другом-человеком и преимущества отношений с питомцами. Опрошенные заявили, что и люди, и животные равно хорошие товарищи, избавляют от чувства одиночества и помогают человеку чувствовать, что он кому-то нужен. Друзья-люди оказываются лучше животных, когда нам нужно кому-то довериться или выговориться. Но есть область, в которой животные оставляют людей далеко позади, и это безусловная любовь.

Хотя бесчисленные психологические книжки на все лады твердят, что-де питомцы дарят своим хозяевам безусловную любовь, я считаю, что как причина привязанности человека к животным эта теория сильно переоценивается. Если бы животные действительно были так щедры на безусловную любовь, домашних любимцев держали бы у себя абсолютно все. А вот — не держат. В ходе исследования 1992 года 15 % взрослых сказали, что не испытывают особой привязанности к своим питомцам. По итогам неофициального опроса, который я провел среди своих студентов, около трети студентов ответили, что кто-либо из членов их семьи активно недолюбливает или даже терпеть не может живущее в семье животное.

Демографический аспект содержания домашних животных тоже не особенно поддерживает гипотезу безусловной любви. Если бы дело было именно в ней, то можно было бы предположить, что в безусловной любви больше всего нуждаются одинокие люди, и потому процент владельцев животных среди них будет наиболее высок. На практике вышло совсем иначе. Взрослые люди, живущие в одиночестве, заводят домашнее животное реже всех остальных, в то время как самый высокий показатель принадлежит взрослым, имеющим детей школьного возраста. Интересно, что, хотя имеющие детей взрослые и заводят животных наиболее часто, эти же взрослые как группа привязаны к своим питомцам меньше, чем одинокие люди. По сути, привязанность к животным становится тем меньше, чем больше людей входит в семью. Хуже всего приходится животным в тех домах, где есть маленькие дети. Так, только 25 % животных, живущих в семьях с детьми, могут похвастаться ежедневным уходом за шерстью, в то время как для питомцев бездетных взрослых этот показатель достигает 80 %. В доме, где есть дети, собак и кошек почти никогда не задаривают подарками на Рождество и не берут с собой на каникулы. Как это ни печально, но собака, которая в первые годы брака была для супругов «нашей деткой», теряет свой статус в тот же миг, как мать возвращается из роддома с младенцем.

Сотрудник Кембриджского университета и издатель журнала *AnthrozoOs* Энтони Подберсек не из тех, кто бросается словами, однако и он называет теорию безусловной любви питомцев «ерундой». Энтони считает эту теорию чисто американской, потому что британцы и австралийцы крайне редко упоминают ее, описывая свои отношения с животными. Энтони считает, что теория безусловной любви унижительна для животных. По его словам, если мы верим, что наши питомцы будут безрассудно любить нас независимо от нашего с ними обращения, тем самым мы считаем их эдакими декартовскими роботами, которые безропотно примут все, что мы им предложим, и даже более того.

Должен признаться, что идея безусловной любви нравилась мне куда больше, когда у нас с женой была собака. Сейчас мы держим кошку, и потому отношение к вопросу у меня соответствующее. Я пришел к выводу, что, хотя я люблю свою кошку безусловной любовью, ее любовь даруется мне на строго определенных условиях. Командует нашим союзом Тилли. Она любит меня, когда я готовлю ей еду или даю вздремнуть, когда она хочет, чтобы я почесал ей брюшко или дал поохотиться на мои ноги. Но большую часть времени я для нее не более чем тот парень, который открывает окно, когда кошке захочется прогуляться.

Животные делают нас счастливее и здоровее? Сначала о хорошем

Теория безусловной любви не дает исчерпывающего объяснения тому факту, что люди держат питомцев. Причины жизни с животными не сводятся к желанию подкормить свое эго. Быть может, те из нас, кто держит питомцев, становятся здоровее и счастливее, потому что обретают социальную поддержку или просто собеседника. Разумеется, представители отрасли производства товаров и услуг для животных на каждом углу трубят о том, как полезны для здоровья и для психики кошки и собаки. Ассоциация производителей товаров для домашних животных утверждает, что владельцы домашних животных имеют более низкое кровяное давление, менее подвержены стрессам, гарантированы от сердечных заболеваний, реже бывают у врачей и реже испытывают депрессию. Сегодня почти все знают, что питомцы приносят своим хозяевам пользу. В таких психологических книжках, как «Уши, лапы и хвост: целительная собачья сила» Шэрон Сэкон и «Целительная сила домашних животных: как домашние любимцы помогают нам быть счастливыми и здоровыми» известного ветеринара Марти Бекера содержатся самые невероятные сведения о волшебном целительском даре, который есть у животных. Но работа антрозоолога в том и состоит, чтобы отделять факты от вымысла. Верны ли эти утверждения? Допустим, питомцы действительно приносят нам пользу — но каким образом?

Наиболее важной публикацией за всю недолгую историю антрозоологии стала статья на шесть страниц, напечатанная в июльском выпуске *Public Health Reports* за 1980 год. Автором статьи была Эрика Фридман, только что получившая в университете Пенсильвании докторскую степень в области поведенческой биологии. Готовя докторскую диссертацию, Эрика изучала роль социальной поддержки при восстановлении после

сердечных приступов. Она попросила девятьюстами двумя пациентами кардиологического отделения заполнить опросник, касающийся их социально-экономического положения, условий жизни и связей с друзьями и семьей. Был там и вопрос о том, есть ли у респондента домашнее животное.

Год спустя Эрика вновь разыскала своих респондентов, чтобы узнать, как у них дела. К ее большому удивлению, те, кто имел домашнее животное, выживали гораздо чаще. В то время как среди не имеющих домашнего животного больных к концу года умерли 28 %, среди владельцев кошек и собак умерло только 6 %. Воодушевившись этими результатами, Эрика подготовила доклад для съезда Американской ассоциации кардиологов. Однако кардиологи в большинстве своем не заинтересовались темой, и только один охарактеризовал доклад как «забавный». Куда больше интереса проявили СМИ. Телефон Эрики разрывался от звонков, и вскоре она уже читала статьи о себе в Readers Digest и в Time. Это стало хорошим стартом для ее карьеры. Эрику избрали первым президентом Международного антропологического общества, а сегодня она входит в совет школы медицинских сестер университета Мэриленда, где продолжает изучать вопросы воздействия домашних животных на здоровье человека.

Кардиологическое исследование Эрики пробудило массовый интерес к взаимоотношениям человека и животных. На сегодняшний день существует немало исследований, подтверждающих благотворное влияние домашних животных на человеческое здоровье и благополучие. Погладив животное — любое, хоть бы даже боа-констриктора, — мы можем снизить высокое кровяное давление. Собственно, того же эффекта можно добиться, просто просматривая видеозапись с плавающими в аквариуме тропическими рыбками. Карен Аллен, биопсихолог университета штата в Буффало, обнаружила, что кровяное давление у взрослых резко повышалось при решении сложных арифметических задач в уме в присутствии супругов, однако оставалось практически

неизменным, если при этом присутствовало домашнее животное участника эксперимента.

Есть и другие исследования, подтверждающие гипотезу о благотворном влиянии животных на их хозяев. Так, люди, выросшие в семьях, где имелись животные, реже страдают астмой и реже пропускают занятия в школе из-за болезни. Пожилые владельцы домашних животных имеют более низкий уровень холестерина, менее подвержены депрессии и отличаются более крепким психическим здоровьем. Изучив более 10 тысяч немцев и австралийцев, исследователи обнаружили, что те, у кого были животные, ходили к врачам реже, чем те, у кого животных не было. Исследователи из университета Мельбурна и из Педагогического университета Пекина обнаружили, что китайки, имеющие собак, спят крепче, чувствуют себя лучше и берут больничный реже, нежели не имеющие собак. Исследования, проведенные сотрудниками университета Миссури, показали, что программа прогулок с собаками повысила уровень физической активности даже у участников, не вошедших в программу. Результаты некоторых исследований показывают, что взрослые люди, привязанные к своим питомцам, чувствуют себя не столь одинокими, а в медицинских кругах даже поговаривают о том, чтобы выписывать престарелым пациентам рецепты на йоркширских терьеров и такс.

Но... домашние животные — еще не панацея

Как было бы чудесно, если бы для избавления от всех болезней достаточно было просто завести себе собаку или кошку! Но нет — не торопитесь отправлять в мусорное ведро липитор и прозак. Сообщения СМИ о чудодейственных способностях домашних питомцев могут вводить в заблуждение. Например, в моей местной газете не так давно была опубликована статья об исследовании в университете Миссури: 30 % раковых больных, подвергшихся терапии облучением, «считали, что их состояние улучшилось» после четырех недель участия в терапевтических сеансах с участием собак. Бумага, конечно, все стерпит, однако это ложь. Во-первых, в группе, проходящей терапию домашними питомцами, было только десять человек, другие участники были в контрольной группе, они или молча читали книгу во время сессий, или разговаривали друг с другом. Но что более важно, исследователи на самом деле отметили, что дюжина занятий с собакой-терапевтом не более эффективна, чем чтение книги. Их вывод: связь между собачьей терапией и настроением пациентов или изменением состояния больного отсутствует.

И это не единственное исследование, в котором животные-компаньоны никак не повлияли на здоровье человека. Так, психолог университета Квинз в Белфасте Дебора Уэллс недавно исследовала благотворное воздействие питомцев на здоровье своих хозяев. Она работала с группой людей, страдающих от синдрома хронической усталости, причем у половины были домашние животные. Владельцы животных действительно считали, что питомцы укрепляют их психологическое и физическое здоровье. Однако беспристрастная оценка их здоровья и удовлетворенности жизнью показала, что на практике наличие домашних животных никак не влияло ни на психологическую, ни на соматическую

симптоматику. Владельцы животных уставали, впадали в депрессию, переживали стрессы, тревожились и чувствовали себя несчастными ничуть не меньше других обладателей синдрома хронической усталости, не имевших животных-компаньонов.

Я уже рассказывал об исследовании, в котором принимали участие хо тысяч немцев и австралийцев и в ходе которого выяснилось, что наличие у человека домашнего животного не влияет на степень удовлетворенности жизнью. Провалилась попытка воссоздать эксперимент с понижением давления при поглаживании боа-констриктора — результаты не совпадали с теми, что были получены в исходном эксперименте. Благотворное воздействие выгула собак на фигуру и здоровье также остается под вопросом. Исследователи из университета Миссури, занимавшиеся вопросами выгула собак, обнаружили, что, хотя игры с собаками и доставляли удовольствие участникам эксперимента, кровяное давление у них падать не торопилось, да и вес не снижался. В ходе же крупного исследования в Новой Зеландии выяснилось, что, хотя сразу после появления собаки ее владельцы начинают ходить пешком больше обычного, общие показатели физической активности за неделю после появления питомца падали. Более того, по результатам изучения 21 тысячи человек в Финляндии оказалось, что у владельцев домашних животных кровяное давление выше, а холестерина в крови больше, чем у тех, кто животных не держит. Кроме того, финские любители животных оказались более подвержены заболеваниям почек, артритам, ишиалгиям, мигреням, депрессии и паническим атакам. И, хотя они пили и курили меньше, чем не имеющие животных финны, физическая нагрузка у них была ниже и они чаще имели лишний вес.

Исследователи из Национального университета Австралии обнаружили, что люди шестидесяти — шестидесяти четырех лет, имеющие домашних животных, чаще бывают подавлены, используют больше анальгетиков и находятся в худшем умственном и

физическом состоянии, нежели люди, не имеющие животных. Еще в одном исследовании сравнивались пожилые люди, регулярно игравшие со своими питомцами, и члены контрольной группы, которые не играли с животными никогда или почти никогда. Уровень смертности в обеих группах оказался одинаков, а игры с животными не оказывали никакого влияния на здоровье или счастье участников эксперимента. (Однако те, кто играл с животными, пили больше алкогольных напитков.)

Что ж, пускай питомец не излечит все ваши болячки — но ведь зато он сделает вас счастливее и избавит от одиночества, правда? Нет, вовсе не обязательно. Исследовательский центр Pew в 2006 году опросил 3 тысячи случайно выбранных взрослых американцев и обнаружил, что собачники, кошачники и люди, у которых не было питомцев, одинаково часто утверждали, что «очень довольны» своей жизнью. Исследователи из университета Уорика (Великобритания) решили выяснить, как приобретение питомца влияет на уровень одиночества у взрослых людей. Для решения этой задачи они просили испытуемого пройти психологический тест на чувство одиночества сразу после приобретения питомца, а затем еще один — шесть месяцев спустя. Результат не оставлял места для двояких толкований: наличие животного вовсе не помогало участникам ощущать себя менее одинокими.

Что же следует из этих печальных открытий? Приносят нам наши питомцы пользу или нет? В поисках ответа на этот вопрос Эрика Фридман провела тщательный анализ результатов тридцати исследований, проводившихся между 1990 и 2007 годом и посвященных влиянию домашних животных на жизнь своих хозяев. Она обнаружила, что авторы девятнадцати исследований поддержали гипотезу полезных питомцев, однако еще десятеро обнаружили, что домашние животные либо не влияют на людей вовсе, либо оказывают отрицательное влияние на здоровье и благополучие хозяев. Когда мы обсуждали результаты этой работы с Эрикой, она сказала: «Да, домашние животные могут быть полезны людям, — и добавила: — Но нельзя считать их панацеей».

Почему домашние животные приносят пользу (некоторым) людям

Что ж, домашние животные действительно помогают людям, пусть и не всем, сохранить здоровье и быть счастливее — хотя, пожалуй, это их свойство выражено куда скромнее, чем утверждают производители разнообразных товаров для наших питомцев. Будучи ученым, я не могу не задаться вопросом: как же все-таки это получается? Возможных ответов три. Во-первых, может быть так, что не питомцы делают людей счастливее — причинно-следственная связь здесь совсем иная и, возможно, более счастливые и здоровые люди просто чаще склонны заводить домашних животных. Может быть, будучи более состоятельными, они могут позволить себе содержать животное; или, быть может, они сохраняют хорошую форму и имеют достаточно сил, чтобы как следует выгуливать собаку. Второй вариант: домашние животные влияют на здоровье и благополучие своих хозяев потому, что побуждают их к общению с другими людьми. Так, Дебора Уэллс обнаружила, что, прогуливаясь с собакой, мы легче вступаем в разговор с незнакомыми людьми. Однако этот эффект зависит от типа собаки — если щенок лабрадора прекрасно выполняет роль социальной смазки, то взрослый ротвейлер на эту роль уже не годится.

Третий вариант заключается в том, что возникающие между человеком и животным узы полезны для здоровья потому, что обеспечивают социальную поддержку. Для проверки этой идеи исследователям пришлось бы провести рандомизированное клиническое исследование и разделить людей, не имеющих питомцев, на две группы: экспериментальную, в которой все получают животных, и контрольную, в которой домашних животных не будет ни у кого. Провести такое рандомизированное клиническое исследование на практике очень и очень непросто, однако Карен Аллен это все же удалось, причем она решила не

мелочиться и сделала объектом своих исследований состоятельных биржевых брокеров.

Участники этого исследования были сплошь измученные стрессами воротилы с Уолл-стрит, все как один с высоким кровяным давлением. В начале исследования всем участникам было предложено регулярно принимать препараты от гипертонии. Кроме того, члены экспериментальной группы взяли к себе домой по собаке или кошке из приюта для животных, в то время как члены контрольной группы ничего, кроме лекарства, не получили. Шесть месяцев спустя Аллен и ее коллеги поместили испытуемых в ряд стрессовых ситуаций: в одной из них нужно было решить сложную математическую задачу, а в другой — выступить с речью. Результаты были впечатляющие. Как и ожидалось, во время выполнения задачи кровяное давление повысилось у всех, однако у владельцев животных его показатели оказались едва ли не вдвое ниже, чем у тех, кто ограничился одними лекарствами. Более того, положительное влияние домашних животных было тем сильнее, чем меньше у их хозяев было друзей среди людей. Этот эксперимент наиболее эффективно доказал, что наличие животных в жизни некоторых людей способствует здоровью сердечно-сосудистой системы хозяев в течение длительного времени.

Домашние животные могут быть опасны для здоровья

Когда президент Гарри С. Трумэн наслушался советников по экономическим вопросам, твердивших: «С одной стороны, верно X, но с другой стороны, верно Y», он, как говорят, со стоном произнес: «Где мне взять советника, у которого будет только одна сторона?» Тем же самым вопросом задаются и антрозоологи.

Недавно моя соседка Анна споткнулась о свою собаку, упала с лестницы и сломала плечо. Подобные происшествия с участием домашних животных происходят на удивление часто. За полтора года в Сиднейский госпиталь неотложной помощи поступило шестнадцать пожилых людей с различными переломами, полученными по вине домашних животных. Всего на этих пациентов пришлось четыре перелома костей таза, два перелома бедра, три сломанных руки, два перелома запястья, один перелом щиколотки, два переломанных ребра и одна сломанная шея. Центры по контролю за заболеваниями подсчитали, что каждый год более 85 тысяч американцев получают травмы, спотыкаясь о собственных питомцев — обычно собак.

И опасности, приносимые животными, этим не исчерпываются. Исследование, проведенное Корпорацией по исследованию общественного мнения в 1999 году, показало, что примерно один из шести собаководов попадает в автомобильную аварию или рискованную ситуацию по вине своей собаки, скачущей туда-сюда по салону машины. 60 % патогенных микроорганизмов, к которым чувствительны люди, являются зоонозными, то есть могут передаваться нам от животных. Человек может получить от своих питомцев целый букет заболеваний, среди которых будут глисты, клещи, болезнь Лайма, бруцеллез, стригущий лишай, лямблии, лептоспироз, кишечная палочка *E. coli*, анкилостомоз и штука с выразительным названием «болезнь кошачьих царапин».

Когда мне было двенадцать лет, у меня, как и у множества сверстников, была маленькая черепашка. Разве кто-нибудь знал, что 85 % черепашек являются носителями сальмонеллеза? В 1975 году управление санитарного надзора запретило продажу черепах, однако теперь у нас стали популярны змеи, ящерицы и прочие рептилии. Неудивительно, что заболеваемость полученным от них сальмонеллезом начала расти, и каждый год 75 тысяч американцев получают сальмонеллы и сопутствующие им заболевания от своих любимых рептилий и амфибий. Представлять опасность для здоровья могут даже животные, используемые при терапии. Некоторые исследовательские группы сообщают, что используемые в собакотерапии псы могут приобретать и передавать пациентам больниц и домов престарелых мезитилин-резистентный золотой стафилококк — серьезную инфекцию, устойчивую к антибиотикам.

Любовь к животным заложена у нас в генах?

За двадцать лет исследований антрозоологи продемонстрировали, что жизнь с домашними питомцами имеет свои преимущества — но и недостатки тоже. Однако все это никак не связано с сокрытой во мраке эволюции тайной привязанностью людей к животным. Дарвинисты утверждают, что все живые существа стремятся прямо или косвенно повысить свою способность к репродукции, то есть к передаче своих генов следующим поколениям. Однако если это верно, то почему Джо с женой выложили тысячу долларов за месяц химиотерапии, не дав своему старому ретриверу умереть? Если уж говорить о генах, не лучше ли было потратить те же деньги на оплату колледжа для их детей (или внуков)?

Если задать антрозоологу вопрос о том, почему же все-таки люди держат домашних любимцев, объяснений такой связи между животным и человеком будет множество:

- Домашние животные учат детей доброте и ответственности.
- В век постмодернизма и разрушения традиционных ценностей и социальных сетей домашние животные становятся символом «онтологической защищенности».
- Домашние животные, подобно садам и цветникам, выражают потребность человека властвовать над природой.
- Домашние животные позволяют представителям среднего класса притворяться состоятельными людьми.
- Домашние животные заменяют собой друзей-людей.
- Домашние животные и люди являются автономными существами и получают обоюдное удовольствие и комфорт от взаимодействия друг с другом.

Все это отчасти правда. Однако лично меня больше всего интересует другой уровень объяснений — эволюционный. Дэн Гилберт из Гарвардского университета утверждает, что всякий психолог, пишущий книги, дает зарок когда-нибудь начать новое предложение со слов: «Человек — это единственное животное, которое...»

Мой вариант таков: «Человек — это единственное животное, которое длительное время содержит представителей иных биологических видов ради получения удовольствия». То, почему мы держим животных, — тайна эволюции, раскрыть которую не проще, чем понять, почему человек является единственным млекопитающим, овладевшим сложными языками символов, имеющим моральный кодекс, религиозные убеждения и способность наслаждаться вкусом жгучего красного перца (не путать с одноименной рок-группой Red Hot Chili Peppers).

Однако во всех утверждениях о «человеке как единственном животном, которое...» имеются неточности. Есть они и в моем варианте. Известно множество случаев, когда животные, не принадлежащие к человеческому роду, привязывались к представителям других видов. После цунами, случившегося в 2004 году в Индийском океане, осиротевший трехсоткилограммовый детеныш гиппопотама по кличке Оуэн привязался к Мзи — гигантской сухопутной черепахе ста шестидесяти лет от роду, обитавшей в развлекательном парке Кении. Или вот пример посвежее: четырехтонная азиатская слониха Тара из слоновника Лоуленда (Теннесси) подружилась с прибившейся к слоновнику собакой по кличке Белла. Они были неразлучны, а когда Белла заболела, Тара несколько недель подряд целыми днями простаивала перед зданием, где держали ее подружку. Специалист по сравнительной психологии из университета Калифорнии Билл Мейсон занимался тщательным изучением привязанностей между представителями различных видов, для чего выращивал молодых макак-резусов в обществе взрослых собак. Спустя несколько часов после знакомства собака и

обезьяна искренне привязывались друг к другу. Через несколько месяцев каждой обезьянке давали возможность выбирать, с кем она будет играть — со своей собакой, с незнакомой собакой или с другой обезьяной. Обезьянка всегда выбирала свою собаку. Это была настоящая дружба.

Однако привязанность между животными различных видов почти всегда возникает в неестественной для них среде. К примеру, нет никаких свидетельств того, что наши ближайшие родственники шимпанзе в дикой природе держат у себя представителей других видов и играют с ними. Я остаюсь при своем убеждении — человек является единственным животным, которое держит домашних питомцев.

Но когда же и как возник этот феномен? Насчет «когда» у нас есть одна зацепка: археологи обнаружили свидетельства того, что люди держали собак еще 12–14 тысяч лет назад, а кошек — около 9 тысяч лет назад. Не исключено, впрочем, что наши предки из палеолита, как и нынешние представители диких племен, порой ловили попугая или речную свинью и держали у себя в качестве домашнего животного. Беда в том, что такие ранние связи между человеком и животными не имеют археологического подтверждения. Обнаружь мы, к примеру, окаменелые останки умершего 25 тысяч лет назад человека с детенышем обезьяны на руках, мы не сумели бы разобраться, кем ему приходится обезьянка — питомцем или специально уложенным в могилу продуктовым запасом на тот свет.

Поскольку точные указания на срок начала возникновения привязанности человека к животным отсутствуют, нам остается только гадать об этом, 100 тысяч лет назад в Африке жили люди, очень похожие на нас. Однако многие антропологи считают, что настоящий перелом в человеческом мышлении произошел около 50 тысяч лет назад, о чем свидетельствует появление разнообразных форм культуры: искусства, музыки, оружия и инструментов, имевших специфический вид и функции. Майк Томаселло из Института эволюционной антропологии Макса Планка считает, что толчком к такому

взлету творческой мысли стало появление нового сложного умственного навыка — способности распознавать мысли и чувства других людей. Пещерные рисунки, на которых запечатлены полулюди-полузвери, свидетельствуют о том, что наши предки начали рассматривать животных с антропоморфической точки зрения 35–40 тысяч лет назад. Джеймс Серпелл считает, что способность думать о животном как о человеке открыла перед людьми путь к приручению диких животных и установлению с ними связей. Идея Серпелла хороша, но, увы, машину времени еще не изобрели, и мы можем так навсегда и остаться в неведении, не узнав, кто же первый догадался, что это вот пушистое и голосистое может стать не только плотным ужином, но и верным другом.

Содержание питомцев — явление адаптивное?

Как злорадно подмечают сторонники библейского творения, мы, дарвинисты, все никак не договоримся между собой. Нет, мы не спорим о том, произошел ли человек от обезьяны, или о том, есть ли Земле несколько миллиардов лет. Это факты. А вот когда речь заходит о деталях, мы спорим до последнего. Вопрос о том, почему люди любят своих питомцев, связан с одним из наиболее длительных споров в области эволюционной теории — с темой адаптации. Сторонники адаптивной школы считают, что человеческий мозг развивался в первую очередь для того, чтобы дать нашим кроманьонским предкам фору в игре «передай-ка свои гены». По их мнению, в процессе естественного отбора человеческий мозг обзавелся специальными модулями для таких навыков, как освоение языков, отказ от секса с близкими родственниками, распознавание змей и лжи и умение распусть хвост перед потенциальными брачными партнерами.

Критики же теории адаптивности утверждают, что некоторые свойства человеческой природы могли возникнуть, даже если они никак не влияли на успех на репродуктивном поприще. Некоторые наши черты являются всего лишь случайными побочными эффектами. К примеру, кости у нас белые потому, что они состоят из кальция, а не потому, что женщинам нравятся мужчины с мертвенно-бледными скелетами. Стивен Джей Гулд из Гарварда уподобил нефункциональные биологические свойства человека антревольтам — архитектурному элементу, который заполняет собой пространство между двумя арками и выполняет скорее эстетическую, нежели практическую функцию.

В качестве образчика споров между адаптивистами и антиадаптивистами приведем их объяснения эволюции оргазма у женщин. Адаптивисты (к которым некогда принадлежал и я) изобрели чуть не две дюжины теорий,

объясняющих, почему оргазм испытывают женщины, но самки животных — никогда или почти никогда. Среди самых занимательных объяснений можно найти следующие: сокращения при оргазме помогают втянуть сперму в матку; оргазм предназначен для того, чтобы помочь женщине отличить обладателя хороших генов от эволюционного лузера; и наконец, мое любимое объяснение — после феерического оргазма женщина лежит пластом, и сперматозоидам не приходится карабкаться вверх, чтобы достичь яйцеклетки. А противники теории адаптивности не дадут за эти теории и ломаного гроша. По их мнению, женский оргазм является всего лишь побочным эффектом необходимости мужского оргазма для целей репродукции — точно так же, например, соски у мужчин не несут никаких функций и являются побочным следствием развития сосков для целей выкармливания потомства самками млекопитающих.

Точно такие же споры ведутся и о том, что связывает человека и животных. Подозреваю, что большинство людей, в том числе и антропологов, хотят верить, что любовь к животным является чертой человеческой природы, возникшей потому, что животные помогали нашим предкам в деле выживания и репродукции. А эволюционные психологи утверждают, что, будь эта черта следствием адаптации, она была бы присуща всем нам, широко распространена и, вероятно, так же универсальна, как язык. На практике же — ничего подобного. Антрополог Доналд Браун из университета Калифорнии (Санта-Барбара) составил список из четырехсот вещей, универсальных для всего человечества — от сосания пальца до связанных со смертью верований. «Интерес к биоформам» в нем есть, зато «содержание животных» отсутствует, наводя нас на определенные подозрения. Население многих уголков мира не склонно к тесным связям с животными. Особенно это верно для Африки.

Мой друг антрополог Ньяга Мваники родом из сельскохозяйственного района Кении. В деревне, где он родился, не было традиции привязанности к отдельным животным. Более того — в кьембу, родном языке Ньяги,

отсутствовало даже слово для обозначения домашнего любимца. Жители деревни держали собак, которые стерегли дома и гоняли из садов слонов, однако этих собак никогда не допускали в дом, не считали друзьями и даже помыслить не могли о том, чтобы спать с ними в одной постели.

Утверждение о том, что склонность держать домашних животных возникла в результате эволюции, можно было бы подкрепить, имей мы доказательства генетической природы привязанности людей к животным. Но таких доказательств у нас нет. Для определения степени влияния генов и среды на возникновение той или иной черты бихевиористы-генетики изучают близнецовые пары. Если черта имеет под собой генетическую основу, она скорее будет одинакова у однояйцевых близнецов, нежели у разнояйцевых. Сравнивая близнецов этих двух типов, ученые обнаружили, что генетическая обусловленность лежит в основе до 50% факторов, определяющих рост, 50% факторов удовлетворенности жизнью и 35% факторов, влияющих на частоту оргазма у женщин. Однако никто до сих пор не пытался выяснить, насколько совпадает степень привязанности к животным у разнояйцевых и однояйцевых близнецов. Все вопросы, связанные с влиянием генов на любой аспект наших взаимоотношений с животными, остаются открыты и по сей день. (Единственное исключение — наше желание есть мясо животных.)

И наконец, если любовь к питомцам является адаптивной чертой, развившейся на каком-то этапе истории человека, значит, люди, привязанные к своим собственным животным, должны передавать свои гены успешнее, чем их менее зверолюбивые собратья. В большой дарвинистической игре выигрывает тот, кто более успешен в репродуктивной сфере. Пусть ваша кошка делает вас счастливее, здоровее или даже помогает прожить дольше — это все неважно. Может ли наличие питомца повысить вашу способность к репродукции, вот в чем вопрос. Возможно, девочки, выросшие в семьях, где были животные, более успешно растят собственных

отпрысков, поскольку научились заботиться о других, когда ухаживали за своей собакой. Или же, возможно, наши предки, имевшие животных, чаще выживали в трудные времена, потому что всегда могли съесть своего товарища. Я даже готов допустить, что одних женщин заводят крутые мачо с крупными собаками, а другим нравятся добрые и мягкие мужчины, нежно тискающие маленьких собачек. (Вспомните, что симпатичный француз Антуан успешнее добивался свидания, когда имел при себе собаку.) Однако я крайне скептически отношусь к мысли о том, что, полюбив своего питомца, наши предки получали репродуктивное преимущество, перекрывавшее затраты сил и ресурсов на содержание питомца.

Домашние животные как паразиты

И все же, если привязанность к домашним питомцам не связана с эволюцией, почему мы становимся так близки с ними и не жалеем для своих питомцев ни денег, ни эмоций? Возможно, привязанность к животным — явление того же порядка, что и цвет костей, то есть бесполезный побочный эффект эволюции. Возьмем для примера теорию музыки гарвардского эволюционного психолога Стивена Пинкера. Когда речь заходит о языке и о страхе перед змеями, Пинкер является убежденным адаптивистом, однако любовь к музыке, по его мнению, является совершенно бесполезным с биологической точки зрения последствием замысловатого строения нашего мозга. Так нельзя ли распространить эту точку зрения и на наш вопрос и сказать, что любовь к питомцам, подобно любви к музыке, не имеет никакой адаптивной ценности для человека?

Что чаще всего говорят о своих животных американцы? «Они мне как дети». Людей подсознательно влечет к животным, напоминающим младенцев, — пухленьким, большеглазым, большеголовым. Эти черты пробуждают в нас родительский инстинкт и помогают нам в деле успешной передачи генов, заставляя заботиться о существах, которым мы эти гены, собственно, и передаем, — речь о человеческих младенцах. Однако инстинкты слепы, их можно обмануть. Примером может послужить гнездовой паразитизм — стратегия воспроизводства, используемая не одним десятком видов птиц. Вот кукушка откладывает яйцо в гнездо трясогузки. Несчастливая трясогузка высидит кукушечье яйцо и кормит подкидыша до тех пор, пока тот не оперится и не вылетит из гнезда. Забавно, что трясогузка, вероятно, получает массу эмоционального удовлетворения, пока выращивает подкидыша, и не понимает, что на самом деле стала жертвой наглого дарвинистического подлога.

В 2005 году мы с Мэри Джин тоже попались на эту удочку. В роли паразита выступила наша кошка, а злодейку сыграла ее сообразительная мамаша, которая оставила котенка у нас на пороге и скрылась в неизвестном направлении. За год до того умер наш лабрадор Цали, но больше мы животных заводить не собирались. И вот однажды возвращаюсь я с работы, а Мэри Джин встречает меня широкой улыбкой. Из комнаты доносится жалобное «мяу». Оказывается, Мэри Джин обнаружила котенка под крыльцом. Трехцветный пушистый комочек обладал полным набором положенных младенческих признаков — большие глаза, мягкая шерстка, — и устоять было просто невозможно. Все было ясно с первой секунды.

Мне нравится теория о том, что связь человека с животным является побочным следствием эволюции и основывается на обмане наших родительских инстинктов. Проблема только в том, что эта теория не объясняет огромные культурные различия и то, почему одни народы держат животных чаще, а другие — реже, одни обращаются с питомцами так, а другие — эдак. Возможно, рассматривать любовь к домашним животным следует с позиции иной эволюции — не дарвинистской, а социальной.

Содержание питомцев как заразное психическое заболевание

Пик моей интеллектуальной карьеры пришелся на тот день 1979 года, когда я обнаружил, что сижу в автобусе бок о бок с Ричардом Доукинсом. Автобус был битком набит этологами, направлявшимися в ванкуверский аквариум. Я тогда только-только закончил читать книгу Доукинса «Эгоистичный ген» и был совершенно потрясен тем, что запросто сижу рядом с ее автором. Книга эта весьма полезна во многих отношениях, но повернуться к соседу меня заставила одиннадцатая глава, в которой Доукинс доказывает, что для эволюции не нужны ни гены, ни живые организмы вообще. Достаточно одних лишь репликаторов — штукавин, которые способны копировать сами себя и отличаются долговечностью, плодовитостью и точностью копирования. В ходе биологической эволюции роль этих штукавин сыграли спиральные «лесенки» из молекул (мы называем эти лесенки генами), которые используют наше тело для само-воспроизводства. Однако Доукинс утверждает, что аналогичные процессы происходят и в культурной эволюции, только репликаторами в ней выступают биты информации, которые передаются посредством имитации и воспроизводятся у нас в сознании. «Штуковина» — термин не слишком научный, поэтому Доукинс назвал свои гипотетические единицы культурного наследования «мемами» — это слово похоже на «гены» и восходит к греческому слову «память».

Мемы вездесущи. Некоторые из них вполне обычны (кепку можно носить козырьком назад), некоторые трагичны (царившая некоторое время в Японии мода на самоубийства, когда незнакомые друг с другом люди забирались в мини-вэны, наглухо закупоривали окна и двери и поджигали жаровню с углем), некоторые возвышенны (искусства). Обрывки песен, которые беспрестанно крутятся у вас в голове, — это тоже мемы.

Крутые кроссовки, политические взгляды — мемы, мемы. Наши предки способствовали распространению мемов, подражая действиям друг друга. Однако в эволюции человека мемы начали играть значительно большую роль после появления языка символов. Сегодня мемы с головокружительной скоростью распространяются по всему земному шару посредством радио, телевидения и, конечно, Интернета. Новейшим способом передачи мемов можно назвать непостижимый, на мой взгляд, новояз, сливающий воедино письменную и устную речь: «пжалста!»

Даже сам термин «мем» оказался невероятно успешным мемом. Десять минут назад, когда я попробовал отыскать это слово в Гугле, на экран вывалилось 350 миллионов ссылок. Слово «мем» оказалось в Оксфордском словаре английского языка. Прошлым вечером один телекомментатор назвал мемом неприятную очковтирательную политическую кампанию. Однако, хотя чокнутые технари, лихие битники и некоторые философы приняли теорию Доукинса на ура, настоящие эксперты в области культурной эволюции — антропологи — отнеслись к ней в лучшем случае равнодушно. Они считают, что определение мемов слишком уж расплывчато, что мемы — в отличие от генов — не являются дискретными единицами. Они утверждают, что человеческая культура прекрасно развивается без помощи всяких воображаемых репликаторов.

Лично я не могу решить, верить ли в существование мемов как реальных объектов. Однако нельзя спорить с тем, что идеи и поведенческие стереотипы передаются от одного человека к другому, и в этом случае мем может быть полезной метафорой, помогающей осмыслить роль культуры в наших отношениях с представителями других биологических видов. Если мы вооружимся понятием мема, то сможем объяснить склонность к содержанию домашних питомцев как умственный вирус, распространяющийся путем имитации. Эта идея может показаться притянутой за уши, однако доказательств столь

странной, на первый взгляд, гипотезы, можно отыскать удивительно много.

Во-первых, мемы передаются посредством научения, а значит, должны быть распространены в пределах одной семьи. Дети католиков обычно сами становятся католиками, а сыновья обрезанных отцов почти всегда подвергаются обрезанию. Точно так же обстоит дело и с домашними питомцами: дети, выросшие в семьях, где держали животных, став взрослыми, тоже заводят животных. Более того: дети кошатников вырастают во взрослых кошатников, а дети собачников становятся взрослыми собачниками.

Во-вторых, разброс в отношении к животным и в обращении с ними в разных обществах также полностью вписывается в рамки гипотезы существования мемов. Даррин Кнобель из университета Эдинбурга изучала поведение владельцев собак на острове Шри-Ланка, отличающемся мультикультурностью и едва ли не наибольшей плотностью обитания собак по сравнению с другими странами. Когда речь заходит о домашней собаке, на Шри-Ланке все решает религия. В столице государства, городе Коломбо, собак держат 86 % буддийских и только 4 % мусульманских семей. Тот факт, что шри-ланкийские буддисты заводят собак в двадцать раз чаще, чем мусульмане, заставляет предположить, что ислам является прививкой от мема любви к животным, в то время как приверженцы буддизма имеют очень низкий иммунитет к этому вирусу.

И наконец, мемы отношения к животным, подобно всем прочим изменениям в культуре, могут распространяться очень и очень быстро. Много веков подряд японцы держали у себя дома только птиц в клетках да золотых рыбок. Однако после Второй мировой войны под влиянием американской культуры в Японии все популярнее становились собаки, и сегодня четверть японских семей держит у себя псов. Китайский лидер Мао считал домашних питомцев буржуазным пережитком, поэтому в годы культурной революции их содержание было под запретом. Однако в 1990-х годах после снятия

запрета число домашних животных стало множиться едва ли не быстрее, чем множились ресторанчики Kentucky Fried Chicken в Пекине. Сегодня 10 % городских жителей Китая держат у себя домашних животных, а расходы на содержание питомцев за десять лет выросли с почти нуля до миллиарда долларов ежегодно.

Любовь к животным и миф о единственной причине?

Многие научные споры основаны на ошибочной вере в то, что, если одно объяснение некоего феномена является истинным, все остальные должны быть ошибочны. Я и сам предпочитаю простые идеи сложным и хотел бы верить в то, что на вопрос «почему люди держат домашних питомцев?» существует единственно верный ответ. Но, к сожалению, это не так.

Объясняя поведение животных, этологи используют вопросы двух видов: проксимальные и окончательные. Точно так же можно разбирать тему отношений человека и животных. Вопросы проксимальные будут начинаться с «как» — как выглядят эти отношения, как они возникают, какие неврологические и психологические механизмы лежат в их основе. Объяснение привязанности к животным как результата повышенной концентрации окситоцина в крови относится именно к проксимальному уровню. То же самое можно сказать и об идее, гласящей, что люди любят животных потому, что благодаря им чувствуют себя нужными. Окончательные же объяснения, напротив, отвечают на вопросы более общего плана — какова функция этих отношений, как они развивались, помогали ли они нашим предкам выживать и передавать свои гены, и если да, то как. Примером окончательного объяснения может послужить теория, согласно которой любовь к животным возникает вследствие ошибочного срабатывания материнского инстинкта.

Важно понять, что и проксимальные, и окончательные объяснения могут быть истинны. Наша кошка Тилли нравится мне по целому ряду причин. Она симпатяга — ее большие глаза и по-детски мягкое тельце будят во мне родительский инстинкт, благодаря которому мои волосатые предки передали мне свои гены. Это окончательное объяснение. Но кроме того, мне бывает весело наблюдать, как Тилли гоняется за лучиком

лазерной указки, мне не так одиноко в доме, когда Мэри Джин куда-нибудь уходит, а от физических упражнений Тилли у меня иногда просто дух захватывает (она может взобраться на самую верхушку дерева за три секунды ровно). У Тилли есть собственное местечко в моем сердце — и все это проксимальные объяснения моей любви к ней.

Различные точки зрения на то, почему люди держат домашних питомцев, могут служить отражением позиций, свойственных представителям тех или иных наук. Клинические психологи считают, что мы держим животных, чтобы чувствовать себя любимыми. Некоторые биологи считают содержание домашних животных формой гнездового паразитизма. А некоторые социологи утверждают, что домашние животные являются не более чем социальным явлением: вот почему один и тот же пес в Канзасе будет любимцем семьи, в Кении — парией, а в Корее — обедом. Главное же здесь то, что наша любовь к домашним питомцам, порождающая самые тесные отношения человека с животным, — явление сложное и многоуровневое. Благодаря животным мы чувствуем, что нужны кому-то, и получаем психологическую поддержку в тяжелые моменты жизни. Но те же самые животные могут быть социальными кирпичиками, а могут — паразитами.

Не бойся, Тилли. Я не перестану любить тебя, даже если ты окажешься социальным паразитом. В конце концов, я тоже заражен вирусом, заставляющим людей брать в дом кошек и собак и заботиться о них как о собственных детях.

Хочешь еще конфетку, детка?

4

Друзья, враги и жертвы моды Человек собаке друг?

Я люблю играть с собаками. С возрастом многие люди утрачивают умение играть, веселиться и наслаждаться настоящим. Мне семьдесят восемь лет, и собаки вновь и вновь учат меня жить настоящим и радоваться этому. Их улыбки, виляющие хвосты, мокрые языки — все говорит мне об этом.

*Доктор Руби Р. Бенджамин,
психотерапевт*

Если бы собаки могли говорить, мы бы перестали их заводить.

Боб Дилан, поэт и певец

«Держитесь подальше от сетки, не то он вцепится вам в зад».

Я отхожу подальше.

«Он» — это Маверик, существо, 98 % генов которому досталось от волка, а 2 % — от собаки. А предостережение принадлежало Нэнси Браун, хозяйке фермы «Полнолуние» — раскинувшегося на шестнадцать акрах приюта для волкопсов (Нэнси никогда не называет их волками) неподалеку от Блэк-Маунтин (Северная Каролина). Некоторые псы попали к ней после того, как их отобрали у жестоких хозяев, а некоторых привезли лесничие или сотрудники службы отлова бездомных животных. А одного пса отдала в приют чета из Мэриленда после того, как собственноручно

выкормленный ими волкопесик вырос и разнес дом, причинив ущерба на 10 тысяч долларов.

Чтобы попасть на ферму «Полнолуние», нужно проехать десять миль по шоссе номер девять — двухполосной дороге, пересекающей долину, вид которой переносит нас на тридцать лет назад в прошлое, когда Блю-Ридж-Маунтин еще не заполонили коттеджные поселки за заборами. Нужно проехать баптистскую церковь «Чистая ветвь», затем вдоль ручья Рок-Крик мимо полуразвалившегося сарая и здания добровольческой пожарной дружины. На развилке налево (не обращая внимания на знак «Тупик»), потом едем еще пару миль и сворачиваем направо на грунтовку, которую с дороги и разглядеть-то непросто. О том, что мы приехали, можно догадаться по надписи: «Частная собственность. Просим не пугать и не тревожить наших животных. Если это не устраивает, просим уехать».

До приюта еще четверть мили, но псы слышат звук мотора и начинают выть — ого, прямо как в старом вестерне! Однако вой перемежается лаем, какой можно услышать от золотистого ретривера, но никак не от вольного волка из лесов Монтаны или Северной Италии. К тому времени, как я заглушаю мотор, вокруг царит сущая какофония — семьдесят животных яростно воют «Чужак!», каждый на свой лад, причем по голосу можно определить, как далеко зашел тот или иной волкопес по пути, приведшему его собакообразных предков из дикой чащи к человеческому очагу.

С чашкой кофе в руках выходит Нэнси. Мы знакомимся. Звери надрываются в своих вольерах. Нэнси может различить их по голосам, и наша беседа то и дело прерывается замечаниями: «Слышите? Они перекликиваются. Это Арес. Ага, а вот и Гвиневра. А ну, Осень, ЦЫЦ!» Некоторые волкопсы, услышав команду, садятся на задние лапы и замолкают, однако большинство продолжает носиться по вольерам. Присутствие чужака им не нравится, их нервы натянуты ту же пятой струны на банджо. Они не хотят напасть, а лишь стремятся

обезопасить себя от возможной агрессии со стороны пришельца.

Поначалу я не могу отличить их от чистопородных волков. Шкуры у них разного цвета, от снежно-белого до бурого в черных и серых пятнах. Дремлющую в животных энергию невозможно не заметить. Однако Нэнси указывает мне на мельчайшие различия между животными с разной долей волчьей крови, и я постепенно начинаю замечать их сам. У тех животных, которые генетически ближе к собаке, морды шире, уши более толстые, а лапы короче и коренастее. Они чаще лают. Верным признаком собачьей крови в мнимом волке являются голубые глаза. Поклонники волкопсов обожают этот джеймс-диновский взгляд, которым могут похвалиться даже 98-процентные волки.

Нэнси говорит, что животные с высокой долей волчьей крови редко бывают хорошими питомцами, а дома проще держать обладателей в основном собачьих генов. Если вы приобретете хорошего щенка с низкой долей волчьей крови и правильно его воспитаєте, то, возможно, он будет ходить на поводке и позволит вам гулять и играть с ним. Может быть, он даже не станет при первой же возможности удирать в дыру в заборе и душить соседских кошек. Иными словами, собаковолк может быть хорошим домашним питомцем.

Однако Нэнси предостерегает меня против формального деления своих питомцев на плохих и хороших. Даже зверь с высоким содержанием крови волка может быть хорошим питомцем, имей он подходящего хозяина. В подтверждение своих слов Нэнси входит в вольер, где живут Маверик (волк на 98 %) и его приятель Мики. Огромные животные тут же начинают по-щенячьи прыгать вокруг Нэнси, играют и ласкаются к ней. Такая взаимная привязанность просто поразительна. Но даже со своими любимчиками Нэнси соблюдает определенные правила. Она никогда не позволяет волкопсам оказываться выше ее собственной головы. Она никогда не отбирает у них из пасти палку. Я спрашиваю Нэнси, сколько среди ее питомцев животных, которые могли бы вновь вернуться в

семью. Она поднимает глаза к небу, с минуту что-то подсчитывает, а потом отвечает: «Четверо». Четверо из семидесяти с лишним — не так-то много выходит.

Законы, касающиеся волкопсов, весьма запутанны. В Северной Каролине завести волкопса может любой, но в ряде других штатов содержание этих животных запрещено. В Пенсильвании их относят к диким животным, и владелец волкопса должен иметь специальное разрешение на своего питомца. Сандра Пайовезан из Пенсильвании считала своих девятих волкопсов обычными домашними животными и потому зарегистрировала их как собак и обращалась, словно с детьми. Несколько недель спустя после того, как она призналась соседям, что ее волкопсы дарят ей «небывалую любовь», Сандру нашли во дворе загрызенной ее же питомцами.

Это не единственный случай. Между 1982 и 2008 годом в Северной Америке волкопсы убили девятнадцать человек (немецкие овчарки — девять). При этом овчарок в странах Северной Америки гораздо больше, чем волкопсов. Мерритт Клифтон, редактор независимой газеты *Animal People*, посвященной различным вопросам, связанным с животными, утверждает, что вероятность нападения и даже убийства ребенка волкопсом в шестьдесят раз выше, чем вероятность аналогичного поведения у немецкой овчарки. Однако любители волкопсов с этим несогласны и утверждают, что на их питомцев возводят напраслину и что их печальная репутация незаслуженна.

Я возвращался из «Полнолуния» в странном настроении. Волкопсы были чудесными зверями, и я понимал, что Нэнси предана им всей душой. Если бы не она, животных бы усыпили. А теперь их жизнь прекрасна — настолько, насколько это возможно для существа, в котором причудливым образом смешались гены дикого и домашнего зверя. И все же я не мог отделаться от впечатления, что они — чужие. Я чувствовал себя журналистом, который провел целый день с бандой разбойников-байкеров.

Вечером, все еще не в состоянии успокоиться, я отправился на прогулку и повстречал свою знакомую, Жаннетту, гулявшую с собачкой Бинди — славной дворняжкой, которую хозяйка взяла из приюта для животных. Бинди выжидающе на меня посмотрела, и я присел и почесал ей ушки. И тут на меня снизошел покой. И можно ли поверить, что вся разница между Бинди и неистовыми серыми призраками, у которых я побывал днем, заключается в нескольких парах хромосом!

Закулисный мир собачьих выставок

Самый лучший способ ознакомиться с практически бесконечным разнообразием форм, вылепленных человеком на основе волчьих генов, заключается в том, чтобы провести пару дней на собачьей выставке для собак всех пород, проводимой Американским клубом собаководства. Одна из таких выставок устраивается каждое лето Ашвиллским клубом собаководства и собирает 1500 собак, их хозяев и профессиональных хендлеров со всей страны. Некоторые прилетают в Ашвилл на самолете, однако большинство приезжает в домиках на колесах и прицепах-дачах. Парковка Сельскохозяйственного центра западного района Северной Каролины усеяна пластиковыми стульями, газовыми горелками и переносными клетками. Торговцы берут на вооружение собачьи товары — мелкие кусочки мяса, с помощью которых хендлеры заставляют собаку поднимать голову на площадке; гигантские кости для немецких догов и сенбернаров; разнообразные принадлежности для груминга, лосьоны и шампуни; диетические добавки; собачьи ленты и заколки; носки с вышитыми силуэтами разных пород — для хозяев собак.

Вокруг главной площадки толпятся судьи, обслуживающий персонал, владельцы собак и праздные зеваки. Они болтают в паузах между показами, расчесывают, подстригают и приглаживают своих пуделей и вытирают слюни ньюфаундлендам. Владельцы собак выглядят совершенно адекватными людьми — среди них примерно одинаковое количество мужчин и женщин самых разных возрастов, от стариков до детей, приехавших на юниорский показ. На площадке больше всего поражает отсутствие шума. Вокруг тысяча с лишним собак, все ждут своей очереди на показ, однако ведут себя исключительно тихо и спокойно — правда, пара чихуахуа все-таки потявкивает. Это не просто собаки — это профессионалы.

Я гуляю между площадками, делаю фотографии и расспрашиваю хозяев об их собаках. Когда эти люди рассказывают о своих питомцах, у них, как и у всех любителей животных, загораются глаза. Спросить их об их собаке — все равно что попросить родителей рассказать о ребенке. С собачниками легко общаться, они заражают собеседника своей страстью.

Впрочем, на таких мероприятиях можно увидеть странные вещи. Я подмечаю хорошо одетую женщину — профессионального хендлера — и сидящего рядом с ней рыжевато-немецкого дога, которому вскоре предстоит выйти на четвертую площадку. На столе перед женщиной лежит горка разноцветных жевательных мармеладок-мишек, которые так любят дети. Женщина берет горсть мармеладок, сует себе в рот и начинает жевать. Когда конфетки превращаются в липкую сладкую массу, она сует руку в рот, извлекает оттуда бесформенный ком сладостей пополам со слюной и невозмутимо засовывает его в открытую пасть сидящей рядом собачищи. Каково?

Чуть позже в тот же день я снова вижу эту сцену уже в исполнении другого хендлера, высокой блондинки из Нового Орлеана, готовящейся вывести на площадку симпатичного черно-белого японского хина. «Да-да, — говорит она мне, — это любимый прием профессиональных хендлеров. Так мы приучаем собаку к себе. Только я использую курятину». Она показывает на десятисантиметровый ломоть вареной курятины, торчащий из наручного кармашка. Когда приходит пора вести Фреда, собаку, на площадку, хендлер запикивает за щеку весь кусок целиком и становится похожа на хомяка. Когда судья подходит к собаке, хендлер достает курятину изо рта, машет ею на расстоянии дюйма от носа Фреда, а потом снова сует себе в рот. Фред явно воодушевлен.

В тот день мне везет как никогда. Я встречаю женщину по имени Барб Бейзел, причесывающую маленького гаванского бишона. Барб известна как высокопрофессиональный хендлер и собаководчик. Она соглашается взять меня под свое покровительство на следующие два дня. Она знакомит меня с судьями и с

двумя хендлерами высшего класса — Джимми Мозесом, который уже не одно десятилетие выводит на площадку немецких овчарок суперкласса, и Крисом Манелопулосом, жизнь которого вращается вокруг стандартного пуделя по кличке Реми. (Семь месяцев спустя я вижу их обоих в передаче о собачьем шоу в Вестминстере, на состязаниях в беге. Реми победил в своей группе неспортивных собак, однако погрузил американские СМИ в траур, уступив титул Лучшей собаки шоу энергичному Уно, первому биглю, которому удалось победить в этих состязаниях.)

Дог-шоу в Ашвилле не принадлежит к самым крупным, но даже тут собак выводят почти сплошь профессиональные хендлеры. Всякий раз, когда хендлер проводит вашу собаку по площадке, вы платите ему от 50 до 100 долларов. И это оправданные траты, если только вы сами не профессиональный хендлер. Барб рассказывает мне, что даже самая лучшая собака имеет минимум шансов на выигрыш, если перед судьями ее проведет не профессионал, а любитель.

Прежде чем целиком посвятить себя работе с собаками, Барб занималась страхованием. Эта седовласая женщина с искоркой во взгляде напоминает фею-крестную из «Золушки». Но когда она ведет по площадке собаку, она с головой уходит в свою работу. Для того чтобы собака эффектно выступила, нужно немало потрудиться. Самые крупные шишки из мира элитного собаководства приглашают Барб, чтобы та «довела до ума» их призовых бобиков. Когда у Барб появляется новый клиент — собака, которая, по ее мнению, обладает выдающимися данными, — Барб первым делом учит ее, как показать себя на площадке — принимать бодрый вид, подчиняться движениям руки, в которой зажат кусок курятины, терпеть судей, когда те треплют пса по шее или разглядывают его десны. Потом Барб берет собаку и ездит с ней по всем выставкам страны до тех пор, пока та не наберет очки, необходимые для получения чемпионского титула. Барб ни дня не сидит на месте и вечно катит в своем автодоме на очередные соревнования в сопровождении свиты —

дюжины терьеров выставочного класса, ассистентки Мэри и престарелого хорька.

Барб любит собак, но одни породы нравятся ей больше других. Она равнодушна к той-терьерам — симпатичным подвижным собачкам со взбитыми коками и ленточками на голове. Пока Барб посвящает меня во все тонкости груминга на примере трехкилограммового йоркширского терьера, мимо проходит другой хендлер в сопровождении мастифа размером с пони; мошонка пса по размеру немногим отличается от головы йорка. Барб косится на слюнявого гиганта и негромко говорит: «Не понимаю людей, которым нравятся такие чучела». А я про себя думаю, что владелец мастифа, возможно, относится в точности так же к карманной собачке, которой Барб в двадцатый раз кряду расчесывает блестящую шерстку.

От волка к таксе

Каким образом дикий зверь, точная копия волкообразных страшилищ с фермы Нэнси Браун, превратился и в огромного мастифа, и в тщедушного йоркширского терьера, самую мелкую собачонку на Земле? Почему из всех млекопитающих именно потомки серого волка обрели наибольшее внутривидовое разнообразие? Мастиф может весить целый центнер, а взрослый йорк помещается в чайной чашке и весит что-то около килограмма. Относительная разница в размерах у этих двух собак больше, чем между мной и африканским слоном. Молекулярные биологи Хайди Паркер и Илейн Острандер из Национального института здравоохранения считают, что одомашнивание собаки является наиболее сложным и крупномасштабным экспериментом во всей истории человечества. Интересно, что по эволюционным меркам это чудо морфологии произошло практически во мгновение ока.

Чарльз Дарвин считал, что современная собака представляет собой помесь койота, волка и шакала. Он ошибался. Возможно, мы знаем об эволюции собакообразных не все, но одно можем сказать точно: предком вашей домашней собачки, будь она хоть пекинесом, хоть ротвейлером, стал серый волк. То, что именно волк был одомашнен первым, не должно нас удивлять. Волки похожи на нас — это социальные животные, ведущие дневной образ жизни и прекрасно понимающие, кто в стае главный. Дружба *Canis lupus familiaris* со странными безволосыми двуногими созданиями полностью оправдала себя: сейчас на планете около 400 миллионов собак и только несколько сот тысяч серых волков. Но когда, где и почему наши предки впервые подпустили к своему очагу хищника?

Начнем с «когда». На самом деле это произошло не так уж и давно. У всех знакомых мне собаководовладельцев по стенам развешаны портреты их любимцев. Если наши

предки из каменного века любили собак не меньше нашего, то, вероятно, они тоже делали бы их изображения. Но таких изображений нет. В пещерном искусстве эпохи палеолита можно отыскать потрясающие изображения оленей, быков, лошадей, мамонтов, горных коз, носорогов, медведей, львов, косуль и даже некоторых рыб и птиц. Но ни на одной картине из этого бестиария каменного века вы не встретите животное, похожее на собаку. Чтобы понять, почему человек и собака решили разделить единую судьбу, нам придется обратиться к костям и генам.

Представители вида *Номо* соседствовали с волками 500 тысяч лет кряду, однако нет никаких свидетельств того, что между волком и древним человеком существовали узы дружбы. Доказательства возникновения тесных отношений между человеком и волкоподобными псами появились только в самом конце ископаемых летописей. Одомашненные животные начали меняться. Во-первых, они становились меньше. Джульет Клаттон-Брок из лондонского Музея естественной истории считает, что это произошло вследствие адаптации к скудному питанию во время беременности, приведшей к увеличению пометов и уменьшению размеров щенков. Первые собаки отличались от волков небольшим размером пасти, более тесно стоящими зубами, широкой мордой и менее вытянутым носом. Как у большинства одомашненных животных, они уступали своему прародителю размерами мозга. Вкратце говоря, первая собака походила на волка в щенячьем облике.

Судя по ископаемым окаменелостям, одомашненная собака появилась 14–17 тысяч лет назад. Убедительным свидетельством существования уз между человеком и собакой стала находка на севере Израиля скелета пожилой женщины, умершей 12 тысяч лет назад и аккуратно похороненной со щенком на руках. Собаки быстро стали частью европейских и азиатских культур позднего каменного века. Около 10 тысяч лет назад собака явилась в Новый Свет в компании людей, совершивших сухопутный переход из Сибири в Северную Америку. Еще 4 тысячи

лет собаке понадобилось, чтобы совершить долгое путешествие с Аляски до Патагонии.

Археологу для работы требуется кирка, лопата и пара заляпанных грязью ботинок. А молекулярные биологи, которые пытаются проникнуть в тайну эволюции собачьего племени, обряжены в белые халаты и дни напролет проводят в лабораториях, прислушиваясь к жужжанию секвенаторов ДНК. Материалом для их исследований служат не окаменелые обломки челюстей и зубов, а мельчайшие генетические материалы, митохондриальная ДНК, на протяжении тысяч поколений передаваемая от матери к ребенку. Митохондриальная ДНК — это не то же самое, что ядерная, которая передает вашим детям все генетические инструкции в момент, когда сперматозоид встречается с яйцеклеткой. Митохондриальная ДНК содержится в цитоплазме живой клетки и преобразует органические материалы в энергию. С точки зрения эволюционного биолога, самое важное в ней то, что митохондриальную ДНК вы получили непосредственно от вашей матери. В отличие от обычной ДНК, которая случайным образом перетасовывается во время полового акта, митохондриальная родословная передается из поколения в поколение без изменений, если только не произойдет какая-нибудь случайная мутация.

Генетики используют степень мутационных изменений в митохондриальной ДНК как некую разновидность молекулярных часов, указывающих на то, где, когда и от кого произошел тот или иной вид. В 1997 году в журнале Science вышла статья, до глубины души потрясшая всех, кому действительно было интересно знать, в какой момент волк вдруг взял да и превратился в собаку. Группа исследователей под руководством Роберта Уэйна из университета Калифорнии (Лос-Анджелес) проанализировала митохондриальную ДНК шестидесяти семи пород собак, а также ДНК волков, койотов и шакалов. Проинтерпретировав данные молекулярных часов, исследователи пришли к выводу, что собака отделилась от серого волка в период от 100 до 135 тысяч лет назад, то есть в десять раз раньше, чем принято было

считать. Ничего себе расхождение! Откуда оно взялось? Точность молекулярных часов, точно так же как точность будильника, зависит от настройки — быть может, исследователи из Калифорнийского университета просто не слишком тщательно откалибровали свои часы? Сегодня большинство биологов считают, что собака начала выделяться из волчьего племени примерно 15–50 тысяч лет назад, и дата эта куда точнее согласуется с той историей, которую поведали нам кости.

Первая собака — домашнее животное или мусорщик?

Антрозоологи никак не достигнут согласия в вопросе о том, каким образом человек и собака вдруг стали друзьями. «Теория любимчика» звучит так: жил да был некто Фред Флинстоун, охотник из каменного века. Как-то раз он отправился на охоту, набрел на волчье логово и принес в родную пещеру волчонка на ужин. Но только Фред собрался сделать из маленького Лобо барбекю, как не тут-то было! Стоило жене Фреда, Вильме, увидеть печальные щенячьи глазки, как в ней тут же разыгрался материнский инстинкт. Вильма выхватила щенка у мужа и стала заботиться о волчонке как о собственном ребенке — может быть, даже кормить его грудью. Говоря словами Билла Монро, «любовь хорошей женщины» усмирила дикий волчий нрав, и — вуаля! — Лобо стал первым домашним животным человека, а вскорости произвел на свет детенышей, которые мало-помалу превратились в Рин-тин-тинов.

Рэй Коппингер, преподающий биологию в колледже Хэмпшира и увлекающийся гонками на собачьих упряжках, относится к этой теории скептически и презрительно называет ее «гипотезой Пиноккио», утверждая, что превращение дикого волка в собаку — это такая же сказка, как превращение деревянной куклы в живого мальчика усилиями одной феи с волшебной палочкой. Недостаток теории превращения волка в домашнюю собачку, по словам Коппингера, заключается в том, что чистокровные волки неприручаемы в принципе. Именно поэтому их так редко можно видеть в цирке. Коппингер признает, что волк может обучиться нескольким трюкам, а порой даже согласен ходить на поводке, однако все это и рядом не лежало с настоящим одомашниванием. По данным других исследователей, даже выращенные в неволе волки, в отличие от собак, не привязываются к вырастившим их людям. Они чаще

рычат и готовы в буквальном смысле слова укусить руку дающего.

Однако если человек не приручал волка, откуда же взялись наши друзья-собаки? Коппингер говорит, что волки приручились самостоятельно. Он возводит родословную собак к тому моменту, когда люди стали отказываться от кочевой жизни в пользу оседлой и начали селиться деревнями. Деревня же является прекрасным источником пищевых отходов, настоящим золотым дном для добровольных мусорщиков. Те из волков, что не слишком опасались человека, пользовались этим мусором весьма эффективно, ничем не отличаясь от современных одичавших собак, роющихся в мусоре на задворках Лагоса, Мехико или Стамбула. Они питались лучше своих более осторожных современников и потому производили больше щенков — щенков, которые наследовали родительские гены и потому тоже не слишком боялись людей. Поколение за поколением эти животные сытно кормились у человеческого жилища и постепенно привыкли к сосуществованию с человеком. Подобное самостоятельное одомашнивание стало причиной непровольной селекции по таким полезным качествам, как умение лаять на незнакомцев, подчищать тарелки после еды и играть в догонялки.

Охота на ящериц с собаками

Возможно, Коппингер прав. Однажды я видел картину, ясно показавшую мне, как наши предки могли использовать первых собак для охоты на мелкую дичь. Моя знакомая по аспирантуре Бев Дуган прожила несколько лет в джунглях Панамы, изучая брачное поведение зеленых игуан. У нее была одна проблема: для человека все игуаны на одно лицо (и лицо это напоминает Кейт Ричардс), а большую часть времени они проводят на вершинах деревьев. Чтобы выполнить исследование, Бев нужно было отловить и пометить игуан так, чтобы потом отличить одну от другой. Но как, спрашивается, поймать ящерицу, которая обитает в кронах тропического леса?

Тут-то и выходят на сцену собаки.

Коллега-исследователь познакомил Бев с Пифо и Цезарем — местными жителями, в совершенстве изучившими искусство охоты на гигантских ящериц. Когда я был на исследовательской станции Бев, она предложила мне принять участие в одной такой охоте. Пифо взял с собой собаку, бурую дворняжку средних размеров, короткошерстную, с хвостом колечком и торчащими ушами — таков классический облик, который приобретает потомство отбившихся от хозяев и свободно скрещивающихся собак. Рэй Коппингер называет это «естественной породой». Как правило, такие собаки напоминают австралийских динго, и повстречать их можно где угодно — от Танзании и Израиля до побережья Южной Каролины. Для Пифо его собака была и домашним любимцем, и помощником в охоте. Он говорил с псом, ласкал его и кормил объедками со стола.

Охота на игуану начинается с того, что вы высматриваете ящерицу, греющуюся на солнышке в ветвях дерева. После этого Цезарь с ловкостью акробата взбирается вверх по стволу и осторожно подбирается поближе к ветке, на которой лежит игуана. Оставшаяся внизу собака не сводит с ящерицы глаз. Цезарь сильно

встряхивает ветку и трясет ее до тех пор, пока игуана не соскользнет с ветки и не шмякнется с высоты шестидесяти футов в подлесок. Тут за ней бросается собака. Человеку ящерицу не поймать, но с такой собакой, как у Пифо, — *no problema*.

Цезарь и Бев бегут следом за собакой. Я за ними едва поспеваю. Пес быстро загоняет игуану туда, откуда она не может сбежать. Теперь Бев предстоит непростая работенка: усмирить игуану прежде, чем та ранит собаку, или прежде, чем собака ранит ее. Самцы игуан достигают шести футов в длину. Они могут хлестнуть противника хвостом и в кровь расцарапать ему руки, да и на зубок этим ящерицам лучше не попадаться. И все же в схватке «женщина против игуаны» побеждает обычно Бев. Обездвижив игуану, Бев взвешивает ее, проверяет репродуктивный статус, маркирует и отпускает.

Это весьма эффективный способ охоты. С помощью собаки Бев и ее помощникам удается ловить по десять — двадцать ящериц в день. Прежде чем начать ловить игуан для исследовательницы, Пифо и Цезарь вместе с собакой охотились на игуан ради пропитания. Чтобы обездвижить пойманную игуану, они вырезали у нее из передних лап жилу и связывали ею лапы животного за спиной. Потом игуану убивали, втыкая ей в мозг и в позвоночник длинный острый шип.

Коппингер утверждает, что дикий нрав чистокровных волков ни за что не позволил бы им вот так вот сотрудничать с человеком. После знакомства с волкопсами Нэнси Браун я не могу не согласиться с этим. Наиболее же ярким доказательством теории одомашнивания Коппингера может служить интереснейший генетический эксперимент с лисами.

Из диких в домашние: как расположить к себе лису

В середине 1950-х годов генетик Дмитрий Беляев поддержал не ту научную доктрину, которую следовало, и был уволен из Центральной научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства в Москве. Вскоре после этого он занял пост главы отдела генетики животных в Институте цитологии и генетики Новосибирского академгородка и в 1959 году положил начало весьма примечательному эксперименту с серебряными лисицами. Эксперимент длился сорок лет, задействовано было более 45 тысяч животных. Его итоги перевернули представление ученых о таком явлении, как одомашнивание.

Для того чтобы облегчить работу с дикими отловленными лисами, Беляев решил вывести тип, генетически приспособленный к сосуществованию с человеком. Проверая, как реагируют на людей родившиеся на зверофермах лисята, он затем скрещивал самых ручных самцов и самок. Поначалу лишь очень немногие лисы соответствовали его строгим критериям и были достаточно дружелюбны к людям. К десятому поколению среди лис ручных было 20 %, а после сорокового поколения ручными рождались уже 80 % лисят. Генетически прирученные лисы запросто могли лизать человека в нос; их не прошедшие строгого отбора собратья запросто бы этот нос оттяпали.

Итак, появившиеся в результате селекции лисы стали любить людей. Ну и что? А вот одна важная деталь: случайным побочным результатом отбора по критерии одомашнивания стало то, что лисы стали выглядеть и вести себя по-собачьи. Сменялись поколения, и уши у лис становились висячими, а хвосты начинали закручиваться колечком. В мехе появились бурые полосы (предполагается, что первые собаки были именно бурыми), а у некоторых лисиц даже появились белые

пятна на морде, как у собак. Да и сами морды становились все короче, шире и симпатичнее. Вели эти животные себя совершенно не по-лисьи и в ответ на приветствие начинали вилять хвостом, в точности как мой старый лабрадор Молли. На физиологическом уровне тоже произошли изменения: по сравнению с обычными лисами уровень гормона стресса кортизола у них стал ниже, а нейроны мозга производили больше естественных антидепрессантов. Неудивительно, что они были такими добродушными!

Почему такие разные характеристики — цвет меха, форма хвоста, строение морды — сопутствуют более дружелюбному поведению? Науке это неизвестно. У животных, чьи размеры находятся между размерами кораллового аспида и крысы, поведение и цвет шкуры сцеплены на генетическом уровне. Однако что послужило причиной изменения характера у беляевских лис — несколько связанных между собой генов или вообще один-единственный ген, — нам пока неизвестно.

Умеют ли собаки читать мысли?

Когда я слушаю, как великий Док Ватсон из Дип-Гэп (Северная Каролина) извлекает из гитары те самые, единственно верные ноты проигрыша, от левого плеча до шеи у меня пробегает холодок, а кожу начинает покалывать. На Гавайях про такую музыку говорят «до мурашек». Будучи ученым, я постоянно читаю разные научные журналы. От тамошних статей меня чаще всего клонит в сон, но есть одна статья, которая всегда пробирает меня до мурашек. Впервые это случилось со мной в 2002 году, когда кто-то из коллег дал мне прочесть неопубликованную статью, полученную от его старого соседа по общежитию Майка Томаселло, специалиста по психологии развития и одного из основателей Института эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге. Вскоре эту статью опубликовали в журнале Science. Посвящена она была сравнению способности волков, шимпанзе и собак распознавать человеческие жесты. Возглавил это исследование двадцатилетний аспирант Брайан Хэр.

Чтобы понять всю важность этого исследования, надо кое-что знать о шимпанзе. Они самые близкие наши родственники, а кроме того, самые сообразительные и социально активные животные. Однако, как и все прочие приматы (за исключением людей), шимпанзе не в состоянии найти пищу, подчиняясь жестам человека. Даже те шимпанзе, что выросли в человеческих семьях, не способны отыскать еду, проследив взгляд человека или посмотрев, в какую сторону направлен его палец. Нетрудно догадаться, что если задача не по силам обладателю такого крупного мозга, как у шимпанзе, то волку, мозг которого гораздо меньше обезьяньего, тут и вовсе ловить нечего. Да, это так. И ведь вы, разумеется, догадываетесь, что раз у домашней собаки мозг еще на четверть меньше, то она окажется глупее волка, так? Так, да не так.

Хэр, ныне преподающий в университете Дьюка, поставил несложный эксперимент, с помощью которого доказал, что собаки прекрасно распознают сигналы, подаваемые человеком. Он взял две миски, перевернул и под одну из них положил пищу. Ассистент исследователя постукивал по миске с едой, показывал на нее пальцем и пристально на нее глядел. Как и предполагалось, шимпанзе и волки тест провалили. Они выбирали миску наугад и получали пищу в половине случаев. А вот у собак дело шло куда лучше. Когда ассистент подавал все три сигнала, собака делала правильный выбор в 85 % случаев.

Чем обязана своими успехами собака — природе или воспитанию? Хэр утверждает, что дело в природе, поскольку эволюция одарила собак особым умением понимать человека. Однако недавно причины такой разницы между волком и собакой стали предметом жестоких споров. Клайв Уинн, работающий с собаками в университете Флориды, считает, что Хэр не прав, и видит причину различий в социализации. Вероятно, истина лежит где-то посередине. Группа венгерских исследователей под руководством Адама Миклоши обнаружила, что можно обучить волчат понимать человеческие сигналы, однако на то, чтобы добиться аналогичных успехов от взрослого волка, потребуется десять лет и гораздо более высокий уровень социализованности.

Ученые все чаще выбирают объектом своих исследований собачий мозг, а центры изучения поведения собак множатся, как грибы после дождя. Замечательное умение понимать, что намерен сделать человек, а также готовность участвовать в экспериментах делают собак прекрасным объектом для исследования эволюции и развития коммуникации и социального поведения. Как сказал Пол Блум из Йельского университета, в когнитивной этологии собаки заняли место шимпанзе.

Каждый месяц в журналах вроде Science, Animal Behavior, Journal of Comparative Psychology и Animal Cognition появляются самые неожиданные примеры мощи собачьего разума. Так, бордер-колли Рико, которого

тестировали немецкие исследователи, понимает 300 слов и способен выучить название нового предмета с одного раза. Бразильские ученые научили собаку пользоваться клавиатурой, и теперь пес может сообщить, чего ему хочется — поиграть, поесть, приласкаться или пойти на прогулку. Исследователи из Венского университета обнаружили, что собаки различают ситуации, когда хозяин смотрит на пса или в телевизор, — и, когда хозяин увлечен телепросмотром, не слушаются чаще. Кроме того, собаки — сущие обезьянки. Например, стоит зевнуть хозяину — зевает и собака. А когда собаке нужно решить задачу, она подражает человеку, который добился успеха, но не копирует неудачника.

Как поступила бы Лесси?

Подобные исследования заставляют признать за собаками удивительные способности. Но не слишком ли многого мы порой ожидаем от животного, мозг которого весит всего несколько унций? Тысячи лет подряд люди использовали собачий ум в собственных целях — посмотрите, как гонит овечью отару бордер-колли или как делает стойку легавая. И ведь пастушеством и охотой все не ограничивается — сегодня собаки с помощью нюха обнаруживают бомбы, наркотики и рак мочевого пузыря. Они ищут пропавших детей и разложившиеся трупы, предупреждают глухих хозяев о сработавшем пожарном сигнале, переводят слепых через оживленную городскую улицу и даже «ловко не подчиняются» командам, если их выполнение может угрожать хозяину. Более того, многие верят, что собаки обладают каким-то подобием мистических способностей. Половина собаководовладельцев в США и Британии убеждены, что их собаки наделены некой разновидностью экстрасенсорного восприятия и заранее знают, когда их хозяева вернутся домой.

Любим нравится думать, будто хорошая собака всегда догадается, что хозяин попал в передрагу, и поможет ему спастись. Когда я был ребенком, моим идеалом собаки была Лесси. Наш бигль Боско был неплохим товарищем по играм, но зато Лесси могла спасти тебя от кугуара, привести твоего отца, чтобы он вытащил тебя из колодца, и лаем сообщить о пожаре в сарае. (Многие любят этот образ, даже став взрослыми. Попробуйте ввести в Гугл фразу «собака спасла хозяина».)

Билл Робертс, психолог из университета Западного Онтарио, был поражен многочисленными историями о том, как собаки спасали людей. Билл знал, что для исследования обстоятельств, в которых праздные наблюдатели захотят прийти на помощь незнакомым людям, социальные психологи специально подстраивают различные ситуации. И тогда он подумал, что, возможно, с

помощью аналогичных экспериментов можно было бы пролить свет на собачью способность сознательно обращаться за помощью, когда хозяин попадает в беду. По удачному стечению обстоятельств, одна из его студенток по имени Криста Макферсон занималась разведением и обучением собак. Она знала множество собак и их владельцев и вместе с Биллом взялась проверить гипотезу «спасительной Лесси», как я ее назвал.

Криста и Билл попросили дюжину собаководов вывести своих собак прогуляться в поле. Неподалеку стояло кресло, в нем спокойно сидел незнакомый человек и читал книгу. (Роль незнакомца выполнял один из помощников исследователей.) Подведя собаку к незнакомцу на десять метров, хозяин хватался за грудь, падал наземь и лежал неподвижно. В подобной ситуации Лесси конечно же поняла бы, что хозяину плохо, гавкнула бы пару раз, а потом побежала бы к незнакомцу и стала бы тянуть его за рукав. Как же поступили настоящие собаки — такие, как мой бигль Боско?

Ничего подобного они не сделали. Ни одна из собак ни шагу не сделала в сторону незнакомца, чтобы призвать его на помощь. Точно так же отреагировали собаки и в лаборатории, когда Билл повторил эксперимент, включив в него бутафорский книжный шкаф, который якобы падал и прижимал хозяина к двери. Тест «спасительной Лесси» завалили даже колли.

Впрочем, некоторые породы лучше прочих понимают человека и подчиняются его командам. К примеру, группа Адама Миклоши (Будапешт) обнаружила, что породы, выведенные для сотрудничества с человеком, — овчарки, ретриверы — лучше понимают человеческие жесты и находят с их помощью пищу, нежели породы, выведенные для самостоятельной работы. Что ж тут удивительного? Удивительно другое: короткоголовые собаки с короткими носами и широкими мордами — например, бульдоги, боксеры и мопсы — понимают человеческие сигналы лучше, чем длинномордые доберманы, таксы и борзые. Исследователи подозревают, что этот интересный феномен связан с различиями в расположении глаз и в форме

головы. У собак узкомордых пород глаза находятся словно бы по бокам головы, что улучшает их периферийное зрение, однако позволяет легко отвлекаться.

Исследователи из Центра изучения взаимодействия животных и общества университета Пенсильвании подошли к изучению различий в поведении собак разных пород с другой стороны. Они разработали интернет-опрос для собаководовладельцев и с его помощью получили информацию о таких характеристиках собак, как готовность подчиняться командам. Оценочный тест-опросник поведения собаки (сокращенно C-BARQ) прошли тысячи собаководовладельцев, подаривших исследователям массу бесценной информации о различиях в поведении собак разных пород. (Если у вас есть собака и вы хотите принять участие в исследовании C-BARQ, зайдите на веб-сайт w3.vet.upenn.edu/cbarq, где можно пройти тест.)

Исследователей особенно интересовала готовность собак выполнять желания хозяина — приходить на зов, носить поноску, выучивать различные трюки и внимательно следить за хозяйским поведением. С помощью C-BARQ были изучены показатели обучаемости 1500 собак, принадлежавших к 11 породам. Обнаружилось, что собаки одних пород обучаются легко, а собаки других такой сообразительностью похвалиться не могут. Наиболее обучаемой породой оказались лабрадор-ретриверы, наименее обучаемой — бассет-хаунды. Среди лабрадоров способных к обучению собак было 70 %, среди бассет-хаундов — всего около пяти. При этом характеристику труднообучаемого не получил ни один лабрадор-ретривер, зато именно так охарактеризовали половину бассет-хаундов.

Значительные различия обнаружились и в том, насколько часто собаки различных пород наносили вред человеку. Мысль о том, что «собака — друг человека», так прочно укоренилась в нашем сознании, что мы забываем: собака лишь на шаг отошла от зверя, убивающего ради пропитания. Каждый год четыре с половиной миллиона американцев бывают покусаны собаками, причем более

800 тысяч пострадавших вынуждены были обратиться за срочной медицинской помощью. Среди них много детей, которых собаки укусили в лицо. Более 70 % нападений с серьезными последствиями совершаются собаками двух пород: питбулями и ротвейлерами. И наоборот, на долю чихуахуа и такс приходится всего полпроцента человеческих травм. Так что же, выходит, питбули и ротвейлеры являются корнем зла, в то время как чихуахуа и таксы — сплошь ангелы?

С помощью опросника C-BARQ исследователи из университета Пенсильвании оценили склонность 4 тысяч собак тридцати трех пород к нападению на незнакомцев, на собственных хозяев и на других собак. Как ни странно, питбули и ротвейлеры вовсе не были в первых рядах тех, кто чаще всего нападает на людей, — почетные первые места достались именно чихуахуа и таксам, а питбули оказались где-то в середине списка, по соседству с пуделями.

Что запрещать — породу ил и поведение?

Обсуждая склонность различных пород к нападению на человека, мы вплотную приближаемся к одному из наиболее спорных вопросов, связанных с собаками: действительно ли некоторые породы собак безусловно опасны и их следует запретить законодательно? Некогда образцом отваги и верности были питбули, которых считали идеальными собаками для содержания в семье. Питбуль по кличке Пити стал главным героем фильма «Маленькие негодники». Во время Второй мировой войны питбулей изображали на плакатах с призывами вступить в армию. Однако после того как на военных базах произошло шесть нападений собак на людей, закончившихся фатально, командование армии США запретило содержание на своей территории собак «агрессивных или потенциально агрессивных пород».

В Денвере содержание питбулей запрещено безоговорочно. В Огайо питбули законодательно признаны «злобными животными», даже если какой-то конкретный питбуль ни разу не проявлял агрессии. Принятый в Огайо закон гласит, что питбуль должен содержаться в надежно запираемом вольере, выводиться исключительно на поводке, а хозяева собаки обязаны застраховать ответственность за возможный ущерб на 100 тысяч долларов. Однако большинство владельцев питбулей закон не соблюдали, и потому в городе Цинциннати эту породу просто-напросто запретили.

И все же в некоторых регионах власти под давлением защитников прав животных и любителей питбулей пересматривают законы, дискриминирующие те или иные породы. Защитники питбулей говорят: «Запрещать надо не породу, а поведение!» Битва двух сил достигла своего пика в Сиэтле, когда группа горожан, пострадавших от питбулей, потребовала от городского совета принятия закона, ограничивающего право на владение собаками

опасных пород. 8 октября 2008 года газета Seattle Post-Intelligencer разместила статью о местных защитниках питбулей, борющихся против попыток поставить их питомцев вне закона. Момент был выбран неудачно. Пока читатели газеты попивали утренний кофе и читали о том, как любят своих хозяев питбули, пара этих псов обрабатывала семидесятилетнюю вьетнамскую женщину по имени Хонг Ле, жившую в пригороде Сиэтла под названием Си-Тэк. Сосед женщины схватил вилы и бросился ей на помощь, однако не мог отогнать собак до тех пор, пока явившаяся подмога в лице двух помощников шерифа не застрелила собак. После операции, длившейся десять часов, хирурги смогли пришить Хонг Ле уши, однако так и не сумели спасти правую руку, которую собаки порвали в клочья. По свидетельству соседей, питбули были хорошо воспитаны и никогда не проявляли агрессии. Как сказал один из соседей, «они были очень игривы и вечно всех лизали».

Запрет на «злобные породы», в частности на питбулей, стал в США одним из наиболее сложных и горячих вопросов, связанных с животными. Сторонники питбулей яростно защищают своих питомцев. По их словам, собаки этой породы считаются жестокими незаслуженно, что большинство питбулей в жизни никого не укусили и что законодательство, запрещающее конкретные породы, недалеко ушло от времен расовой дискриминации. Они хотят вернуть питбулям былую славу, объявив их «собаками Америки».

Однако противники питбулей тоже стоят насмерть. По их словам, между 1982 и 2008 годом питбули нанесли жителям США и Канады 700 увечий и убили 129 человек. (Для сравнения: собаки самой популярной в США породы, лабрадор-ретриверы, искалечили двадцать четыре человека и убили троих.) Среди антропологов нет единого мнения по поводу запрета на породы. Большинство известных мне исследователей выступают против законов, ограничивающих право человека выбрать себе собаку потенциально опасной породы. Однако существует и противоположная точка зрения. Так, пионер

антрозоологии и директор Центра изучения взаимоотношений человека и животных университета Пурдюю Алан Бек выступает за запрет породы. По его мнению, каждый питбуль — это заряженное ружье, которое может выстрелить в любой момент. А британский антрозоолог Сара Найт надеется, что когда-нибудь эта порода исчезнет вовсе.

Такой же раскол наблюдается и среди организаций защиты животных. Американская ветеринарная ассоциация, Американское общество защиты животных от жестокого обращения, Ассоциация гуманизма США и Американская ассоциация гуманизма выступают против законов, запрещающих те или иные породы. Быть может, более радикальная ассоциация «Люди за этичное обращение с животными» (РЕТА) тоже напряжет моральный мускул и выступит в защиту собак? Нет, не выступит. РЕТА согласна с Сарой Найт — питбули должны исчезнуть с лица Земли. Представители РЕТА считают, что запрет на породу связан не с дискриминацией, а со снижением вреда. Они отмечают, что в большинстве случаев жестокого обращения с собаками жертвой становятся именно питбули. И речь здесь не только о собачьих боях. Согласно данным РЕТА, питбули чаще собак прочих пород подвергаются избиениям, голодают, не получают от хозяев должного ухода. Ряд исследований указывает, что владельцы питбулей часто демонстрируют антисоциальное поведение. Это подтверждается и проведенным в Огайо исследованием, в результате которого обнаружилось, что владельцы опасных собак, преимущественно питбулей, в семь раз чаще бывали осуждены за насильственные преступления и в восемь раз чаще обвинялись в преступлениях, связанных с наркотиками, нежели владельцы менее опасных собак. И наконец, каждый год в американских приютах для животных усыпляют 800 тысяч бездомных и никому не нужных питбулей.

Следует, однако, помнить, что по результатам исследования C-BARQ питбули и ротвейлеры оказались не более опасны, чем средняя гончая. Только 7 % владельцев

питбулей сообщили, что их собака пыталась покусать незнакомого человека, — однако в этом же признались 20 % владельцев такс. Так почему же на долю этих пород приходится две трети нападений с летальным исходом? Должен признать, что лично я предпочел бы схватиться со злобным чихуахуа, нежели с ротвейлером или питбулем, которые позарились бы на мой бутерброд. Даже если ротвейлер и питбуль менее агрессивны, чем чихуахуа, они с большей вероятностью отправят вас в больницу просто потому, что отличаются большими размерами и силой и могут нанести куда больший ущерб.

Одной из причин резкого увеличения количества нападений ротвейлеров и питбулей на людей является внезапный рост популярности этих пород. Еще в 1979 году никто и слыхом не слыхивал о ротвейлерах. В списке наиболее популярных в США пород они занимали сорок первое место, а в Американском клубе собаководов регистрировали всего 3 тысячи щенков в год. Для сравнения — количество зарегистрированных щенков самой популярной американской породы, немецкой овчарки, доходило до 60 тысяч. Однако в середине 1980-х годов количество щенков овчарок оставалось неизменным, а вот ротвейлеров стало прибывать. Между 1979 и 1993 годом количество регистрируемых каждый год щенков ротвейлера достигло ста с лишним тысяч. Ротвейлеры стали второй по популярности породой в США, а всего по стране их число выросло почти до миллиона особей.

Взрыв популярности ротвейлеров имел свою обратную сторону. Между 1979 и 1990 годом ротвейлеры загрызли насмерть в США шестерых человек — немецкие овчарки за тот же период загрызли насмерть тринадцать. Но потом печальная статистика изменилась с точностью до наоборот. За последующие восемь лет немецкие овчарки загрызли насмерть четверых людей, а ротвейлеры — тридцать три человека. Отчасти такой рост числа смертельных случаев обусловлен увеличением количества ротвейлеров. Пусть характеристики породы и остаются прежними, но все равно — чем больше собак, тем чаще случаются нападения.

В 1993 году ротвейлеры на время опередили питбулей в борьбе за звание самых опасных собак Америки. Однако вскоре эта порода пала жертвой собственной известности. Данные об увеличении числа нападений получили огласку, и страховые компании начали аннулировать страховые полисы владельцев ротвейлеров. За последующие десять лет число зарегистрированных щенков ротвейлера стало падать и со 100 тысяч в год уменьшилось до 10 тысяч. Попав к владельцу, обладающему всеми необходимыми качествами, и ротвейлер, и питбуль могут стать прекрасными питомцами. Однако очень многие люди заводили себе щенков ротвейлера под влиянием момента, и потому оказались совсем не готовы к превращению пушистого комочка в кинговского Куджо-убийцу.

Пудели наступают, или почему порода вдруг обретает популярность

Быстрый рост и падение популярности некоторых собачьих пород заставляет нас задаться более общим вопросом о том, отчего вообще происходят перемены в различных культурах. Взять хотя бы эти уродливые мягкие пластиковые тапки под названием «кроки». Объясняется ли их популярность тем, что они превосходят другую обувь по некоторым объективным показателям — например, они дешевле, удобнее, полезнее для осанки? Или же все дело в моде, которая распространилась в американской культуре со стремительностью гриппа?

То же самое касается и популярности собачьих пород. Ротвейлера еще нужно прокормить, возить его приходится в специальном отделении для животных, да к тому же эта порода склонна к дисплазии тазобедренных суставов, диабетам, катарактам и болезни Аддисона. Впрочем, популярность этой породы — еще не самая большая глупость в истории американского собаководства. Знамя первенства принадлежит пуделям. Между 1946 и 2007 годом в Американском клубе собаководов было зарегистрировано пять с половиной миллионов щенков пуделя, что на два миллиона превосходило показатель лабрадор-ретриверов, которым принадлежало второе место. Пик популярности пуделей пришелся на 1969 год, когда почти треть зарегистрированных щенков принадлежала к этой породе, а Американскому клубу собаководства пришлось пригласить на полный рабочий день дополнительных сотрудников, которые должны были разгрести лавину документов, связанных с пуделями. Популярность породы росла очень быстро — в 1969 году ежегодно регистрируемое количество щенков пуделя превышало показатель 1949 года на 12 000 %. Пудельная лихорадка затронула не только собак. Поклонницы стиля «бобби-сокс» (взрослая одежда, копирующая наряд маленькой девочки) немедленно взяли на вооружение

белые и розовые юбочки с силуэтом французского пуделя. Сегодня на аукционе eBay эти юбки разлетаются как горячие пирожки.

Или вот английский той-спаниель. В то время как пудели в Америке множились, как тараканы, количество регистрируемых той-спаниелей упало с жалких 123 голов в 1949 году до совсем уж скромной цифры 45 голов в 1969-м. А ведь той-спаниели — очень милые маленькие собачки. Они похожи на Леди в мультике «Леди и Бродяга». Официальное их описание, принадлежащее Американскому клубу собаководства, гласит: «умные и забавные небольшие собаки, привязываются к хозяину и стремятся ему угодить». Идеальная порода — но почему же предпочтение отдают другим?

Чтобы понять причину, по которой пудели популярнее той-спаниелей, следует спуститься уровнем ниже и задаться вопросом о том, что определяет наши вкусы по части домашних животных. Почему определенные марки обуви, определенные пища, песни, цвета, книги, религия и прочее имеют массу поклонников, в то время как другие разновидности того же самого остаются никому не известны?

Одна из причин может заключаться в том, что культурные инновации подобны генетическим мутациями — как некая мутация повышает способность организма к репродукции, так некая культурная инновация становится невероятно успешной потому, что опережает другие по тем или иным показателям. Тут можно вспомнить жестяные пивные банки с колечком на крышке или айподы. Однако есть ведь еще и такие преходящие тренды, как пирсинг в носу и горшочки для фондю — явно нефункциональные вариации на заданную тему. Так что же, пудели наводнили большую часть американских домов потому, что оказались умнее, послушнее, милее непопулярных пород? Или же они знамениты уже потому, что знамениты?

Я заинтересовался этим вопросом, когда получил предложение написать статью об эволюционной

психологии применительно к взаимоотношениям человека и животных и решил включить в нее обсуждение культурной эволюции. Собирая материал, я обратился к Интернету в поисках примеров быстрых перемен в отношении человека к животным. Тут-то меня и вынесло на веб-сайт Американского клуба собаководства, где были перечислены данные о количестве регистрируемых щенков каждой породы за последние три года. Просматривая цифры, я заметил резкое падение количества щенков далматинского дога. Я позвонил знакомой заводчице далматинских догов, которая входила в совет директоров клуба, и спросил, не могу ли я получить показатели регистрации далматинских догов за более долгий срок. Спустя несколько недель мне в офис доставили толстенный пакет из манхэттенской штаб-квартиры клуба. Это оказалась настоящая золотая жила — данные Американского клуба собаководства по каждой породе за шестьдесят лет. Сорок восемь миллионов собак.

Это было прекрасным подарком. Хуже оказалось то, что теперь мне предстояло обработать крупнейший объем данных во всей истории психологии. Я сделал первое, что пришло мне в голову, — составил графики показателей для каждой породы. Оказалось, что после окончания Второй мировой войны в Америке было только четыре наиболее популярные породы собак. В хронологическом порядке: кокер-спаниель, бигль, пудель, кокер-спаниель (по второму кругу) и лабрадор-ретривер. Путь к популярности у каждой породы оказался свой. Пудели завоевали всеобщую любовь одним наскоком, а лабрадор-ретриверы шли к первому месту медленно и неторопливо, прибавляя примерно по 10 % в год в течение сорока лет. На графиках прироста кокер-спаниелей и биглей кривая беспрестанно скачет вверх-вниз.

Кроме того, из графиков мне стало ясно, что большинство пород так никогда и не стали частью нашей жизни. Много вы знаете людей, которые держат оттерхаунда — собаку, максимальный показатель для которой составил 70 щенков в 1993 году? Или гончую-харьера, показатели которой с 1934 года выросли

невероятно — с шести до целых сорока щенков? Вскоре я уже не мог думать ни о чем, кроме исследования собачьей демографии Америки. По ночам мне снились демографические кривые. Днем я тратил неоправданно много времени на просмотр графиков прироста разных пород, изводил друзей разговорами о собаках, катал на языке замысловатые названия малоизвестных пород — кеесхонды, шипперке, пули.

Одна беда — толку в этом не было никакого.

Что общего между породой собаки и именем для ребенка

И все же удача нашла меня в тот день, когда я просматривал в журнале *Biology Letters* статью, принадлежавшую двум исследователям, о которых я никогда прежде не слышал. Один из них, по имени Мэтт Хан, был аспирантом университета Дьюка, а второй, Алекс Бентли, работал на постдоке по антропологии в колледже Лондонского университета. Статья их была посвящена именам, которые мы даем своим детям.

Мэтт и Алекс специализировались в различных областях, однако оба в свое время изучали влияние слепой удачи на эволюцию — в случае Алекса это было связано с изменениями в культуре, а Мэтт рассматривал развитие генов. Исследователи выдвинули гипотезу, согласно которой многие изменения в человеческой культуре — от рисунков на горшках эпохи неолита до хитов музыки в стиле кантри — объясняются тем, что человек — неисправимый подражатель. Идеальным способом для проверки этой гипотезы стало исследование детских имен, тем более что у Администрации социального обеспечения даже имеется сайт, где перечислена частота использования тысячи наиболее популярных имен в США за каждые десять лет двадцатого века.

Скачав тьму-тьмущую детских имен, Мэтт и Алекс засели за работу. С помощью компьютерных моделей, обычно используемых для изучения изменений в частоте встречаемости генов, они обнаружили, что объяснением постоянно происходящих изменений популярности имен может служить та же теория, которая объясняет механизм эволюционных перемен. Называется она теорией случайного дрейфа, и основное ее положение отличается удивительной простотой: имена меняются потому, что люди бессознательно подражают друг другу. В какой-то момент некто изобретает новое детское имя, или готовит необычное блюдо, или обзаводится собакой новой породы.

Захотят ли другие люди подражать ему? — тут все определяет случайность. В вопросах вкуса мы обычно следуем за большинством.

Должен признать, что я не справился с формулами, с помощью которых Мэтт и Алекс доказали, что популярность того или иного детского имени зависит от слепого случая. Однако основную идею я ухватил. И тут меня озарило — ведь они с таким же успехом могут протестировать свою гипотезу применительно к популярным и непопулярным собачьим породам. Я отправил авторам статьи электронное письмо и приложил к нему несколько составленных мною графиков. А в конце на всякий случай приписал: «Кстати, у меня есть выборка из 48 миллионов щенков. Хотите ознакомиться?»

Ответ пришел немедленно и был весьма выразителен: «Да!!! Пришлите файл!» Проведенный анализ показал, что с породами все обстоит точно так же, как с именами, — их популярность обычно зависит от какой-то космической случайности. Наши предпочтения по части собачьих пород подчиняются статистическому распределению, которое математики называют «степенным законом». В человеческих сообществах этот закон проявляется в ситуациях, когда имеется большое количество людей, оказывающих влияние друг на друга. Графики степенного закона изящны, как статуэтки Бранкузи — кривая идет из верхнего левого угла вниз и постепенно смещается вправо. Малькольм Гладуэлл из газеты *New Yorker*, славящийся своим умением объяснять всяческие заумные теории через простые вещи, сравнил график степенного закона с хоккейной клюшкой, которая лежит на полу крюком вверх.

Степенной закон гласит, что, какую область ни возьми — хоть бестселлеры, хоть цитаты из научных документов, или скачанную музыку, или количество переходов на веб-страницу, количество детских имен, количество пород собак, — примерно 20 % вариантов привлекут внимание примерно 80 % людей. Экономисты называют этот феномен «правилом 80/20». После того как выбор будет сделан несколько раз, популярность уходит в крутое пике и начинает стремиться к нулю. Вот почему в деловых

кругах степенные законы именуют не иначе как «длинный хвост».

С собаками все получается так. В 2007 году 81 % регистрируемых щенков приходился на долю тридцати одной наиболее популярной породы. Другие 125 пород делили между собой оставшиеся крохи. На долю пятидесяти наименее популярных пород приходился всего 1 % регистрируемых щенков. Щенков лабрадор-ретривера — самой популярной породы, — было в *g* тысяч раз больше, чем щенков английского фоксхаунда — наименее популярной породы. Закон «длинного хвоста» неумолим.

В соответствии с гипотезой случайного дрейфа, непрекращающиеся изменения в области моды объясняются постоянным появлением новых тенденций. Допустим, некто изобретает уродливые пластиковые тапки и называет их по-крокодильи или создает новую породу, скрестив миниатюрного шнауцера с йоркширским терьером (официальное название получившейся породы — «снорки»). Большинство новых идей пропадают втуне, однако то тут, то там какая-нибудь да и удержится на плаву. Одним из следствий такого уподобления культурных перемен игре в кости становится невозможность точно предсказать, кто станет лидером завтра в обувной промышленности, в списке детских имен, на эстраде или в области собаководства.

Проведенный нами анализ данных Американского клуба собаководства показал, что выбор собаки отражает ту же самую психологию толпы, которой мы руководствуемся, когда верим, что кольцо в носу — это сексуально. Я, безусловно, убежден в том, что преходящая любовь к той или иной породе разносится неким ментальным вирусом, который, подобно биологическому вирусу, способен порой вызывать эпидемии. Любая же эпидемия — хоть свиного гриппа, хоть хип-хопа — проходит три стадии. Начинается все с медленного непрерывного роста. Затем наступает пресловутый переломный момент и эпидемия распространяется со скоростью лесного пожара до тех пор, пока не придет третий неизбежный этап — выгорание.

Точно так же дело обстоит и с собаками. В 1950-х годах количество регистрируемых щенков ирландского сеттера составляло от 2 до 3 тысяч в год. В 1962 году был достигнут переломный момент, и страну охватила «сеттерная эпидемия». Показатели подскочили до небес и в 1974 году составили более 60 тысяч щенков — таким образом, прирост составил 2300 %. И тут вдруг популярность начала резко падать. К концу этапа выгорания количество регистрируемых ирландских сеттеров составляло всего 5 % от того числа, которое пришлось на пик популярности породы. Кривая роста и падения популярности породы абсолютно симметрична, а пятнадцать минут славы ирландского сеттера растянулись на двадцать пять лет и ни годом больше. Аналогичное развитие ситуации можно проследить и у дюжины других пород, в том числе доберманов, староанглийских овчарок и сенбернаров.

Взлет и падение породистых собак

Эпидемия популярности перечисленных пород служит прекрасным примером того, насколько сильно капризы культуры влияют на наши взаимоотношения с животными. Сегодня в Америке наблюдается выгорание еще одной собачьей моды — стремления американцев иметь породистого пса.

Превращение американской собаки из друга и помощника в модный аксессуар произошло теплым сентябрьским днем 1884 года, когда группа спортсменов приехала на встречу в Филадельфию и организовала Американский клуб собаководства. Люди эти следовали примеру своих британских коллег, которые за десять лет до того создали первый клуб для владельцев собак всех пород, названный, естественно, клубом собаководства. Вскоре Американский клуб собаководства составил регистр, изначально включавший в себя 1400 чистокровных собак восьми различных пород. Так же как и в Англии, интерес американцев к породистым собакам моментально взлетел до небес. Дог-шоу некогда были развлечением мелкопоместного дворянства, однако уже во второй половине девятнадцатого века собаки стали предметом интереса растущего среднего класса. Таким образом, мы можем наблюдать классический путь моды сверху вниз — от богатых к тем, кто хочет выглядеть богатыми.

Между 1900 и 1939 годом количество ежегодно регистрируемых в Американском клубе собаководства щенков выросло с 5 до 80 тысяч. После Второй мировой войны нацию охватила страсть к породистым псам — их доля подскочила с 5 до 50 %, а количество их росло в пятнадцать раз быстрее, чем население США.

Я считаю, что внезапно возросшей популярностью породистые собаки обязаны закону о военнослужащих от 1944 года, поскольку именно благодаря ему миллионы американцев смогли обзавестись домиком в предместье, с

двором, где удобно было держать собаку. Типичным примером может служить история моей собственной семьи. Во время войны мой отец был пилотом бомбардировщика. Домой он вернулся в 1945 году. Получив от Управления по делам ветеранов войны заем на льготных условиях, родители купили дом с лужайкой и бигля нам с сестрой. Мы гордились тем, что у Боско есть «документы» из Американского клуба собаководства. По правде говоря, никто в семье понятия не имел о том, зачем нужна регистрация в этом клубе, но звучало все равно здорово. Наш щенок — голубых кровей!

К 1970 году Американский клуб собаководства регистрировал миллион новых щенков ежегодно и имел крупнейший в мире регистр породистых собак. 1980-е и 1990-е годы были для клуба золотым веком — в 1990 году в нем была зарегистрирована половина породистых собак США. В 2007 году этот клуб, являясь некоммерческой организацией, получил 72 миллиона долларов, половину из которых составляли взносы за регистрацию щенка.

Однако со временем над клубом стали собираться тучи. Сильнейший, хотя и оцениваемый по-разному удар был нанесен по клубу в 1990 году, когда в *Atlantic Monthly* вышла разгромная критическая статья. Ее автор, Марк Дерр, изобразил Американский клуб собаководства как элитарную закрытую организацию, ориентированную на быструю прибыль, получаемую от чрезмерного распространения собак, популярных ввиду своей внешности. В 1993 году количество регистраций пошло на убыль, а графики падения прибылей стали напоминать смертельное пике.

За следующие 15 лет количество регистраций упало вдвое по сравнению с пиком середины девяностых, когда клуб регистрировал по полтора миллиона щенков в год. В 2008 году совет представителей клуба был проинформирован о том, что, если тенденция сохранится, количество регистраций вскоре упадет до 250 тысяч в год, а клуб потеряет на этом 40 миллионов долларов. Делая доклад, председатель Рон Менакер сказал прямо: «Можно не сомневаться: беда нависла и над клубом, и над всей

областью собаководства в целом». Он заявил, что, если снижение числа регистраций будет продолжаться, Американский клуб собаководства пополнит собой перечень великих, но отошедших в прошлое корпораций и встанет в один ряд с Westinghouse, Pan American Airlines и Standard Oil Company.

Американский клуб собаководства стал жертвой смены отношения общественности к факту генетической чистоты собаки. Собачьи шоу клуба являют собой причудливую смесь евгеники и философии, собаководчики же гонятся за идеалом, как его понимал Платон. Те, кто связал свою жизнь с породистыми собаками, скажут вам, что они стремятся улучшить породу и максимально приблизить ее к совершенству. Совершенство же в шоу-мире имеет вполне материальное, письменное воплощение и называется стандартом породы. Согласно стандартам Американского клуба собаководства, йоркширский терьер с двухсантиметровым белым пятнышком на груди соответствует требованиям, а йоркширский терьер с пятисантиметровым пятнышком должен быть дисквалифицирован. Мне больше всего нравится правило, которое гласит, что кламбер-спаниель должен иметь «задумчивый вид».

Стандарты породы теоретически регламентируют и темперамент собаки, однако на практике судьи уделяют куда больше внимания цвету радужки и форме головы, чем приятным чертам характера. На Ашвиллском шоу я спросил одного хендлера, во сколько мне обошлось бы приобретение шелковистого терьера выставочного класса. Оказалось — в 2–3 тысячи долларов; впрочем, добавил хендлер, он может свести меня с заводчиком, который продаст мне терьера «домашнего класса» всего за восемь сотен. В мире дог-шоу «домашний класс» является синонимом «лузера».

И все же большинство людей, заводящих собаку, хотят получить хорошего питомца. Иными словами, собаки, которых пытаются вывести заводчики, и собаки, которых хотят иметь большинство потребителей, — это две большие разницы. Более того — в своих попытках

создать идеальную собаку профессиональные заводчики вывели животное, все достоинства которого ограничиваются экстерьером; выглядит эта собака великолепно, однако стоит заглянуть поглубже... Что поделаешь — таков парадокс шоу-мира.

Мы с Мэри Джин обожаем крупных добрых собак, которым можно доверять, собак, так похожих на детей. Именно поэтому мы любим лабрадоров и золотых ретриверов. В разное время у нас жило три такие собаки, и всех их мы очень любили. Однако во всех трех случаях вместе с документами о родословной мы получали полный набор всех наследственных заболеваний данной породы. У обоих наших лабрадоров, Молли и Цали, со временем развилась дисплазия тазобедренного сустава. У Цали она протекала так тяжело, что, когда утренний подъем стал причинять ей непереносимую боль, нам пришлось усыпить собаку. А Дикси унаследовала все болезни, какими только болеют золотистые ретриверы, — дерматиты, проблемы с тазобедренными суставами, гипотиреоз (симптомом которого является «трагический взгляд») и застойную сердечную недостаточность, которая ее в конце концов и прикончила. Наследственные заболевания у породистых собак являются правилом, а не исключением. Те девятнадцать тысяч генов, которыми обмениваются собаки, несут с собой более 350 различных заболеваний. Многие из этих заболеваний аналогичны человеческим, и потому ученые особенно охотно используют породистых собак при изучении таких человеческих заболеваний, как нарколепсия, эпилепсия и рак.

Породистые собаки особенно подвержены наследственным заболеваниям по нескольким причинам. Часть заболеваний является следствием целенаправленного отбора животных с физическими уродствами. Здесь можно привести в пример бульдога. Животное, которое было выведено для того, чтобы вцепляться в нос быку, заводчики вынуждены были ради сохранения породы превратить в домашнего любимца. Выбор был сделан в пользу сообразительности и в ущерб

атлетичности и драчливости. В моду вошли бульдоги с жуткими мордами и приплюснутыми носами. Такой внешний вид был достигнут за счет отбора животных с пороком развития скелета, именуемым хондродистрофией. Подобное строение головы и морды влечет за собой массу проблем, в том числе неспособность самки родить естественным путем, затрудненное дыхание, храпение и апноэ. Аналогичная искусственная селекция ради закрепления сильновыраженных особенностей строения тела привела к заболеваниям тазобедренных суставов у немецких овчарок (следствие отбора особей с наклоном крестца) и болезням позвоночника у такс.

Однако большинство наследственных заболеваний породистых собак вызвано не преднамеренной селекцией особей с ненормальным строением тела, а обыкновенным инбридингом. Большая часть существующих ныне четырехсот с лишним пород собак возникла в течение последних 200 лет, причем количество родоначальников у каждой породы было очень ограничено. Все 10 тысяч зарегистрированных в Американском клубе собаководства португальских водных собак происходят от тридцати одного предка, а 90 % генов получены всего от десяти собак. Скрещивание особей, обладающих общим ограниченным генофондом, повышает вероятность наследования вредоносных рецессивных аллелей от обоих родителей. Плохие гены, передающиеся по одной-единственной линии, могут повлиять на очень многих собак. Это явление широко известно как «эффект производителя». К примеру, спрингеры имеют неприятную привычку кусать руку, которая их кормит. Исследователи из Корнелла и из университета Пенсильвании обнаружили, что подобное проявление агрессии восходит к одной своре, более того — к одной-единственной собаке. (Кроме того, оказалось, что спрингеры, которых вывели для показов, более склонны бросаться на своих хозяев, чем спрингеры, выведенные для охоты.)

Когда четверть товара оказывается с брачком, покупатели начинают протестовать. После того как пик

регистраций породистых собак был пройден, дворняжки, бывшие до середины двадцатого века самыми популярными американскими домашними животными, стали восстанавливать свои позиции. В 1980-х годах группы защитников животных стали продвигать идею о том, что достойнее забрать беспородную собаку из приюта, нежели приобрести породистого щенка. В 2008 году семья вице-президента Джо Байдена приобрела чистокровного щенка немецкой овчарки, которого намеревалась забрать с собой в Вашингтон. В блоге PETA немедленно появилась запись под заголовком: «Джо Байден одного купил, другого убил». После этого семья Байден вдруг решила, что им нужна вторая собака, и взяла ее из приюта.

Хороших собак все меньше?

Все перемены в отношении к собакам влекли за собой непредвиденные последствия. Не стало исключением и возникшее вдруг предпочтение дворняг и собак из приютов породистым псам: как только количество желающих взять собаку из приюта выросло, количество таких собак резко упало, уменьшившись буквально в разы. В 1970-х годах в американских приютах для животных было усыплено 23 миллиона котов и собак. В 2007 году этот показатель упал до 4 миллионов. Подобное сокращение числа брошенных животных стало результатом самой успешной в истории кампании современного движения за защиту животных — кампании в защиту стерилизации.

Одним из результатов нашего стремления оттяпать лишнее у всех питомцев стало то, что в Америке, кажется, начинает недоставать собак. Ричард Аванзино, президент Фонда Мэди — организации с бюджетом в 300 миллионов долларов, стремящейся уничтожить практику эвтаназии в приютах для животных, — беспокоится о том, что дефицит будет восполнен за счет переполненных собачьих ферм Китая и Мексики. Другие представители сообщества спасения животных не могут с уверенностью утверждать, что число собак сокращается. По их словам, у нас множество собак, которых можно было бы взять в семью, просто находятся эти собаки в неудобных районах страны.

По некоторым оценкам, почти 90 % собак в приютах некоторых северо-западных штатов являются выходцами с Юга. Мой округ каждый год вывозит на север двести собак из приютов, а Ассоциация гуманизма Атланты — целых шестьсот. Организация Rescue Waggin, входящая в состав благотворительного объединения PetSmart Charities, перевозит около хо тысяч собак в год из тех районов страны, где собаки никому не нужны, туда, где их не хватает. Избыток никому не нужных собак в южных

штатах отражает различие в отношении к стерилизации в разных частях страны. Пропаганда стерилизации имела гораздо больше успеха в северо-западных штатах, на Среднем Западе и на Западном побережье, нежели в той части страны, где живу я. Количество усыпляемых в приютах животных в Северной Каролине, например, в сорок раз больше, нежели в Коннектикуте. Наша местная группа защитников животных недавно попыталась добиться от городских властей введения закона об обязательной стерилизации, однако безуспешно. Ограничения, касающиеся собак, встречаются у жителей сельскохозяйственных районов Юга не больше одобрения, чем ограничения на использование пахотных земель, обязательная регистрация огнестрельного оружия и те законы, которые не разрешают катать детишек по городу в открытом кузове пикапа.

Моя знакомая по имени Джилл преподает историю на первом курсе колледжа, однако по-настоящему увлекается она совсем другим — поиском дома для брошенных собак. За годы своей работы она спасла от смертоносного укула 2 тысячи псов. Раз в месяц она исполняет роль бога. Это душераздирающее занятие. Джилл направляется в наш местный приют для животных и берет с собой резиновую руку. Если Джилл кажется, что у той или иной собаки еще есть будущее, что кто-нибудь может полюбить пса, она проводит стандартный поведенческий тест — для того-то и нужна ей резиновая рука. Джилл ставит перед собакой миску с едой, а как только та начинает есть, подцепляет миску резиновой рукой и тянет прочь. Если собака рычит или бросается на руку — все, конец.

Собаки редко вытаскивают счастливый билет. Одни кусают руку, другие слишком стары или слишком уродливы — таких никто не возьмет. Нынче в моде маленькие собачки, поэтому крупного пса, особенно черного цвета, пристроить все труднее. Кроме того, Джилл не работает с питбулями — она утверждает, что их слишком часто берут не те люди. Почти всех собак, которых Джилл не берет в работу, усыпляют. Собакам, которых она, по ее мнению, сможет пристроить, делают

прививку от бешенства и от собачьего парво-вируса. Две недели спустя они вместе с еще двумя дюжинами псов отправляются в кузове автомобиля по шоссе I-95, а потом по специальной подземке добираются до пригородов Нью-Йорка.

Не всем питомцам Джилл удастся прижиться на новом месте. В прошлом году ей позвонили из приюта неподалеку от Гринвича (Коннектикут) и сказали, что одна из «ее» собак, австралийская овчарка с примесью других пород, вконец их замучила. Собака успешно прошла тест с резиновой рукой, но стоило грузовику пересечь линию Мейсона — Диксона, как она словно с цепи сорвалась. Представитель приюта заявил: либо Джилл забирает собаку обратно, либо пса усыпят. В тот же вечер Джилл вскочила в машину, четырнадцать часов подряд ехала по магистрали из штата в штат, забрала собаку, развернулась и еще четырнадцать часов добиралась домой. Но все оказалось зря. Янки не соврали — собака действительно была опасна. Месяц спустя Джилл пришлось ее усыпить.

Такие разные собаки, такие разные люди

Двадцать — тридцать тысяч лет назад некая стая волков решила вручить свою судьбу человеку — и последствия этого решения оказались весьма неоднозначны. Со временем потомки волков прочно обосновались в человеческих сердцах и стали неотъемлемой частью человеческого общества. Плюсы: собаки стали регулярно получать пищу и получили возможность лежать-полеживать у теплого очага. И пускай двуногие благодетели порой поджаривали себе на ужин щенка, это казалось не слишком большой платой за безопасную жизнь и огонь в очаге. Но потом появились поводки, ошейники, собачьи бои, школы дрессировки и приюты для бездомных животных. Наконец, человек занялся позорными экспериментами, придавая первой собаке — существу изящному и совершенному — не существующие в природе формы, цвета и размеры. Мы тасовали собачий геном так и эдак, создавая разнообразнейших существ, с виду совершенных, однако напоминающих при этом современные помидоры, триумф внешнего вида над содержанием. Сегодня мы подходим к выбору животного-компаньона так же потребительски, как к выбору новомодных нарядов. Помощник стал другом, а друг превратился в модный аксессуар.

И в то же время мы любим своих собак. Мы жалуемся им на жизнь, покупаем им подарки на Рождество, возим их отдохнуть, делаем для них веб-сайты и обращаемся с псами как с собственными детьми. Они спят с нами в одной кровати. Мы оплакиваем их смерть. Особенно хорошо парадоксы взаимоотношений человека и собаки заметны на примере людей, которые сильнее прочих преданы своим животным. Я уважаю страстное увлечение заводчиков, посвятивших свою жизнь улучшению породы. Они по-настоящему любят собак. Однако в попытках создать идеальную собаку они создали миллионы

животных, страдающих чесоткой, имеющих чересчур большие головы, чересчур маленькие сердца и чересчур большие тазобедренные суставы. И все эти животные испытывают страдания.

Цель жизни Нэнси Браун — помочь ее стае волкопсов быть счастливыми настолько, насколько это возможно. Однако горькая истина заключается в том, что эти существа причудливо сочетают в себе дикость и одомашненность и обречены на жизнь в одиночных загончиках бок о бок с такими же заключенными.

Джилл знает, что на каждую собаку, которой она находит дом, приходится две, которых усыпят в нашем округе. Решая, кому из собак жить, а кому — умереть, она берет на себя все бремя ответственности за решение. Любовь к собакам, которые не нужны больше никому, мешает ей вести нормальную социальную жизнь и не дает сделать карьеру. Лицо у Джилл почти всегда грустное. Она все прекрасно понимает и как-то раз сказала мне: «Здесь никак нельзя чуть-чуть помочь, а потом уйти».

Мои отношения с собаками тоже весьма запутанны. Я любил всех собак, которые у нас были, даже Паппи, точную копию Бенджи, которую мы подобрали шесть лет назад. Это была самая умная собака из всех, что я видел. Однако за невинным выражением мордочки скрывался злобный характер, с годами становившийся все хуже. Паппи терроризировала нашего пожилого лабрадора и успела покусать всех членов семьи, причем кое-кого и не по одному разу. Я консультировался у лучших в стране специалистов по поведению животных — но все было тщетно. Однажды Паппи безо всякого предупреждения бросилась на друга, который приехал к нам в гости. Это стало последней каплей. Доктор Шилдс, наш ветеринар, сказал, что мы должны посмотреть правде в глаза. Паппи следовало усыпить.

Ту последнюю долгую поездку в ветеринарную клинику я помню так отчетливо, словно это было вчера. Прошло уже четыре года, но я до сих пор несу на себе груз вины за смерть Паппи. Может быть, поэтому мы с тех пор

держали только кошек. А мне очень не хватает в доме собаки.

5

«Королева красоты в шестнадцатый день рождения убивает своего первого оленя» Пол и отношение к животным

Как общество мы ожидаем, что женщины будут более отзывчивы к страданиям животных; мы считаем это «естественной» женской чертой.

Брайан Люк

Мужчинам нравится охотиться и убивать. Когда охота перестает быть экономически необходима, она превращается в спорт, но не прекращается.

Шервуд Уошберн

Начав работать в области антрозоологии, я был очень удивлен, обнаружив, что мужчины и женщины относятся к животным по-разному. К примеру, однажды я расспрашивал студентов ветеринарной школы, прося их дать оценку таким сложным с точки зрения морали вопросам, как, например, усыпление здоровых животных. Одна из девушек, которую звали Элизабет, сказала: «Я плакала в первый раз, когда это случилось, и в пятнадцатый тоже плакала. Со временем мне не стало легче усыплять животных, однако пришлось научиться не выказывать своих чувств перед клиентом и быть сильной». Ее сокурсник Вильям дал абсолютно противоположный ответ: «Усыпить так усыпить, меня не волнует. Иногда меня и самого это удивляет, но, честно, я из-за усыпления не дергаюсь».

Подобные ответы я слышал не раз и не два, и постепенно у меня сложилась гипотеза: женщины относятся к животным хорошо, а мужчины... м-м... не так хорошо. Правда, я тут же стал наткаться на исключения — таких женщин, как Эвелин Клэнси, и таких мужчин, как Билл Гибсон, которые абсолютно не соответствуют нашим стереотипным ожиданиям относительно отношения мужчин и женщин к животным.

Крах стереотипов: идущие против течения

Однажды ко мне в офис явилась студентка магистратуры по имени Эми Эрли — явилась и сообщила, что хочет писать диссертацию о женщинах-охотниках. Момент был удачный. Я как раз прочел в городской газете статью о девушке, которая отметила свой шестнадцатый день рождения, вогнав в сердце восьмисоткилограммового оленя пулю калибра тридцать-тридцать, причем девица оказалась не только заядлым охотником, но и школьной королевой красоты. И я задумался: как женщины-охотники ухитряются примирить в своей душе склонность к опеке и желание убивать животных.

И тут явилась Эми со своей диссертацией. Естественно, я обрадовался и ответил: «Отличный проект! Займемся!»

Одну из первых Эми опросила Эвелин, домохозяйку средних лет. Эвелин любила животных и любила охоту. Ее страстью была охота на крупную дичь. Они с мужем несколько раз ездили на сафари в Африку, однако Эвелин долгое время не удавалось добыть зебру. Однажды Эвелин и ее гид Энтони вышли на большое стадо зебр. Эвелин шепотом спросила, в кого ей целиться. Энтони указал на крупного жеребца. Эвелин дослала патрон из магазина в патронник, поймала зебру в перекрестие прицела, сделала вдох, задержала дыхание и плавно нажала на спуск. Зебра упала навзничь.

Энтони повернулся и сказала: «Не та». Они подошли к зебре. Это оказалась самка. Эвелин разрыдалась.

«Я убила самку, — говорила она Эми. — После этого я проплакала всю ночь, и утром у меня глаза были на мокром месте. Я никогда не ошибалась на охоте — ни до, ни после. Мне было так плохо! Что, если эта зебра была матерью? Вдруг с ней был детеныш? А если она была

беременна? Вот почему я переживала, когда убила не ту зебру».

История Эвелин — яркий пример того, насколько принадлежность к тому или иному полу осложняет наши отношения с другими видами. Завалив свою первую зебру, Эвелин испытала радость, которая превратилась в отчаяние, едва выяснилось, что на самом деле она убила животное, с которым идентифицировала себя. Много ли охотников-мужчин проплакали всю ночь из-за того, что убили не то животное? И много ли среди них тех, кто признался бы в этом?

Билл Гибсон — тоже нарушитель стереотипов, однако нарушает он их по-своему. Билл — психолог-исследователь и занимает офис по соседству с моим; он человек недоверчивый и практичный. Однажды я спросил его, почему он держит на столе старую поблекшую фотографию собаки. У Билла математический склад ума, он абсолютно левополушарный тип, занимается разработкой компьютерных систем, которые определяют, какой участок коры вашего мозга работает сверхурочно. Но когда Билл заговорил о Блу — собаке, помеси овчарки и хаски, — он стал необычайно мягок.

Билл рассказал, что назвал пса Блу потому, что у того один глаз был голубой — blue, — а другой карий. Билл купил Блу в 1984 году у парня, владевшего «щенячьей фабрикой», и одиннадцать лет Блу был его лучшим другом. «Блу всегда смотрел прямо в глаза. Он абсолютно все понимал», — сказал Билл.

Потом Блу заболел раком кишечника, и прогноз был самый неутешительный.

«Я был с ним до самого конца, — сказал Билл. — Я укрыл его одеялом, поцеловал и стал с ним говорить. Потом его кремировали. Я сначала держал пепел у себя, а потом развеял с горы. Мне было очень больно. Иногда я даже плакал. Это было очень, очень тяжело».

У Билла перехватило горло, и он сделал паузу, а затем продолжал: «Я вспоминаю Блу каждый день. Я никого так

не любил, ни одного человека. Наверное, я буду помнить о нем даже на смертном одре».

Как видно из рассказов Эвелин и Билла, делать обобщения о мужчинах, женщинах и животных крайне сложно. Наблюдая подобные случаи, я уверился в том, что моя первоначальная гипотеза о влиянии гендерных ролей на взаимоотношения с животными неверна — некоторые мужчины явно сочувствуют животным больше, чем некоторые женщины. Но ведь есть и масса случаев, когда половые различия вполне соответствуют гендерным стереотипам. К примеру, все известные мне любители петушиных боев — мужчины, а подавляющее большинство активных защитников прав животных — женщины. В конце концов я решил более системно подойти к изучению влияния пола на наши взаимоотношения с другими видами. Я начал собирать данные всех исследований по теме и изучил ее от «а» (активисты движения защиты животных) до «я» (ящерицы). Я обнаружил, что некоторые аспекты наших взаимоотношений с животными всецело подвержены влиянию пола. Обнаружилось, впрочем, и то, что характер и масштаб различий, связанных с полом, зависит от того, какие именно взаимоотношения мы обсуждаем.

Кто любит животных больше — мужчины или женщины?

Как это ни странно, но любовь к животным зависит от пола гораздо меньше, чем принято считать. В США среди владельцев животных-компаньонов равное количество мужчин и женщин, причем и те и другие одинаково часто покупают своим собакам и кошкам подарки к празднику и оплачивает место в газете, чтобы опубликовать некролог на смерть своего любимца. Они даже одинаково часто позволяют животным спать в своей кровати. (На самом деле женщины делают это чуть чаще, но ненамного.) Но можно ли утверждать, что мужчины привязаны к своим животным так же сильно, как женщины?

Антропологи разработали стандартизированные опросники, позволяющие оценить степень любви человека к его питомцу. Один из таких опросников, к примеру, содержит утверждения вроде «для своего питомца я сделал бы что угодно» и «мой питомец мне дороже, чем любой из друзей», а респонденту предлагается оценить степень своего согласия с ними. Когда речь заходит о любви к животным, женщины немного опережают мужчин, однако различие на удивление невелико. Я изучил материалы дюжины исследований, подтверждавшие различное отношение к животным у мужчин и женщин. Действительно, в большинстве случаев у женщин показатели были выше, однако разница между показателями среднего мужчины и средней женщины обычно оказывалась пренебрежимо мала.

Тем не менее ряд серьезных гендерных отличий был обнаружен в некоторых аспектах ухода за питомцами. Вы вряд ли удивитесь, узнав, что женщины вдвое чаще мужчин наряжают своих питомцев в почти игрушечные одежды. И этим дело не ограничивается — во многих других вопросах, связанных с животными, женщины берут на себя более половины работы. В трех из четырех

американских семей именно женщины кормят собаку и меняют наполнитель в кошачьем лотке. На долю женщин приходится 85 % визитов к ветеринару. (Знакомые ветеринары рассказывали, что, если животное привозит мужчина, он частенько вручает врачу записку от жены с перечислением точных симптомов болезни Пушка или Жучки.)

Я всегда подмечал, что мужчины и женщины по-разному играют с животными. Ведь мальчики по большому счету более склонны к шуточной борьбе и возне, которую психологи, занимающиеся развитием, называют «игрой-дракой». У нас в семье разница прослеживается очень четко. К примеру, Мэри Джин и наши дочери-близнецы Бетси и Кэти ласково гладят собак по голове, в то время как мы с Адамом чаще боремся с ними, играем в догонялки, шутливо таскаем за уши и за хвост.

Впрочем, нет практически никаких доказательств того, что аналогичным образом дело обстоит и в других семьях. Итальянские исследователи обнаружили, что мужчины и женщины играют со своими собаками совершенно одинаково, а изучение взаимодействия собак и их владельцев в приемной ветеринара также не выявило никаких различий в поведении мужчин и женщин. Гейл Мелсон, специалист по психологии развития, попросила родителей указать, насколько их дети любят играть с детьми младшего возраста, с младенцами, мягкими игрушками в виде животных, пупсами и домашними животными. Как и следовало ожидать, девочки гораздо больше мальчиков интересовались младенцами, куклами и мягкими игрушками. Однако, к моему удивлению, никаких различий в играх или обращении с животными обнаружено не было. Гейл считает, что для мальчиков домашние животные частенько являются единственным средством, позволяющим научиться заботиться о другом живом существе.

Женщины легче мужчин поддаются обаянию симпатичных зверушек. Недавно британские исследователи сообщили, что особенно остро чувствуют

разницу между симпатичными и несимпатичными малышами две категории женщин: те, кто находится в репродуктивном возрасте, и те, кто принимает противозачаточные средства, повышающие уровень прогестерона и эстрогена в организме. Точно так же действуют на женщин и симпатичные животные. Исследователи из университета Калифорнии (Санта-Барбара) решили проследить за изменениями в привлекательности щенка золотого ретривера Голди по мере роста собаки. В течение пяти месяцев они выводили Голди в очень оживленную точку университетского городка и оставляли там на час в компании «владельца» (а на самом деле ассистента). Сами исследователи записывали, сколько людей подошло погладить собаку или поиграть с ней. Способность Голди соблазнять незнакомых людей быстро снизилась после превращения щенка во взрослую собаку, причем особенно резко упал интерес к ней среди женщин. Пока Голди была лапчонкой-пусечкой, женщины вдвое чаще, чем мужчины, подходили приласкать ее. Однако уже к концу исследования количество женщин, останавливавшихся, чтобы погладить Голди по голове, упало на 95 %, а разница между женскими и мужскими показателями полностью исчезла.

«М» и «Ж»: разница в отношении к животным

Стивен Келлерт из Йельского университета посвятил свою жизнь исследованию нюансов отношения человека к представителям других биологических видов. Так, он выяснил, что женщины больше мужчин озабочены защитой животных. И в то же время страх перед змеями и пауками встречается у женщин втрое чаще, чем у мужчин. Мужчины знают о биологии и экологии других видов больше женщин, однако склонны ценить животных за такие качества, которые Келлерт называет «полезностью и возможностью скрасить досуг». Иными словами, мужчины более склонны убивать животных ради удовольствия и прибыли.

Гендерные различия в отношении к животным наблюдаются и в других обществах. Линда Пайфер из Академии наук Чикаго попросила взрослых американцев, японцев и представителей тринадцати европейских стран описать свое отношение к использованию собак и шимпанзе в экспериментах, необходимых для поиска лекарств от человеческих болезней. Во всех странах женщины чаще мужчин были настроены против этих исследований. Шведские исследователи просмотрели материалы множества других исследований, проводившихся в самых разных странах мира, и не нашли ни единой страны, в которой женщины активнее мужчин поддерживали бы использование животных для опытов.

И все же поспешные выводы о гендерных различиях в отношении к животным могут оказаться ошибочными. Если брать общественное мнение по вопросу использования животных для опытов, можно отметить, что ответы мужчин и женщин чаще совпадают, чем различаются. Так, Национальный центр изучения общественного мнения опросил большое число мужчин и женщин, попросив их выразить свое отношение к следующему утверждению: «Использовать животных для

медицинских экспериментов правильно, если это позволит спасти человеческие жизни». Обнаружилось, что среди мужчин было больше «абсолютно согласных», а среди женщин — «абсолютно несогласных». И все же большинство опрошенных выбрали менее радикальные ответы, а некоторые женщины поддерживали опыты над животными активнее некоторых мужчин. Этот пример служит иллюстрацией к одному из важнейших фактов о человеческих гендерных различиях: нет практически ни единой психологической характеристики, которой обладали бы только женщины или только мужчины. А это, в свою очередь, означает, что в большинстве случаев различия среди представителей одного пола гораздо больше, нежели различия между полами.

Женщины начинают действовать!

И все же, хотя мужчины и женщины *относятся* к животным практически одинаково, *действуют* они в отношении других биологических видов по-разному.

12 сентября 2005 года антрополог Лесли Ирвин и три ее подруги прыгнули в самолет в Денвере и помчались в Луизиану. Целью их путешествия был «Ламар-Диксон Экспоцентр» в Гонзалесе — основное место временного размещения животных, спасенных из Нового Орлеана после урагана «Катрина». Прибыв на место, женщины обнаружили там хаос, которого никак не ожидали. Той ночью Лесли записала в полевом дневнике: «Можно ли вообразить себе лай тысячи собак? До сегодняшнего дня я приняла бы такой вопрос за какой-то извращенный коан. Но теперь я знаю, как звучит этот лай, и я хотела бы, чтобы его слышали все. В нем звучит бессилие, беспомощность, отчаяние перед лицом случившегося... Этот звук будет помниться мне долго». Шесть дней спустя Лесли сама стала жертвой «Катрины». Почти целая неделя работ по спасению животных измучила ее физически и морально, и Лесли попала в больницу с истощением. Прошло уже три года, но женщину все еще преследуют звуки лая тысячи собак. Таких героев, которые, как Лесли, спасали (или пытались спасти) потерявшихся во время урагана животных, оказалось немало, и почти все они были женщинами.

Женщины чаще мужчин бывают готовы изменить свою жизнь из чувства глубокого сострадания животным. Бесчисленное множество женщин вступает сегодня в ряды защитников прав животных; любое социологическое исследование в области борьбы за освобождение животных покажет, что среди тех, кто бойкотирует цирки, участвует в маршах протеста против опытов над животными и лепит на бампер своей машины наклейки «Ешь мясо — совершаешь убийство», женщин втрое-вчетверо больше, чем мужчин. Интересно, что это

соотношение среди защитников животных остается неизменным на протяжении последних 150 лет. Даже в Викторианскую эпоху четверо из пяти членов организаций защиты животных в США и Великобритании были женщинами.

Среди тех, кто серьезно относится к животным, женщины преобладают не только в организациях защиты животного мира. В государственном зоопарке Вашингтона сотни увлеченных своим делом волонтеров, преимущественно женщин, часами стоят у вольеров, терпеливо в сотый раз объясняя посетителям, что нет, каймановая черепаха не сдохла, просто она от природы похожа на неподвижную глыбу покрытого мхом гранита; что слону Амбике шесть лет от роду; что карликовый гиппопотам — совсем не детеныш гиппопотама. Неравное распределение полов в этой области заметно невооруженным глазом. Однажды снежным январским днем я разговорился со служительницей зоопарка, и она рассказала мне, что среди сотрудников, ухаживающих за шимпанзе, гориллами и орангутангами в большом обезьяннике, нет ни одного мужчины.

Женщины преобладают практически во всех областях практической деятельности по защите животных. Они составляют 85 % членов двух основных крупнейших организаций защиты животных в США — ASPCA и Ассоциации гуманизма США. Среди тех, кто спасает бездомных собак, женщин в одиннадцать раз больше, чем мужчин, а на горячую линию Национального общества против вивисекции ежегодно звонит втрое больше студенток колледжей, нежели студентов, добивающихся права по личным соображениям отказаться от лабораторных работ по вскрытию животных. А еще женщины чаще мужчин отказываются от мяса по моральным причинам.

Темная сторона силы: жестокое обращение с животными у мужчин и женщин

Не стоит, впрочем, думать, будто женщины всегда-всегда милы и добры к животным.

Как-то утречком в четверг в январе 2006 года женщина по имени Жоанна Хинохоза ругалась со своим приходящим мужем напротив его дома в Южном Остине (Техас). В какой-то момент дискуссия обострилась настолько, что Жоанна отвесила мужу оплеуху, и тот помчался прочь по улице, призывая полицию. Тогда Жоанна взялась за его собаку. Она затащила десятикилограммовую суку-дворняжку по кличке Марти в дом и начала наносить ей удары ножом. Прибывшая вскоре полиция обнаружила Марти лежащей на полу в луже крови. Из левого бока собаки торчал нож. Всего ей было нанесено двадцать семь ножевых ранений. Собаку спешно доставили в ветеринарную больницу Бена Уайта и сделали ей срочную операцию, однако было уже слишком поздно. Адвокат Хинохозы заявил, что его клиентка страдала посттравматическим стрессовым расстройством. Ее признали виновной в жестоком *обращении* с животными и приговорили к шести месяцам в тюрьме и к курсу психотерапии.

Нападение на животное супруга или супруги — на удивление частый отучай. Тема домашних животных очень часто всплывает при обсуждении насилия в семье. Специалист по психологии развития Фрэнк Асьон, директор Института взаимоотношений человека и животных при университете Денвера, обнаружил, что 70 % женщин, подвергавшихся побоям, сообщали, что их партнеры мучили, угрожали замучить или убивали принадлежащих семье домашних животных. Случаи встречаются самые разные — кто-то убивает собаку выстрелом из ружья, кто-то швыряет в огонь

принадлежащего детям котенка. В случае с Хинохозой необычно лишь то, что убийство совершила женщина.

Оценить соотношение полов в области жестокого обращения с животными помогают данные с веб-сайта Pet-abuse.com, на котором создается подборка всех репортажей СМИ о случаях жестокого обращения с животными. При анализе 15 тысяч случаев, содержащихся в базе данных сайта, обнаруживается, что на долю мужчин приходится 70 % подобных случаев. Однако эта цифра не вполне верна. И мужчинам, и женщинам одинаково часто предъявляют судебное обвинение в ненадлежащем уходе за животными, причем обычно в основе этого лежит не жестокость, а безразличие, недальновидность или просто глупость. Если же мы отбросим эту категорию обвинений, то выяснится, что мужчинами совершаются почти все действительно агрессивные действия против животных: 94 % избиений, 91 % поджогов, 84 % удушений, 94 % повешений, 92 % избиений с летальным исходом, 94 % убийств из огнестрельного оружия и 95 % убийств с помощью холодного оружия.

О тех, кто любит животных слишком сильно: кто чаще повинен в скученном содержании

Из закономерности, согласно которой среди истязателей животных преобладают мужчины, есть лишь одно исключение. Женщины чаще мужчин держат животных в немыслимых количествах. Как-то раз я попросил одну женщину, пастора местной церкви, выступить перед моими студентами. После лекции женщина вскользь упомянула, что продает дом. Я тут же наострил уши, потому что мы с Мэри Джин как раз искали себе новое жилье. На следующий день я поехал посмотреть этот дом. Он был выстроен на горе подле Гринз-Крик, в уединенном местечке, где всегда хватало солнечных лучей и был потрясающий вид на север Джорджии. Именно о таком доме мы и мечтали. Преисполнившись радужных надежд, я открыл входную дверь дома.

Если я скажу, что запах кала и мочи едва не свалил меня с ног, это будет явным преуменьшением. По всей гостиной было разбросано тряпье, на котором возлежали кошки. Посреди комнаты валялся надорванный двадцатикилограммовый пакет сухого кошачьего корма. Сидеть было негде. Женщина, которая еще накануне казалась мне совершенно нормальной, явно была не в себе. Она беспрестанно извинялась, говоря, что у нее небольшой беспорядок, хотя вообще-то она постаралась прибраться к моему приезду. Я насчитал две дюжины котов, но, похоже, еще сколько-то бродило по лесу вокруг дома. Я быстро распрощался и уехал. Дом мы так и не купили, хотя, наверное, могли получить его задешево.

По данным Ассоциации изучения скученного содержания животных (междисциплинарной исследовательской группой под руководством ветеринара-эпидемиолога Гэри Патронека), каждый год в США сообщают о 2 тысячах случаев скученного содержания

примерно 200 тысяч животных. Люди привыкли считать, что скученное содержание — не такая жестокость, как избиение или убийство животных, однако для самих животных это куда хуже, это пытка, которая может длиться годами.

Говоря о человеке, который держит у себя избыток животных, мы обычно представляем себе сумасшедшую старую даму, которая живет одна; как правило, на нее жалуются в департамент здравоохранения измученные шумом и вонью соседи. Верно ли такое представление? Иногда верно. Среди содержателей избытка животных 75–85 % составляют женщины. Половина из этих женщин живет в одиночку. Половина — старше шестидесяти лет. По терминологии Арни Арлюка и Селесты Киллен, авторов книги «Скученное содержание: История Барбары Эриксон и ее 552 собак», женщина, к которой я приезжал, вероятно, имела «склонность к скученному содержанию в начальной стадии». У нее в доме жило два-три десятка животных, и жизнь ее потихоньку начинала ползти под откос. На практике количество животных, которых конфискуют у таких людей, может превосходить всякое воображение. Рекорд был установлен во время «Великого кроличьего спасения 2006 года», когда было спасено без малого 1700 кроликов, обитавших на заднем дворе маленького, на две спальни домика женщины по имени Джеки Декер, проживавшей неподалеку от Рено (Невада).

В ходе недавнего исследования, посвященного влиянию скученного содержания животных на здоровье населения, было обнаружено, что почти все владельцы, державшие дома более ста животных, были женщинами. Условия жизни этих записных сумасшедших разнились от неряшливых до ужасающих. Особенно плохо дела обстояли у тех, кто жил в одиночку. Более чем в половине домов не было кухонных плит, горячей воды, действующей раковины и унитаза. В 40 % домов не было отопления, а в 80 % — действующего душа или холодильника. Содержание животных в таких домах оборачивается кошмаром — кошки, собаки, вислобрюхие свиньи, кролики, — все они истощены, голодают,

измучены паразитами и болезнями, без причины нападают друг на друга. Первые респонденты, которые боролись со случаями скученного содержания, нередко рассказывали о валяющихся тут и там полуобглоданных трупиках животных.

Врачи-клиницисты выдвинули несколько причин скученного содержания животных. Самая неправдоподобная из них гласит, что склонность к содержанию в подобных условиях котов вызвана у людей токсоплазмозом. Мысль о том, что в скученном содержании животных повинен проникший в наш мозг паразит, пока не доказана, но лично мне она кажется небезынтересной. Зараженные токсоплазмозом грызуны, например, проникаются любовью к котам и беспрестанно нюхают кошачью мочу. У людей токсоплазмоз обычно приводит к психическим заболеваниям и неврозам. А отсюда уже один шаг до того, чтобы предположить, что паразит может замутнить сознание кошководельца и даже уничтожить некое количество нейронов, после чего человек полюбит совершенно отвратительный для большинства людей запах кошачьей мочи. Впрочем, есть и более традиционные теории, связывающие скученное содержание животных со старческим слабоумием, обсессивно-компульсивным расстройством, склонностью к аддиктивным состояниям, нарушениями социальных связей или галлюцинациями. Как правило, хозяева убеждены, что их животные счастливы и что они, хозяева, имеют особые способности по части общения с ними.

Итак, антрозоологи не знают, какова точная причина скученного содержания животных людьми; исследователи же уверенно говорят, что это заболевание лечению практически не поддается. Рецидивы случаются практически у 100 % больных. Всего четыре года спустя после «кроличьего дела» Рено полицейские конфисковали с того же участка еще пятьсот кроликов. Хотя большую их часть пришлось усыпить, местный судья счел всю историю шуткой и отказал в вынесении постановления, запрещающего владельце кроликов содержать каких бы то ни было животных в дальнейшем.

Я подозреваю, что порой скученное содержание начинается с сильнейшего и чистейшего желания спасти животных при полной неспособности ставить границы в собственном сознании. Это означает, что люди (в основном женщины), занятые спасением животных, особенно подвержены риску. В последние несколько лет мы с моими студентами множество раз брали интервью у членов различных организаций защиты животных. Подавляющее большинство из них было совершенно нормальными людьми, некоторые — совершенно святыми, однако мы нет-нет да и попадали впросак. В ходе интервью мы спрашивали у людей, сколько у них домашних животных. Обычно мы слышали в ответ «две собаки, кошка и попугай» или что-нибудь еще в том же роде. Но порой, услышав вопрос, человек опускал глаза, издавал смешок и говорил: «Ну-у... довольно много». Кстати, именно эти люди обычно отказывались давать интервью у себя дома.

Я начал смутно догадываться о причинах, по которым человек не в состоянии сказать «нет», о причинах, по которым он чувствует себя обязанным взять в дом еще одно животное, когда меня провели по всем углам и закоулкам муниципального приюта для животных. Мое внимание немедленно привлек молодой пес-боксер, который часто дышал, лежа на боку в клетке, стоявшей в карантинной комнате. Пес поднял голову и посмотрел на меня невероятно печальными глазами, в которых светилась мольба. «Забери меня отсюда, пожалуйста!» — говорили эти глаза. Сердце у меня сжалось — я пропал. Не будь этот пес больным и непригодным к домашнему содержанию, я бы тут же забрал его себе.

В приют ежегодно поступает 8 тысяч собак и кошек. 40 % из них уйдут отсюда в сопровождении счастливо улыбающегося нового хозяина. Остальные 60 % — большая часть котов, почти все крупные собаки черного окраса и нечистокровные питбули, — получают пару кубиков этанинала натрия в головную вену передней лапы и несколько секунд спустя оставят этот бранный мир.

Директор приюта Бекки, которая лично водила меня по всем закоулкам, проработала в приютах пятнадцать лет. Животных она любит, действительно любит. Протискиваясь меж рядов стальных клеток, она показывает мне собаку породы «древесная гончая» (разновидность енотовой гончей) и рассказывает, что ту нашли, когда она бегала без присмотра возле ущелья Биг-Оук. Потом директор окликает по имени рыжего кота. Задние комнаты забиты животными, и в ушах у меня звенит от бесконечного лая. Говорить в таком шуме невозможно. Некоторые животные выглядят нормально, некоторые испуганы.

Бекки стремится к тому, чтобы жизнь брошенных животных стала лучше. У нее есть собственные домашние животные — три кота, три собаки и три птицы. Парадоксальность ее профессии становится очевидна, когда я спрашиваю:

«Сколько кошек и собак вы усыпили за все эти годы?»

Она смотрит на меня как на идиота.

«Больше тысячи?» — мягко спрашиваю я.

«Как минимум», — соглашается она, помолчав.

«Как же вы не сошли с ума?»

«Но ведь кто-то же должен это делать. Я просто не принимаю это близко к сердцу».

Потом она показывает мне заметку, которая появилась в профессиональном издании несколько дней назад. Написана заметка директором приюта, женщиной, которая каждый вечер возвращается домой в слезах. Слова ее исполнены горечи. «Я ненавижу мою работу, — пишет эта женщина. — Я ненавижу ее за то, что она существует, и за то, что она никогда не кончится, если только сами люди не изменятся. Пусть они поймут, что ломают жизнь не только своему животному, которое спихивают в приют. Я стараюсь спасти всех, кого могу, но каждый день у нас появляется больше животных, чем желающих взять их к

себе». Бекки говорит, что автор заметки неправильно относится к работе.

Сама Бекки видит свою работу в весьма радужном свете и очень ее любит. Это занятие для нее. Однако нельзя сказать то же самое обо всех волонтерах, которыми она руководит. Ей приходится приглядывать за несколькими из них — одни могут докатиться до скученного содержания животных, а другим не хватает душевных сил на ту работу, что они избрали.

Природа (и истоки) различного отношения к животным у мужчин и женщин

Прочитан не одну сотню статей о связанных с полом различиях в отношении к животным, я сделал ряд выводов. Во-первых, женщины в целом чаще имеют слабость к животным, чем мужчины. Во-вторых, хотя наши стереотипы относительно характера гендерных различий в отношениях с животными обычно в целом адекватны, наша оценка масштабов различий между мужчинами и женщинами обычно неверна. Мужчины и женщины практически с равной частотой заводят домашних животных, мальчики и девочки практически одинаково играют с питомцами. Гендерные различия в позиции широкой общественности относительно таких вопросов, как опыты над животными, несколько больше, а некоторые точки зрения характерны как для мужчин, так и для женщин. Сильнее всего гендерные различия просматриваются при сравнении двух крайностей — активных защитников и обидчиков животных.

Всех интересует вопрос: является ли разница между мужчиной и женщиной следствием врожденных или приобретенных факторов? Сложный вопрос. (Лоуренс Саммерс, к примеру, потерял должность главы Гарвардского университета за высказанное им предположение о том, что мужчины и женщины могут быть неодинаково эффективны в науке ввиду физиологических различий.) И не только сложный, но и убогий с точки зрения логики. Объяснение такой сложной структуры, как человеческое отношение к животным, ТОЛЬКО природными или ТОЛЬКО приобретенными причинами — прекрасный пример мифа о единственной причине. Различное отношение мужчин и женщин к животным формируется под влиянием бесчисленного множества факторов. Некоторые социологи считают, что женщины склонны бороться за права животных потому,

что и женщин, и животных эксплуатируют мужчины, а потому женщины идентифицируются с животными чаще, чем мужчины. Другие видят корень различий в социализации. Так, в книге «Жестокость: мужчины, животные, эксплуатация» Брайан Люк утверждает, что наша культура приучает мальчиков безразлично относиться к страданиям животных практически с рождения.

Конечно, причины некоторых различий между мужчинами и женщинами связаны с эксплуатацией и социализацией, однако биология тоже играет немалую роль в отношениях человека и животных. Так, охота считается мужским занятием во всех человеческих культурах. Ну, почти во всех. Женщины племени бамбути, обитающего в лесах Итури (Демократическая Республика Конго), помогают загонять добычу в сети, а женщины племени матсес, что живет в бассейне Амазонки, и вовсе отправляются в охотничьи экспедиции вместе с мужьями. Участникам такой экспедиции нетрудно уединиться где-нибудь в лесу, а потому охотники и охотницы в ожидании добычи коротают время за горячим первобытным сексом. По этой причине мужчины племени матсес, будучи женаты на нескольких женщинах, берут с собой на охоту только одну из них, причем женщины бывают недовольны, если их слишком редко приглашают «на охоту». Однако культуры, подобные этим, встречаются крайне редко. Практически во всех человеческих культурах в охотничьих экспедициях бывает столько же секса, сколько в футбольной раздевалке во время первого тайма.

Психологи, занимающиеся вопросами развития, обнаружили, что ряд различий между полами проявляется очень рано и потому не может быть результатом социализации. Уже в возрасте грех месяцев мальчики успешнее девочек выполняют задания, в ходе которых необходимо вообразить поворот объекта. А еще (знаю, поверить в это трудно, но все же) некоторые исследователи доказали, что самцы и самки обезьян предпочитают те же самые игрушки, что человеческие дети разных полов. Обезьянам-самцам нравятся

«мальчишковые» игрушки (например, машинки), а обезьянки-самки охотнее играют с мягкими, приятными на ощупь предметами. Кроме того, у детей удалось обнаружить определенные различия в реагировании на животных. К примеру, маленькие девочки быстрее мальчиков научаются связывать чувство страха с образом паука или змеи.

На взаимодействие с другими биологическими видами оказывает свое влияние и физиология. Существует несколько половых гормонов, под воздействием которых человек переживает эмпатию — чувство, влияющее на наше отношение к другим людям и животным и поведение при контакте с ними. Один из этих гормонов, окситоцин, запускает материнский инстинкт и облегчает социальные связи. У человека уровень окситоцина становится выше во время беременности и достигает своего пика при родах, кормлении грудью и сексуальном оргазме. Кроме того, окситоцин связан с различной выраженностью эмпатии у мужчин и женщин. Так, например, мужчины хуже женщин распознают эмоции по выражению лица, однако достаточно небольшого всплеска окситоцина, и эмоциональный интеллект мужчины на время подскакивает, а сам он становится более великодушным.

Можно ли считать окситоцин тем раствором, который цементирует собой связь человека с животными? Именно так считает Мег Дейли Олмерт. В своей книге «Созданы друг для друга: биологическая подоплека взаимоотношений человека и животного» она пишет, что домашние животные представляют из себя «окситоциновый фонтан» и что их хозяева в повседневной жизни «так и светятся окситоцином». Увы, эти выводы были сделаны на основании одного-единственного исследования, включавшего всего восемнадцать испытуемых. Исследователи действительно зафиксировали повышение уровня окситоцина у людей после того, как они контактировали с собственными собаками, — однако точно такое же повышение наблюдалось и тогда, когда испытуемые просто сидели и читали книжку. Последующие эксперименты по изучению

влияния окситоцина на наши взаимоотношения с питомцами дали противоречивые результаты. Одно исследование показало, что уровень этого гормона повышается у женщин, глядящих собаку, но понижается у мужчин. Японские исследователи обнаружили, что повышение уровня окситоцина во время игры с собакой зависело от возраста владельца и от того, насколько часто собака смотрела на владельца во время игры. А группа исследователей из университета Миссури сообщила, что взаимодействие с питомцами никак не влияет на уровень окситоцина у их хозяев. Таким образом, мы можем допустить, что окситоцин связан с некоторыми аспектами взаимодействия человека и животных, однако для того, чтобы делать выводы о его влиянии на нашу привязанность к домашним животным, потребуется серьезная исследовательская работа.

Мужской гормон тестостерон влияет на эмпатию совершенно противоположным образом. Чем больше тестостерона в крови у мужчины или у женщины, тем более они агрессивны и тем менее склонны к эмпатии. Тестостерон влияет и на взаимодействие людей с их питомцами. Аманда Джонс и Роберт Джозефе из университета Техаса обнаружили, что во время собачьих бегов уровень тестостерона в слюне мужчины был напрямую связан с тем, как тот обращался со своим псом после соревнований. Мужчины с высоким уровнем тестостерона наказывали или даже били собак, показавших плохие результаты. Мужчины же, чей уровень тестостерона был ниже, напротив, демонстрировали свою любовь к питомцу независимо от того, какое место он занял.

Что расскажет о различиях в отношении к животным Гауссова кривая

Итак, влияние половой принадлежности на наши взаимоотношения с представителями других биологических видов является результатом сложного сочетания политических, культурных, эволюционных и даже биохимических факторов. Так можем ли мы разобраться во всех крупных и мелких различиях, которые демонстрируют мужчины и женщины в отношении к животным и обращении с ними, не скатываясь в стандартные споры о приоритете врожденных либо приобретенных факторов? Да, можем.

Несколько лет назад в газете *New Yorker* мне попала малоизвестная статья Малькольма Гладуэлла, который вел колонку «Последняя капля». Статья называлась «Спортивные табу: почему чернокожие ближе к мальчикам, а белые — к девочкам». Гладуэлл утверждал, что для того, чтобы разобраться в сути расовых и гендерных различий, необходимо научиться понимать гауссовы кривые, которые статистики именуют «нормальными распределениями». Гауссова кривая объясняет ряд психологических и биологических явлений. Лежащая в ее основе идея проста: если рассматривать определенную характеристику разной степени выраженности, от крайне высокой до «с гулькин нос», то большинство случаев распределится ближе к середине кривой, а по мере приближения к экстремумам значения количество случаев будет уменьшаться. Хорошим примером такой характеристики на гауссовой кривой являются показатели тестов IQ. Средний показатель IQ в США составляет 100 пунктов. Уровень IQ превышает этот показатель у 50 % населения, однако лишь у 2 % он оказывается выше 130 пунктов, и всего один человек из тысячи имеет 145 пунктов.

Иногда гауссова кривая незаслуженно ассоциируется с расизмом. Дело в том, что авторы вышедшей в 1994 году книги, названной просто «Гауссова кривая», психолог Ричард Геррнстайн и политолог Чарльз Мюррей использовали нормальные распределения для доказательства своего мнения о том, что различные для разных рас показатели IQ являются наследуемым фактором. Однако гауссова кривая — это не более чем график. Он не содержит абсолютно никакой информации о том, являются ли различия между группами следствием воздействия генотипа, окружения или сочетания этих двух факторов. Точно так же гауссова кривая не объясняет нам базовых причин гендерных различий, однако с ее помощью мы можем понять, почему среди тех, кто борется за права животных, больше женщин, а среди тех, кто этих животных мучает, больше мужчин.

Сам я считаю, что многие гендерные различия между людьми, в том числе и те, что определяют наше отношение к животным, являются не более чем следствием элегантного статистического принципа, которого большинство психологов не понимают. Принцип таков: если наложить одну гауссову кривую на другую, то даже малейшее различие между средними показателями обеих групп приведет к значительным различиям показателей на экстремумах.

Возьмем, например, рост. В США рост среднего мужчины на 8 % превышает рост средней женщины. Вроде бы немного, но по мере приближения к самым низким и самым высоким показателям соотношение полов идет вразнос. Так, среди людей, чей рост превышает полтора метра, на одну женщину приходится тридцать мужчин, однако когда мы берем людей, чей рост выше 1,80 м, соотношение составляет уже 2000 к 1.

И вот этот самый принцип, согласно которому малые различия в средних показателях у мужчин и женщин выливаются в большие различия между полами на экстремумах, и объясняет различия между полами во многих областях человеческой деятельности. Тот факт, что смерть женщины от осложнений, связанных с анорексией,

вдесятеро вероятнее, чем смерть от них мужчины, является непосредственным следствием того факта, что средняя американская женщина несколько больше среднего мужчины озабочена своим телом. А огромная разница между числом убийств, совершаемых мужчинами и женщинами, проистекает из реального существующего (однако на удивление небольшого) различия между склонностью к агрессивности среднего мужчины и средней женщины.

И вот как теория половых различий Херцога (сворованная у Малькольма Гладуэлла) действует в области взаимоотношений человека и животного. Допустим, что у всех американцев имеется гипотетическая психологическая характеристика «любовь к домашним животным». У каждого человека она выражена в разной степени. Допустим также, что она распределяется по гауссовой кривой — большинство людей попадает в средний показатель, однако есть немногочисленная группа тех, кто животных обожает без памяти, и тех, кто животных страстно ненавидит. Допустим также, что показатель средней женщины по этой характеристике несколько выше, чем показатель обычного мужчины, однако, как это почти всегда бывает, есть немалый участок, на котором показатели обоих полов совпадают. Если моя теория гауссовой кривой верна, то по мере продвижения к экстремумам, на которых находятся обожатели и ненавистники животных, разница между полами будет становиться все больше.

Именно это мы и наблюдаем на практике. Среди тех, кто без ума обожает животных (и держит их в скученных условиях), женщин вдесятеро больше, чем мужчин, а среди тех, кто всерьез ненавидит животных (садисты-мучители), соотношение мужчин и женщин еще выше. Кроме того, наложение гауссовых кривых объясняет и то, почему среди активных борцов за права животных так много женщин. В результате масштабных опросов было выявлено, что женщины больше мужчин озабочены благополучием животных. Разница, впрочем, не слишком велика и различных позиций по отношению к животным у

представителей одного пола гораздо больше, нежели у среднего мужчины и средней женщины. Но продвигаясь к крайним значениям, мы опять-таки сталкиваемся со значительным расхождением показателей. На том конце, где находятся защитники животных, вчетверо больше женщин — они жертвуют деньги на ASPCA, бойкотируют цирки и ходят на демонстрации за права животных. На конце, где расположились противники животных, преобладают мужчины, которые чаще женщин охотятся ради развлечения.

Гауссова кривая объясняет нам причину столь значительной разницы между полами в вопросах взаимоотношения человека и животного. И работает этот принцип всегда, независимо от того, природа или культура нашептывают впервые пришедшей в зоопарк семилетней девочке «как мне жаль эту обезьянку в клетке!», а впервые отправившемуся с отцом на охоту мальчику-подростку — «выдохни, удержи дыхание, плавно потяни крючок... ОГОНЬ!»

6

Правда у каждого своя Петушиные бои и жареные окорочка — что милосерднее?

Тот, кто направляет одно животное на другое, недостаточно храбр, чтобы ввязаться в драку самому. Это трус низшего пошиба.

Кливленд Эмори

Петушиные бои — это самый человеческий, а пожалуй, и единственный человеческий вид спорта.

Капитан Л. Фиц-Барнард

Я еду по сороковому шоссе в Ноксвилл, чтобы побеседовать с Эдди Бакнером, старым любителем петушиных боев. Мы с ним общались много лет назад, когда я писал диссертацию о поведении кур и психологии участников петушиных боев. За десять миль до Теннесси мимо окон моей машины вдруг начинают летать белые перышки. Я прибавляю скорость, обгоняю пару фур и пристраиваюсь за двумя грузовиками с открытым кузовом. В каждом кузове по тридцать четыре проволочные клетки с живыми курами. Грузовики держат путь на мясокомбинат. Каждая клетка в ширину имеет около метра, в длину — метр с четвертью, а в высоту сантиметров тридцать, и в каждой сидят по тридцать — сорок кур. Я подсчитываю в уме: по триста квадратных сантиметров пространства на курицу дает нам больше тысячи кур в каждом грузовике. Да они там набиты как шпроты в банке! На улице всего двенадцать градусов тепла, а куры ничем не защищены от ветра и от шума шоссе. Когда мы пересекаем линию штата, неофициально

именуемого «Куриным округом», грузовики идут под сто двадцать километров в час. Куры дрожат и прячут голову под крыло; они напутаны, ветер срывает с них перья. Я думаю про себя: интересно, почему федеральные законы о защите животных не запрещают перевозку кур на убой из штата в штат?

Я ехал за грузовиками еще миль двадцать. Мы миновали съезд в Уилтон-Спрингз и были совсем рядом с заброшенной «Ареной четыре-сорок», где некогда проводились петушинные бои. В 2005 году ФБР начало судебную кампанию против устроителей петушинных боев на востоке Теннесси, и арена была закрыта. Но, хотя за тридцать лет на главной площадке «Арены четыре-сорок» погибло немало представителей куриного племени, в тысячу раз больше их умерло ради того, чтобы накормить голодных туристов, которые едут из Смоки-Маунтинс, останавливаются у «Макдоналдса» и заказывают обед с коробочкой макнаггетсов. Тут-то я и понял, что сравнивать этичность петушинных боев с этичностью куроедения куда сложнее, чем кажется.

Если бы наш лабрадор-ретривер Молли не полюбила сырые яйца, я никогда бы не проник в таинственный мир нелегальных петушинных боев, который, как оказалось, существовал в нашем небольшом городке. Вскоре после того, как мы переехали в горы, Молли повадилась воровать яйца из курятника нашего соседа Хобарта. Я заподозрил неладное, когда однажды, вернувшись с работы, обнаружил Молли лежащей на крыльце. На одной лапе у нее краснела ранка, а рыльце явно было в пушку, точнее, в яйцо. На следующий день Мэри Джин случайно повстречалась в бакалейной лавочке с женой Хобарта, Лейни, и упомянула о том, что Молли поранилась, но где и как — неизвестно. «Ах, вот вы о чем, — сказала Лейни. — Хобарт опять поймал ее у нас в курятнике, ну и всыпал немного. Не волнуйтесь, он выпалил мелкой дробью, это ничего».

Я не стал затевать скандал с Хобартом — все-таки мой пес действительно воровал у него яйца. Однако я понял, что нужно что-то предпринять, причем быстро. И

тогда я решил завести собственных кур и научить Молли не трогать их. Я просмотрел раздел объявлений в газете и в разделе «Домашняя птица» обнаружил именно то, что и было нужно: «Цыплята — 2 доллара 50 центов штука. Ловить самостоятельно. Звоните Р. Л. Холкомбу, Стоуни-Форк». Цена была невысока, а до Стоуни-Форка от нас всего пара миль. Я сел в машину и поехал в горы. Во дворе у мистера Холкомба расхаживало с полдюжины птиц, среди которых были и маленькие бурые курочки, и пара роскошных петухов. Мистер Холкомб рассказал, что прежде они были участниками петушиных боев, да и сам он боями всерьез увлекался, но теперь он держит петухов просто так. Побегав часок по двору, я ухитрился поймать петуха и пару кур, но главное — сумел разговорить хозяина и расспросить его о петушиных боях. Только тут я узнал, что, оказывается, живу в самом сердце мира, который, как правило, не виден моим коллегам по колледжу.

Мистер Холкомб сказал, что, если я хочу узнать побольше о бойцовых петухах, мне следует поговорить с человеком по имени Фейб Уэбб — живой легендой завсегдаев петушиных боев с запада Северной Каролины. Я позвонил Уэббу и очень удивился, когда он пригласил меня в гости. Это оказался мужчина за семьдесят, высокий, рыжеволосый, краснолицый. Он жил неподалеку от дороги — полмили по грунтовке, и вот он, небольшой белый дом, с трех сторон окруженный лесным заповедником Фасги. Сам дом с дороги виден не был, зато шум птичника разносился очень далеко. Уэбб держал несколько дюжин великолепных бойцовых петухов — одни были бордового, почти фиолетового цвета с зеленым отливом, другие — снежно-белые, а третьи — черные с оранжевыми воротниками. У каждого петуха была отдельная проволочная клетка.

Фейб любил поговорить о петухах, поэтому я стал время от времени бывать у него. Он водил меня по птичьему двору, рассказывал о родословной каждого петуха, подсыпал тут и там зерна, подзывал своих питомцев. И всякий раз Фейб показывал на старого,

покрытого шрамами бойцового петуха (кажется, одноглазого) и, сам по-петушиному надуваясь от гордости, говорил: «А вот этот вот — шестикратный победитель!» На самом деле Фейб бросил петушинные бои задолго до того, как мы познакомились, и только время от времени бывал на случайных боях, покупал дешевый билет и ставил какую-нибудь мелочь.

Я совершенно озадачен. Если человек так любит своих птиц, как может он участвовать в жестоких и незаконных боях, которые почти всегда оканчиваются смертью? И вот однажды, когда мы сидели у Фейба на кухне и попивали лучшее домашнее кукурузное виски Северной Каролины, я высказал хозяину эту свою мысль. Тогда Фейб предложил сводить меня на петушинные бои. Он сказал, что хочет, чтобы я понял: петушинный бой — это вовсе не мясорубка, как считают изнеженные горожане. Увы, я так и не пошел с ним — откладывал, откладывал, а потом узнал из газеты, что Фейб умер. Вероятно, у него случился сердечный приступ.

Вскоре после смерти Фейба меня пригласил к себе в офис декан колледжа, где я временно преподавал. Мне была предложена постоянная работа, при условии, что я закончу диссертацию и получу докторскую степень по психологии. Вот так разом наблюдение за купленными у мистера Холкомба курами превратилось из праздного занятия в толчок для карьеры. Простудировав материалы о поведении домашней птицы, я убедил моего научного руководителя сделать темой моей диссертации кур. Особенно меня интересовали различия в поведении цыплят различных пород, в том числе бойцовых. Два месяца спустя я устроил у себя в подвале мини-инкубатор. Оплодотворенные яйца красного род-айленда и белого леггорна мне без труда удалось достать в университете, на кафедре домашней птицы, однако добыча яйца от чистокровной боевой породы превратилась в настоящий квест. Связавшись с друзьями друзей моих друзей, я вышел на нескольких теннессийских любителей петушинных боев, и те охотно мне помогли. Один из них, по имени Джим, даже пригласил меня с собой на

ближайшие бои в Северной Каролине. На этот раз я согласился сразу.

Дерби на пятерых в округе Мэдисон

Бои проходили на арене неподалеку от заброшенной воскресной школы Эббс в округе Мэдисон. Снаружи здание походило на большой сарай. Мы заплатили за вход, и Джим отправился перекинуться парой слов с приятелями, а я постарался стать невидимым. В воздухе стоял сигаретный дым, крепкий запах кофе и жарившихся на гриле у стойки котлет для гамбургеров. Человек сто пятьдесят зрителей сидели на трибунах или прогуливались по залу. Среди зрителей я увидел мужчину в инвалидной коляске, а рядом сидели его жена и сын лет двенадцати. Раздался усиленный мегафоном голос распорядителя — перекрывая гул толпы, он велел владельцам петухов, которым предстояло участвовать в следующем бою, подойти к главной площадке.

У каждого из подошедших было с собой по петуху весьма странного вида. Гребешки и бородки у петухов были удалены, а перья на спинах и на боках подстрижены, чтобы избежать перегрева во время боя. Один из петухов был темно-красный, другой — черный с вкраплениями бледно-желтого. Петухов взвесили, как настоящих борцов. С помощью кожаных ремешков и воценой нитки к петушиным шпорам прикрепили стальные крюки — изогнутые лезвия, именно из-за них петушиные бои часто заканчиваются смертью. По обычаю тех времен и тех мест, крюки были длинные — по семь с половиной сантиметров каждый. Более короткие крюки были в почете на севере, а крюки-ножи надевают на левую ногу своим петухам только филиппинские и испанские любители боев.

Лысый мужчина на трибунах выкрикнул, ни к кому не обращаясь: «Ставлю двадцать пять к двадцати на Грея!» Сидевший напротив парень помоложе указал на него пальцем и сказал: «Принимаю!» Джим кивком показал мне на группу мужчин, тихо сидевших в углу. Он сказал,

что это крупные игроки, которые делают большие ставки между собой.

Судьей был старый негр лет пятидесяти, которого все называли Док. В обычной жизни он работал уборщиком в школе. Он подал сигнал: «Сводите!» Хозяева взяли петухов на руки и одновременно вынесли в центр арены — круглой площадки диаметром около пяти метров, окруженной метровым проволочным ограждением. Стоило петухам завидеть друг друга, как они впали в неистовство, оперение их засверкало, и они бросились вперед, стремясь выклевать глаза противнику. В течение нескольких секунд петухи клевали друг друга в голову, но затем хозяева развели их и водворили за длинные линии, прочерченные в грязи. Пригнувшись, хозяева ожидали команды, и наконец Док крикнул: «Выпускайте!» Дальше уже не было видно ничего, кроме вихря перьев.

Десять минут спустя хозяин красного петуха швырнул мертвое тело в бочку, полную дохлых птиц. Ставки были выплачены, и вот уже два новых петуха готовятся к бою. Я слышу, как Док командует: «Выпускайте!»

Я добрался до дома только к трем часам ночи и ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Я пытался понять, что все это значило. Есть такие строчки у Боба Дилана: «Что-то явно происходит, только что там — непонятно, непонятно, вы согласны, мистер Джонс?» Вот именно такие мысли и крутились у меня в голове.

Следующим утром за завтраком я сказал Мэри Джин, что решил временно сменить профиль и побыть этнографом. Конечно, и до меня исследователи пытались понять, в чем смысл петушиных боев. Большинство из этих исследователей были антропологами и искали какую-то смысловую подоплеку происходящего, увязывая его с тотемами, мифами и символами. В 1942 году Грегори Бейтсон и Маргарет Мид писали о петушиных боях на Бали: «Доказательством того, что бойцовый петух символизирует собой гениталии, является поза, которую принимает держащий петуха мужчина, сексуальный сленг

и сексуальные шутки, а также распространенный среди балийских резчиков по дереву сюжет с мужчинами и дерущимися петухами». Британский антрополог Гэри Марвин интерпретировал испанские петушиные бои как торжество маскулинности, а принстонский социолог Клиффорд Гирц утверждал, что функцией петушиных боев на Бали является подтверждение иерархического статуса мужчин в глухих деревушках. Не так давно в своем эссе, названном «Петух и фаллос», антрополог из университета Калифорнии Алан Дандес заявил, что петушиные бои, по сути, представляют из себя «гомосексуальную битву мужчин, несущую элемент мастурбации».

Эти квазифрейдистские рассуждения, конечно, были небезынтересны, однако они не давали ответа на интересовавший меня вопрос: как совершенно нормальные с виду люди могли заниматься делом, которое большинству американцев (включая меня самого) казалось садистским занятием? Однако для того, чтобы понять этот парадокс — почему хорошие люди делают плохие вещи, — я должен был побольше узнать о петушиных боях. Пришлось сделать шаг назад и примерить на себя роль, которую невролог Оливер Сакс назвал «антрополог с Марса». В течение последующих двух лет я наездил не одну тысячу миль по проселочным дорогам Восточного Теннесси и западной части Северной Калифорнии — разговаривал с любителями петушиных боев, фотографировал их детей и петухов (обычно и тех и других вместе) и не покладая рук с зажатой в них анкетой собирал данные о подпольных петушиных боях. А попутно удалось узнать много интересного о том, что люди думают — и чего стараются не думать — о том, как человек обращается с животными.

Культура петушинных боев: азбука для начинающих

Стравливание петухов является одним из старейших и наиболее распространенных традиционных состязаний. Современная курица происходит от нескольких видов кустарниковых кур, обитавших в Азии и одомашненных около 8 тысяч лет назад. Кустарниковые куры — драчуны каких поискать, и, вероятно, люди начали устраивать схватки петухов примерно тогда же, когда начали держать кур ради мяса и яиц. Петушинные бои зародились в Юго-Восточной Азии и вскоре проникли в Китай, в Океанию, на Средний Восток и даже в Древнюю Грецию и Рим — там юношам предписывалось посещать петушинные бои, дабы познать, что значит отвага. Бои прижились и в Европе, причем особенной популярностью они пользовались в Испании, Франции и на Британских островах. Колумб привез кур — и, вероятно, традицию петушинных боев — в Новый Свет, и вскорости эта лихорадка охватила Северную и Южную Америку.

Чтобы понять, что представляют собой петушинные бои, начать следует с петухов. Любители петушинных боев помешаны на родословных. Они без конца могут разглагольствовать о достоинствах гибридизации, линейного разведения и инбридинга. Они не хуже заправского учителя биологии расскажут вам о том, чем первое дочернее поколение отличается от полученных в результате скрещивания гибридов второго поколения. Порой заводчики, с которыми я разговаривал, доставали записные книжки, в которых родословные были расписаны на десять лет назад. Они могли точно сказать, кто кого породил и от каких кур получают лучшие «нападающие» и «секачи». Правда, в наше время эта информация вносится в компьютерные базы данных.

Бойцовые петухи происходят от бесчисленного множества пород. Названия у них самые пышные: синеголовые хэтчи, келсо, арканзасские бродяги,

круглоголовые алленские, мадиганские серые, головорезы, кровники. Выращивая боевых петухов, специалисты стремятся добиться идеального сочетания трех качеств. Первое — «каттинг», способность петуха наносить сопернику точные удары в легкие и в сердце. Второе — умение не расслабляться между ударами. Однако самым важным качеством является третье, о котором любители боев говорят с придыханием и которое именуют «настоящей отвагой» или чаще «боевым духом». Я спросил у некоего Джонни, дед и отец которого тоже разводили бойцовых петухов, как он объяснил бы суть «боевого духа» моим знакомым защитникам животных. «Боевой дух живет в сердце петуха, — сказал Джонни. — Петух с боевым духом готов драться насмерть. Обычный петух из курятника трус. Он ни за что не выпустит кишки противнику. Боевой дух — это когда петух готов на все ради победы. Настоящий бойцовый петух бьется за победу до последнего вздоха».

Как бы ни были любители петушиных боев одержимы родословными — куда там членам вестминстерского клуба собаководства! — любой из них признает, что одних хороших генов здесь мало. Петуха надо правильно воспитать. Позиция Джонни в извечном споре «природа или окружение?» такова: умение петуха сражаться на 85 % зависит от генов и на 15 % — от условий, в которых он содержится. За несколько недель до состязания владельцы петухов сажают своих подопечных на особую диету, которую называют «спортивной». У каждого заводчика есть свои секретные рецепты этой диеты. Джонни, например, дает своим петухам витаминные добавки и выпускает на несколько часов в день поклевать червяков и свежую травку. Некоторые владельцы сдабривают «спортивную» диету щепоткой стрихнина, считая, что это делает кровь гуще. Кто-то дает своим петухам антибиотики, тестостерон или стимуляторы. (Джонни пару раз пробовал применять декседрин, но затем перестал, потому что под влиянием лекарства петухи на арене становились неуправляемыми.)

Заводчики относятся к своим петухам как к спортсменам и разрабатывают для них специальные режимы тренировок, повышающих выносливость и скорость. Джонни тренирует своих петухов утром и во второй половине дня. У него есть специальная мягкая скамья — петуха кладут на нее спиной вниз, чтобы научить быстро вставать. Еще одно упражнение — кувырок назад, оно призвано развивать мускулатуру крыльев и спины. Петухи Джонни тренируют каждую группу мышц, совершенно так же, как атлеты, тягающие железо в ближайшем спортзале, а сам Джонни тщательно записывает их результаты во всех упражнениях. В течение нескольких недель перед боями он тренирует петухов по шесть часов в день.

Правила петушиных боев

В каждом виде спорта есть правила. В каждой культуре петушиных боев есть собственные традиции, определяющие ход схватки. К примеру, в Андалузии петухам не надевают металлические шпоры, поэтому во время испанских петушиных боев петухи гибнут редко. Самый распространенный вид петушиных боев на юге США называется «дерби». Каждый участник должен встретиться с определенным количеством противников поочередно. Основные правила, именуемые «Кодексом Уортхэма», были разработаны в 1920-х годах и по сей день применяются в петушиных боях от гор Кентукки до равнин Западного Техаса.

Правила эти сложны — не думайте, что можно просто натравить петухов друг на друга, а там будь что будет. Во время боя на арене находятся два хендлера, два петуха и судья. Судья следит за ходом поединка. Хендлеры, не обязательно являющиеся хозяевами петухов, сводят птиц и дают им поклевать друг друга в голову. Затем петухов опускают наземь на расстоянии примерно трех метров друг от друга, так, чтобы птица видела соперника. Судья дает команду, и петухов выпускают. В тот же миг они в полном молчании бросаются друг на друга со злобой, о которой Клиффорд Гирц отозвался так: «удары крыльев, вытянутые шеи, рвущие воздух когти — животная ярость, столь чистая, столь совершенная и по-своему столь прекрасная, что достигает почти идеальной платоновской концепции ненависти».

Как правило, через двадцать — тридцать секунд один или оба петуха вгоняют в тело противника шпоры и в таком виде падают наземь. Судья подает сигнал хендлерам, чтобы те разъединили птиц и за двадцать секунд привели их в готовность к следующей схватке. Хороший хендлер знает толк в ранах и, как хороший секундант в боксе, может подготовить раненую птицу к следующему раунду. Порой он брызгает на голову петуха

водой, дует на него, чтобы успокоить, или просто опускает наземь и дает сплюнуть застрявший в горле кровавой сгусток. После перерыва схватка возобновляется, и все повторяется до тех пор, пока не определится победитель.

Порой петух выигрывает бой, убив противника на месте или изранив его до такой степени, что хендлер противника признает поражение. Однако чаще победитель определяется с помощью сложного набора правил, «подсчета». Превыше всего в петушиных боях ценится боевой дух петуха, готового сражаться даже с изодранными легкими, переломанным позвоночником или полу-ослепшими глазами. По итогам подсчета победителем становится тот петух, который продолжает драться, даже когда все уже, казалось бы, пропало. Если петух выходит из боя, будучи ранен или измучен, хендлер его противника говорит судье: «Считай моего!» И если первый петух отказывается бросаться в бой четыре раза подряд, петух хендлера «на счете» объявляется победителем. Однако если окровавленный и истерзанный петух демонстрирует хоть малейшее намерение драться дальше, пусть даже один-единственный раз слабо клюет противника, счет начинается заново. Обычный бой с использованием шпор длится около десяти минут, однако порой случается удача и петух наносит удар по жизненно важным органам противника уже в первые секунды. Впрочем, порой бой может затянуться и длиться целый час, а то и дольше. Чтобы зрители не заскучали, участников затянувшегося поединка переносят на дополнительную, или «вспомогательную» площадку, а на главной стравливают свежую пару птиц.

Приток эмигрантов в последние годы оказал столь же заметное влияние на петушиные бои, сколь и на всю американскую культуру. Нынешнее поколение любителей боев выбирает в качестве оружия нож. Обычные шпоры напоминают сосульку с заостренным концом, в то время как у ножевидных шпор имеются бритвенно-острые лезвия. Филиппинцы предпочитают длинные ножи, какими вполне можно разделать отбивную или бифштекс. Мексиканцы пользуются короткими ножами длиной в два

с половиной сантиметра и с обоюдоострыми лезвиями. Старомодные люди вроде Джонни и Эда не одобряют этих новшеств. Они считают, что с ножом даже трусливый петух может выиграть бой за счет одного-единственного удачного удара.

На самом деле петушиный бой — не настолько кровавое зрелище, как можно было бы ожидать. Жена Эдди, которая руководит ресторанной кухней, рассказала мне о том, как муж впервые взял ее на бои в Дель-Рио. «Я была очень удивлена. Никакой крови, никаких кишок. В туалетах чисто, аккуратная кухня, кормят вкусно. На пустом месте — и такой порядок!»

Насчет крови она совершенно права. Раны, нанесенные стальными шпорами, практически не кровоточат, да и кровь за петушиным оперением не видна. Кроме того, у бойцовых петухов кровь сворачивается быстрее, чем у представителей других пород. Говоря языком завсегдатаев, боевой петух «держит сталь». У любителей боев есть специальные названия для разных ран. Петух с пробитым легким испускает скрежещущие звуки — «дребезжит». Бьющийся на земле петух с поврежденным позвоночником «затрепыхал». Как-то раз я подобрал тело петуха, погибшего в бою, и отвез в ветеринарную патологоанатомическую лабораторию для вскрытия. Оказалось, что патологоанатом, выросший в Оклахоме, не понаслышке знаком с петушиными боями. Вскрыв петуха, он насчитал девятнадцать открытых ран. Смертельным стал удар в горло.

Как правило, в боях все сравнительно просто: проигравший чаще всего погибает, победитель чаще всего остается жив. Однако бывают и неожиданности. Петух может отказаться от драки и отправиться бродить по арене с самым недоуменным видом. Порой, на позор владельцу, он поворачивается к противнику спиной и улепетывает во все лопатки с громким кудахтаньем. Бывают петухи, которые нападают не на другого петуха, а на собственного хендлера. Однажды мне довелось видеть, как петух породы грей вогнал в бедро хендлеру обе шпоры по семь

сантиметров каждая. Парень побледнел и грохнулся наземь.

Один-ноль в пользу петуха.

Во время путешествия по подпольному миру петушиных боев больше всего меня удивляла неприкрытость происходящего. Большинство любителей петушиных боев в Аппалачах не дают себе труда скрывать свои занятия, даже когда они идут вразрез с законом. Разъезжая по этой части страны, я видел дворы с сотнями бойцовых петухов. Одни были привязаны к бочкам, другие сидели в небольших деревянных домиках, похожих на бойскаутские палатки, и всех их было прекрасно видно с проселочных дорог, а порой даже с крупных шоссе. Как же это сходило с рук хозяевам?

Да очень просто. В 1970-х годах участвовать в петушиных боях в Аппалачах было примерно так же незаконно, как мусорить на улице. Да, петушиные бои были запрещены и в Северной Каролине, и в Теннесси, но никаких особых кар за нарушение запрета не полагалось, и местные шерифы обычно закрывали глаза на происходящее. В тех редких случаях, когда рейды все-таки проводились, участники неизменно получали нагоняй и платили штраф в пятьдесят долларов. Их даже в тюрьму не сажали. И хотя некоторые шерифы явно брали на лапу, все прочие порешили, что пусть лучше бои происходят на известных аренах, где все участники заинтересованы в соблюдении порядка. На аренах царил жесткий кодекс, которому подчинялись все участники: выпивка и наркотики запрещены, выигрыш выплачивается немедленно, судья всегда прав. Владельцы арен принимали все меры, чтобы не причинять неудобств соседям. Владелец арены Эббс-Чэпел, например, на субботних боях собирал пожертвования для баптистской церкви, стоявшей дальше по дороге.

Короче говоря, местные власти сочли, что лучше оставить арены в покое, чем загонять их в подполье. Возможно, они были правы. Петушиные бои представляют собой взрывоопасную смесь тестостерона и

денег. Лично я успел испугаться во время петушиных боев лишь однажды, во время довольно темного мероприятия под названием «бой в кустах». Боем в кустах называются неофициальные бои, организуемые в сарае или где-нибудь в лесу. Устраивают их спонтанно, платы за участие не взимают, платных судей не приглашают и антиалкогольного правила не блюдают. Дело было на западе, в Ноксвилле; погода стояла жаркая, и пиво лилось рекой. В роли судьи выступал один из зрителей — его наугад выдернули из толпы, и он не слишком хорошо понимал, что вообще происходит. Хендлеры, оба пьяные, стали пререкаться с давшим команду судьей. Если бы это произошло на нормальной арене, обоих немедленно выставили бы вон. Но это был бой в кустах. Ссора становилась все жарче и жарче, и наконец один из спорщиков схватил пивную бутылку, отбил у нее горлышко, бросился на второго хендлера и резанул его по плечу. Истекая кровью, раненый схватил своего петуха и бросился прочь. Когда я услышал, как он бормочет: «Я этой сволочи задам, у меня ружье в машине», то тут же начал искать пути отступления. Увы, я приехал на бой рано, и моя машина была полностью заблокирована дюжиной пикапов. Впрочем, сочетание огнестрельного оружия и алкоголя не встретило понимания у широкой общественности, и несколько минут спустя на поле не осталось ни единой машины. Я ехал домой весь потный, сердце стучало, ладони были мокрые, а сам я думал о том, что, пожалуй, антропология все-таки не для меня.

Оправдание тому, чему нет оправдания

Большинству людей кажется, будто участники петушиных боев — отбросы общества, которые с наслаждением мучают животных, а в промежутках торгуют наркотой. Однако я обнаружил, что самое интересное в любителях петушиных боев (с психологической точки зрения) — то, что это до скуки нормальные люди. Практически все известные мне владельцы бойцовых петухов вели самую обычную — если только вычесть любовь к кровавым зрелищам — жизнь и имели кредиты, жен, детей и работу на полный день.

Моя знакомая защитница прав животных Сюзи из Луизианы многие годы неустанно трудилась, добиваясь запрета петушиных боев у себя в штате. Впечатления от петушиных боев на Юге США у нее схожи с моими. Она ненавидит петушине бои. Однако она начала уважать многих своих противников — как баптист, который ненавидит грех, но не грешника. Как-то раз она сказала: «Почти все любители петушиных боев, каких я знала, были набожные, вежливые, каждый из них — хороший семьянин — никакого героина или еще каких-нибудь наркотиков. Я непримиримо отношусь к петушиным боям, но это не значит, что те, кто их проводит, — плохие люди».

Будь любители петушиных боев садистами-извращенцами, объяснить их склонность к участию в кровавых соревнованиях было бы несложно. Однако в большинстве своем это вполне нормальные люди. Как же они могут участвовать в соревнованиях, которые не только поставлены вне закона, но и считаются аморальными практически во всей Америке? А вот как: они создают моральную «рамку», основанную на смеси самообмана и логики, в которой петушине бои превращаются в абсолютно допустимое занятие. В этом смысле любители петушиных боев ничем не отличаются от всех прочих

личностей, эксплуатирующих животных, — охотников, цирковых дрессировщиков и даже ученых и мясоедов. Все приводимые ими доводы в оправдание того, что, по мнению большинства, оправданию не поддается, можно разбить на несколько категорий.

«Самый гуманный вид спорта»

Большинство любителей петушиных боев не считают это занятие жестоким. Они скажут вам, что собственно бои — это лишь малая доля их деятельности. Они скажут вам, что на выращивание бойцового петуха из цыпленка потребуется два года и что бой, занимающий обычно не более нескольких минут, является лишь крохотным эпизодом в их жизни.

Однако как же быть с болью и страданиями? Мой друг Джонни утверждает, что с появлением стальных шпор петушиные бои перестали быть жестокими. Он считает, что шпоры делают бой честным, поскольку уравнивают шансы обоих петухов на победу. Без шпор, говорит он, петухи забивали бы друг друга до смерти собственными семисантиметровыми шпорами. Как-то утром за чашкой кофе я спросил своего соседа Пола Ледфорда о том, насколько болезненна обычно бывает драка для петуха. Пол покачал головой и сказал: «Куры боли не чувствуют. Они для этого слишком глупые».

Порой случается слышать и другие доводы — что петухи самостоятельно принимают решение биться насмерть с противником. По этой логике жестоко было бы не позволять петухам попытаться счастья на арене. В книге «Петушиные бои» капитан Л. Фиц-Барнард пишет: «Там, где есть желание субъекта, нет жестокости. Для боевого петуха бой является наивысшей радостью». Фиц-Барнард считает, что петушиные бои более этичны, нежели охота или рыбалка, потому что олень или форель, которых вы убиваете, вынуждены подчиняться вашей воле. «Если один из участников не желает быть вовлеченным, возникает жестокость... ни один человек в здравом уме не

может предположить, будто рыбе нравится быть пойманной, обычно с помощью живой наживки, а потом убитой: что лисе или зайцу нравится, когда на них охотятся и рвут их на куски; или что птицы и звери добровольно выбирают мучительную смерть от пули».

Я ни в коем случае не согласен с тем, что бойцовые петухи решают драться, потому что таким образом самореализуются на свой манер. Нет, они дерутся потому, что за тысячи лет непрерывной селекции в мозгу у них засела жажда вонзить шпоры в петуха-соперника. Даже пожелай они избежать схватки, на тесной арене у них ничего не выйдет. И все же предложенное Фиц-Барнардом сравнение петушиных боев с охотой заставляет нас задуматься о неприятных вещах. Из 120 миллионов диких птиц, которых ежегодно убивают охотники в США, 30 % падают наземь ранеными и в полном сознании. Если им повезет, их найдут и убьют быстро, но уделом миллионов прочих станет мучительная смерть. Фиц-Барнард прав: такой законный спорт, как охота ради развлечения, приносит куда больше мучений, нежели незаконные петушиные бои.

«Это вполне естественно»

Распространенный вариант оправдания «это не жестокость» заключается в том, что петухи от природы склонны к драке, точно так же как львы от природы склонны убивать зебр. Это одна из разновидностей «естественного» заблуждения. Мне изложил ее Джонни: «Мы просто делаем естественные вещи, держа при этом ситуацию под контролем. Есть мы, нет нас — петух все равно будет драться. Мы просто позволяем ему действовать согласно своей природе. Мы не заставляем петухов драться. Они для этого созданы. В этом смысл их существования». (Кстати, по этой причине большинство известных мне любителей петушиных боев не одобряют собачьи бои. Как сказала жена Эдди, «петушиные бои совсем не то, что собачьи. Бои делают из собак чудовищ.

А петухи — драчуны от рождения. Они будут драться независимо от того, есть у них зрители или нет».)

Заблуждение о естественности тех или иных явлений очень распространено. Одна моя знакомая защитница прав животных объяснила мне, что она против опытов над животными потому, что СПИД — это «естественный способ» снижения численности населения Земли. Недавно одна женщина на вечеринке сказала мне: «Я никогда не пойму вегетарианцев. Люди уже миллионы лет едят мясо. Для чего-то же существуют коровы и куры!» Я не стал говорить ей, что ее оправдание куроедения сродни логике Джонни, оправдывающего петушиные бои. Боюсь, она не поняла бы этого сравнения.

«Самые милые люди»

Запрет петушиных боев изначально был связан не с заботой о страдающих животных, а со стремлением властей не допустить сомнительных сборищ отбросов общества. Петушиные бои и по сей день ассоциируются с иными видами противозаконной деятельности. Так, Ассоциация гуманизма США связывает петушиные бои с проституцией, кражей персональных данных, грабежами, мексиканскими наркокартелями, незаконными азартными играми, взяточничеством, гангстерскими нападениями, уклонением от налогов, отмыванием денег, незаконной иммиграцией, владением ружьями и ручными гранатами, а также с убийством.

Конечно, сами любители петушиных боев с этим не согласны. Сами они считают себя гонимым братством, объединенным общими ценностями, в том числе тяжелым трудом, соревновательностью, уважением к культурным традициям и любовью к курам. Они отвергают обвинения в пьянстве, наркомании, проституции и денежных махинациях. Джонни отозвался об организациях защиты животных так: «Они нас и так называют, и сяк — и сутенеры мы у них, и наркоманы. Ну прямо гаже на свете нет. Они нас в тыщу раз умнее и знают, как нас изобразить

для тех, кто ничего не понимает». Да, признает он, у нас тоже не без паршивых овец — есть парни, которые смазывают петушинные шпоры ядом или незаконно заостряют лезвия длинных шпор. Но таких совсем немного. Что до 99 % любителей боев, говорит Джонни, «это самые милые люди. Много вы знаете мест, где деньги переходят из рук в руки по кивку, без споров и ссор? Петушинные бои — для джентльменов».

Большой Брат всех защитил бы

Любители петушинных боев прибегают к защитному приему «хорошие люди», совершая при этом риторический ход, который социальные психологи именуют «отражением славы». Логика у них такая: «Будь Такой-то любителем петушинных боев, ему бы и слова не сказали». В список Таких-то у них входят Джордж Вашингтон, Александр Гамильтон, Джон Адамс, Александр Великий, Вудро Вилсон, Эндрю Джексон, Генри Клей, Ганнибал, Цезарь, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин и Авраам Линкольн (о последнем говорят, что ему доводилось судить петушинные бои). Порой в этот перечень добавляют Чингисхана и Хелен Келлер, хотя по поводу последней кандидатуры у меня имеются определенные сомнения. Своими единомышленниками любители боев считают и бесчисленных британских королей, называя петушинные бои «королевским спортом».

Петушинные бои закаляют характер

Когда Бобби Кинера из Гринсборо (Северная Каролина) спросили, почему он любит петушинные бои, он ответил: «В таком бою животное идет до последнего и отдает все, что у него есть. Многие ли из людей способны на такое? Петух отдаст все, что только может, а потом еще и еще. Это и есть его воля к победе, его отвага.

Вот почему я люблю петушинные бои». Я называю это защитой с помощью нравственной модели. Для любителя петушинных боев петух — самое отважное существо в мире. Именно поэтому бойцовый петух является символом футбольной команды университета Южной Каролины. Один любитель петушинных боев так подвел итог обсуждению нравственной модели в своем труде «Отвага и сталь»: «Бойцовый петух предан своей семье и себе, и достаточно храбр, чтобы доказать свою преданность делом... Любому нужна отвага, чтобы сохранять верность — идеалам ли, жене, мужу, друзьям или своей стране».

«Я люблю своих петухов»

По сравнению с другими представителями куриного племени бойцовый петух живет припеваючи. На арену его выпускают только в два года, и эти два года он живет как чистокровный призовой скакун. Первые восемь-девять месяцев цыплята свободно бегают по птичьему двору. По достижении зрелости петухов разделяют, потому что им необходимо тренироваться. Их либо привязывают на двухметровый шнур, либо держат в довольно просторных клетках, по которым те могут расхаживать туда-сюда. Кроме органического зерна, купленного в магазине здоровых продуктов, петухи Джонни получают на завтрак крутые яйца, а на обед — фрукты, листья салата и перловую крупу. Через день они получают гамбургеры и творог по-деревенски. Джонни жалуется: «Мы кормим наших петухов самой лучшей пищей, даем им лучшее жилье, лучших кур... и мы же после этого жестокие люди!»

Как и прочие знакомые мне любители петушинных боев, Эдди Бакнер неравнодушен к своим петухам. Он говорит, что любит их, и я ему верю. Стоит ему заговорить о петухах, и глаза у него загораются, совсем как у Фейба Уэбба.

«Эдди, — говорю я, — но вот ты говоришь, что любишь своих птиц. Ты их выращиваешь, нянчишься с ними два года кряду, каждый день ухаживаешь за ними, тренируешь. А потом несешь их на арену, хотя прекрасно знаешь, что в тот же вечер половина из них погибнет, и бросаешь мертвых в бочку. Вот этого я никак не пойму».

«Не нужно путать разные вещи», — отвечает он.

«Но ты ведь к ним привязан, нет?» — спрашиваю я.

«Привязан, конечно», — говорит он.

«И клички им даешь?»

«Да».

«А ты хоть раз видел, чтобы хозяин плакал над мертвым петухом?»

«Ни разу».

«Вот этого я, хоть убей, не понимаю», — говорю я.

Защитники животных и любители петушиных боев: асимметрия ненависти

Любители петушиных боев не нуждаются в иных доводах — во все вышеперечисленное они верят так истово, что совершенно искренне говорят: будь их воля, они пригласили бы защитников животных на дерби и показали бы им, как прекрасны петушиные бои на самом деле. Конечно, идея эта смехотворна. Все без исключения известные мне защитники животных считают петушиные бои жестокостью, и вряд ли поддадутся переубеждению. Так и возникает асимметрия ненависти: защитники животных ненавидят любителей петушиных боев больше, чем любители боев — защитников животных.

Карен Дэвис, организовавшая единственную в стране группу борьбы за права домашней птицы под названием «За домашнюю птицу вместе», презирает петушиные бои. По ее мнению, причина их существования — не соревновательность, а неуверенность мужчин в себе. Величайшая насмешка маскулинности, по ее словам, заключается в том, что мужчины боятся друг друга и того, что другие мужчины заметят в них хотя бы крохи женской чувствительности. Для нее петушиные бои — это извращенный вариант дразнилок на детской площадке, только во взрослом варианте, вроде «а мой папа твоему папе как даст!».

Когда я спрашиваю, как Карен относится к тем, кто проводит петушиные бои, Карен начинает издали. «Петух ростом вам по колено оказывается отдан на милость людей, которые во много раз выше бедной птицы и могут в любую минуту наказать ее физически. В качестве самого жестокого наказания петуха отправляют на арену и заставляют сражаться с другим петухом. Люди переносят свою жестокость и кровожадность на птиц, а потом говорят, что любят их. Не думаю, что хоть один петух мог бы быть благодарен за такое обращение».

Правы ли она? Если бы куры могли выбирать, стали бы они все как одна бойцовыми петухами? Карен заставила меня вновь вернуться к вопросу, которым я задавался, когда ехал по шоссе I-40 за грузовиками, перевозившими кур. Кем предпочел бы быть я — бойцовым петухом или магазинным бройлером? Но чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде познакомиться с печальной участью курицы с птицефабрики.

Кем быть — бойцовым петухом или бройлером?

Современный бройлер — это торжество технологии. Куры, за которыми я ехал по шоссе, походили на породу K066–500, одну из самых популярных в мире разновидностей мясных кур. Порода K066–500 была выведена международной корпорацией Cobb-Vantress, которая возникла в 1986 году в результате совместного предприятия двух корпораций-гигантов Tyson Foods и Upjohn. Корпорация Cobb-Vantress ведет дела в Европе, Азии, Южной Америке и Африке. Она производит кур породы K066–700, отличающихся большим количеством мяса в грудке; K066-Сассо-150, предназначенных для рынка товаров «без жестокости» и рынка органических продуктов, а также K066-Авиан-48, которая, если верить рекламе, отличается «высокой живучестью» и особенно хорошо подходит для «встречающихся в некоторых частях мира рынков живой птицы».

Эти куры — не более чем машины по производству мяса. Средняя несушка породы K066–500 полностью вырабатывается к пятнадцати месяцам, успев к этому времени принести 132 цыпленка. Цыплята проживут намного меньше матери. В 1925 году на получение костлявой килограммовой птицы уходило 120 дней и десять фунтов корма. Сегодня цыплят забивают в возрасте шести-семи недель, и к этому времени они весят уже почти два килограмма.

Куры породы K066–500 растут почти впятеро быстрее, чем те, что разгуливали по двору вашей бабушки, а едят меньше. Корпорация Cobb-Vantress полагает, что вскорости для получения пятисот граммов куриного мяса достаточно будет семисот пятидесяти граммов корма. С точки зрения промышленности еще лучше то, что лишь небольшая доля веса современной курицы идет в отходы. После того как ее ошпляют, отрубят ноги и голову,

выпотрошат и спустят кровь, 73 % тушки породы K066–500 превратится в готовый к продаже продукт.

За дешевое мясо нужно платить. Кости бройлера не в состоянии удерживать быстро растущее тело. Неестественно большая грудь тянет курицу вниз и калечит ей ноги, вызывая хромоту, разрывы связок и синдром искривления нижних конечностей. Как утверждает Дональд Брум, профессор Кембриджского университета, занимающийся вопросами благополучия животных, сильнейшие боли в ногах, которые испытывают куры, являются крупнейшей проблемой, беспокоящей защитников животных. Кроме того, постоянными спутниками промышленных бройлеров являются сердечные болезни, артрит, синдром внезапной смерти и разнообразные нарушения обмена веществ.

Условия жизни птиц, которым предстоит превратиться в куриные котлеты, мог бы описать разве что Данте. Куры не видят ни солнца, ни неба. Поскольку центр тяжести у них смещен, бройлеры большую часть времени просто лежат, обычно в грязи и экскрементах. В результате у многих развиваются серьезные отеки, ожоги сухожилий и боли в ногах. Помещение, в котором выращивают кур, может иметь двести метров в длину, двадцать в ширину и вмещать в себя 30 тысяч птиц. В помещении темно и влажно, воздух насыщен парами аммиака, производимыми микробами, которые кишат в концентрированной моче и экскрементах десятков тысяч птиц. Аммиак обжигает легкие, раздражает глаза и вызывает хронические респираторные инфекции.

Когда бройлер набирает около двух с половиной килограммов веса, приходит пора отправлять его на забой. Однако прежде курицу надо поймать. Ночью в помещение входят группы низкооплачиваемых куроловов в масках и одноразовых плащах. Они хватают кур за ноги, по пять штук в одну руку, и суют в специальные ящики.

На то, чтобы переправить 30 тысяч кур в проволочные клетки, команде может понадобиться вся ночь, в течение которой каждому куролову придется

поднять в общей сложности пятнадцать тонн бьющихся и вкочующих птиц. Тяжело приходится и курам, и людям. Куролы выходят из помещения исцарапанными, исклеванными, измазанными в дерьме. Во время отлова и погрузки 25 % птиц бывает покалечено. Мой коллега Брюс Хендерсон, ныне психолог, специализирующийся на вопросах развития, в студенческие годы решил подработать ловлей кур. Он продержался шесть дней.

Неужели нет других способов ловить кур? Добро пожаловать в механический комбайн для ловли кур. Выглядит он очень громоздко и бывает нескольких разновидностей — одна даже снабжена огромными резиновыми пальцами. Наиболее популярен комбайн модели RH2000, производимый компанией Lewis/Mola Company в Беннеттсвилле (Южная Каролина). Машина имеет двенадцать метров в длину, весит семь тонн и может собрать 24 тысячи кур из помещения за три с половиной часа. В рабочем состоянии она напоминает два совка для мусора. Машина осторожно ведет две металлические плоскости, называемые «ловчими», сквозь куриную стаю. Куры подталкивают друг друга на плоскости, где их подтягивают к конвейеру, который отправляет добычу напрямик в клетки, в которых кур повезут на завод. Ассоциация гуманизма США утверждает, что механические комбайны лучше для птиц. Курам не нравится, когда ловцы хватают их за больные ноги и держат вниз головой. Куда меньший стресс им причиняет незаметное попадание в чрево машины, всего несколько мгновений, и вот они, лишь слегка встревоженные, уже сидят в проволочной клетке для перевозки. Компания-производитель сообщает, что при механическом отлове происходит на 60 % меньше переломов крыльев и на 99 % меньше переломов ног. И все же, несмотря на эти неоспоримые преимущества, большинство бройлеров, потребляемых каждый год американцами, бывает поймано куроловами.

Загрузив клетки с курами, водитель выводит грузовик на шоссе и везет наших кур на завод, где их вытряхнут из клеток, надежно сцепят ноги металлическими зажимами и

подвешат кур вниз головой на конвейер. В таком виде — вверх тормашками, хлопая крыльями, — они попадут в электрическую ванну. В течение семидесяти секунд электричество будет гулять по их телу, оглушая птиц (если повезет). Следующая станция — машина для отрезания голов. Вращающиеся лезвия перережут курам сонные артерии. После того как кровь полностью стечет, тушки попадут в бак для ошпаривания. Эффективная система с двумя линиями потрошения может обрабатывать по 140 птиц в минуту. Однако система не всегда работает эффективно. Некоторые птицы попадают под нож неполностью оглушенными, а если лезвие промахнется мимо сонной артерии, птица падает в кипяток для ошпаривания в полном сознании.

И вот итог. Средний бойцовый петух с востока Теннесси проводит первые два года жизни в холе и неге. Сначала он шесть месяцев бегаёт где пожелает. Затем он получает семьдесят квадратных метров луга для прогулок и личную спальню. Он не испытывает недостатка в физических упражнениях, питается лучше иных людей и имеет возможность вволю топтать кур. Один только минус: однажды субботним вечером он ощутит, как короткий мексиканский нож вонзается в его грудные мышцы — а может, это будет длинная шпора, которая пронзит его горло; так или иначе, он умрет в грязи после боя, который продлится от нескольких секунд до часа под выкрики ставок, которые делают мужчины в бейсболках. Шансы на то, что он встретит воскресный восход живым, составляют 50:50.

А вот наш бройлер породы K066–500. Он живет в невообразимой грязи, у него болят ноги, горят легкие, он никогда не видел неба, не ходил по траве, не топтал кур и не клевал букашек; все сорок два дня своей короткой жизни он ест тошнотворное месиво, а потом его пихают в клетку, ставят в открытый кузов и везут на завод, где переворачивают вверх ногами, оглушают электрошоком и режут горло. Шансы встретить восход у него нулевые.

Карен Дэвис говорит, что ни один петух в мире не пожелал бы стать бойцовым по собственной воле. Ставлю

25 против 20 — она ошибается.

Как деньги и принадлежность к различным слоям общества влияют на наше восприятие жестокости

При объективном взгляде на ситуацию трудно не согласиться с тем, что петушинные бои причиняют птице меньше страданий, чем наша ненасытная потребность в курином мясе. Можно прикинуть, что на одного бойцового петуха, погибшего во время дерби, приходится 10–20 тысяч кур, которым перерезали горло на фабрике по производству куриного мяса. А еще, как ни неприятно это сознавать, бойцовый петух живет в пятнадцать раз дольше и куда как лучше, чем фабричный бройлер. Так почему, спрашивается, убивать 8 миллиардов бройлеров ежегодно закон позволяет, а за петушинные бои можно угодить в федеральную тюрьму?

Отчасти причина кроется в деньгах и власти. В США есть Национальный совет производителей курицы — торгово-промышленная ассоциация индустрии домашней птицы. В Национальный совет входят корпорации, производящие 95 % всего объема потребляемых в США бройлеров. Эти организации прикладывают все силы, чтобы держать правительство на коротком поводке. В результате их усилий выращиваемые на фабриках цыплята не подпадают практически ни под один федеральный закон о защите животных, в том числе и под Закон о гуманном умерщвлении, который был введен конгрессом в 1958 году с целью избавления животных, выращиваемых ради мяса, от ненужных страданий перед смертью.

В то время как Национальный совет производителей курицы лоббирует интересы производителей бройлеров, такие организации, как «За домашнюю птицу вместе», PETA, Приют для спасения сельскохозяйственных животных и Ассоциация гуманизма США (HSUS), озвучивают нужды американских кур. Из них наибольшей политической силой обладает HSUS. Имея годовую прибыль в 100 миллионов долларов и активы на сумму в

190 миллионов долларов, HSUS является эдаким Кинг-Конгом в мире защитников животных.

В 1998 году HSUS решила взяться за любителей петушиных боев. Политическому давлению групп защиты животных уступили наконец все оставшиеся штаты. Дольше всех держалась Луизиана.

Однако ей необходимо было укрепить свой имидж, пострадавший после урагана «Катрина», поэтому влияние защитников петушиных боев в законодательных органах ослабло и в 2007 году губернатор Луизианы Кэтлин Бланко подписала акт, перекрывший последнюю лазейку и вынуждавший применять все законы против жестокого обращения с животными и к курам. С 15 августа 2008 года петушиные бои стали незаконными во всех штатах. Однако законы о петушиных боях, принятые в каждом штате, отличаются от других. Во Флориде участие в петушиных боях обойдется вам в пять лет тюрьмы и 5 тысяч долларов штрафа, а вот в соседней с ней Алабаме бои не считаются большим грехом и оштрафуют вас всего на 50 долларов. Однако после запрета петушиных боев во всех штатах задача HSUS заключается в том, чтобы силами своих членов вынудить законодательные органы приравнять петушиные бои к тяжким преступлениям во всех штатах.

Целью борцов против петушиных боев является искоренение жестокости, однако подтекстом этой борьбы являются социальные классы. Существовавшее в восемнадцатом веке движение против кровавого спорта было нацелено на борьбу с простонародными развлечениями — травлей быка, петушиными боями, — но не затрагивало такие жестокие развлечения мелкопоместного дворянства, как лисья охота. Сегодня все обстоит точно так же. Любители петушиных боев принадлежат к группам, которые легко взять на мушку, — это американцы испанского происхождения и белые, принадлежащие к рабочему классу и живущие в сельской местности. Борцы же за права животных, напротив, как правило, живут в городе, принадлежат к среднему классу и имеют образование. Для них любители петушиных боев

— это пестрый сброд, состоящий из немойтой деревенщины и незаконных иммигрантов.

Кэти Руди из университета Дюка — активная защитница прав животных и спасательница собак — обеспокоена пропастью между защитниками прав животных и представителями рабочего класса. В своем эссе, опубликованном в *Atlanta Journal Constitution* вскоре после того, как нападающего команды «Соколы Атланты» Майкла Вика признали виновным в участии в собачьих боях, Кэти отмечает, что наше общество с большей готовностью криминализирует формы плохого обращения с животными, характерные для меньшинств и бедняков, нежели те, что характерны для состоятельных людей. То же самое заявил по национальному телевидению и Крис Рок, когда ему продемонстрировали фотографию Сары Палин — губернатора Аляски и страстной охотницы на крупную дичь. Рок заявил Леттерману: «Гляди, она убила лося и фотографируется с ним. А Майкл Вик еще спрашивает — почему меня посадили? Одно дело, когда белая леди убивает лося. А когда черный мужик хочет убить собаку — о, это уже преступление!»

То же самое происходит и на скачках, где состязаются чистокровные скакуны. По данным расследования, проведенного Джеффри Мак-Мурри из *Associated Press*, в 2007 году на скаковых дорожках США умирало более трех лошадей ежедневно — а между 2003 и 2008 годом их умерло более 5 тысяч. И все же опрос общественного мнения, проведенный после смерти Эйт Беле — лошади, которая упала во время Кентуккийского дерби и была немедленно усыплена, — показал, что большинство американцев настроено против запрета на скачки. Скачки, как и петушинные бои, объединяют в себе азарт и страдание. Однако, в отличие от петушинных боев, скачки — это развлечение для богатых.

Петушинные бои и человеческая мораль

Многие этические вопросы, связанные с животными, вызывают у меня противоречивую реакцию. Однако петушинные бои к ним не относятся. Большинство любителей боев, с которыми я познакомился во время исследований, мне нравятся, однако их занятие схоже с рабовладением — жестокий анахронизм, которому нет оправданий. Настало время любителям боев закрыть свои арены и перековать стальные шпоры на рыболовные крючки.

Однако меня беспокоит то лицемерие и недалекость общественного мнения, связанные с нашими взаимоотношениями с животными и лежащие в основе нашего отношения к петушиным боям. Пока большая часть куроедов (к которым отношусь и я) спокойно спит ночью, зная, что петушинные бои отныне запрещены по всей Америке, команды куроловов по всей стране от Мэриленда до Калифорнии входят в темные помещения и запикивают 35 миллионов перепуганных кур в проволочные клетки, в которых те на следующее утро отправятся в свой последний путь, на фабрику.

Когда я писал докторскую диссертацию о петушинных боях, я пригласил одного из организаторов «Международной амнистии» по имени Тони Данбар на дерби, проходившее на арене Эббс-Чэпел. Работа Тони заключалась в том, чтобы спасти осужденных убийц от смертной казни. В два часа ночи, когда мы возвращались домой, распространяя вокруг себя запах табачного дыма и жирных чизбургеров, я спросил Тони, что он думает об этом вечере, проведенном бок о бок с лучшими специалистами по петушиным боям с запада Северной Каролины. Тони подумал и ответил: «По-моему, невелика проблема, с этической точки зрения».

Многие с ним не согласятся. Но, вспоминая о том, сколько нужно страдания для производства шести чикен-

нагеттсов в «Макдоналдсе», я не могу не признать, что он прав.

7

Прекрасное, опасное, ужасное и мертвое Наше отношение к мясу

Вы спрашиваете, почему я не ем мяса. Я же, в свою очередь, поражен тем, что вы способны брать в рот части тела умершего животного, тем, что вам не противно жевать истерзанную плоть и глотать соки, истекающие из смертельных ран.

Дж. М. Кутзее

*Все нормальные люди любят мясо.
Кому нужны эти травоядные!*

Гомер Симпсон

Стейси Джиани сорок один год, но выглядит она на десять лет моложе. Стейси выросла в пригородном районе Коннектикута, однако теперь вместе со своим партнером Грегори живет в экологической коммуне. Коммуна расположена в горах, в двадцати минутах езды на север от Олд-Форта (Северная Каролина) и находится на полном самообеспечении. Стейси излучает силу, а когда речь заходит о пище, начинает словно бы светиться от увлеченности. По происхождению она итало-американка, а еще красавица, из тех людей, посмотрев на которых не можешь удержаться от радости. Стейси рассказывает, что они с Грегори выстроили дом своими руками — даже рубили лес и распиливали бревна на доски. Я отмечаю про себя, что с этой женщиной лучше не ссориться.

Стейси не всегда отличалась столь завидным здоровьем. Когда; ей было чуть за тридцать, она начала

чувствовать себя все хуже. Давали о себе знать двенадцать лет вегетарианства — началась анемия, синдром хронической усталости и боли в желудке через два часа после еды. «Я превратилась в настоящую развалину, — говорит Стейси. — Тогда я решила сменить режим питания».

«Что же вы едите теперь? Ну, к примеру, что у вас было сегодня на завтрак?» — спрашиваю я.

«Триста граммов сырой говяжьей печени», — отвечает она.

Защитники животных порой утверждают, что все большее число американцев отказывается от свиных ребрышек и куриных крылышек и переходит на бургеры с гороховыми котлетами и ореховый тофу. Да, люди все чаще признают, что у животных есть определенные права, в том числе право не быть убитым ради собственного мяса. Однако, несмотря на всеобщую любовь к животным, американцы каждый год потребляют 32 миллиарда килограммов мяса животных, и лишь небольшая часть жителей США придерживается настоящего вегетарианства. Мы убиваем по 200 мясных животных на каждое животное, использованное при экспериментах, по 2 тысячи на каждую усыпляемую в приюте бездомную собаку и по 40 тысяч на каждого детеныша тюленя, убиваемого дубинками на ледовых полях Канады. И что бы там ни говорилось порой, за последние тридцать лет движение защитников животных не слишком преуспело в избавлении нас от привычки кушать на обед представителей других видов.

В большинстве культур мясо является символом благосостояния, и, когда страна становится богаче, ее граждане хотят есть больше мяса. С 1960-х годов потребление мяса на душу населения выросло в шесть раз в Японии и в пятнадцать раз в Китае. Бывший ресторанный обозреватель *New York Times* Фрэнк Бруни описал всю прелесть мяса, рассказывая о бифштексе за 100 долларов, который ему однажды подали в специализированном манхэттенском ресторане. Это был

«превосходный кусок великолепного мяса, о каком потом долго еще вспоминаешь, которое оплакиваешь на следующий день и которое превозносишь так истово и безудержно, что друзья начинают беспокоиться не столько за твой уровень холестерина, сколько за твое душевное здоровье».

Сам я открыл для себя божественную прелесть мяса, когда нас с Мэри Джин угостила дорогушим ужином знакомая пара, праздновавшая годовщину семейной жизни. Два официанта, пять сортов вина, которое сомелье специально подбирал в соответствии с нашим меню, чайная ложка льда с лимоном между супом и рыбным блюдом для того, чтобы оживить вкусовые сосочки. Закуски были подобраны шеф-поваром, однако мы могли выбирать из нескольких вариантов. Мэри Джин выбрала утиное конфи, а я — свиную грудинку.

Прежде мне никогда не приходилось пробовать свиную грудинку, однако я помнил, что наша местная музыкальная станция объявляла цены на нее в дневной передаче для фермеров. Лежавшая передо мной на тарелке грудинка представляла собой ломоть чистейшего тушеного сала. Один укус — и мои представления о мясе изменились навсегда. Как-то раз я десять минут кряду простоял в музее у картины Марка Ротко, пытаюсь понять, почему сплошь черный холст считается произведением искусства, но потом у меня в голове что-то щелкнуло, и я вдруг все понял. То же самое произошло, когда я попробовал грудинку. И картины Ротко, и свиная грудинка обладают неким платоновским совершенством. Картина передает суть настоящей черноты. Грудинка передает суть настоящего мяса.

Так что же такого есть в мясе, что оно вызывает противоречия и несоответствия в нашем отношении к представителям других видов? Проблема вот в чем: мясо приятно на вкус, но оно может быть вредным, оно отвратительно и, чтобы его получить, требуется убивать животных.

Почему мясо так приятно на вкус?

Когда в ходе опроса общественного мнения людей спрашивали что они хотели бы съесть в «идеальный» обед или ужин, выбравших мясное блюдо было в двадцать раз больше, чем тех, кто вы брал главное блюдо из растительных продуктов. Половина вегетарианцев даже признаются, что порой им невыносимо хочется мяса. Почему люди предпочитают вкус плоти животных? На самом деле все просто — мы происходим из древнего рода мясоедов.

Наши ближайшие родственники, шимпанзе, тоже любят вкус мяса. Приматолог Ричард Рэнгхэм из Гарвардского университета на протяжении нескольких десятков лет изучавший шимпанзе, говорит, что никогда не слышал о диком шимпанзе, который не любил бы мяса. Самки шимпанзе с готовностью меняют секс на мясо а Крейгу Стэнфорду, профессору антропологии из университете Южной Калифорнии, доводилось видеть детенышей шимпанзе которые сидели под деревом и тоскливо смотрели на взрослых поедающих мясо над их головами, надеясь, что им перепадет хотя бы капля-другая крови. Взрослые шимпанзе охотятся на крыс, белок, небольших антилоп, бабуинов и даже детенышей шимпанзе, однако больше всего любят мясо красных колобусов. Убивают они свою жертву весьма жестокими способами. Шимпанзе из Тайского национального парка Кот-д'Ивуара убивали добычу, вырывая ей кишки, а их сородичи из Гомбе в Танзании предпочитали помучить жертву, отрывали ей конечности или старались разможжить голов о ствол дерева или о камень. В лесах Кибале (Уганда) шимпанзе начинают есть добычу еще живой, первым делом лакомясь потрохами и внутренними органами.

Интересно, что, хотя шимпанзе и любят мясо, едят они его немного. Мясо составляет лишь 3–4 % обычной диеты шимпанзе, и даже самые заядлые мясоеды среди

них потребляют в среднем 50 граммов мяса в день. Примерно два с половиной миллиона лет назад наши предки-гоминиды ели больше мяса, чем современные шимпанзе. Переход на всеядность сопровождался изменением строения тела и мозга. У современного человека желудочно-кишечный тракт меньше, чем у обезьяны, причем меньшая его доля приходится на толстую кишку, а большая — на тонкую кишку. Зубы тоже выдают в нас мясоедов. Как и у шимпанзе с гориллами, зубы нашего раннего предка-австралопитека не имели острых режущих граней, необходимых настоящему мясоеду; крупные плоские коренные зубы были предназначены для пережевывания жесткой растительности и разгрызания семян и орехов. По сравнению с ними наши зубы — это настоящий швейцарский нож с полным набором инструментов для разрезания, раскалывания и раскусывания.

Наиболее важным следствием всеядности стало ее влияние на развитие человеческого мозга. Многие антропологи считают, что именно переход на мясоедение сыграл основную роль в том, что за несколько миллионов лет наш мозг увеличился в размерах втрое. Мысль о том, что мы произошли от охотников до мяса обезьян, не нова. Реймонд Дарт, в 1924 году впервые обнаруживший окаменелые останки «обезьяночеловека» — «ребенка из Таунга», — писал, что наши предки были кровожадными убийцами, находившими удовольствие в «жадном поглощении трепещущей багровой плоти». Современные теории, связанные с ролью мясоедения в эволюции человека, несколько более сложны, однако в их основе лежит та же самая мысль. Крейг Стэнфорд отнюдь не считает совпадением то, что люди, шимпанзе, бабуины и капуцины — приматы, потребляющие мясо больше прочих, — являются также наиболее искушенными в социальной жизни. Они умеют лгать и заключать союзы; они хорошо понимают все тонкости сложных межличностных отношений. Стэнфорд считает, что совместное поедание мяса резко ускорило эволюцию мозга потому, что способствовало развитию социальных способностей.

Можно предположить, что пищевые пристрастия наших предков менялись несколько раз — вначале состоялся переход с богатой клетчаткой растительной пищи на рацион, включающий значительное количество мяса животных. Затем, с возникновением агрокультуры, произошел возврат к более вегетарианской пище. Рацион охотников-собирателей показывает, что человек может приспособиться к самым разным пищевым условиям, однако его пища всегда будет включать в себя некоторое количество мяса. До появления за полярным кругом снегоходов и спутникового телевидения 99 % калорий, потребляемых народностями Северной Аляски, извлекались из животной пищи — сырого муктука (китовой кожи и жира), рыбы, мяса моржей и подвергнутых ферментации ласт тюленя. И наоборот, рацион представителей племени кунг из пустыни Калахари на 85 % состоит из растений. Изучив рацион нескольких сотен групп охотников-собирателей, исследовательница Лорен Кордейн из университета Колорадо, занимающаяся изучением вопросов питания, обнаружила, что в среднем две трети потребляемых этими группами калорий приходились на мясо животных. Не было ни одного сообщества охотников-собирателей, рацион которого включал бы в себя меньше 15 % продуктов животного происхождения.

БоБо Ли, настоящее имя которого (без шуток) Роберт И. Ли, согласен с теорией о том, что поедание мяса является нормальным явлением. БоБо и его жена Пэм держат Po-Pigs BBQ, небольшой ресторан барбекю рядом с заправочной станцией в сорока пяти минутах езды от Чарльстона (Южная Каролина). До приобретения кафе БоБо был коммивояжером и продавал всякий ширпотреб. Я наткнулся на Po-Pigs, когда ехал по Низинам, как называют эту часть штата сами жители. И только много позже я обнаружил, что такие спецы по придорожной кормежке, как Джейн и Майкл Стерн, включили Po-Pigs в число пяти лучших заведений США, подающих барбекю.

Я привык к тому, что большинство ресторанов барбекю не могут похвалиться качеством пищи. Не то Po-

Pigs. Обстановка в этом ресторане совершенно такая, как нужно, — пластиковые столики под клетчатыми скатертями, написанное вручную объявление на двери «Принимаем только наличные и чеки» и, что самое главное, нет ни единого окна (там, где подают барбекю, это всегда хороший знак). Свиной карнитас у них — пальчики оближешь: сочный, ароматный, сладковатый. На каждом столике стоит по четыре бутылочки с приправами, но на самом деле они никому не нужны — у мяса есть собственный прекрасный вкус. Когда я похвалил стряпню БоБо, он пригласил меня прийти следующим утром, чтобы поговорить о мясе. Я пришел в 9 утра. Джордж Грин, бывший сержант, в армии заведовавший столовой, и обладатель тягучего южного говора, провел меня на кухню и открыл крышку коптильни. Сквозь дым я разглядел несколько дюжин золотисто-коричневых свиных окороков на кости — они готовились всю ночь при температуре в двести градусов. Их пора было снимать с огня. Подержав их в коптильне еще полчаса, БоБо и Джордж надели толстые перчатки и разобрали горячее мясо руками, смешав его с небольшим количеством домашнего соуса с перцем и уксусом. БоБо сказал, что если мясо приходится резать ножом, это означает, что оно недостаточно долго пробыло на огне.

Я спросил БоБо, почему люди так любят мясо.

«Так ведь наши предки чем питались? — сказал он. — Убивали животных, ели их мясо. Господи, да они даже мастодонтов ели. С тех пор у нас в голове и засело накрепко, что если сидишь и жуешь хороший кусок мяса, значит, чего-то в этой жизни добился. И тебе приятно, и живот радуется. По мне, нет ничего лучше теплого непрожаренного бифштекса с кровью».

Однако его теория никак не объясняет того факта, что Пэм, жена БоБо, к мясу не притрагивается. Ей неприятно даже смотреть на сырое мясо.

«Пэм, — спросил я, — ты десять лет подряд продаешь по паре сотен фунтов свинины в день — а сама мяса не ешь?»

«Я ем рыбу, — ответила Пэм. — Мне с детства не нравится вкус мяса. Помню, когда я была ребенком, мама мне клала в рот кусочек мяса, а я не глотала. Мне не столько вкус не нравится, сколько консистенция. Зато теперь у нас делают вегетарианские хот-доги, так что я просто на седьмом небе от счастья».

«А тебе нравится ваше барбекю?»

«Никогда не пробовала».

Опасности, подстерегающие мясоеда

Учитывая историю развития рода человеческого, не следует удивляться тому, что человек испытывает естественную тягу к мясу. С точки зрения биологии это весьма стоящая и питательная пища. И вместе с тем мясо — самый опасный продукт из всех, что мы потребляем. Когда компания ABC News анкетировала американцев, спрашивая их о том, от какой еды они больше всего боятся заболеть, 85 % людей назвали те или иные блюда из мяса, и только один процент — вегетарианские продукты.

Наш страх перед мясом животных имеет под собой веские основания. Проблема заключается в том, что сами мы тоже сделаны из мяса и потому восприимчивы к разного рода бактериям, вирусам, простейшим, амебам и паразитам, населяющим тех, кого мы едим. Так, в рыбе можно встретить минимум полсотни паразитов, передающихся человеку. Мясо коров, свиней, козы и овец может содержать бактерию *E. coli*, от которой в мире ежегодно умирает 400 тысяч человек. Некоторые исследователи считают, что вирус СПИДа был получен представителями нашего вида через мясо обезьян, которых они ели. А есть еще такие маленькие незаметные штуки, называемые прионами, — белки, обладающие великолепной способностью к воспроизводству в тканях вашего организма. Они не несут генетического материала, однако служат возбудителями синдрома коровьего бешенства, при котором мозг медленно превращается в кашу. Еще прионы могут служить возбудителями куру — неврологического заболевания, наблюдаемого в новогвинейском племени форэ. Куру передается при поедании мозговых тканей усопших родственников во время погребального обряда.

Однако почему же, спросите вы, львы и волки преспокойно едят сырое мясо и при этом здоровехоньки? Ричард Рэнгхем из Гарварда считает, что во всем виновата кулинария. Он утверждает, что, придумав способы

обработки пищи два миллиона лет назад, человек прямоходящий совершил настоящую революцию. Благодаря увеличению числа продуктов питания мы получили мозг большего размера. Обработка пищи не только облагородила вкус филе мастодонта, но и уничтожила ряд патогенов, служивших возбудителями разнообразных болезней. В результате у людей не осталось потребности в биологических защитных механизмах, которые защищают истинных хищников от воздействия токсинов, производимых обитающими в мясе бактериями.

Менее опасным мясо стало и после появления специй. Биолог из университета Корнелла Пол Шерман задался вопросом: почему из всех живых существ только человек сдабривает пищу специями, особенно такими отвратительными на вкус, как перец чили, который буквально прожигает человека насквозь. Шерман и его студенты предположили, что человек выработал в себе пристрастие к специям потому, что специи содержат химические вещества, препятствующие размножению болезнетворных микробов. Чтобы проверить свою гипотезу, они проанализировали несколько тысяч традиционных рецептов со всего мира. Выяснилось, что во всех странах в мясные блюда добавляют больше специй, нежели в овощные. Более того, люди, живущие в жарком и влажном климате, благоприятном для размножения бактерий, предпочитают более острую пищу, нежели обитатели более прохладной климатической полосы. В Индии, Индонезии, Малайзии, Нигерии и Таиланде мясные блюда сдабриваются огромным количеством специй. (Кстати, наибольший антибактериальный эффект оказывают чеснок, лук, гвоздика и душица.)

И все же, хотя обработка и применение специй делают потребление мяса менее опасным, мясоедение остается рискованным занятием, в особенности для беременных женщин. Такие содержащиеся в мясе патогены, как *Toxoplasma gondii*, *Listeria monocytogenes*, *E. Coli*, *Shigella dysenteriae* и *Leptospira*, могут послужить

причиной выкидыша, рождения мертвого или недоношенного младенца. Однако эволюция не дремлет — в качестве защиты от пищи, которая может повредить растущему эмбриону, она изобрела тошноту и пищевые предпочтения. Большинство беременных женщин испытывают тошноту и рвоту, порой все первые три месяца беременности, когда эмбрион наиболее уязвим для вредоносных токсинов. Пол Шерман решил, что, поскольку наиболее опасной пищей является мясо, а наиболее безопасной — фрукты, отвращение к мясу должно встречаться у беременных чаще, чем отвращение к фруктам. Проанализировав пищевые предпочтения 12 тысяч беременных женщин, он обнаружил, что оказался прав. Беременные женщины в десять раз чаще отказываются от мяса, чем от фруктов.

Почему бараньи мозги любят в Бейруте и терпеть не могут в Бостоне

Пищевые предпочтения встречаются не только у беременных женщин. Они есть у каждого. Из всех работ, посвященных мясоедению, я больше всего люблю выпущенную в 1859 году книгу датчанина по имени Петер Лунд Симмонс, озаглавленную «Любопытные факты о еде, или Предпочитаемые в различных странах деликатесы из животного царства». Симмонс описывает огромное количество разнообразных видов мяса, к большинству из которых я не притронулся бы и под страхом смертной казни. Так, он пишет о том, как вкусны слоновьи пальцы (мариновать с уксусом и кайенским перцем), и воспевает неземное наслаждение, испытываемое при поедании мяса дельфинов, вомбатов, индийских крыс, жаб, пчел, многоножек, пауков, морских огурцов и фламинго (язычки которых «обладают весьма богатым вкусом, напоминающим вкус языков дикой козы»).

По шкале любви к новым ощущениям в еде я тяну баллов на 7 из 10. Мне доводилось лакомиться бараньими мозгами (я регулярно ел их, когда учился в Бейруте, — жареными они вкуснее вареных), свиными кишками, улитками, каймановыми черепахами, фаршированным потрохами овечьим желудком, лепешками с начинкой из кузнечиков, зобными железами, ростбифом из костреца медведя-барибала, мясом аллигатора и высушенными на солнце яйцами игуаны. При этом я терпеть не могу йогурт и считаю суши совершенно безвкусными. Я ни за что бы не смог съесть кошку, крысу, летучую мышь, медузу или шимпанзе. Не стал бы я есть и балут — филиппинский деликатес, состоящий из теплых полуоформившихся утиных эмбрионов, извлеченных из яйца. И уж конечно я не сумел бы лихо проглотить бьющееся сердце кобры, как это сделал знаменитый нью-йоркский шеф-повар Энтони

Бурден. Однако эти кошмары гурмана в иных частях света считаются деликатесами.

Почему же съедобных животных на свете так много, а перечень животных, мясо которых мы регулярно едим, так короток? Дело, во-первых, в доступности. В книге «Ружья, микробы и сталь» Джаред Даймонд пишет, что, хотя большинство животных годятся в пищу, лишь немногие из них могут широко использоваться в сельском хозяйстве. Из 148 крупных сухопутных млекопитающих одомашнено было только 14. Кроме того, предпочтения в области мяса зависят и от того, где вы живете. В мясном отделе супермаркета, куда я езжу за продуктами, можно купить только стандартный набор — говядину, свинину и курятину, да еще попадетя порой баранина или пара разновидностей рыбы. Для самых храбрых есть печенка. Однако если вы читаете эту книгу в Барселоне, то можете отложить ее и дойти до Ла Бокера — обширного центрального рынка на Ла Рамбла. Пройдите по центральному ряду, примерно посередине поверните направо — и вы упретесь в прилавок продавца требухи. Рано утром этот прилавок ломится от гор блестящих внутренних органов — желудков, мозгов, языков, кишок, легких, сердец, почек и даже пары освеженных овечьих голов.

Однако люди избегают тех или иных видов мяса не только потому, что оно им недоступно. В этом деле немалую роль играет личный опыт. У людей, как у крыс, имеется способность ассоциировать вкус мяса с тошнотой и рвотой. Это обнаружил психолог Мартин Селигман, у которого развилось отвращение к любимому блюду — бифштексу под беарнским соусом. Это произошло после того, как он съел бифштекс в свой день рождения, а затем подхватил вирус и всю ночь мучился рвотой. Неудивительно, что приобретенное отвращение к мясу встречается втрое чаще, чем отвращение к овощам, и вшестеро чаще, чем отвращение к фруктам.

Однако главным фактором, определяющим нашу любовь или отвращение к той или иной пище, является культура. Эволюционный антрополог Дэниел Фесслер из

университета Калифорнии (Лос-Анджелес) изучил пищевые табу, существующие в различных сообществах. Учитывая, что мясо более опасно, Фесслер предположил, что во всех культурах запрет на мясо будет встречаться чаще запрета на фрукты. Совместно со своим аспирантом Карлосом Наваррете он собрал данные о запретах на ту или иную пищу в семидесяти восьми культурах. Обнаружилось, что запрет на вполне съедобное мясо встречается в шесть раз чаще, чем запрет на овощи, фрукты или злаки.

Почему же легче наложить запрет на мясо, чем на растительную пищу? Антропологи обожают такие задачи. Впрочем, как часто бывает, домыслов тут много, а надежных данных мало. Некоторые антропологи, изучающие пищу, подходят к вопросу практически и считают эти запреты адаптивными. К примеру, свинина запретна для мусульман и евреев. Некоторые антропологи-функционалисты убеждены, что табу на свинину призвано обезопасить человека от трихинеллеза. Есть и другое мнение, тоже принадлежащее функционалистам: запрет на свинину адаптивен потому, что свиньи едят ту же пищу, что и человек, и потому являются его конкурентами. Руководствуясь той же логикой, антрополог Марвин Харрис утверждает, что обожествление индуистами крупного рогатого скота в Индии продиктовано тем, что скот приносит больше пользы как тягловая сила для обработки полей и как источник молока и топлива (кизьяк), нежели как источник протеина.

Однако в последние годы функциональные объяснения запретов на мясо уже не кажутся достаточно правдоподобными. Так, они не объясняют причины географического распределения запретов на мясо. Почему, например, коров не обожествляют в Пакистане — ведь и там они в точности как в Индии пахут землю и дают молоко и топливо? Не находится объяснения и таким парадоксальным с экологической точки зрения табу, как запрет на поедание рыбы у обитателей пустыни — например, индейцев навахо на юго-западе США и у пастухов-масаи в Африке. Существует и другая теория,

альтернативная адаптивной, — она утверждает, что запреты связаны с причудами человеческой психологии. Сам я подозреваю, что большинство запретов на мясо связаны с произвольными культурными традициями и не имеют никаких объяснений, за исключением склонности человека подражать ближнему своему.

Если я прав, то можно предположить, что в определенных обстоятельствах наше отношение к съедобности тех или иных животных должно быстро меняться, как меняются популярные детские имена. Так случилось с запретом на буйволиное мясо, бытовавшим у непальской народности тару. Антрополог Кристиан Макдоно, проживший в деревне тару с 1979 по 1981 год, регулярно ел вместе с односельчанами свиней, коз, рыбу, кур и даже крыс, однако ни разу не пробовал буйволятины. Буйволы и некоторые другие животные умерщвлялись исключительно в ходе религиозных ритуалов. Однако, в отличие от кур, свиней и коз, которых после церемонии попросту съедали, мертвых буйволов полагалось оттащить подальше и бросить. Двенадцать лет спустя Макдоно вернулся в деревню и был потрясен, когда после долгой попойки ему предложили закусить буйволятиной. Видимо, народ тару стал относиться к буйволам иначе. Макдоно приписывает быстрое ослабление запрета на буйволятину нескольким причинам. Во-первых, другие виды мяса подорожали, и есть буйволятину стало выгодно. Во-вторых, начался процесс размывания кастовой системы. Население долины становилось все более пестрым, и соседями тару часто оказывались люди, которые совершенно спокойно ели буйволиное мясо. И наконец, в этом регионе начала укрепляться демократия, благодаря чему тару получили возможность более открыто выражать свои политические взгляды и устремления и впервые поняли, что могут есть все, что только пожелают.

Печенье из собачатины, жаркое из собачатины: исследование одного пищевого запрета

Когда в культуре имеется запрет на ту или иную разновидность мяса, людей шокирует сама мысль о том, чтобы его есть. Большинству американцев особенно отвратительна мысль о поедании собачатины — и все же археологические находки подтверждают тот факт, что люди тысячелетиями ели собак. Во многих уголках мира люди всегда относились к собакам как к ходячим кладовым — наполняли их излишками пищи в сытые времена и пускали в дело, когда с протеинами становилось туго. Ацтеки специально вывели голых мясных собак, а во многих племенах североамериканских индейцев собачатина была основой рациона. Хотя поедание собачатины запрещено с 1998 года, собаки по-прежнему представляют собой часть меню на Филиппинах. В Африке собак порой кастрируют и откармливают перед тем, как зарезать, чтобы получить побольше мяса. Да и собакам из бассейна Конго не позавидуешь — там их медленно забивают насмерть, чтобы мясо стало нежным.

Собачье мясо пользуется особенной любовью в Азии, где каждый год в пищу идет около 16 миллионов собак и 4 миллионов котов. Антрозоолог Энтони Подберсек из Кембриджского университета изучил торговлю собачьим мясом в Азии. Наибольшее количество собачатины потребляют китайцы. Наибольшим спросом пользуются щенячьи окорока. Собачье мясо стоит столько же, сколько говядина. Розничная цена одного фунта свежей собачатины в 2004 году составляла 2 доллара. Внутренние органы можно сторговать по дешевке — мозги по доллару за штуку, а пенисы — за доллар сорок пять центов. Исторически в Китае использовали на мясо собак породы чау-чау. Однако в 1990-х годах на собачьих фермах (или ранчо?) решено было выращивать животных, которые росли быстрее и имели более вкусное мясо. Испытав для

этой цели немецких догов, ньюфаундлендов и тибетских мастифов, фермеры остановились на сенбернарах, поскольку те обладали спокойным характером и часто производили большие пометы быстро растущих щенков. Однако у сенбернаров мясо безвкусное, и для получения более приятного вкуса пришлось скрещивать их с местными породами. Щенков забивают в возрасте шести месяцев, пока их мясо еще мягкое и сочное.

В Южной Корее собачатина также является давним традиционным блюдом. Корейцы, как и китайцы, верят, что собачье мясо обладает целебными свойствами. В отличие от китайцев, которые обычно едят собачатину зимой, корейцы считают наиболее подходящим для этого сезоном лето. И все же, хотя собачье мясо и является традиционной пищей, в Южной Корее отношение к нему двоякое. Потребление собачатины в Южной Корее составляет всего двести граммов в год на человека, однако при населении в 50 миллионов человек цифра получается внушительная. По данным министерства сельского хозяйства, в 1997 году жители Южной Кореи съели около 12 тысяч тонн собачьего мяса, причем спрос на него продолжает расти. В 2002 году была создана Национальная ассоциация владельцев мясных ресторанов, целью которой была пропаганда потребления собачьего мяса и сопутствующих продуктов — хлеба с собачьим мясом, печенья с собачьим мясом, майонеза, уксуса и кетчупа из собачатины, а также гамбургеров с собачьим мясом. Продается даже нечто под названием «переваренное мясо» (не знаю уж, что оно собой представляет). Из собачатины же делают лекарственное средство-тонизатор гезоджу, которое, как утверждается, особенно хорошо помогает при ревматизме.

В Южной Корее съедают около миллиона собак в год — но все большее число корейцев заводит собак в качестве домашних любимцев. Особенно популярны мелкие симпатичные собачонки: мальтийские терьеры, шитцу и йоркширские терьеры. В результате жители Южной Кореи все более неоднозначно относятся к собачьему мясу, а недавний опрос показал, что 55 %

взрослых корейцев не одобряют питание собачатиной. При этом, по данным того же опроса, запрет на собачье мясо одобряют менее 25 % опрошенных.

Запрет на собачатину проистекает из двух противоположных факторов взаимоотношений человека и животного. Люди не едят тех животных, которыми брезгуют, и тех, которых обожают. В Индии и в большинстве стран Ближнего Востока собак не едят, руководствуясь принципом «не ешь грязных животных». В индуистской традиции собаки считаются париями мира животных. Ими брезгуют потому, что они спариваются с членами собственной семьи и, как утверждается, поедают блевотину, фекалии и трупы. Собак уподобляют представителям низшей касты, а брамины считают, что собака может осквернить пищу, просто посмотрев на нее. В большинстве интерпретаций исламской религии собаки тоже считаются существами нечистыми. Так, если собака коснулась мусульманина, тот не имеет права сразу после этого приступить к молитве. Индуисты и мусульмане не едят собак по той же причине, по какой американцы не едят крыс, — для них это паразиты.

Однако американцы и европейцы не едят собак по совершенно противоположной причине. В американских семьях собаки являются не животными, а членами семьи. А поскольку члены семьи являются людьми, съедение собаки равнозначно каннибализму.

Но как же обстоит дело в культурах, где одна собака может быть членом семьи, а другая — бифштексом? Как правило, в этих обществах имеются механизмы, регулирующие потенциальный конфликт категорий. В качестве мясных собак в Южной Корее предпочитают породу нуреонги — некрупных псов желтого окраса. Нуреонги не держат в качестве домашних питомцев, а на рынках, где продают домашних собак и нуреонги, собак-питомцев отделяют от прочих и помещают в клетки особого цвета. Индейцы оглала, живущие в резервации Пайн-Ридж (Южная Дакота), едят тушеную собачатину во время религиозных обрядов, но при этом держат и домашних собак. Судьбу каждого щенка определяют

вскоре после его рождения. Щенок-любимец получает кличку; его брат, который пойдет на мясо, остается безымянным.

Мясо как отвратительная мертвечина

Еще один фактор, отягчающий отношение человека к мясу, связан с виной за убийство другого живого существа. Во всех племенных сообществах существуют охотничьи обряды искупления вины за убийство дичи. Большинство американцев подавляют это чувство вины, просто не думая о том, откуда берется их обед. Я и сам успешно увиливал от морального бремени своих пищевых привычек, пока мне не исполнилось тридцать семь — в тот год мне довелось разделывать остывающую тушу пятисоткилограммового быка.

В то время мы жили в кампусе колледжа Уоррена Уилсона близ Ашвилла. У колледжа имелась собственная ферма и стадо быков и коров, которых резали примерно по тридцать голов в год. Эти животные вели идиллическую пасторальную жизнь на пастбищах, а умирали так безболезненно, что даже Питер Сингер, известный философ, боровшийся за освобождение животных, не нашел бы к чему придраться. Им не приходилось толкаться в тесных загонах, их не запикивали в перевозки и не гнали, израненных, на скотобойню. О коровах колледжа от рождения и до смерти заботились студенты, любившие сельское хозяйство. Когда же приходил смертный час, корове давали пучок сладкой травы, заманивали в небольшой загон и убивали выстрелом в голову прежде, чем та успевала сказать «му».

Кое-кто из работавших на ферме студентов знал, что я занимаюсь психологией взаимоотношений человека и животных, и однажды они предложили мне поучаствовать в забое скота. Я мекал и бекал, однако неохотно согласился. Той ночью я почти не спал. В семь утра я явился в убойный загон, а уже час спустя по локоть засовывал руки в коровье брюхо. Следующие два дня я провел, помогая превратить крупных животных в упаковки замороженного мяса.

Первый бычок умер так. Один из студентов по имени Сэнди Макги завел его в загон и привязал к кольцу в полу. Менеджер фермы Эрнст Ларсен вошел в загон, застрелил бычка из пистолета двадцать второго калибра, и команда приступила к работе. Все знали, что следует делать. Один перерезал бычку горло и стал спускать кровь; другие отпиливали голову и копыта. Ноги перехватили цепью, а затем подвесили тушу к потолку. Откуда ни возьмись появилась тачка — я не понял зачем. Взяв длинный нож для свежевания, Сэнди одним быстрым движением сделал разрез, вскрыв тушу от грудной клетки до ануса. В тачку плюхнулась гора внутренностей. Инспектор из министерства сельского хозяйства осмотрел сердце, печеньку и почки, а затем поставил на тушу печать, означавшую, что мясо пригодно для еды.

Порой говорят, что, если бы всем приходилось резать скот на мясо самостоятельно, мы все поголовно были бы вегетарианцами. Я проверил эту теорию на студентах, работавших на ферме. Большинство из них выросло в пригородах, происходило из семей среднего класса и впервые увидело живую корову или свинью только в колледже. Чтобы проверить, как работа на скотобойне связана с отказом от мяса, мы с Сэнди раздали опросники тем из студентов, кто занимался именно забоем и разделкой скота, а я вдобавок еще и опросил почти всех.

Результаты опроса продемонстрировали полный крах теории о том, что забивший корову человек превращается в вегетарианца. Ни один из забойщиков не перестал есть мясо. Однако их ответы на вопросы, связанные с забоем скота, были довольно сложными. Почти все студенты сообщили, что считают забой и разделку туши интересным и ценным опытом, однако большинство призналось, что порой во время или после забоя испытывает тошноту. Половина команды порой отказывалась от мяса первые день-два после забоя, однако большинство сочло, что опыт забоя скота пошел им на пользу. Некоторые причины были весьма практичными — так, некоторые сообщили, что с удовольствием изучили способы разделки туши и теперь смогут успешнее

выбирать мясо в магазине. Несколько старшекурсников, готовившихся изучать ветеринарию, сказали, что эта работа помогла им выучить анатомию. Однако для многих опыт оказался более серьезным. Им пришлось разобраться со своей системой ценностей. Они поняли, откуда берется мясо. Мясо — это мертвое животное.

Психолог Пол Розин, изучающий вопросы питания, считает, что в сознании человека животное неизбежно связано со смертью. Розин считает, что отвращение ко многим продуктам животного происхождения, в том числе и к мясу, связано с тем, что животные служат неприятным напоминанием о нашей смертности. Он пишет: «Человеку необходимо есть, испражняться и спариваться точно так же, как любому животному. В каждой культуре существуют правила выполнения этих действий — например, большинство животных запрещено есть, большинство людей запрещено рассматривать как потенциальных сексуальных партнеров. Мы, люди, похожи на животных еще и в том, что обладаем таким же хрупким телом, которое кровоточит, будучи ранено, а также мягкими внутренностями, тоже схожими с внутренностями животных. Человеческое тело так же смертно, как тело животного».

Действительно ли мясо животных кажется людям отвратительным? Скорее да. Так, например, исследователи скандинавского рынка обнаружили, что чем в большей степени кусок мяса «анимализирован» — то есть чем больше он напоминает тушку животного, — тем неохотнее приобретет его средний потребитель. Производители мясных продуктов оказываются в парадоксальной ситуации. Обычно покупатели предпочитают более свежие, сочные и натуральные с виду товары. Но когда речь заходит о мясе, свежесть, сочность и натурализм оборачиваются недостатком, особенно в глазах женщин. Исследователи рекомендуют производителям мясных продуктов делать свою продукцию как можно менее похожей на плоть — пусть это будут небольшие кусочки, замаринованные для изменения цвета и готовые для

приготовления; иными словами, пусть это мясо будет не таким отвратительным.

Этот же принцип давно действует и для птичьего мяса. В 1962 году практически все куры в США продавались в виде целых тушек с аккуратно вложенным внутрь сердцем, печенкой и желудком. Разделывать этих кур нужно было самостоятельно. Сегодня все совсем иначе. Лишь 10 % кур, которых продают в современных супермаркетах, сохраняют сходство с птичьей тушкой. Самый быстрорастущий сегмент индустрии розничной торговли куриным мясом официально именуется «обработанное мясо», это торговля полупрозрачными кусочками мяса, которые выглядят так, словно их вырастили в лаборатории. Называется этот товар «нежное мясо» или — мой любимый оксюморон — «цыплячьи пальчики».

Пусть мясо отвратительно — но почему же тогда вокруг так мало вегетарианцев?

Процесс превращения нейтрального явления в аморальное называется «морализацией». Так, морализации подверглись взгляды на рабовладение; из свежих примеров можно назвать курение. Быть может, мясоедение тоже нетрудно морализовать? У меня в офисе на полулежат груды книг, авторы которых рассказывают, почему я не должен есть живых существ. Их доводы сводятся к четырем позициям, оспаривать которые сложно. Во-первых, для того, чтобы съесть животное, вы отнимаете у него жизнь. Во-вторых, условия выращивания, перевозки и умерщвления почти всех мясных животных причиняют страдания самим животным и создают ужасные условия для тех, кто выполняет грязную работу. В-третьих, преобразование растений в мясо неэффективно и плохо действует на экологию. И наконец, в-четвертых, мясоедение приводит к ожирению, раку и сердечным заболеваниям. Добавим к этим этическим и практическим доводам еще и фу-фактор — и можно пребывать в убеждении, что людей нетрудно убедить отказаться от мяса. Увы, это не так. Кампания по морализации мясоедения в большинстве случаев оканчивается пшиком.

В наши дни модно — особенно в молодежной среде — говорить «я не ем мясо». Результаты недавнего исследования показали, что 30 % студентов колледжа предпочитают иметь возможность выбрать в ресторане или кафе веганское меню, а продажи заменителей мяса в США растут на 35 % в год. При этом что-то незаметно, чтобы Америку захлестнул шквал вегетарианства. Наиболее точная оценка количества вегетарианцев в США была получена в результате ряда исследований, проводившихся в течение последних пятнадцати лет группой изучения вегетарианства. Они спрашивали

взрослых представителей различных групп, какую пищу те едят. И раз за разом выходило, что от 97 до 9 % американцев время от времени едят мясо.

Движения защитников животных вполне успешно изменили позицию американцев относительно обращения с представителями других видов животного мира. Но, по иронии судьбы, одновременно с ростом заинтересованности в благополучии животных выросло и наше желание есть их мясо. В 1975 году, когда возникли и были узаконены современные движения за защиту животных, средний американец съедал 80 килограммов мяса в год. Сегодня мы едим почти 108 килограммов. Количество ежегодно забиваемых на мясо животных растет еще более впечатляющими темпами. За последние тридцать лет количество животных, убиваемых ради питания человека, из 3 миллиардов превратилось в 10 миллиардов; вместо 56 животных в год на семью из четырех человек мы имеем 132 животных.

Почему же движение в защиту животных не сумело заставить нас отказаться от пристрастия к мясу живых существ? Интересно отметить, что именно усилия защитников животных, борющихся за улучшение условий содержания домашнего скота, сделали потребление мяса не менее, а более этичным делом. Так, розничные продажи органического куриного мяса за период с 2003 по 2007 год выросли в четыре раза. Сегодня социально ответственные потребители могут приобретать мясо, помеченное как не содержащее гормонов, не содержащее антибиотиков, не перенесшее жестокого обращения и выращенное в естественных условиях. Иными словами, это мясо, которое не вызывает у нас комплекса вины. Даже в нашем городишке (с населением всего 2454 человека) супермаркет завален мясом, этическая стерильность которого заслужила похвалу Американской ассоциации гуманизма. Я могу купить куриц), которая, по словам продавца, прожила прекрасную жизнь в «абсолютно естественных условиях», питалась «стопроцентно растительными кормами», «не подвергалась стрессам и обрезке клюва», снабжалась «свежим вентилированным

воздухом» и пользовалась «сменными кормушками для постоянного поступления свежего корма». Конька, именуемого «благополучием животных», оседлали и сети фастфуда. McDonalds, Wendys, KFC и Hardees организовали у себя мощные консультативные советы по обеспечению благополучия животных и заставили своих поставщиков соблюдать стандарты по выращиванию и забою животных.

Однако главной причиной увеличения количества забиваемых в Америке мясных животных стал переход с мяса млекопитающих на мясо птицы. Одним из постыдных наслаждений для меня долгие годы было поедание бургера с говяжьей котлетой и сыром. Я обожал липкий майонезный соус, ледяной салат-латук, капающее масло и аромат копченостей явно химического происхождения. Но однажды я прочел книгу Эрика Шлосслера «Нация фастфуда», и моя любовь к гамбургерам моментально испарилась. Я быстро согласился с тем, что кока-кола вызывает привыкание почище героинового, что руководство «Макдоналдса» задалось с целью сохранения минимальной ставки, и с тем, что индустрия фастфуда нанесла американской молодежи куда больший ущерб, чем колумбийские наркобароны. Гамбургер утратил всю свою прелесть, едва я узнал, что каждая котлета в нем состоит из мяса сотен коров, любая из которых могла быть больна бог знает чем, и что все эти коровы последние недели своей жизни провели по колено в навозе.

Я был не единственным, кто стал реже есть бифштексы и бургеры. Потребление говядины в США снижалось двадцать лет подряд начиная с 1970-х годов, когда Управление по контролю продуктов питания и медикаментов призвало нас снизить потребление насыщенных жиров. Однако снижение интереса к говядине компенсировалось многократно возросшим аппетитом наших соотечественников к курятине. Количество забиваемого каждый год в США скота между 1975 и 2009 годом снизилось на 20 %, однако для кур тот же показатель вырос на 200 %. Переломным стал 1990 год,

когда американцы впервые в истории начали есть больше курятины, чем говядины. Во времена Герберта Гувера, обещавшего в своей избирательной кампании «по цыпленку в каждую кастрюлю», средний американец потреблял 200 граммов курятины в год. Сегодня на его долю приходится почти 40 килограммов.

Есть несколько причин, по которым мы перестали есть коров и переключились на птицу. Все они почти никак не связаны с растущей заботой о благополучии животных. Произошедшие после Второй мировой войны прорыв в области изучения домашней птицы и вертикальная интеграция производителей куриного мяса привели к тому, что курятина стала выгоднее говядины. В 1960 году фунт курятины стоил вдвое дешевле фунта говядины, а сегодня его цена вчетверо ниже цены на говядину. Кроме того, говядину стали связывать с ожирением, сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком. Первоначально заявления о вреде красного мяса делали шарлатаны от науки, однако недавние эпидемиологические исследования подтвердили: есть говядину вредно. Изучив в 2009 году полмиллиона людей, обитающих в самых разных странах, исследователи обнаружили, что лица, потреблявшие много красного и/или обработанного мяса, чаще умирали от рака и сердечно-сосудистых проблем, нежели люди, в рационе которых красного мяса было мало. Авторы отчета утверждают, что при сокращении потребления красного мяса смертность в Америке упадет на 11 % среди мужчин и на 16 % среди женщин.

Мой знакомый диетолог Кэти Кэллоуэй решила этот вопрос так: она советует своим клиентам есть только то мясо, которое летало или плавало. Однако отказ от говядины нанес жестокий удар по благополучию домашних животных и птицы. На момент забоя бычок весит в среднем 500 килограммов, из которых 62 % составляет пригодное к использованию мясо. Бройлер же породы K066–500 дает около полутора килограммов мяса. Это значит, что для получения того количества мяса, которое дает один бык, вам придется убить две сотни кур.

Кроме того, крупный рогатый скот живет дольше и обитает в более гуманных условиях, нежели фабричная курица. Бройлер всю жизнь дышит парами аммиака — а средняя корова полтора года пасется на солнышке и жуёт травку, пока ее не поведут в загон «кончать». И пусть салат «Цезарь» с цыпленком гриль из «Макдоналдса» и полезнее для вашего здоровья, по критерию количества страданий пальма гуманизма должна доставаться бигмаку.

Конечно, по этой логике сорок процентов защитников животных, признающих в мясоедении, должны питаться китовым мясом. Голубой кит весит 100 тонн, а мяса в нем столько же, сколько в 70 тысячах кур. Ингрид Ньюкирк, одна из основателей и президент РЕТА, с этим согласна. В 2001 году РЕТА шокировала свою аудиторию, организовав кампанию по поддержке китового мяса. Ньюкирк объяснила мне логику РЕТА так: «Мы начали кампанию „Съешь кита“ для того, чтобы привлечь внимание общественности к тому факту, что чем крупнее животное, тем больше пищи можно получить за счет страданий и гибели одного-единственного живого существа. Важно и то, что киты живут на свободе, им никто не подрезает уши и не купирует хвосты, их не кастрируют, им не подрезают клювы, не втискивают в обдирающую кожу клетку, не набивают в грузовики, не везут на завод в любую погоду и так далее. Поэтому, если человек не может (или не хочет) отказаться от пристрастия к мясу, если он не в состоянии пожертвовать мимолетными вкусовыми ощущениями во имя милосердия и порядочности, — что ж, пусть он заставляет страдать как можно меньшее количество животных и ест мясо самого крупного из доступных ему существ».

Пожалуй, логика в этом есть. Но моя дочь Бетси год прожила в японской глубинке и рассказывала потом, что китовое мясо жесткое, жилистое и жирное.

Разница между словом и делом: мясоеды-вегетарианцы

Движение за морализацию мяса так и не добилось значительных успехов, однако миллионы американцев считают себя вегетарианцами. К ним принадлежит и Мишель. Накалывая на вилку кусочек обжаренной семги, она говорит мне, что не ест мяса. Она не одна такая — большинство американских «вегетарианцев» едят мясо живых существ.

А вот Че Грин мяса действительно не ест. Некогда Че был инвестиционным банкиром, а сегодня он является основателем и исполнительным директором Совета гуманистических исследований, некоммерческой организации, которая использует маркетинговые исследовательские технологии для изучения позиции общественности относительно обращения с животными. Как большинство защитников животных, Че приобрел слабость к животным еще в детстве. Ребенком он ел мясо, однако предпочитал ему другую пищу, не напомиравшую о том, что лежащее на тарелке некогда было живым существом. Его отношение к мясу существенно изменилось в старших классах, когда он подрабатывал в летние каникулы на аляскинском консервном заводе. Его работа сводилась к тому, чтобы отправлять в машину крупные рыбы тушки, которые несколько мгновений спустя превращались в консервы из лосося. Лето Че отработал, однако пробрало его до печенок. Два месяца спустя он стал вегетарианцем, а еще через два года превратился в вегана.

Че многое известно о том, что едят американцы. Он собирает все масштабные исследования, содержащие данные о количестве вегетарианцев в США. Собранный им информация служит прекрасной иллюстрацией одного из базовых принципов человеческой психологии: люди часто говорят одно, а делают совсем другое. Так, в 2002 году, по данным Типе, 6 % американцев утверждали, что являются

вегетарианцами. Однако в той же статье было отмечено, что почти 60 % опрошенных «вегетарианцев» признались, что за последние двадцать четыре часа ели красное мясо, курицу или морепродукты. Мой знакомый диетолог Кэти называет себя «нестрогой вегетарианкой»; есть даже специальные слова для обозначения людей, которые считают себя вегетарианцами, однако периодически едят рыбу или мясо. В телефонном опросе, проведенном министерством сельского хозяйства, было выявлено, что две трети людей, утверждающих, что они вегетарианцы, съели кусочек мясного в день опроса. В ходе одного из исследований выяснилось, что подростки-«вегетарианцы» едят больше курятины, чем их всеядные сверстники.

По данным Совета гуманистических исследований, число истинных вегетарианцев и веганов в США колеблется между 2 и 6 миллионами. (Группа исследователей из школы медицины Йельского университета пришла к выводу, что строгие вегетарианцы составляют менее одной десятой процента населения Америки.) Причины, по которым они отказались от мяса, могут быть самые разные. По данным большинства исследователей, главным мотивирующим фактором для большинства вегетарианцев являются соображения здоровья, а на втором месте с небольшим отрывом — этические/экологические соображения. Сам Че отказался от мяса из отвращения, поначалу внутреннего, а затем переросшего в этическую позицию. Поработав на консервном заводе, он убедился в том, что люди не должны ежегодно убивать миллиарды живых существ ради мяса.

Мой друг Пит Хендерсон пришел к вегетарианству совсем другим путем. Его родители были адвентистами седьмого дня и не ели мяса по религиозным причинам. В настоящее время Пит убежден, что растительная диета полезна для здоровья. В отличие от Че Пит не связывает свое вегетарианство с заботой о правах животных или со стремлением избавить их от страданий. Животных, которые пробираются к нему в сад, он отлавливает гуманными ловушками-клетками.

Выловит — и пристрелит.

Пит живет на мини-ферме к северу от Ашвилла и самостоятельно выращивает значительную долю пищи, потребляемой его семьей. Пять лет назад он устал отдавать свою кукурузу, кабачки, горох, бобы и чернику животным, которые тоже не прочь были полакомиться свежими овощами. Тогда Пит купил пару гуманных ловушек. С их помощью он отлавливал захватчиков, уносил их на пару миль от дома, а потом выпускал. Это не помогло, и тогда он купил ружье. За этот год он уже убил двух енотов, нескольких диких индюков и опоссума. Пит не любит убивать, постоянно укрепляет забор вокруг сада и обносит его сеткой, чтобы не иметь нужды расправляться с налетчиками. И все же еноты ухитряются добраться до его кукурузы, а сам Пит так и остается вегетарианцем-охотником.

Пример Че и Пита доказывает, что вегетарианцы могут иметь различные взгляды на этичность мясоедения. Пол Розин с коллегами обнаружили, что вегетарианцы, не употребляющие мяса поэтическим соображениям, испытывают к мясу больше отвращения, чем вегетарианцы, заботящиеся в первую очередь о своем здоровье, и перспектива жевать и глотать мясо удручает их куда больше. В отличие от вегетарианцев по соображениям здоровья «этические» вегетарианцы склонны считать мясо «грязным» с моральной точки зрения продуктом, а мясоедов — агрессивными людьми. Кроме того, они могут назвать больше внешних причин для воздержания от мясоедения и отказываются от большего числа продуктов животного происхождения, нежели вегетарианцы, заботящиеся исключительно о собственном здоровье.

Почему же некоторые люди могут отказаться от поедания мяса живых существ, в то время как большинство успешно подавляет собственные сомнения относительно моральной стороны выбора пищи? По мнению Донны Маурер, автора книги «Вегетарианство: явление моментальное или монументальное?», портрет типичного вегетарианца выглядит так: это женщина

среднего или высшего класса, с либеральными взглядами, белая, образованная, меньше среднего человека приверженная традиционным ценностям.

Обычно она начинает с отказа от красного мяса, затем включает в список запретных продуктов курицу и рыбу, а если она веганка, то и яйца с молочными продуктами. Мотивирующие вегетарианца факторы могут меняться с течением времени. Может случиться так, что поначалу человек откажется от мяса из заботы о собственном здоровье, однако затем разработает систему этических доводов за отказ от мяса. Точно так же вегетарианец, который поначалу хотел избавить животных от страданий, может обнаружить, что растительная диета хорошо сказывается на его здоровье.

Отказ от мяса также зависит от личностных характеристик человека. Мы с Лорен Голден изучили связь между характеристиками личности и отношением к использованию животных. Через MySpace и Facebook мы приставали к активным защитникам животных, к членам групп, использующих животных (охотникам, фермерам, исследователям), и к людям, которые не особо интересовались животными. Всех их мы просили ответить на вопросы онлайн-анкеты, касавшиеся их питания и позиции относительно обращения с животными. Всего в исследовании приняло участие почти 500 человек, из которых 40 % было вегетарианцами. Выяснилось, что вегетарианцы были более творческими людьми, чем мясоеды, обладали более живым воображением и легче воспринимали все новое. Однако они же чаще испытывали тревогу и беспокойство.

Эти открытия подводят нас к интересной проблеме. По данным большинства исследований, вегетарианцы здоровее мясоедов, а по некоторым данным — многие вегетарианцы еще и ведут более полную жизнь и отличаются большим душевным здоровьем. Однако можно ли утверждать, что отказ от мяса будет полезен всем без исключения?

Отказ от мяса и пищевые расстройства: темная сторона вегетарианства

Уж не знаю, можно ли считать Рори Фридмен и Ким Барнуин суками, но вот тощими их можно назвать с чистой совестью. Они работали в лос-анджелесской фэшн-индустрии (Рори — агентом, Ким — моделью), затем перешли в веганство, а в 2005 году написали скандальную книгу «Тощая сука», посвященную диете и ставшую бестселлером New-York Times. Главы в ней носят такие броские названия, как «Сахар — белая смерть» и «Мертвечина, которая гниет и разлагается, — приятно аппетита!». Эта и последовавшие за ней книги стали хитом продаж. Аудиторией «Тощей суки» являются девочки-подростки и девушки, которые хотят походить на красоток-авторесс. Книга начинается с вопроса: «Вы не устали быть толстухой?» И если ответить «да, устала» — как отвечает большинство американских девушек, — совет будет прост: прекратите есть живых существ.

Стейси Джиани, бывшая вегетарианка, а ныне пожирательница сырой печени, считает, что идея, лежащая в основе «Тощей суки», — «ешь растительную пищу и худей» — опасна для девочек-подростков. Она вспоминает, как сама отказалась от мяса в семнадцать лет, поскольку была недовольна своей фигурой. «Став вегетарианкой, я надеялась получить больше власти над собственным телом и убрать из своего рациона жиры. Жиры были настоящим злом. В семнадцать лет жизнь казалась мне очень сложной, а вегетарианство давало какую-никакую опору. Было что-то притягательное в том, что вегетарианцем быть правильно. В этом возрасте все хотят чувствовать себя сильными, иметь цель и ощущать свою правоту».

Стейси затронула непростую тему. В опросе общественного мнения, проводившемся институтом Харриса, сообщалось, что вегетарианство наиболее часто

встречается среди девочек-подростков, то есть в группе, которая наиболее подвержена расстройствам пищевого поведения. Годами опрашивая вегетарианцев, я и подумать не мог, что у этого, на первый взгляд, здорового образа жизни есть свои темные стороны. Быть может, пропагандируемый в «Тощей суке» подход к снижению веса по сути является пропагандой расстройств питания? Я тут же стал подбирать исследования, посвященные связи вегетарианства и пищевых расстройств, и был очень удивлен обнаруженными результатами.

Авторы «Тощей суки» рисуют заманчивые картины: женщина перестает есть мясо животных и обретает умопомрачительную фигуру. Однако нет никакой гарантии, что растительная диета поможет вам похудеть. В статье, которая была опубликована в *Journal of the American Dietetic Association* и называлась «Заявление о собственном вегетарианстве может указывать на риск расстройств пищевого поведения у студенток колледжей», Шири Клопп и ее коллеги рассказывают о том, что студентки колледжей, являющиеся вегетарианками, не имели пониженного веса или индекса массы тела по сравнению со студентками, евшими мясо. Однако вегетарианки чаще ощущали вину за то, что они ели, и были больше озабочены вопросами стройности. Кроме того, стремясь похудеть, они часто принимали слабительное и излишне активно занимались спортом, а также чаще испытывали рвотные позывы после еды.

Другие исследования дали аналогичные результаты. Исследователи из университета Миннесоты сообщили, что подростки-вегетарианцы почти вдвое чаще своих ровесников-мясоедов садились на диету, вчетверо чаще вызывали у себя рвоту и в восемь раз чаще пользовались слабительным для снижения веса. Проведенные в 2009 году исследования показали, что вегетарианцы из числа подростков и молодежи склонны к обжорству почти вчетверо чаще, нежели те, кто ест все виды продуктов. (Этот симптом некогда имелся и у Стейси.) Исследователи из Турции и Австралии независимо друг от друга обнаружили, что юноши и девушки-вегетарианцы больше

невегетарианцев озабочены своей внешностью и чаще прибегают к различным экстремальным диетам. Марджана Линдеман с факультета психологии университета Хельсинки согласна с тем, что у подростков вегетарианство порой указывает на скрытые проблемы эмоционального плана. Линдеман обнаружила, что женщины-вегетарианки не только отличаются высоким уровнем пищевых нарушений, но и имеют заниженное самоуважение и смотрят на мир более мрачно, чем невегетарианцы.

И наконец, исследователи из университета Пенсильвании обнаружили, что вегетарианцы из числа студентов колледжей больше озабочены своим весом, чаще садятся на диету, переедают и затем принимают слабительное, нежели мясоеды. Самым, вероятно, печальным открытием стало то, что вегетарианцы чаще прочих соглашались с утверждением: «Если бы я мог с помощью лекарства избавить свой организм от потребности в пище, не нанося ему ущерба и не тратя больших денег, я бы так и сделал».

Дальше — хуже.

Моя коллега Кэндис Боун-Ленцо является школьным психологом и изучает пищевые нарушения у девушек. Она не ела мяса пятнадцать лет. Я спросил, известно ли ей о связи мяса с нарушениями пищевого поведения.

«Да, конечно, — ответила Кэндис. — Я каждый семестр рассказываю об этом старшекурсникам».

«И что же они говорят?» — спросил я.

«Они мне не верят».

Кэндис ухватила самую суть проблемы. «Вегетарианство не заставляет людей заболеть анорексией или булимией. Но некоторые люди, имеющие склонность к этим заболеваниям, — чаще всего девочки-подростки, — оправдывают свои пищевые нарушения вегетарианством. Порой они делают это неосознанно».

Кэндис права. Для большинства людей вегетарианство — это возможность вести здоровый образ жизни. Даже исследования подтверждают, что растительная диета полезнее, чем рацион с большим количеством мяса. Я не хочу сказать, что большинство вегетарианцев являются потенциальными анорексиками, однако невозможно игнорировать и данные полудюжины исследований, увязывающих вегетарианство с нарушениями пищевого поведения, в особенности у девочек-подростков. Как и в случае с не вполне понятной связью между детской жестокостью к животным и взрослой преступностью, главные вопросы таковы: насколько сильна эта связь и почему она возникает.

Нарушения пищевого поведения представляют собой серьезное заболевание. Булимией, анорексией и обжорством страдают в США семь миллионов женщин и миллион мужчин. Одним из самых опасных психических заболеваний является нервная анорексия, показатель смертности при которой находится между 5 и 10 %. Совершенно очевидно, что в этой области необходимы дальнейшие исследования, однако уже сейчас понятно, что навязываемая «Тощей сукой» схема «вегетарианство = здоровье = худоба» представляет совершенное безумие.

Почему большинство вегетарианцев возвращаются к мясоедению?

Стейси сумела справиться с пищевым расстройством. Сейчас она ест сырое мясо (обычно говяжье) каждый день. И она не уникальна. Большинство вегетарианцев в конце концов снова начинают есть мясо. По данным исследования, проведенного в 2005 году CBS News, бывших вегетарианцев в США в три раза больше, нежели «действующих». Я вырос в среде баптистов южного толка, и, должно быть, поэтому меня всегда интересовали отступники — люди, которые узрели было свет истины, но потом изменили свои взгляды. Я предложил изучать экс-вегетарианцев Моргану Чайлдерсу, лучшему нашему студенту, который однажды явился в мой офис и попросил помочь ему в поисках темы для исследовательской работы. Мы разработали онлайн-анкету, и Морган начал набирать участников, рассылая объявления об исследовании в группы по интересам, имевшиеся в MySpace и Facebook.

Спустя несколько недель мы получили семьдесят семь заполненных бывшими вегетарианцами анкет. В среднем участники исследования придерживались вегетарианства в течение десяти лет и лишь затем возвращались к мясоедению. В книге «Лицо в твоей тарелке: истина о еде» Джеффри Муссаеф Мэссон воспекает преимущества отказа от животной пищи так: «Большую часть своей жизни я был вегетарианцем и ни разу серьезно не болел. Сейчас мне шестьдесят восемь. Я уже несколько лет придерживаюсь веганства и никогда не чувствовал себя лучше, чем сейчас. Я вешу меньше, чем в тридцать лет; я сильнее, чем был в сорок; я простужаюсь или подхватываю незначительные заболевания реже, чем в пятьдесят. За всю жизнь я ни разу не болел сколь-либо серьезными болезнями».

Повезло человеку. Наше исследование показало, что, хотя большинство вегетарианцев отказались от мяса с целью заботы о здоровье, наиболее частой причиной их

возвращения к мясоедению было ухудшение самочувствия. вспомните Стейси — она перестала ограничивать свой рацион, когда поняла, что все время чувствует себя больной. То же самое сообщило и большинство вегетарианцев, отвечавших на нашу анкету. Один из них написал так: «Я все время чувствовал слабость и болел. Мне было очень плохо даже тогда, когда я включил в свой рацион самую разнообразную пищу в соответствии с рекомендациями РЕТА». А вот слова другого опрошенного: «Я все время болел, несмотря на то что регулярно делал инъекции препаратов железа и пил витаминные добавки. Лучше мне не становилось, и врач посоветовал мне есть мясо в том или ином виде. Я подумал, что будет глупо есть только курятину или рыбу — это такие же живые существа, как корова и свинья. Поэтому я перестал отказываться от мяса и стал есть все мясо вообще». Самый краткий ответ принадлежал респонденту, написавшему: «По мне, лучше мертвая корова, чем анемия».

Вегетарианцы вновь начинают есть мясо и по другим причинам. Многие участники нашего исследования просто устали от сложностей, связанных с вегетарианством или веганством, — то в их районе не продавались качественные органические овощи, то эти овощи стоили слишком дорого, то у самих вегетарианцев не хватало времени готовить качественную пищу, то они просто уставали от такой жизни. Вот как описывает Гэри Стейнер трудности, с которыми он столкнулся: «Если вы не пробовали побыть строгим веганом в обществе завязанных мясоедов, вы ничего в этой жизни не пробовали. То, что поначалу было простым делом, превращается в вечный подвиг».

Некоторые вегетарианцы просто скучают по вкусу мяса. Некоторые участники исследования говорили, что им отчаянно не доставало протеинов, а запах жареного бекона сводил их с ума. Один написал: «Я просто все время был голоден и не мог утолить голод ничем, кроме мяса». Другой респондент был еще более лаконичен: «Голодный студент + возвращение домой, гулянка с

приятелями + полсотни горячих куриных крылышек на
кухонном столе = сдаюсь».

Мясо как арена битвы между мозгом и телом

В бытность свою студентом психолог Джонатан Хайдт прочел книгу Питера Сингера «Практическая этика» и немедленно решил, что промышленное производство мяса аморально. Однако знание о жестокостях, творящихся в индустриальном сельском хозяйстве, никак не сказалось на его диете. Он пишет: «С того самого дня я стал непримиримым противником всех видов промышленного скотоводства и птицеводства. Впрочем, я не одобрял их с точки зрения этики, однако привычкам своим не изменил. Мне нравится вкус мяса, и единственным эффектом чтения Сингера стало то, что теперь, заказывая гамбургер, я всякий раз думаю о собственном лицемерии».

Аналогичный опыт есть и у меня. Я вырос в семье, где любимым блюдом было мясо с картошкой, а порой мы ели мясо трижды в день. Чаще всего это были «три г» — грудинка, говядина и гуляш. Сейчас у меня совсем другие вкусы. Мы с Мэри Джин больше всего ценим запахи, и потому предпочитаем блюда в средиземноморском стиле, которые к тому же и полезны — у них обычно вкус помидоров, лимона и чеснока, а гарниром служит паста и рис. Мясо мы тоже едим, хотя и значительно меньше, чем прежде, причем предпочитаем то, которое летало или плавало.

Я делаю какие-то чисто символические попытки уменьшить количество жестокости, творимой с животными. Яйца я покупаю у нашей знакомой, Лидии, которая не надыхнется на своих кур породы араукана и берд-рокс. Я втрое переплачиваю, покупая кур у фирмы Bell and Evans — на их веб-сайте говорится, что они «позволяют своим курам нежиться на солнышке». Если же мы время от времени готовим бифштекс, то покупаем мясо у Niman Ranch — фирмы, которая продает мясо «скота, выращенного в гуманных условиях и

происходящего с надежных семейных ферм и ранчо США». И при этом я прекрасно знаю, что, по мнению Consumer Reports, такие слова, как «естественный» и «гуманный», обычно являются маркетинговыми ходами и ничего, в сущности, не значат.

Мясо занимает ту часть нашей личности, где, говоря словами персонажа Аль Пачино из «Адвоката дьявола», «помимо человека происходит битва между разумом и телом». Наиболее естественным взаимодействием человека с животным является наше желание съесть это животное. Метафорически выражаясь, любовь к мясу «заложена у нас в генах», как у шимпанзе. Но, хотя мы с Джонатаном Хайдтом и подобными нам людьми сдаемся на милость своих инстинктов, человек остается единственным живым существом, которое способно посмотреть в глаза курице и решить, что ее нельзя есть.

Приматолог Марк Хаузер из Гарвардского университета, автор книги «Дикий разум: что на самом деле думают животные» заметил, что когнитивный разрыв между человеком и шимпанзе больше, чем пропасть, лежащая между обезьяной и червем. И наиболее ярко это отличие человека от животного проступает именно в вопросах, связанных с пищей. Шимпанзе могут узнавать себя в зеркале, мастерить орудия труда, вести скоординированную групповую охоту, пользоваться символами для общения и создавать политические союзы. Однако ни один шимпанзе никогда не выказал ни малейших угрызений совести, отрывая у верещащего от боли колобуса вкусную лапу.

Сырой бифштекс на ужин

Через месяц после того, как я расспрашивал Стейси о ее превращении из вегетарианки в любительницу сырого мяса, я получил от нее электронное письмо: «Хэл, не хотите ли вы с Мэри Джин прийти к нам в воскресенье пообедать? Будет бифштекс».

«Спасибо, Стейси, придем. Какое вино покупать к сырому мясу?»

Неделю спустя я все-таки сумел размышлять трезво, особенно после лекции об опасностях, таящихся в сыром мясе, — ее мне прочел мой сын, работающий медбратом в пункте первой помощи, и его жена, врач-терапевт. Но в то воскресенье мы все же поехали в горы. Стейси показывает нам ферму, всю в цветущих деревьях. К нам бегут два поросенка-подростка, весело хрюкают, радостно скачут вокруг. Потом приходит время ужина. На ужин у нас со Стейси и Грегори сырая вырезка и вкусный салат по-гречески. (Мэри Джин выбирает запеченную куриную грудку.) Бифштекс из бычка, которого Грегори и Стейси вырастили на собственной ферме, на удивление хорош — нежный, вкусный, сочный. Вся моя нерешительность испаряется. Я прошу добавки и даже пробую кусочек сырой утиной грудки, которую мне предлагает Грегори.

Пару недель спустя я получаю письмо от Стейси. В нем говорится об этическом противоречии, связанном с отношением человека к мясу.

Хэл.

Этим утром мы отвезли наших свиней к мяснику.

Просто удивительно, какая нужна сложная душевная организация, чтобы изо дня в день на протяжении семи месяцев ухаживать за живым существом, а потом отправить его прочь и получить обратно в виде маленьких упаковок замороженного мяса. Или зарезать его самому — иногда мы и так делаем.

Мне кажется, для этого нужна определенная смелость, правда?

Я думаю о миллионах людей, которые век за веком охотились и выращивали животных на мясо просто потому, что только так они могли выжить. Но нужно как-то уложить это в своем сознании. Быть может, в этом нам помогает почтение к традициям. А может, полезно убивать животных самому. Это можно назвать завершением цикла. Ответственность — вот тот бальзам, который каким-то загадочным образом смягчает наш страх.

Благослови Господь тебя, Мэри Джин и наших свинок.

8

Этический статус мыши Животные в науке

Если при проведении исследований считать, что боль, испытываемая грызуном, равноценна той, которую испытывает человек, то придется согласиться с тем, что 1) ни человек, ни грызун не обладают никакими правами или 2) что грызун обладает всеми теми же правами, что и человек. И то и другое — чистойшей воды абсурд.

Карл Кохен

То было человеческое тело в миниатюре.

Аллегра Гудмен

Впервые я ощутил всю сложность этической стороны проведения опытов над животными на второй год своего обучения в магистратуре. Меня пригласили на должность младшего ассистента в лаборатории некоего химика-эколога. Одной из моих обязанностей был сбор молекулярных образцов с верхнего слоя кожи дождевых червей. Для этого червей нужно было бросать в воду восьмидесятиградусной температуры. Две минуты спустя я извлекал вялые тельца из воды и замораживал полученный червячий бульон в пробирках для химического анализа. Я проделывал это не раз и считал всю процедуру просто очередной своей обязанностью, работой, которая не приносила мне особого удовольствия, но и морального дискомфорта не доставляла. Червяки умирали мгновенно, ну и к тому же — это были всего лишь червяки.

Однажды утром руководитель поручил мне другую работу. Один ученый, работавший в другом университете и изучавший химические процессы, происходящие в коже пустынных животных, попросил нашу лабораторию сделать для него кое-какие анализы. Несколько дней спустя прибыл ящик, на котором стояла надпись: «Осторожно, животные». Внутри ящика помещался целый зверинец: дюжина сверчков, пара неприятных на вид белесых скорпионов, ящерица дюймов в шесть длиной, змейка и симпатичный белоногий хомячок. Сварить их всех предстояло мне.

Мне доводилось почти без угрызений совести бросать в кипящую воду какого-нибудь там лобстера, так что предстоящая работа меня не особо смущала. Я зажег бунзеновскую горелку и начал восхождение по филогенетической шкале. Сверчки последовали за червяками и умерли практически мгновенно, едва соприкоснувшись с кипятком. Ноу проблем. За ними отправились членистоногие. За те несколько дней, что животные прожили у нас в лаборатории, скорпионы начали мне нравиться. От них исходила захватывающая дух угроза. Масса тела у них была больше, чем у насекомых, и, когда я бросил их в чашу с водой, они умерли не сразу. Тут мне пришел в голову вопрос — чем я вообще занимаюсь?

Молодая полосатая ящерица принадлежала к виду *Sceloporus*. Когда я вытащил ее из клетки, в животе у меня засосало, а на лбу выступил пот. Дрожащими руками я бросил ее в почти закипевшую воду. Ящерица умерла не сразу и корчилась еще добрых десять секунд, лишь после этого замерла. У змейки-полоза были большие черные глаза. Руки у меня тряслись уже сильнее, пот заливал глаза, но все же бьющаяся рептилия очень скоро обогатила воду своими молекулами.

Наконец дошла очередь до хомячка. Я взвесил его, подсчитал, сколько потребуется дистиллированной воды, залил ее в чашу и включил горелку. Вода достигла температуры в восемьдесят градусов, и тут я понял, что просто не способен «обработать» хомячка. Я выключил

горелку и со смесью беспокойства и облегчения в душе отправился к своему начальнику, думая, что, быть может, это мой последний день в магистратуре. Я сказал, что приготовил экстракты из большинства животных, но не в состоянии бросить в кипяток живого хомячка. Начальник оставил меня в соседней комнате и обработал хомячка сам.

Я много раз думал о случившемся. Уже много позже я был потрясен тем, как схожа была моя тогдашняя работа с целью задач, которые ставил Стэнли Милгрэм в своем не слишком известном эксперименте, посвященном послушанию. Как рассказывают всем студентам, слушающим вводный курс психологии, бедным участникам эксперимента было велено подвергнуть ряду ударов тока возрастающей мощности человека, находящегося в соседней комнате за стеклом. Большинству участников было предложено нанести удары, которые были весьма болезненны или даже смертельны. Как и эти люди, я должен был делать все более и более трудный выбор, хотя в моем случае все было основано не на силе тока, а на филогенетической шкале. Разница была в том, что в эксперименте Милгрэма человек за стеклом не подвергался воздействию электричества — он изображал страдания, он был посвящен в суть эксперимента. А у меня в лаборатории животные умирали по-настоящему. Вспоминая о том случае, я нахожу некоторое успокоение в том, что отказался варить хомячка заживо. Но лучше всего было бы остановиться еще на сверчках.

Тогда-то я и начал задаваться вопросами, которые заботят меня и по сей день. Чем различаются исследователи, убивающие мышей во имя открытия нового лекарства против рака груди, от легионов хороших людей, которые ломают мышам позвоночники кухонными мышеловками или медленно травят зверушек химией? Почему сверчка мне было нетрудно бросить в кипяток, ящерицу оказалось уже сложнее, а на хомячке я сломался? В чем было дело — в размере, в положении на филогенетической шкале, в степени развитости нервной системы, в ужасном зрелище их смерти или в том, что

хомячок был невыносимо хорошеньким? Стоили ли результаты этого эксперимента смерти и страданий животных? Существуют ли вообще эксперименты, за которые можно платить такую цену?

Этическое наследство Дарвина

В своем неоднозначном отношении к опытам над животными я не одинок. Еще Чарльз Дарвин боролся против вивисекции — так называли инвазивные опыты над животными в девятнадцатом веке. Дарвин был зачарован животными, и потому столкнулся с проблемой, которая мучает многих современных зоологов, — иногда в конце концов тебе приходится убивать тех существ, изучению которых ты посвятил всю свою жизнь. Джим Коста, занимающийся исследованием жизни Дарвина, рассказал мне, что, будучи начинающим натуралистом, Дарвин убил пулей и ядом тысячи животных, в том числе мышей, чтобы включить их в свои коллекции. Некоторые из собственных экспериментов приводили его в ужас. Например, о своих голубях он писал: «Я обожаю их вплоть до того, что не в состоянии освежевать тушку и высвободить скелет. Черное дело я совершил, убив очаровательного павлиньего голубя-птенца десяти дней от роду».

В 1870-х годах в Англии страсти по поводу опытов над животными накалялись, и как одна, так и другая сторона стремились заручиться поддержкой наиболее уважаемого ученого страны. Однако Дарвин не давал однозначного ответа. Однажды он назвал физиологию «величайшей из наук», однако он же признавался другу в том, что хирургические опыты над животными нельзя производить «исключительно ради удовлетворения грязного и отвратительного любопытства».

И все же в конце концов Дарвин примкнул к собратьям-биологам. Его взгляды на важность опытов с участием животных были отражены в незначительных изменениях, которые он внес во второе издание «Происхождения человека». В первом издании он писал: «Всем доводилось слышать о мучимой вивисектором собаке, которая лижет руку мучителя; если только сердце этого человека не из камня, на смертном одре он должен

мучиться угрызениями совести». Однако три года спустя Дарвин дописал предложение, добавив: «если только главной целью операции не было расширение человеческих познаний». В 1881 году он окончательно разрубил гордиев узел, написав в лондонскую газету Times: «Я глубоко убежден в том, что те, кто препятствует прогрессу физиологии, совершают тягчайшее преступление против человечества».

Однако, хотя Дарвин и высказался весьма весомо за опыты над животными, именно его теория происхождения видов замутила чистые прежде воды этики и поставила под вопрос истинность утверждений французского философа семнадцатого века Рене Декарта, считавшего, что животные являются биороботами, а их поведение обусловлено исключительно рефлексамии. Выходит, ученые могут резать и жечь этих роботов по своему усмотрению. Эту же точку зрения подкрепил французский физиолог девятнадцатого века Клод Бернар, писавший: «Физиолога нельзя считать обычным человеком. Это ученый, которым владеет идея науки, человек, в науку погруженный. Он не слышит криков животных, он не видит их струящейся крови, не видит ничего, кроме своей идеи, и не замечает ничего, кроме организма, скрывающего тайны, которые ученый стремится разрешить».

Дарвин указывал на то, что если люди и прочие живые существа имеют схожую анатомию и физиологию, то схожа должна быть и их психическая деятельность. Современные этологи доказали правоту его утверждений. Список психологических характеристик, имеющихя одновременно у людей и у представителей других видов, продолжает расти. Ученые сообщают, что слоны горюют о своих умерших собратях, обезьяны могут чувствовать несправедливость, а какаду любят танцевать под композиции Backstreet Boys. Невозможно и игнорировать этические последствия того, что, как заметил Дарвин, психические способности людей и животных различаются скорее степенью выраженности, нежели имеют принципиальные различия. Если у животного имеется

сознание, воспоминания, эмоции и желания, если оно может чувствовать боль и страдать, если оно способно танцевать — как можем мы оправдать использование шимпанзе, обезьян или даже мышей в экспериментах? Выходит, кто сильнее — тот и прав?

Исследователи, изучающие животных, столкнулись с парадоксом. Как правило, чем больше животное похоже на человека, тем эффективнее его можно использовать в качестве модели для изучения наших болячек. Генетически шимпанзе схож с человеком на 98 % или около того, и потому при изучении некоторых человеческих заболеваний шимпанзе оказывается полезнее мыши. Но из-за того, что шимпанзе так похожи на нас, их использование в исследованиях становится особенно проблематичным. Иными словами, часто случается так, что чем более оправданно использование тех или иных представителей вида с научной точки зрения, тем менее оно этично. Такой вот парадокс оставил нам Дарвин.

Борцы за права животных зачастую утверждают, будто современные ученые, точь-в-точь как их коллеги из восемнадцатого века, верят, что животное не чувствует боли. Так, в книге «Владыка: власть человека, муки животных, призыв к милосердию» Мэттью Скалли, некогда бывший помощник по специальным вопросам при президенте Джордже У. Буше, пишет: «Многие, если не большинство исследователей, работающих с животными, считают, что их подопытные не осознают испытываемой боли, да и вообще ничего не сознают». Но Скалли ошибается. Как-то раз, когда я писал статью о сознании у животных, я опросил четырнадцать исследователей, задавая им вопрос о том, способна ли мышь, по их мнению, испытывать боль и страдать. Все четырнадцать ответили «да» о боли, а двенадцать сочли, что мышь может страдать. Аналогичное, но более систематизированное исследование провели британские ученые, и из опрошенных 155 исследователей только двое не согласились с тем, что животные могут испытывать боль.

Не считая животных биологическими роботами, большинству исследователей выскочить из этической ловушки труднее, чем их коллегам девятнадцатого века. Примером может служить мой друг Фил. Он исследует процессы усвоения клетками глюкозы и жирных кислот — горючего, на котором эти клетки работают. Фил изучает самые глубинные аспекты проблемы, однако надеется, что в один прекрасный день его исследования, возможно, помогут отыскать лечение против таких метаболических нарушений, как диабет. Я спросил Филадель, случалось ли ему ощущать вину за то, что он использует животных в опытах. Только однажды, ответил он.

Фил входил тогда в исследовательскую команду, которая использовала мышей с генетическим нокаутом и на их примере изучала, как клетки используют энергию. Генетический нокаут создается у животных искусственным образом и сводится к тому, что некоторые их гены оказываются выключены. С помощью мышей с генетическим нокаутом группа Филадель продемонстрировала, что протеин, именуемый транспортером, помогал жирным кислотам и глюкозе проникать в мышечные клетки, где они использовались в качестве горючего. У «нокаутированных» мышей этот ген выключили, и исследователи предсказали, что эти мыши будут уставать сильнее обычных.

Работа Филадель заключалась в том, чтобы замерять, насколько мышам хватало пороха. Один из способов измерения усталости у грызунов заключается в наблюдении за тем, сколько времени они способны плыть. Правда, есть проблема — мышья шерсть удерживает воздух, поэтому мышья уподобляется ребенку на надувном матрасе и может держаться на плаву бесконечно. «Надо было заставить их спасти свою жизнь», — сказал Фил. В качестве решения на каждую мышья навязали миниатюрную упряжь, весившую ровно столько, чтобы мышья приходилось прилагать усилия, дабы удержать голову над водой.

Фил узнал, как это делается, у исследователя, работавшего в другой лаборатории. Первым делом нужно

взять градуированный цилиндрический сосуд десяти сантиметров в диаметре и заполнить его водой, оставив последние несколько сантиметров пустыми. Затем на мышь навязывается утяжеленная сбруя, животное опускают в воду и запускают таймер. Через несколько минут мышь начнет уставать и станет тонуть, однако будет барахтаться и всплывать снова и снова за глотком воздуха. Фокус в том, чтобы продолжать тест до того момента, когда станет ясно, что больше мышь не всплывет. В этот миг исследователь хватается за сосуд и выливает воду прежде, чем мышь утонет. Парень, который рассказал Филу об этом опыте, признал, что пара животных у него таки утонула.

Фил протестировал только одну мышку.

Он рассказывал: «В какой-то момент я понял, что мышь сдалась и сказала себе: все, больше не могу, мне конец. Я должен был продолжать тест до тех пор, пока мышь окончательно не утратит надежду и не пойдет ко дну, не пытаясь больше всплыть. Тогда я вылил воду, а мышь растянулась на столе и часто дышала. Она была совершенно измучена».

С Фила этого хватило. Он заявил профессору, с которым работал, что не будет принимать участия в исследованиях. Дальше мышей учил плаванию кто-то из новеньких магистрантов.

Как большинство исследователей, использующих мышей для моделирования фундаментальных биологических процессов, Фил не испытывает к ним ни любви, ни неприязни. Просто именно на мышах ему удобнее всего изучать работу мышечных клеток. За годы работы Фил убивал мышей десятками, и ни разу не испытал угрызений совести. Мыши у него гибли и от смещения шейных позвонков (это когда исследователь берет тяжелые ножницы, тупой их стороной прижимает голову мыши к земле, а потом ломает зверушке шею, резко рванув ее тело назад), и от обезглавливания (у Фила в лаборатории была специальная мышьяная гильотина,

больше всего похожая на миниатюрную машину для резки бумаги).

И все же в какой-то момент Фил показал себя отнюдь не последователем Декарта. Заглянув в глаза тонущей мыши, он увидел живое существо, которое хочет жить. «Меня мучило то, что мышь сдалась и поняла, что сейчас умрет. Я очень хотел провести этот эксперимент и замерить мышечную усталость, но не смог. Я не хотел испытывать мышиную силу воли».

Морально-этический статус инопланетян и детей-инвалидов: проблема маргинальных слоев

Большинство ученых признает, что мыши наделены чувствами, однако я подозреваю, что большинство исследователей не особо заморачиваются проблемами этичности своей работы. И все же нет-нет да и произойдет нечто, заставляющее человека поднять голову и осмотреться. Для меня таким случаем стала встреча с пришельцем.

Это произошло в один дождливый день, когда мои пятилетние дочери-близняшки заскучали и принялись ныть. Чтобы унять их, я съездил в ближайший видеопрокат и взял там спилберговского «Инопланетянина» — фильм, снятый в 1982 году и рассказывающий о космическом пришельце, волею случая заброшенном в один из городков Калифорнии. Я решил, что фильм вполне займет девочек на пару часов, а я смогу поработать над статьей, посвященной экспериментам над змеями, которые я как раз закончил. Дочери моментально прилипли к экрану — и я вместе с ними. Я так и не смог заняться статьей и просмотрел фильм вместе с дочерьми, не зная еще, что он изменит мое отношение к использованию животных в научных целях.

Сюжет вам наверняка известен. Большую часть времени инопланетянин Ит — существо с большими щенячьими глазами и светящимся сердцем — путешествует по Южной Калифорнии со своим новым приятелем, мальчиком по имени Эллиот. В конце фильма является мама Ита и забирает свое непутевое чадо домой. В финальной сцене Эллиот тянется к Иту и просит: «Останься!» Ит с сожалением качает своей жутенькой головой, заглядывает Эллиоту в глаза и хрипло каркает: «Идем со мной!» Но, увы, оба они знают, что это невозможно. Ит поднимается в свою летающую тарелочку

и отправляется в долгий путь домой, на планету Зорк, а Эллиот смахивает слезу. Я и сам прослезился.

Фильм никак не шел у меня из головы. Тем вечером за ужином я сочинил другую концовку и опробовал ее на Бетси и Кэти. А что, если бы фильм оканчивался по-другому, спросил я? Ит предлагает Эллиоту полететь на свою родную планету) вместе, но тут Эллиот, как и было в фильме, отказывается. Однако Ита такой ответ не устраивает. Он с рычанием хватает Эллиота за руку и втаскивает брыкающегося и кричащего мальчика в корабль. Шлюз захлопывается, и фильм оканчивается под крик Эллиота «Мама, спаси меня!», а космический корабль исчезает в глубинах космоса.

Я объяснил дочерям, что Эллиота похитили не просто так — на самом деле на планете Зорк бушует смертоносная эпидемия. Ученые уже придумали лекарство, а люди, существа не такие умные, как зоркиане, достаточно схожи с ними биологически, и потому на них удобно это лекарство испытывать. Так что на самом деле Ит оказался в Калифорнии именно затем, чтобы набрать людей для этих важнейших исследований.

«И как по-твоему, Бетси, — можно, чтобы Ит ставил над Эллиотом болезненные опыты и, может быть, этим спас миллионы зоркиан?»

«Ты что, папа! Нельзя!»

«Но ведь зоркиане же куда умнее людей. Вот Ит, например, сделал из мусора космический телефон. И у него были сверхспособности, каких у людей не бывает. У него даже засохшие цветы расцветали».

Тут вмешалась Кэти:

«А все равно! Все равно неправильно, чтобы Ит сажал Эллиота в клетку и ставил над ним какие-то дурацкие эксперименты!»

Однако я не испытывал столь непоколебимой уверенности. Мысль об Эллиоте, который вместе с чужепланетными животными сидит в клетке и каждый

день получает укол экспериментального лекарства, которое может спасти суперумпиков-зоркиан, была мне так же неприятна, как и моим дочерям. Но я был исследователем, я занимался животными, и потому у меня была проблема, которой не было у моих дочерей. Фильм заставил меня понять, что, оправдывая опыты над животными, в том числе мои собственные опыты, мы исходим в первую очередь из того, что существо с более крупным мозгом имеет право ставить опыты над другими существами, у которых умственный потенциал меньше. Следовательно, Ит имел полное право похитить Эллиота и забрать его на Зорк.

У философов есть своя, аналогичная этой, дилемма, поднимающая все те же самые вопросы. Называется она «доводом предельных случаев». Мы используем животных в исследованиях (потом); что считаем, будто бы у живых существ, не относящихся к людям, отсутствует ряд способностей, имеющих у людей, — например, сложные эмоции, или абстрактное мышление, или способность к языкам. Но как тогда быть с людьми, которые тоже не имеют этих способностей? Каждый год в мире рождаются тысячи детей с тяжелыми заболеваниями мозга. Эти дети никогда не смогут сказать хотя бы одно предложение, никогда не зададутся вопросом о морально-этическом статусе мыши. Как это ни печально, но встречаются люди, которым далеко до среднего шимпанзе, а иные по умственному развитию не дотягивают даже до мыши. Я не могу отыскать этический ограничитель, который был бы достаточно узок, чтобы исключить всех нелюдей, достаточно широк, чтобы включить всех людей, и при этом был бы основан на характеристиках, связанных с этикой, — например, засчитывал бы способность чувствовать боль, но не засчитывал бы принадлежность к двуногим.

Не лучше ли испытывать лекарство на младенце с анэнцефалией, родившемся без коры головного мозга, на слепом, глухом, неспособном испытывать боль младенце, чем на совершенно здоровой мышке? Нутром чую, что ставить опыты на тяжелобольных людях ради спасения

животных нельзя. Но когда я задал этот вопрос философу Робу Бассу, тот написал в ответ: «А мое нутро подсказывает иное. Мне совершенно очевидно, что лучше ставить опыты на анэнцефалах, которые не имеют сознания, чем причинять страдания мышкам». И мои студенты тоже часто со мной не соглашались. Они предлагали спасти мышей и проводить биомедицинские опыты на приговоренных к смерти преступниках. Неоднозначная это штука — моральная интуиция.

Что можно узнать, ставя опыты на мышах?

Лишь очень немногие философы утверждают, что ученым следует ставить опыты на тяжелобольных детях-инвалидах. Большинство людей предпочитает для этой цели животных, например мышей. Однако сторонники и противники опытов над животными расходятся во мнении относительно того, сколько информации можно извлечь из таких исследований. Генетики утверждают, что именно благодаря этим опытам был совершен прорыв в трансплантации органов и в иммунологии, а также получены ценнейшие данные о раке, сердечно-сосудистых заболеваниях и причинах врожденных дефектов. Они прямо говорят о том, что за опыты на мышах было получено четырнадцать Нобелевских премий в области физиологии и медицины. Их противники, такие группы, как Национальное общество борьбы с вивисекцией или Комитет врачей за ответственную медицину, утверждают, что опыты над мышами бесполезны, потому что они абсолютно неадекватны и даже вредны для здоровья людей. Истина, скорее всего, находится где-то посередине.

Нравится нам это или нет, но современные биомедицинские исследования целиком построены на мышах — на легионах мышей. Как лабораторные животные мыши имеют массу достоинств. Они плодовиты, понятливы, имеют малое время жизни поколения (один год для мыши равняется тридцати человеческим годам). Уже в возрасте нескольких месяцев самки мышей достигают половой зрелости, и каждые четыре-пять дней у них бывает течка. Через три недели беременности самка производит на свет шесть — восемь детенышей и уже спустя два дня снова готова к спариванию.

Есть и другая причина, по которой ученые предпочитают мышей, — большинство людей не слишком озабочено правами этих зверюшек. В своей книге «Забота:

фемининный подход к этике и моральному развитию» философ Нед Ноддингс, убежденная в том, что этика построена на межличностных отношениях, объясняет, почему она не чувствует никаких моральных обязательств перед грызунами. Она пишет: «Я никогда не дружила и, вероятно, не стану дружить с крысой... я не готова ухаживать за ней. Крысы в моей жизни не присутствуют. Я не стала бы мучить крысу (и потому не уверена в допустимости применения крысиных ядов), однако, будь у меня такая возможность, я бы ее просто пристрелила». Большинство людей относятся к мышам точно так же. В ходе опроса, проведенного в 2009 году Zogby, выяснилось, что 75 % американцев преспокойно убили бы забравшуюся в дом мышь. Лишь 10 % заявили, что попытались бы поймать мышь и выпустить ее на улицу, а вот мирно делить свое жилище с мышью не пожелал никто.

Преобразование мыши из вредителя сначала в питомца, а затем в подопытного началось в 1902 году, когда гарвардский биолог по имени Вильям Кэстл получил от своего удалившегося на покой учителя из Бостона инбредных мышей, собираясь использовать их для изучения генетики животных. Кэстл был не первым, кто использовал мышей в качестве объекта для исследований. Австрийский монах Грегор Мендель также использовал мышей в своих первых опытах в области генетики и переключился на горох только после того, как епископ заявил, что не подобает служителю Господа делить свое жилье со спаривающимися животными. Лабораторные мышья официально появились в 1909 году, когда студент Кэстла по имени Кларенс Литтл вывел первую чистокровную линию лабораторных мышей. За свою окраску они получили название DBA (*dilute brown non-aguti* — «слабокоричневые») и по сей день используются в биомедицине.

Меккой любого исследователя, работающего с мышьями, стала Джексоновская лаборатория, расположенная в Бар-Харбор (штат Мэн). Лаборатория была основана в 1929 году Кларенсом Литтлом при

содействии Эдселя Форда (сына Генри Форда) и стала фабрикой грызунов, на которой производится два с половиной миллиона мышей в год, то есть почти 40 топи инбредных, мутировавших и подвергшихся генетическому инжинирингу животных. К услугам ученых имеется 4 тысячи штаммов джексоновских мышей, а если ни один из них вам не подходит, специалисты Джексоновской лаборатории создадут новый штамм в соответствии с вашими требованиями. Правда, производство мышей обходится недешево. На создание нового штамма может уйти целый год и сто тысяч долларов в придачу. Большинство джексоновских мышей поступает в лаборатории заказчиков живыми, однако если в лаборатории не хватает места, исследователи могут заказать замороженные мышинные эмбрионы и размораживать их по мере надобности. Названия цветов джексоновских мышей звучат точь-в-точь как наименования пастельных тонов на пробниках в строительном магазине — «дымчато-серый», «светлая шиншилла», «стальной».

Впрочем, разнообразие окраса джексоновских мышей значительно уступает разнообразию имеющихся у них недугов. Сотни штаммов заражены редкими видами рака или подвержены деформациям черепа, а то и рождаются с заболеваниями иммунной системы. Есть мыши, которых наградили дефектами зрения, слуха, вкуса и вестибулярного аппарата. Встречаются штаммы с повышенным давлением, пониженным давлением, апноэ, болезнями Паркинсона, Альцгеймера и Лу Герига. Исследователям, ищущим способы лечения бесплодия, Джексоновская лаборатория предлагает восемьдесят восемь штаммов мышей с различными патологиями репродуктивных органов. Встречаются даже мыши, которые не могут вписаться в общество, поскольку страдают обсессивно-компульсивным синдромом, хронической депрессией, различными зависимостями, гиперактивностью и шизофренией.

Защитники опытов над животными всю трубят о достигнутых успехах. Лиз Ходж из Фонда

биомедицинских исследований рассказывает, что, не будь у нас возможности ставить опыты над животными, мы так и остались бы без прививок от полиомиелита, свинки, кори, краснухи и гепатита. Не было бы антибиотиков, обезболивающих, переливаний крови, радиотерапии, операций на открытом сердце, трансплантации органов, инсулина, хирургического удаления катаракты, лекарств от эпилепсии, язвы, шизофрении, депрессии, биполярного расстройства и гипертонии. Домашним животным тоже пришлось бы несладко, говорит она. Мы не смогли бы прививать их от бешенства, чумки, парвовируса, кошачьей лейкемии, не могли бы излечить от сердечных гельминтов, бруцеллеза, рака или артритов.

Исследователи, работающие с мышами, утверждают, что именно благодаря мышам мы получили все свои познания в области генетики млекопитающих, и человека в том числе. Да, эволюционные пути человека и мыши разошлись шестьдесят миллионов лет назад. Мой мозг весит в 1500 раз больше мозга зверушки, которая живет в моем подвальном офисе за шкафом. Но хотя хромосом у нас разное количество (у нее 40, а у меня 46), генов у нас примерно поровну — что-то около 22 тысяч. Что еще важнее, 99,9 % мышинных генов имеют соответствия среди известных нам человеческих генов.

По словами Рика Войчика, президента и исполнительного директора Джексонской лаборатории, именно благодаря этому свойству мышинного организма ученые могут создавать лекарства от таких смертельных заболеваний, как детский диабет, рак груди и болезнь Альцгеймера. «Тут все цепляется одно за другое, — говорит Войчик. — Начинаем с базовых концепций, разрабатываем их, они превращаются в клинические концепции и, наконец, порождают новейшие методы лечения».

Исследователи из Джексонской лаборатории весьма радужно настроены по поводу появления новой области: индивидуальной медицины. За подверженность практически любому заболеванию, от кариеса до СПИДа, отвечают гены. От них же зависит и то, насколько хорошо

ваш организм реагирует на лекарства. Есть люди, которым лекарства не приносят пользы, однако дают сильнейшие побочные эффекты (например, четырехчасовая эрекция под воздействием виагры может закончиться поездкой в неотложку). А другим те же самые лекарства помогают прекрасно при минимуме побочных эффектов. Цель индивидуальной медицины заключается в том, чтобы выяснить, кому то или иное лекарство поможет, а кому не поможет. Войчик считает, что исследования, основанные на генетике мышей, постепенно позволят врачам подбирать индивидуальные средства лечения и индивидуальные дозы в соответствии с потребностями и особенностями пациента.

Карл Кохен, преподающий философию в университете Мичигана, также считает, что именно опыты над животными легли в основу медицины. В 1986 году он опубликовал в журнале *New England Journal of Medicine* статью, которую можно назвать классическим образчиком оправдания опытов над животными. Кохен пишет: «Каждый прорыв в медицине — каждое новое лекарство, новая операция, новый способ лечения, — рано или поздно должен быть впервые опробован на живом организме... Объектом исследования должно быть либо животное, либо человек. Запрещая или строго ограничивая использование живых животных в биомедицинских исследованиях, мы можем добиться либо остановки многих важнейших исследований или замены подопытных животных подопытными людьми. Таковы будут последствия — для многих разумных людей неприемлемые — отказа от использования животных в исследованиях». Такова линия партии, и должен признаться, что я с ней в целом согласен — хотя мне хотелось бы, чтобы поменьше мышей погибло ради получения нового, чуть-чуть измененного варианта кларитина. Пусть их лучше используют для поиска лекарства от тропических болезней, которыми почему-то почти никто не занимается.

Противники опытов над животными подходят к вопросу с другой стороны. Они швырнут вам в лицо

талидомид и виокс — доказательства того, что лекарства, испытанные на мышах, позже оказались вредны для человека. (Исследователи, использующие мышей, не согласны с этими заявлениями.) Они утверждают, что ученые преувеличивают роль опытов над животными в охране нашего здоровья. Противники вивисекции утверждают, что количество смертельных исходов таких опасных детских заболеваний, как скарлатина и дифтерия, упало на 90 % еще до появления соответствующих вакцин. По их словам, повышение уровня благосостояния на самом деле связано с улучшением питания и распространением гигиены. А вот опыты над мышами, по их мнению, часто ведут в тупик и на самом деле только препятствуют развитию медицины.

Я лично поддерживаю сторонников опытов над животными и охотно отмахнулся бы от доводов их противников, объявив последних людьми наивными и темными. Однако в их заявлениях есть рациональное зерно — например, в том, что касается проблемы воспроизведения результатов исследований. Одна из причин, по которым исследователи используют инбредные штаммы мышей, заключается в том, что с их помощью ученые из различных лабораторий могут проверить полученные в другом месте результаты, воспроизведя их самостоятельно. В 1999 году мир ученых, работающих с мышами, всколыхнула статья, появившаяся в журнале Science. Ученые из Портленда, Орегона, Эдмонта, Канады и Олбани (штат Нью-Йорк) подвергли восемь штаммов мышей серии поведенческих тестов, используя при этом идентичные процедуры. Мыши, с которыми работали все эти лаборатории, были получены из одних и тех же источников, родились в один день, получали одинаковую пищу, выращивались при одинаковом цикле смены света и темноты и были подвергнуты одинаковым процедурам в одинаковом возрасте. Даже хирургические перчатки, которые надевали на руки ученые, прежде чем взять мышь, были произведены одной и той же фирмой.

Однако, несмотря на все усилия, предпринятые учеными ради получения совершенно идентичным

образом выращенных мышей, в ряде тестов демонстрируемые мышами реакции разительно различались. Мыши из портлендской лаборатории, получив дозу кокаина, начинали сходить с ума, в то время как их ширнувшиеся собратья из Олбани и Эдмонта практически не реагировали на наркотик. Авторы пришли к выводу, что малейшей разницы в лабораторной обстановке достаточно, чтобы исследователи получили различные результаты даже в том случае, когда объектом эксперимента являются генетически идентичные животные. Я подшил эту статью в папку, озаглавленную «Неприятная правда».

Еще один неудобный вопрос заключается в том, насколько оправданно перенесение результатов, полученных на мышах, на людей. Биологически мы все-таки довольно сильно различаемся. Мы живем в сорок раз дольше мыши и весим в две тысячи раз больше. Мышиный метаболизм всемеро быстрее нашего. Последний общий предок у нас был аж еще во времена динозавров. На страницах журнала *Immunology* профессор микробиологии Марк Дэвис из медицинского института Говарда Хьюза выразил свою обеспокоенность тем, что изучение инбредных мышей так и не помогло отыскать лекарство для людей, которые больны уже сегодня. По словам Дэвиса, существует не одна дюжина экспериментальных лекарств, которые излечивают мышей с системными заболеваниями, однако лишь очень немногие из этих препаратов успешно помогают людям. Профессор пришел к выводу, что грызуны не могут успешно использоваться для моделирования иммунных заболеваний.

И с науками о мозге та же история. Есть такое неизлечимое дегенеративное заболевание центральной нервной системы под названием амиотрофический боковой склероз (ALS). От него умерли отбивающий команды «Янки» Лу Гериг и один из последних футбольных тренеров университета Западной Каролины Боб Уотерс, который, как говорили, до самого конца командовал игроками из инвалидного кресла, хотя дышать

ему приходилось через респиратор. Из ныне живущих этим заболеванием страдает физик-теоретик Кембриджского университета Стивен Хокинг. Отчаявшись предложить своим пациентам с ALS сколь-либо действенное лекарство, клинический специалист-невролог из университета Эмори Майкл Бенатар прочел все существующие отчеты об исследовании заболевания с помощью мышей. Результаты его глубоко потрясли. Во-первых, он пришел к выводу, что результаты большинства исследований натянуты — то было слишком мало образцов, то эксперимент проводился неряшливо. Во-вторых, он обнаружил, что почти дюжина лекарств, продлевавших жизнь мышей с мышинной версией ALS, не действовали, когда их проверяли на людях. Более того, одно из лекарств, которое излечило мышей сразу в четырех исследованиях, лишь ухудшало состояние больных людей. Бенатар утверждает, что изучать ALS с помощью мышей — это все равно что искать ночью ключи под фонарем, просто потому, что там светлее.

Впрочем, противникам опытов над животными не стоит слишком радоваться тому, что серьезные ученые усомнились в рациональности использования мышей для моделирования человеческих нейрозаболеваний. Некоторые нейробиологи уже отказались от мышей и перешли на животных, мозг которых ближе к человеческому, — на обезьян.

Как ярлыки влияют на наше отношение к животным: мыши хорошие, плохие и домашние

Антрозоология вновь и вновь возвращается к тому, что, думая о животных, люди поддаются воздействию неудобной смеси логики и эмоций. Принимая решения об использовании животных в науке, мы бываем весьма рациональны. Например, отношение того или иного человека к опытам над животными может отчасти зависеть от того, каков будет потенциальный результат эксперимента, насколько сильно будут страдать животные и какие именно виды будут использованы для проведения эксперимента. В результате проведенного в Англии опроса выяснилось, что две трети людей одобряют болезненные опыты на мышах, если результатом должно стать появление лекарства от детской лейкемии, однако лишь 5 % одобряют использование обезьян для проверки безопасности косметических средств.

А вот в других ситуациях наше мнение о морально-этическом статусе животного может быть более запутанным. Вот, например, как эффект ярлыков и категорий срабатывает на мышах. Однажды мне предложили поработать год в лаборатории этологии рептилий университета Теннесси. Лаборатория эта расположена в здании Уолтерс Лайф Сайенсез, где носятся шустрые мармазетки, воркуют белые голуби, обитают белые крысы с глазами-бусинками, колючие зеленые бражники и пятнадцать тысяч мышей. Мыши нашли приют в подвале здания, в безупречно чистых комнатах, где пахнет кедром и где о животных заботятся опытные сотрудники, обладающие необходимым образованием. Однако хотя все мыши, содержащиеся в здании, относятся к одному и тому же виду, морально-этический статус у них вовсе не одинаков.

Большинство из них принадлежали к категории «хороших мышей» — объектов сотен биомедицинских и

поведенческих экспериментов, проводившихся преподавателями, сотрудниками постдокторантуры и аспирантами. Большинство проектов были прямо или косвенно связаны с поиском лечения различных заболеваний, которыми страдают представители нашего вида. Мышей, конечно, никто не спрашивал, но все-таки они жили и умирали ради блага человека. Университет получал гранты от Национальных институтов здравоохранения, поэтому с мышами обращались в соответствии с «Руководством по содержанию и использованию лабораторных животных», выпущенным министерством здравоохранения. Каждый исследовательский проект, в котором участвовали хорошие мыши, должен был получить одобрение университетского комитета по обращению с животными, причем комитет тщательно рассматривал и взвешивал все плюсы и минусы эксперимента.

Однако в здании имелись и другие мыши — «плохие». Это были вредители, которые сновали всюду, где хотели, и порой вы могли видеть серую спинку, улепетывающую по длинному коридору под флуоресцентными лампами. В месте, где превыше всего ценилась чистота и где прилагались все усилия для того, чтобы полностью изолировать обитателей разных комнат друг от друга, «плохие мыши» представляли настоящую угрозу. Они были вне закона. Их следовало уничтожить.

Сотрудники использовали множество способов, чтобы избавиться от плохих мышей. Мышеловки эффекта не давали. Применять яды сотрудники боялись, потому что таким образом могли бы заразить мышей — участников опытов. Пришлось перейти к липучкам. Липучки для мышей действуют по тому же принципу, что липкая бумага для мух. Ловушка выглядит как картонка размером примерно в тридцать квадратных сантиметров, покрытая липким слоем и снабженная веществом, привлекающим мышей. Такие ловушки еще называют клейкими дощечками. По вечерам сотрудники, ухаживавшие за животными, раскладывали клейкие дощечки там, где появлялись плохие мыши, а на

следующее утро проверяли улов. Стоило мыши ступить на дощечку, как она надежно к ней прилипала. Пытаясь вырваться, мышшь все сильнее приклеивалась шерстью к клеевому слою. Ловушка не содержала токсичных веществ, однако к утру примерно половина мышей уже успевала умереть. Тех, которые еще были живы, немедленно усыпляли газом.

Попав в липучую ловушку, мыши умирали ужасной смертью. Думаю, ни один комитет по обращению с животными не одобрил бы эксперимента, в ходе которого исследователь вознамерился бы приклеить мышшь к картонке и оставить так на целую ночь. Выходит, что процедура, совершенно неприемлемая для мышей с ярлыком «объект», была вполне допустима, если речь заходила о мышах-«вредителях».

Парадокс стал еще ярче, когда я узнал, откуда взялись эти вредители. Грызунов со стороны в здании вроде бы не было, однако там, где держат несколько тысяч мелких зверушек, то одна, то другая нет-нет да и сбегут. Выходит, практически все плохие мыши были когда-то хорошими мышами, сбежавшими из лаборатории. Менеджер, руководивший всей этой зверофермой, сказал так: «Мышь превращается во вредителя в тот миг, когда коснется пола». Пф-ф! — и ее морально-этический статус хорошей мышши испаряется во мгновение ока.

В этом здании статус мышши зависел от того, считалась ли она объектом или вредителем. Я раскритиковал было такой произвол в суждениях, однако потом понял, что то же самое происходит и у меня дома. Когда моему сыну исполнялось семь, я похитил из лаборатории мышку, которая должна была стать завтраком для обитавшей там двухголовой змеи по кличке Ир. Мышку я подарил Адаму. Адам окрестил ее Вилли и поселил в клетке у себя в спальне. Нам всем нравился Вилли. Он был тихий и привязчивый. Но мышшиная жизнь коротка, и однажды утром Адам проснулся и обнаружил, что Вилли лежит мертвый на полу своей клетки. Мы обсудили ситуацию, и дети решили, что Вилли нужно устроить настоящие похороны. Мы положили мышшь в

коробочку, закопали в саду и поставили в изголовье кусок шифера вместо памятника. Потом мы постояли вокруг могилы и сказали о том, каким хорошим был Вилли. Бетси и Кэти поплакали — это было их первое знакомство со смертью.

Несколько дней спустя Мэри Джин — она чистюля, каких поискать, — обнаружила в кухне на полу мышиный помет. Жена посмотрела на меня и сказала: «Убей эту мышь». Той ночью я установил между холодильником и плитой пружинную мышеловку и положил на место приманки комочек арахисового масла. На следующее утро в мышеловке оказалась мышь. Она погибла мгновенно. На этот раз похорон никто не устраивал, но, когда я выбросил мертвое тельце в кусты неподалеку от могилы Вилли, мне внезапно пришло в голову, что ярлыки, которые мы навешиваем на животных, появляющихся в нашей жизни, — «вредитель», «любимец», «объект для исследований», — влияют на наше к ним отношение куда сильнее, чем размер их мозга или способность чувствовать радость.

Лишние мыши

Женщина по имени Сюзен, работавшая в лаборатории, где выращивались мыши, недавно убедила меня в том, что в мою типологию лабораторных мышей следует добавить еще одну категорию. Кроме хороших мышей, плохих мышей и мышей-любимцев есть еще и «лишние мыши» — те, которых не используют для экспериментов. Таких мышей множество. Некоторых отдадут на съедение змеям и совам в зоопарке, а большую часть просто умертвят. Сюзен сказала, что в лаборатории, где она работала, почти каждый день умерщвляли выводки лишних мышат. Один из старших лаборантов горстями клал мышат в чистый пластиковый пакет, засовывал туда же шланг от цистерны с углекислым газом и открывал вентиль. Сколько мышей погибало в среднем каждый день? Сюзен сказала, что всякий раз по-разному, но обычно около пятидесяти.

Я обратился за подтверждением к Джону, ветеринару, с которым познакомился на конференции по содержанию лабораторных животных. Джон руководит лабораторией по выращиванию животных в крупном исследовательском университете, где многие ученые используют мышей, чтобы выяснить, как работают гены.

«Послушай, Джон, я только что узнал, что в некоторых лабораториях, где выращивают мышей, их убивают, даже не используя в исследованиях. Это правда?»

«Да, конечно».

«А вы у себя тоже убиваете лишних мышей?»

«Ну да, обычно углекислым газом».

«И скольких же вы травите?»

«У нас каждый месяц появляется четыре тысячи новых пометов. В среднем помете пять мышат, так что в год выходит около четверти миллиона мышей. Мы

умерщвляем примерно половину. По моим прикидкам, это что-то около десяти тысяч мышей в месяц».

«Черт возьми!»

Лишних мышей оказывается так много по ряду причин. По словам Джо Белицки, бывшего главного ветеринара NASA, большинство самцов умерщвляют потому, что они склонны к дракам. Кроме того, для продолжения генетической линии вполне достаточно пары самцов. По его оценке, около 70 % мышей-самцов не используются в экспериментах. Однако еще более важной причиной появления такого числа ненужных мышей можно считать резкий рост числа исследований генетически модифицированных (ГМ) животных, начавшийся в 1990-х годах. 90 % животных, используемых в ГМ-исследованиях, составляют мыши. Благодаря этим экспериментам была получена ценнейшая научная информация. (Недавно одной линии ГМ-мышей ввели ген, который влияет на ту часть человеческого мозга, которая отвечает за язык. Заговорить мыши не заговорили, но пищать стали на более низких тонах, а структура их мозга под воздействием гена изменилась.) Однако с мышьиной точки зрения ГМ-исследования бывают крайне неэффективны. Не так-то просто встроить кусочек ДНК в хромосомы другого вида, да так, чтобы он удачно включился в геном. Эффективность попыток создания линии трансгенетических мышей варьируется от 1 до 30 %. Иными словами, порой для исследований годится только одно животное из ста. Остальные девяносто девять погибнут, когда им исполнится три недели. Что поделаешь — это генетический мусор, побочный эффект эксперимента.

По подсчетам Эндрю Роузена, исполнительного вице-президента Ассоциации гуманизма США и эксперта по вопросам использования животных для исследований, производители генетически модифицированных мышей ежегодно умерщвляют больше животных, чем будет использовано в экспериментах. Правда, точное число нам неизвестно, потому что, согласно решению конгресса, лабораторные мыши в США животными не считаются.

Можно ли причислить мышей к животным?

В 1876 году британский парламент выпустил первый в мире закон, регулировавший использование животных в исследованиях. США подтянулись девяносто лет спустя. Конгрессменов сподвигли на действие две статьи о собаках. Первая из них вышла в 1965 году в журнале *Sports Illustrated* и посвящалась Пеппер — собаке-далматину, исчезнувшей однажды прямо со двора и, по всей вероятности, похищенной человеком, поставившим животных в лаборатории. Безутешные хозяева в конце концов отыскали Пеппер, но к тому моменту ее уже усыпили после эксперимента, поставленного над ней в госпитале Нью-Йорка. Год спустя в журнале *Life Magazine* появилась статья, озаглавленная «Собачий концлагерь». Эта история также была посвящена обращению с домашними любимцами, которые тем или иным путем попадали в исследовательские лаборатории. Члены палаты представителей и сената были буквально погребены под письмами избирателей, боявшихся аналогичной судьбы для своих кошек и собак. За несколько месяцев число доставленных в конгресс писем об опытах над животными превысило совокупное количество писем, полученных в связи с двумя важнейшими морально-этическими проблемами того времени — войной во Вьетнаме и гражданскими правами. Палата представителей и сенат отреагировали быстро, и в 1966 году был введен Закон о защите животных. (Проблемой этичного обращения с людьми, выступающими в роли объектов исследований, правительство озаботилось только в 1974 году.)

Бюрократические заковыки Закона о защите животных служат прекрасным примером того, насколько запутанное мнение имеет человек о других биологических видах. Самым, вероятно, странным аспектом этого закона является ответ на простой вопрос: что такое «животное»? Определение этого понятия в тексте закона поначалу

звучит вполне разумно: «Животным является любая живая или мертвая собака, кот, низший примат, морская свинка, хомяк, кролик или иное теплокровное животное, используемое или предназначенное для использования в целях исследования, обучения, тестирования, демонстрации в качестве экспоната или содержащееся в качестве домашнего питомца». Бомба спрятана в следующем предложении. «Понятие животного не включает в себя птиц, крыс рода *Rattus* и мышей рода *Mus*, выращиваемых для использования в исследовательских целях...»

Так что, по мнению конгресса, мыши — не животные. А вместе с ними — и крысы с птицами. А это означает, что от до до 95 % животных, используемых в США для проведения исследований, не подпадает под главный федеральный закон о защите животных. (Мыши и другие позвоночные, используемые для исследований в учреждениях, получающих гранты от национальных здравоохранительных организаций, защищены отдельным сводом правил.) Федеральный судья Чарльз Ритчи заявил, что исключение мышей, крыс и птиц из Закона о защите животных является решением произвольным и необоснованным. И он прав. Потому что из юридического определения слова «животное» следует, что исследователь, всего лишь снимающий на видеокамеру копулятивное поведение белоногого хомячка (той же мыши, но относящейся к роду *Peromyscus*), должен пройти все круги федерального законодательства, в то время как его приятель в соседней комнате может сколько угодно бить током лабораторных мышей (род *Mus*) с различными повреждениями мозга, и закон его ни в коей мере не касается.

Полезно посмотреть на разницу в отношении, которое предписывает Закон о защите животных, к мышам (которых большинство людей недолюбливает) и к нашим лучшим друзьям, собакам. Мыши — не животные, так что закон их не защищает. Точка. Собаки же — избранные существа, с ними надлежит обращаться особым образом. Они должны получать ежедневную порцию «позитивного

физического контакта с человеком» (я так понимаю, имеется в виду игра). Как это ни смешно, но, поскольку закон касается не только живых, но и мертвых собак, мертвая собака защищена лучше, чем живая мышь. (Правда, в примечании к Закону о защите животных говорится, что по отношению к мертвой собаке снимаются требования по уходу и размеру клетки.)

Исключение из закона мышей, крыс и птиц означает, помимо всего прочего, что мы понятия не имеем о том, сколько всего животных каждый год используется в США для проведения исследований. Я могу точно сказать, что в ходе биомедицинских и поведенческих опытов в 2006 году было использовано 66 314 собак, 21 367 кошек, 204 809 морских свинок и 62 315 обезьян. Но никто не сможет назвать вам сколь-либо точное количество мышей, над которыми проводят опыты в американских лабораториях. Кто-то говорит о 17 миллионах. Кто-то, в том числе Ларри Карбон, ветеринар, работающий с лабораторными животными в университете Калифорнии (Сан-Франциско), и автор книги «Чего хотят животные: слово в защиту Закона о лабораторных животных», говорит, что на самом деле эта цифра куда выше. Ларри оценивает количество используемых мышей в сто с лишним миллионов. Можно предположить, что эта цифра ближе к действительности.

С годами в Закон о защите животных вносили различные изменения, однако наиболее важные дополнения были сделаны в 1985 году, когда конгресс задался вопросом о том, какие исследования вообще стоит или не стоит проводить. В Великобритании любой эксперимент над животными должен быть разрешен министерством внутренних дел, находящимся в Лондоне. Конгресс пошел по иному пути и возложил ответственность за этическое обращение с лабораторными животными на сами учреждения, проводящие исследования. Каждому такому учреждению было предписано создать местный комитет по содержанию и использованию животных (IACUC).

Работа в таком комитете — непростое занятие. В крупных исследовательских университетах члены

комитета могут тратить по многу часов в неделю на то, чтобы продраться сквозь напечатанные мелким шрифтом заявки страниц по пятнадцать — двадцать каждая. Каждые несколько месяцев члены комитета собираются на заседание и играют в бога, решая, какие заявки следует удовлетворить, какие отклонить, а по каким запросить дополнительную информацию. От их решений зависят жизни животных и карьеры ученых. Вступление в комитет IACUC — верный способ растерять всех друзей. Но в состоянии ли комитет тщательно взвесить преимущества эксперимента и оценить их важность по сравнению со страданиями, которые испытывают животные?

Судим судей: насколько выверены решения комитетов по защите животных?

Несколько лет назад мне позвонил Скотт Плу, социальный психолог из университета Уэсли и эксперт по вопросам принятия решений. И ему, и мне было интересно узнать, что люди думают о представителях других видов, и в один прекрасный день мы столкнулись с ним, когда опрашивали участников демонстрации в защиту прав животных, осаждавших Капитолий в Вашингтоне.

«Хел, а тебе никогда не хотелось затеять такое исследование, в котором можно было бы предложить одну и ту же заявку на рассмотрение нескольким разным комитетам по защите животных?» — спросил он.

«Еще бы! — ответил я. В самом деле, приятно было бы узнать, что система, созданная конгрессом во имя защиты подопытных животных, дееспособна и что комитет университета Техаса и комитет университета Джона Хопкинса примут одинаковые решения по одному и тому же эксперименту. — Но только это невозможно. Ученые — люди занятые. Они ни за что не согласятся участвовать в этом деле».

Скотт думал иначе. Он решил, что комитеты охотно поучаствуют в исследовании, если предложить им за это денег, которые затем они могли бы истратить на оптимизацию ухода за животными в своих университетах. Я был настроен скептически, но сказал — ладно, я в деле. Скотт закинул удочку в Национальный научный фонд, и, к моему искреннему удивлению, его идею одобрили. Он был прав — стоило нам предложить институтам дополнительные фонды на уход за животными, как мы с легкостью заручились содействием пятидесяти случайно выбранных комитетов по содержанию и использованию животных различных университетов. Да что там — комитеты так и рвались нам помочь. В конце концов

участие в исследовании приняли около пятисот ученых, ветеринаров и сотрудников институтов, а всего доля ответивших составила до%.

Глава каждого комитета прислал нам заявки, уже рассмотренные его группой. Мы удаляли из заявки все личные данные, а затем отсылали ее для рассмотрения в другой комитет. Темы исследований были самые разные — от способов поиска воды летучими мышами до пищевых расстройств у хомячков. Всего заявок было 150 штук, и для предложенных в них экспериментов требовалось более 50 тысяч животных, в основном мышей и крыс с небольшим добавлением представителей других видов — шимпанзе, лягушек, буйволов, цапель, голубей, дельфинов, обезьян, морских черепах, медведей, ящериц и кого только еще можно вообразить. Когда данные были собраны, я вылетел в Коннектикут, чтобы помочь Скотту разобраться в цифрах и понять, что же мы в итоге получили. Мне доводилось быть членом комитета по защите животных, и я был уверен, что процент совпадений резолюций первого и второго комитетов будет весьма высоким. Как я ошибался!

В науке порой случаются моменты истины. Для меня такой момент наступает в ту долю секунды, которая проходит между нажатием клавиши компьютера и появлением на экране результатов. Мы со Скоттом сидели у него в офисе и не сводили глаз с монитора. В предвкушении результата я был возбужден и ощущал прилив адреналина, словно нападающий форвард, ожидающий от защитника крика «Давай!»

Скотт нажал клавишу. На экране появились цифры. Мы разинули рты.

Решение, принятое вторым комитетом, отличалось от решения, принятого первым, примерно в 80 % случаев. Статистический анализ указывал на то, что с таким же успехом комитеты могли гадать о решениях, подбрасывая монетку. Система явно была неадекватна. Ну почему, скажите на милость, в одном университете считают, что погружать крыс на долгое время в холодную воду можно, а

в другом — что нельзя? Сейчас я понимаю, что столь вопиющая нелогичность комитетов по защите животных не должна была меня удивлять. Отличить хорошее исследование от плохого сложнее, чем кажется. В своем рассказе «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» Роберт Пирсиг очень изящно высказался на ту же тему: «Но если вы не можете сказать, что есть Качество, откуда вам знать, что оно собой представляет и существует ли вообще?» Такого рода вопросы и не дают ученым спокойно спать по ночам.

В полученном нами результате, гласившем, что разные комитеты по защите животных зачастую принимают разные решения, нет ничего необычного. Исследования показывают, что значительные несовпадения мнений при пересмотре решений о качестве, вынесенных коллегами, встречаются в науке на протяжении последних тридцати лет. Такие несовпадения случаются в вопросах отбора заявок на грант, принятия статей в журнал и при вынесении решений об опытах над людьми и животными комитетами по этике. По правде говоря, ученые не слишком хорошо умеют оценивать качество и важность своих исследований. Таков их маленький постыдный секрет, о котором сами они стараются вспоминать пореже.

Итак, по сути, система, созданная конгрессом для наблюдения за обращением с лабораторными животными, полна противоречий. Ну почему белоногие хомячки подпадают под Закон о защите животных, а лабораторные мыши — нет? Почему за собаками закреплено право на ежедневную игру с человеком, а за кошками — нет? Почему один и тот же проект в одном комитете по защите животных одобряют, а в другом рубят на корню? Увы, все эти несоответствия лишь добавляют веса словам противников вивисекции, утверждающим, что в настоящее время лиса стережет курятник.

Что же мы можем сделать? Для начала конгресс должен внести изменения в Закон о защите животных, чтобы под него подпадали все виды позвоночных — млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии и рыбы. (В

Британии этот закон защищает даже осьминогов.) Согласно имеющимся у нас данным, большинство ученых хотят, чтобы Закон о защите животных распространялся также на мышей, крыс и птиц. Три четверти исследователей, принявших участие в нашем опросе, заявили, что не согласны с определением слова «животное», предлагаемым Законом о защите животных.

Конечно, можно просто отменить существующую систему. Давайте либо позволим ученым проводить любые опыты над животными без постороннего присмотра, либо просто будем бросать кости и на основании выпавшего числа решать, какие эксперименты проводить можно, а какие нельзя. Однако и тот и другой вариант неприемлемы. Некоторые борцы за права животных предлагают третий путь — запретить опыты над животными вовсе. Однако те, кто решительно выступает против всех экспериментов над животными, сами демонстрируют массу неувязок и парадоксов в своих доводах.

Парадокс опытов над животными: ставим эксперимент на животном, чтобы доказать, что нельзя ставить эксперимент на животном

Противники опытов над животными исходят из того, что мыши и шимпанзе попадают в сферу моральных соображений, а помидоры и робособаки — нет. Причина в том, что у животных есть психика, а у растений и механизмов она отсутствует. Так, например, философ Том Реган считает, что правами могут быть наделены лишь те живые существа, которые обладают сознанием, эмоциями, убеждениями, желаниями, способностью к восприятию, памятью, целеустремленностью и чувством будущего. Но как узнать, есть ли все это у животных? Ответ прост — поставить опыт.

Ученый-юрист Стивен Вайз стал одним из немногих защитников прав животных, всерьез занявшихся вопросом влияния умственных способностей различных видов живых существ на их моральный статус. В своей книге «Провести черту: наука и защита прав животных» Вайз разработал «шкалу автономии» от 0 до 1 для оценки различных видов животных в соответствии с их когнитивными способностями. Выставляя оценки, Вайз руководствовался научными исследованиями, посвященными поведению и когнитивным способностям животных. На этой шкале человек обладает оценкой 1, шимпанзе — 0,98, горилла — 0,95, африканский слон — 0,75, собака — 0,68, а пчела — 0,59. Вайз утверждает, что существа, имеющие оценку выше 0,9 (человекообразные приматы и дельфины) должны быть наделены основными правами, в то время как обладатели оценки ниже 0,50 прав иметь не должны. Достоинство этого подхода заключается в том, что он основан на доказательствах когнитивных способностей животных, а не на наивных домыслах о том, на что способны животные, и не на том, насколько они нам симпатичны. К примеру, изучив научные источники,

Вайз пришел к выводу, что африканские серые попугаи имеют чуть больше оснований на получение основных прав, чем собаки.

Однако подобный эмпирический подход к правам животных порождает парадокс: чтобы решить, насколько аморально использование животных в исследованиях, вам надо провести над ними эти самые исследования. К примеру, Вайз считает, что показатель дельфинов по шкале автономности составляет 0,9, а значит, они попадают в высшую категорию представителей животного мира, заслуживающих права. Вайз пишет: «Дельфины владеют понятиями, спонтанно понимают указательные жесты, движения глаз, поддерживают беседу. Они мгновенно имитируют действия и голосовые сигналы». Эта оценка когнитивных способностей дельфинов основана на открытиях, сделанных психологом Лу Германом из Гавайского университета. На протяжении тридцати лет исследований Герман демонстрировал, что дельфины имеют уникальную память, понимают человеческие жесты лучше, чем шимпанзе, и имеют настолько выраженные лингвистические способности, что способны даже исправлять грамматические ошибки.

Итак, изучая вопрос о правах дельфинов, Вайз опирается на исследования Германа. Вероятно, он их всецело одобряет? Ничуть. Более того, Вайз страстно доказывает, что опыты Германа над дельфинами неэтичны, что Герман эксплуатирует своих животных и обращается с ними как с заключенными. Невозможно не оценить юмор ситуации — ведь без этих опытов по выяснению когнитивных способностей дельфинов Вайз не смог бы доказать, что эти способности дельфинов сравнимы со способностями шимпанзе, и потому дельфины должны быть наделены основными правами.

А что с мышами? Какова их оценка по шкале автономности? Вайз не упомянул их в своей книге, поэтому я послал ему письмо: «Профессор Вайз, какую же оценку по вашей шкале получили мыши? Ведь их используют в исследованиях чаще всего».

Вайз ответил, что мышей он не стал упоминать потому, что был ограничен во времени. По его словам, оценка автономности базируется на объективном изучении имеющихся свидетельств о способностях других видов. Для того чтобы получить эти свидетельства, ему пришлось следить за данными последних исследований и опрашивать ведущих ученых, изучавших поведение и когнитивные способности тех или иных видов. По словам Вайза, данные по человекообразным и дельфинам соответствовали его ожиданиям, в то время как пчелы показали результат куда более высокий, чем можно было ожидать. Процесс оценки каждого вида животных занимает примерно три месяца — но в сутках всего двадцать четыре часа, а видов на свете многие тысячи.

Умеют ли мыши сопереживать? Болевой тест Макгилла

Вайз спокойно допускает, что о большинстве видов мы знаем недостаточно и потому не можем точно указать их морально-этический статус и место на шкале. По всей вероятности, это значит, что нам нужно проводить не меньше, а больше опытов над животными. В ходе некоторых опытов наверняка выяснится, что ряд животных обладает неожиданными способностями. Так, исследователи из лаборатории генетики боли университета Макгилла недавно провели серию экспериментов, которые, по их мнению, доказывают, что мыши способны к сопереживанию. Я не вполне уверен в том, что представители мышинового рода понимают сопереживание так же, как мы, однако то, что обнаружили ученые, заставляет нас задаться рядом интересных вопросов этического характера.

Цель исследований заключалась в том, чтобы выяснить, станет ли мышь реагировать на боль, причиняемую другой мышью. Исследователи использовали несколько способов причинения боли животным. Большинство мышей подверглось тесту с неприятным названием «тест корчей» — в желудок им вводили разведенную водой уксусную кислоту. Еще одной группе вводили в заднюю лапу причиняющую раздражение жидкость, а последняя группа подверглась тесту отдернутой лапы, при котором исследователи измеряют, как скоро мышь отдернет лапу от горячей поверхности. Если я не ошибся в подсчетах, в исследовании было использовано более 800 мышей.

Чувствовали ли мыши чужую боль? Вкратце говоря — да. Животные, получившие инъекцию уксусной кислоты, корчились в присутствии других страдающих мышей сильнее, чем когда находились в одиночестве. Но — интересная подробность — передача болезненных ощущений происходила, лишь когда другая мышь была

родственницей первой или жила с ней в одной клетке. Когда рядом страдал чужак, мыши не выказывали признаков сопереживания!

Откуда мышь знает, что ее подружке по клетке больно? Мышь видит боль в глазах подруги или слышит высокочастотные стоны? А может быть, испытывающая боль мышь издает запах страха. Для проверки каждого из этих вариантов исследователи систематически разрушали восприятие у мышей. Со зрением было проще всего — между двумя страдающими мышами поместили непрозрачный экран. С уничтожением обоняния пришлось повозиться. Мышам вводили местный анестетик, а затем закапывали в ноздри едкое вещество, от которого обонятельные рецепторы буквально спекались. После этого мыши теряли обоняние навсегда. Чтобы мышь не могла слышать, ей в течение четырнадцати дней ежедневно делали инъекцию вещества под названием канамицин. Через две недели мышь становилась глухой на всю оставшуюся жизнь.

С научной точки зрения, эксперимент увенчался успехом. Исследователи обнаружили, что сопереживание у мышей связано исключительно со зрением. Мыши, утратившие обоняние или слух, сохраняли способность к эмпатии. Мыши, которые не могли видеть страдающих сотоварищей, не сопереживали им.

Можно ли назвать это исследование этическим? Представьте на минуту, что вы являетесь членом комитета по защите животных университета Макгилла и занимаетесь рассмотрением заявок на исследования с участием животных. Какую оценку вы дали бы этому исследованию? Можно ли считать, что боль и страдания, причиненные животным, оправданы полученными результатами?

Разрешить или запретить? Ваше решение? Мне было бы трудно принять решение по этому вопросу. Исследования были проведены безупречно, и, хотя большую часть научных статей не читает никто, кроме разве что матушки автора, результаты этой работы были

опубликованы в журнале Science и попали во множество мировых СМИ. Кроме того, исследователи справедливо заметили, что боль, которую они причиняли мышам, была сравнительно слабой и длилась недолго.

Но я голосую за запрет эксперимента. Я не одобрил бы этот эксперимент потому, что одно из самых любимых моих занятий — слушать Rolling Stones на полную катушку, а еще я обожаю запах свежесвекопеченной французской булки. Потому мне и не нравится мысль о том, что столько мышей лишились слуха и обоняния.

(Быть может, я одобрил бы исследование, если бы исследователи согласились исключить из него сенсорную депривацию.)

Когда я прочел этот отчет, первой моей мыслью было: «Ну и вляпались же ребята». Я сообразил, что вскоре им начнут угрожать смертью всякие сумасшедшие борцы против опытов над животными. Но я ошибся. Радикальная группа «Фронт освобождения животных» — та самая, которая выступает за нападения на исследователей, ставящих опыты над животными, — вскоре вывесила результаты макгилловского болевого теста на мышах на свой вебсайт, чтобы наглядно показать: люди и мыши — родственные души. Даже некоторые ученые, обычно восстающие против экспериментов с причинением боли или калечением животных, молчаливо одобрили это исследование. Вот Марк Бекофф — выдающийся этолог, имеющий большое влияние в области защиты животных. Он утверждает, что ученые не должны делать с подопытными животными ничего такого, чего не сделали бы со своей собакой. Как же я был удивлен, обнаружив, что Марк использовал данные о болевом тесте на мышах в своей книге «Дикое правосудие: жизнь животного с точки зрения морали» как доказательство того, что даже грызуны способны испытывать сложные эмоции.

Джонатан Балкомб — такой же активный борец за права животных и ученый одновременно. (Темой его докторской диссертации было поведение летучих мышей.) Он написал книгу «Вторая натура: внутренняя жизнь

животных», непримиримо относится ко всем инвазивным и болезненным опытам над животными, а его выступления пользуются успехом в среде защитников животных. Красноречивый, вдумчивый и спокойный человек, он стал прекрасным лицом движения, которое обычно считают бандой сумасшедших фанатиков. Зная, что Джонатан выступает против инвазивных исследований с участием животных, я был удивлен, обнаружив, что в своей речи на конференции, куда приехал и я, он привел результаты макгилловского болевого теста как доказательство того, что мыши имеют эмоции. Мы с Джонатаном давние друзья, и я попросил его ответить — как бы сам он проголосовал, если бы входил в макгилловский комитет по защите животных.

«Разумеется, за запрет эксперимента», — ответил он.

«А тебе не кажется парадоксом то, что многое из того, что нам известно об умственных способностях животных, было получено в результате исследований, которые были бы запрещены, добейся ты своего и запрети эксперименты на выловленных диких животных?» — спросил я.

Джонатан был готов к этому вопросу. Видимо, его часто спрашивают о чем-то подобном, когда он отвечает на вопросы после лекций в университетских кампусах. Наверняка найдется умник, который встанет и скажет: «Доктор Балкомб, вы выступаете против опытов над животными, однако в своих доводах опираетесь именно на результаты этих опытов. Что за противоречие?»

Джонатан не видит в этом этической дилеммы.

«Я ненавижу подобные исследования, — отвечает он аудитории. — Будь моя воля, я запретил бы некоторые эксперименты, с помощью которых обычно доказываю, что у животных есть чувства. Однако факт остается фактом — опыты эти уже были поставлены, и да, они действительно проливают свет на вопросы сознания у животных. Потому я и впредь буду пользоваться подобными примерами».

Было очевидно, что Джонатан немало думал об этической дилемме, однако я был удивлен, когда он упомянул медицинские эксперименты нацистов. Дело было в том, что под влиянием размышления о болевом тесте на мышцах я и сам задумался на ту же тему. Доктор Зигмунд Рашер, немецкий врач, на длительное время погружал узников Дахау в ледяную воду, чтобы проверить, сколько проживет пилот самолета, если ему придется сесть в студеное Северном море. Подопытные гибли десятками. Однако по ряду причин это исследование остается одним из лучших имеющихся источников данных о влиянии гипотермии на человеческий организм. Некоторые специалисты по медицинской этике считают, что, поскольку информация, полученная в ходе экспериментов в Дахау и Аушвице, уже никуда не денется, — пусть она и была получена неэтичным путем, — используя ее для спасения человеческих жизней, мы отдаем дань уважения погибшим. Некоторые другие специалисты считают, что эта информация сомнительна с моральной точки зрения, что она получена несправедливым путем и (потом) ни в коем случае не должна быть использована. Точно так же некоторые борцы за защиту животных считают, что результаты экспериментов над животными также получены несправедливым путем. Например, принимать протестированные на животных лекарства, с их точки зрения, аморально.

Можно ли утверждать, что результаты макгилловского болевого эксперимента или, раз уж на то пошло, опыты по обучению языку пойманных в дикой природе шимпанзе и дельфинов также получены несправедливым путем и не должны использоваться даже как средство борьбы против опытов над животными? Это вопрос явно не из тех, что не дают Джонатану спокойно спать по ночам. Когда разговор заходит о борьбе против опытов над животными, Джонатан признается, что в подобных случаях он неохотно, но все же становится прагматиком. «Для защиты животных я готов использовать любую информацию. Все, что только может помочь, — говорит он. Правда, потом добавляет: — В разумных пределах».

А вы готовы убить миллион мышей, чтобы найти лекарство от лихорадки денге?

В спорах об опытах над животными доводы бывают весьма расплывчаты. Я считаю, что приводящиеся в защиту опытов доводы убедительнее, нежели оправдания любых других способов использования животных человеком, в том числе и в качестве пищи. Многие с этим несогласны. Впрочем, опросы общественного мнения показывают, что среди американцев противников опытов над животными больше, чем противников охоты.

Недавно мы поспорили о морально-этическом статусе мышей с моей коллегой Линдой, профессором английского языка, в своих работах уделяющей много внимания вопросам неравенства и угнетения. Линда глубоко озабочена эксплуатацией как животных, так и беднейшего населения планеты, в особенности африканцев, живущих в бывших колониях. Еще подростком Линда стала бороться за защиту животных. И она, и ее муж — веганы. В свободное время она работает волонтером в приюте для сельскохозяйственных животных. Линда не носит кожаную одежду, терпеть не может зоопарки и цирки. Линда убеждена, что эксплуатация животных теснейшим образом связана с угнетением женщин, представителей различных меньшинств и «цветных».

«Жестокое обращение с животными — это фундамент угнетения», — говорит она мне.

С точки зрения Линды, такие занятия, как охота, выращивание пушного зверя и поедание мяса, являются несложными моральными дилеммами. Так делать нельзя — и точка. Но даже она не чувствует себя уверенно на зыбкой почве опытов над животными.

«Я не верю, что человек имеет право использовать другие живые существа ради собственной выгоды, —

говорит она, но затем добавляет: — С другой стороны, я думаю, что некоторые исследования могли бы принести людям пользу».

«Можно я расспрошу подробнее?» — спрашиваю я.

«Конечно».

«Вот, допустим, фармацевтическая компания решит тратить меньше денег на рекламу препаратов для эрекции и больше — на исследования с целью изобретения лекарств от тропических заболеваний. Эти заболевания малоизучены, но от них страдает множество жителей развивающихся стран. Ты бы согласилась принести в жертву миллион мышей ради создания вакцины от лихорадки Денге? Между прочим, это одна из основных причин детской смертности в Тропической Африке».

Линда смотрит в пол.

После долгой паузы она говорит:

«Не знаю. Я не могу дать однозначного ответа».

«Почет?» — спрашиваю я.

«Ну, — отвечает она, — я не считаю, что жизнь человека ценнее жизни животного. Но... мыши?»

Терзания Линды по поводу выбора между спасением мышей и созданием вакцины, которая могла бы спасти миллионы маленьких африканцев, понять нетрудно. Ее вера в равенство всех живых существ столкнулась с ее же горячим желанием спасти людей, живущих за чертой бедности. А по-моему, все куда проще. Я бы преспокойно отдал миллион мышей ради возможности навсегда избавить мир от лихорадки. Ни на секунду бы не задумался.

Но миллион мышей за лекарство от облысения? Или за средство от эректильной дисфункции? Н-ну... это, пожалуй, нет.

9

Кошка в доме, корова в тарелке Мы не ханжи, ханжи не мы?

Я говорю, что паук имеет такое же право на жизнь, что и цапля, и человек? Да. И не вижу никаких логических причин считать иначе.

Джоан Данейер

Уберите с лица эту самодовольную ухмылку. Один из главных уроков всех времен и культур заключается в том, что все мы ханжи и, порицая чужое ханжество, подпитываем тем самым свое собственное.

Джонатан Хайдт

Если вам доведется побывать в Сиэтле, обязательно зайдите на рынок Пайк-плейс. Десять миллионов посетителей круглый год толпятся у цветочных киосков, булочных, магазинов свежих продуктов, закупают изысканные сыры, конфеты, грибы, фрукты и салями. А самая лучшая часть этого рынка — рыбный отдел, где мужчины в резиновых сапогах и серых куртках с капюшонами швыряют огромных лососей килограммов по восемь через пять метров продавцу, тоже одетому в куртку. Зрители это зрелище обожают — смеются, фотографируют. Я сам все видел, и тоже смеялся, и фотографию сделал.

В июне 2009 года Американская ассоциация ветеринаров решила, что зрелище летающей туда-сюда рыбы будет очень полезно для налаживания связей между 10 тысячами ветеринаров и представителей среднего медперсонала, собравшихся на ежегодную

встречу ассоциации в Сиэтле. Ассоциация PETA была не слишком этим довольна. В статье, вышедшей в газете Los Angeles Times, процитировали главу PETA Эшли Берна, сказавшего: «Надо быть сумасшедшим, чтобы убивать животное, а потом швыряться его трупом в качестве развлечения. К тому же это тревожный сигнал для общественности: нашим ветеринарам нравится бросаться трупами». СМИ преподнесли это как шутку, и моей первой мыслью было — делать тебе, Эшли, нечего. Но потом PETA выпустила заявление, в котором говорилось, что у толпы сильно поубавилось бы веселья, если бы ребята в серых куртках швыряли друг другу трупки котят. Тут-то я понял, что представители ассоциации PETA правы. Почему людей так веселит зрелище игр с мертвой рыбой, а сдохлыми кошками — нет, увольте?

Наше мнение об обращении с животными зачастую отличается непоследовательностью

Эта этическая сумятица беспокоит Элизабет Андерсон, автора книги «Мощная связь между людьми и их питомцами». Так, например, Элизабет не понимает людей, которые держат животных и при этом носят шубы. Андерсон пишет: «Не знаю, смогу ли я когда-либо понять, как человек, способный любить и целовать щенка или котенка, может безразлично относиться к тому, что норки убивают электрошоком через анальное отверстие, а детенышам тюленя разбивают голову дубинкой». Однако удивляться тут нечему — человек, тающий при виде котенка, вполне может любить шелковистый мех норки. Подобные очевидные нестыковки случаются даже у тех людей, которые серьезно относятся к правам животных. Социальный психолог Скотт Плу обнаружил, что 70 % активных защитников прав животных, считавших, что одной из первоочередных задач движения является борьба с использованием шкур и меха животных для одежды, признали, что сами носят кожаную одежду.

Психологам давно известно, что слова у нас частенько расходятся с поступками. Существует широко известная теория установок, именуемая «модель А-В-С». Согласно ей, у каждой установки есть три составляющих: аффект (Affect, наше эмоциональное отношение к предмету), поведение (Behaviour, выражение позиции через действия) и знание (Cognition, то, что нам известно о предмете). Порой эти составляющие совпадают. В качестве удачного примера можно привести Роба Басса. Робу пятьдесят два года, он занимается философией, и жизнь его текла совершенно спокойно вплоть до 2001 года, когда он прочел перевернувшую его мировоззрение статью специалиста по этике Милана Энгеля. Энгель приводил логические доводы против поедания мяса животных, и Робу они, как это ни было удивительно,

показались крайне убедительными. Он решил, что, вероятно, в логике Энгеля имеется какая-то ошибка, и потратил три недели в попытках опровергнуть сделанные им утверждения. Спустя месяц Роб сдался. Убедившись в правоте Энгеля (когнитивная составляющая), он понял, что должен прекратить есть мясо (поведенческая составляющая). Несколько недель спустя он зашел в кафетерий при колледже и учуял запах жарящихся на гриле котлет, вызвавший у него мгновенную инстинктивную реакцию: «Фу, какая гадость!» (аффективная составляющая). Статья Энгеля запустила изменения в поведении, мышлении и эмоциях, причем каждая составляющая служила подкреплением для остальных. Сегодня Роб и его жена, Гейл Дин (пережившая аналогичное преобразование), придерживаются строгого веганства. Они резко не одобряют любую эксплуатацию животных, а Боб в рамках курса этики рассказывает студентам о правах животных.

Однако Боб и Гейл являются исключениями из правила. Большинство людей преспокойно закрывают глаза на противоречия, кроющиеся в их собственном отношении к животным. Газета Los Angeles Times однажды провела исследование, в ходе которого случайно выбранных взрослых американцев спрашивали, согласны ли они с утверждением: «Во всем, что важно, животные — это те же самые люди». Согласно данным газеты, с утверждением согласились 47 % опрошенных. Я усомнился в результате и решил опросить своих студентов. Я предложил сотне из них опросник, в котором содержался вопрос из газеты, а заодно дюжина других вопросов, связанных с обращением с животными. Скептицизм мой пропал втуне — ровно 47 % студентов согласились с тем, что в имеющих значение вопросах животные равны людям. Однако это их убеждение о равенстве человека и животных удивительным образом не сказывалось на их собственном отношении к использованию животных. Половина утверждавших, что «животные — те же люди», одобряла биомедицинские опыты на животных, 40 % считали допустимым заменять больные человеческие органы другими, взятыми у

животных, а 90 % регулярно ели тех существ, которые, по их мнению, были практически равны людям «во всем, что важно».

Каким же образом в человеке уживаются столь явно противоречащие друг другу мнения? В большинстве случаев взгляды человека на обращение с представителями других видов служат прекрасным примером того, что психологи называют «отсутствующей» или «несодержательной позицией». Она представляет собой случайную подборку в основном не связанных между собой и не выстроенных логически взглядов, а вовсе не последовательную систему убеждений, встречающуюся у таких людей, как Роб и Гейл, всесторонне рассмотревших моральные проблемы, связанные с животными. Этические вопросы наших взаимоотношений с другими видами непросты, и большинство людей, даже тех, кто считает, что любит животных, занимает среднюю позицию. К примеру, когда во время опроса, проводившегося Государственным центром исследования мнений, спрашивали, как люди относятся к опытам над животными, только один из пяти взрослых имел ту или иную четкую позицию по вопросу, а почти столько же не имели никакого мнения вовсе.

Исключений, разумеется, масса, но практика показывает, что большинство американцев озабочены обращением с животными гораздо меньше, чем другими социальными проблемами. В 2000 году сотрудники Gallup Organization попросили взрослых американцев расставить в порядке приоритетности следующие вопросы: право на аборт, права животных, контроль за приобретением оружия, забота об окружающей среде, права женщин и права потребителей. Права животных оказались на последнем месте. В 2001 году Общество гуманизма США провело исследование, в ходе которого людей спрашивали, какая государственная организация по защите животных добилась большего в своей области. Половина респондентов не смогли назвать ни единой организации, защищающей интересы животных. И наконец, опрос людей, бойкотировавших товары широкого потребления,

показал, что лишь 2 % делали это из соображений недопустимости использования животных. Выходит, что в списке приоритетов большинства людей обращение с животными занимает не слишком высокое место (если только это не их собственные домашние любимцы).

Если вы хотите точно знать, что думают люди об обращении с животными, перейдем на язык денег. Каждый год американцы жертвуют организациям по защите животных от 2 до 3 миллиардов долларов. Цифра, конечно, солидная, но давайте сравним ее с расходами на убийство животных: 167 миллиардов долларов уходит на мясо, 25 миллиардов — на охотничьи товары, снаряжение и поездки, 9 миллиардов — на убийство животных-вредителей, 1,6 миллиарда — на одежду из меха. Конечно, ради благополучия собственных питомцев мы тратим гораздо больше средств, чем жертвуем организациям, борющимся за благополучие животных, которых мы и в глаза-то не видели. Это вполне соответствует ряду базовых свойств человеческой природы, одно из которых — глубоко укоренившийся эволюционный принцип, согласно которому на первом месте стоит семья, а питомцы для многих американцев являются ее членами.

Есть еще один феномен, который когнитивный психолог из университета Орегона Пол Словик назвал «психическим оцепенением», — чем больше трагедия, тем меньшее число людей переживает о случившемся. К примеру, люди утверждают, что на спасение одного больного ребенка они готовы пожертвовать вдвое больше, чем на группу из восьми больных детей. Когда речь идет о массовых страданиях, человеческое безразличие растет еще больше. Как отметил колумнист газеты New York Times Николас Кристоф, феномен психического оцепенения помогает нам понять, почему ньюйоркцы так волновались по поводу изгнания одного-единственного краснохвостого ястреба, свившего гнездо на фешенебельном здании Пятой авеню, но остались практически равнодушны к страданиям двух миллионов бездомных суданцев. Это безразличие, охватывающее

человека перед большими числами, Словик называет «коллапсом сострадания».

Впрочем, коллапс сострадания наблюдается не у всех. В Ассоциации гуманизма США состоит одиннадцать миллионов американцев. В ASPCA миллион членов, в PETA — более двух миллионов. Многие люди не просто жертвуют деньги, но и предпринимают конкретные действия. Одним из моих первых антропологических проектов была серия интервью с активными борцами за защиту животных. Я уделил основное внимание рядовым членам организаций, так сказать, бойцам с передовой, не лидерам, не философам, не знаменитостям. Я хотел понять, каких людей привлекает борьба за защиту животных, разобраться, почему они занялись этим делом и как их убеждения повлияли на их жизнь.

Выяснилось, что из каждых четырех борцов за права животных трое — женщины, причем большинство придерживается либеральных взглядов, имеет хорошее образование, явную принадлежность к среднему классу и чаще всего — белую кожу. Практически у всех у них есть собственные домашние животные. В организации, защищающие права животных, эти люди попадают по-разному, но наиболее распространенной причиной является моральное потрясение. Для Катерины, которая работает медсестрой, таким потрясением стала одна-единственная фотография.

«Почему вы присоединились к движению за освобождение животных?» — спросил ее я.

«Из-за фотографии на плакате PETA. Она так и стоит у меня перед глазами — там была маленькая обезьянка, которой перерезали нервы на одной руке, и она не могла ею пользоваться. Тогда обезьянке привязали здоровую руку к телу и заставили работать больной».

«И вы до сих пор помните, как выглядела эта фотография?»

«Ох, конечно, — ответила она. — У обезьянки были совершенно прекрасные глаза и такой взгляд, словно она

только что плакала. Я сама чуть не плачу, когда вспоминаю».

Тут Катерина действительно тихо заплакала и сказала:

«А я и не знала, что так эмоционально восприняла эту фотографию, пока не начала о ней рассказывать».

Если такая вот Катерина попадается противникам борьбы за права животных, те тут же заключат, что все активные сторонники идеи — сверхсентиментальные люди, которые предпочитают животных людям. Это вовсе не так. Многие активисты, с которыми мне довелось говорить, имели четкое рациональное обоснование своего неприятия эксплуатации животных. Одна женщина, весьма сведущая в интеллектуальных нюансах прав животных, сказала, что возражает тем, кто считает ее «мягкосердечной». Она сказала мне так: «Потратить все те годы, что я разбиралась в тонкостях дела, только из-за „мягкосердечия“ было бы просто унижительно».

Освобождение животных как религия

Как группа борцы за права животных не слишком религиозны — по крайней мере, в традиционном смысле слова. Согласно данным одного из исследований, лишь 30 % участников крупного общенационального марша протеста против нарушения прав животных являются приверженцами традиционных религий, а половина отрекомендовалась атеистами или агностиками. Но, как и прочие движения, занимающиеся крестовыми походами во имя морали, движение за освобождение животных также несет в себе элементы религии. Защита животных так же, как и религиозные убеждения, может принести в жизнь человека цель и смысл. Когда я спросил Филлис, сыграло ли движение защитников прав животных какую-либо роль в ее жизни, она недоуменно заморгала, словно я спросил о чем-то совершенно очевидном. «Это и есть моя жизнь», — ответила она.

Вот Марк, бывший полицейский, который страдал клинической депрессией вплоть до того момента, как они с женой занялись защитой животных. Он считает, что движение за права животных спасло его. Он сказал мне: «Это из тех вещей, что случаются иногда в жизни, — ты счастлив делать то, что делаешь. Это меняет всю твою жизнь. Теперь мы совершенно счастливы».

Говоря с Марком, нетрудно поверить, что однажды он, как святой Павел на дороге в Дамаск, вдруг прозрел и увидел свет. Брайан, который считает себя агностиком, сказал так: «Иногда я сам над собой смеюсь. Я знаю, как чувствуют себя люди, „рожденные заново“, — в точности как я. Их убеждения меняют каждую крупницу их жизни». А вот слова еще одного активиста: «Теперь я совсем по-иному почитаю Иисуса. Думаю, живи Иисус сегодня, он был бы вегетарианцем. И, наверное, боролся бы за права животных».

Борцы за права животных и религиозные фундаменталисты схожи и еще в одном отношении — они

делят все, связанное с моралью, на черное и белое, не признавая оттенков серого. Мы с Шелли Гэвин попробовали применить к борцам за права животных психологическую шкалу, разработанную психологом Донельсоном Форситом для оценки индивидуальных различий в этической идеологии. 75 % борцов за права животных (и всего 25 % студентов колледжей) попали в категорию «моральных абсолютистов». Люди подобного склада убеждены в универсальности моральных принципов и в том, что за правильным поведением всегда следует хеппи-энд.

За серьезное отношение к животным надо платить

Когда вы решаете относиться к животным серьезно, в вашей жизни начинают происходить большие изменения. Во-первых, вам приходится эту самую жизнь изменить. Все знакомые мне борцы за права животных предпринимали меры для того, чтобы привести собственные поступки в соответствие со своими убеждениями. Одни делали это понемногу, другие бросались вперед очертя голову, одни добились больших успехов, другие меньших. Самая грандиозная неудача постигла Мэри — она продержалась всего две недели. Во время ланча на первой (и последней) своей конференции по правам животных Мэри подверглась нападению бигмака и переметнулась в «Макдоналдс». Тем и кончилась ее эпопея борьбы за права животных. Однако это скорее исключение, чем правило. Среди активистов, которых я опрашивал на крупной демонстрации в Вашингтоне (округ Колумбия), 97 % изменили свой образ питания (хотя многие по-прежнему ели некоторое количество мяса), 94 % стали приобретать товары, помеченные «без жестокости».

93 % бойкотировали компании, тестирующие свою продукцию на животных, 79 % сообщили, что не носят одежды, изготовленной из животных материалов, а 75 % писали в газеты или в правительственные органы письма, касавшиеся обращения с животными. Новые убеждения и новое поведение подстегивают друг друга — одна женщина по имени Джина сказала мне: «Чем больше я втягиваюсь, тем сильнее меняется мой рацион. А чем сильнее меняется рацион, тем больше я втягиваюсь».

Приверженность принципам у активистов проявляется по-разному. Кто-то отказывается убивать животных, обычно входящих в разряд домашних любимцев. Недавно один такой человек обнаружил у себя в саду змею — щитомордника. Годом раньше он схватил

бы мотыгу и прикончил змею на месте, однако теперь он аккуратно спровадил ее обратно в лес. А Бернадетта работала в IBM на руководящей должности и вела совершенно типичную жизнь представителя высшего слоя среднего класса в компании мужа, двух детей, мини-вэна и собаки. По ее мнению, от других женщин ее отличало то, что она не стала бы убивать даже блоху.

«Бернадетта, — спросил я, — можно какой-нибудь пример того, как ваши взгляды по части прав животных влияют на вашу повседневную жизнь?»

«Ну, я не использую токсичных средств от блох, когда ухаживаю за собакой. Я просто собираю блох и выношу за порог. Я знаю, что они не чувствуют боли и все такое, но мне важно быть последовательной. Ведь если я решу, например, что рыбу убивать нельзя, а какого-нибудь моллюска или еще кого-нибудь — можно, мое поведение утратит всякий смысл».

И тут появились тараканы.

«Недавно нам пришлось потравить тараканов, — сказала Бернадетта. — Мы использовали „Терминикс“, но не сразу — сначала я неделю ходила по дому и пыталась телепатически сказать тараканам: „Вы вторглись на нашу территорию, и мы собираемся принять радикальные меры“. Я представляла себе, что они возьмут да и исчезнут сами собой».

Но они не исчезли.

Бернадетта столкнулась с «парадоксом активиста» — *чем жестче твои моральные принципы, тем тяжелее их соблюдать*. Проблема может возникнуть на ровном месте. Так, у Джины сомнения вызывала даже растительная пища. Иногда она задумывалась, не этичнее ли будет есть фрукты и орехи вместо морковки, которой приходится погибать во время сбора урожая. А Рой обожал софтбол и играл с церковной командой. После многих месяцев поисков он нашел удовлетворительного (но все же не слишком высокого) качества синтетическую перчатку, однако так и не сумел отыскать хороший мяч, который был

бы сделан не из кожи. К счастью для Роя, сейчас появилось куда больше товаров для людей, стремящихся избегать любой жестокости. Тут тебе и синтетические мячи, и веганские презервативы.

В книге «Гипотеза счастья» Джонатан Хайдт утверждает, что ключом к счастливой жизни является чувство добродетельности и моральной цели, просветление, готовность действовать и принадлежность к группе, разделяющей твои базовые ценности. Многие борцы за права животных обладают всеми этими качествами, и, казалось бы, их можно причислить к самым счастливым людям на Земле. Это, безусловно, можно сказать и о женщине, с которой я говорил во время акции протеста против плохого обращения с выловленными черными медведями, сказавшей: «Мне просто жаль тех, у кого нет в жизни ничего подобного».

Однако некоторые активисты платят за свою мораль очень дорого. Так, например, приверженность идее освобождения животных может стоить им друзей, семьи, любви. Хотя большинство американцев и говорят, что они поддерживают идею освобождения животных, однако на практике людям часто бывает неуютно рядом с теми, кто всерьез относится к вопросам морали. Активист по имени Алан рассказал мне: «Я растерял всех друзей. Никто не понимает, что я делаю, окружающие от меня как будто защищаются. Я потерял лучшего друга, и не в последнюю очередь из-за всей этой истории с правами животных».

Преданность делу защиты животных может стоить семьи. Хью и Лидия — единомышленники, борьба за права животных объединяет их и делает брак крепче. Они вместе готовят веганскую пищу, посещают одни и те же конференции, обсуждают различные вопросы и статьи друг друга, посвященные обращению с животными. Но бывает и иначе. Борьба за права животных лишила Нэнси мужа. Они были женаты десять лет, и муж, человек военный, неприязненно относился к ее растущему увлечению защитой животных и хотел, чтобы Нэнси была хорошей офицерской женой.

«Вот мне и пришлось делать выбор», — говорит Нэнси. Она выбрала животных.

Такое же столкновение произошло и у Фрэн и ее мужа.

«Как ваша борьба за права животных сказалась на отношениях с окружающими?» — спрашиваю я.

Она вздыхает.

«Мы с мужем много ссоримся из-за этого. Муж ест мясо, он считает, что люди, которые носят мех, ничем не хуже, чем те, кто ест мясо. С годами все становится только хуже. Теперь он выбрасывает мою почту, потому что я слишком много жертвую на организации по защите животных».

По-моему, шансы на то, что Фрэн и ее муж все еще вместе, равны нулю.

Особо серьезные конфликты жизненных стилей случаются у тех активистов, которые не имеют партнеров и стремятся к союзу с единомышленником. Женщинам приходится особенно тяжело, поскольку соотношение полов среди борцов за права животных составляет три к одному в их пользу. Одна симпатичная девушка за двадцать по имени Элизабет сказала: «Мои убеждения явно не способствуют жизни в обществе. Я не хочу ходить на свидания с не-вегетарианцами, поэтому круг возможных вариантов сокращается. Раньше я встречалась в основном с невегетарианцами, но никогда больше на это не пойду. Невозможно иметь с человеком близкие отношения, когда между вами стоит стена из принципов».

У этих современных крестоносцев от морали есть и другие проблемы. Порой их ноша оказывается чересчур тяжелой. Я спросил Люси, коррекционного педагога, не кажется ли ей порой, что люди чувствуют ее сумасшедшей из-за той жизни, которую она себе выбрала.

«Нет, — ответила Люси. — Не думаю, чтобы меня считали сумасшедшей. Правда, иногда я сама думаю, что сошла с ума. Я слишком горячо отношусь к своему делу.

Оно подмяло под себя всю мою жизнь. Иногда мне кажется, что я больше не выдержу. Тогда я говорю себе: можно на шагок отступить, слегка ослабить поводок. Я разрешаю себе на минутку стать не святой, а обычным человеком».

Вдобавок активные защитники животных находятся под постоянным шквалом свидетельств о жестоком отношении к животным — тут и мясная стойка в местной лавочке, и запах жареной плоти, доносящийся из кафе, где готовят гамбургеры, и встреченная в аэропорту женщина в шубе, и непрерывный поток писем с просьбами о пожертвованиях от организаций защиты животных, которые не переставая сыплются в почтовый ящик: *Ваше пожертвование поможет остановить охоту на детенышей тюленей! Помогите запретить щенячьи питомники! Закроем промышленные фермы!*

Порой принципы становятся неподъемной ношей. У Сюзанны началась бессонница, потому что ей беспрестанно снились замученные животные. Морин с мужем были вынуждены заявить о банкротстве, поскольку все свои деньги пожертвовали организациям по защите животных. А Ганс, шестидесятидвухлетний бизнесмен родом из Германии, страдает притуплением сострадания. «У меня вот-вот случится эмоциональный коллапс, — говорит он мне. — Я выгораю. Борьба за права животных занимает столько времени, что ни на что другое его просто не остается. Прежде мне нравилось это дело, но в этом году я дошел до точки и готов признаться, что больше не могу. Нету меня больше сил».

Подобно большинству людей, близко к сердцу воспринимающих вопросы морали, борцы за права животных идут не в ногу с остальным обществом. Однако большинство из них вовсе не фанатики. Большая часть активистов, с которыми я познакомился за многие годы, были умными, разговорчивыми, дружелюбными и совершенно психически нормальными людьми. Тем не менее с истовыми приверженцами этой идеи осмысленные разговоры бывает вести нелегко, да и отыскать какую-то нейтральную тему тоже не всегда удается. Сами

попробуйте объяснить Люси, почему) некоторые опыты над животными можно было бы и одобрить. Я спросил ее, случалось ли ей когда-нибудь испытывать сомнения, доводилось ли думать о том, что, возможно, в некоторых обстоятельствах допустимо было бы использовать свиной сердечный клапан ради спасения человеческой жизни.

«Никогда, — ответила Люси. — Я совершенно уверена в том, что делаю все правильно. И если вы собираетесь со мной спорить, я вас не стану слушать, потому что знаю: я права».

И как тут продолжать разговор?

Терроризм нового типа

Одно дело — подрывать уверенность противника в своей правоте; другое дело — подрывать самого противника. Седьмого марта 2009 года ученый-нейробиолог из университета Калифорнии (Лос-Анджелес) Дэвид Джентш проснулся в четыре часа утра, когда сработала сигнализация на его автомобиле. Выглянув в окно, он увидел, что его «вольво» пылает в огне. Он выбежал наружу и схватился за садовый шланг. Джентш живет в одном из пригородов Лос-Анджелеса, где часто случаются неуправляемые лесные пожары. Когда явились пожарные, занялись уже даже ветки дерева, под которым стоял автомобиль. Попади пожарная машина в пробку, и выгорел бы целый район.

Два дня спустя вышло коммюнике группы под названием «Бригада освобождения животных», в котором говорилось: «Дэвид, обращаемся лично к тебе. Мы придем, когда ты будешь ожидать этого меньше всего, и нанесем твоему имуществу куда больший ущерб. Куда бы ты ни поехал, что бы ты ни делал, мы будем следить за тобой до тех пор, пока ты не прекратишь свои отвратительные опыты над обезьянами».

Такое повышенное внимание со стороны защитников животных не было полной неожиданностью для Джентша. За последние годы без малого дюжина исследователей из университета Калифорнии также стали объектами террористических атак, проводившихся защитниками прав животных. (Подпольные организации защитников животных называют эти нападения «прямыми действиями», а слово «террористы» приберегают для тех, с кем не согласны, — хозяев звероферм, владельцев скотобоен, исследователей, ставящих опыты над животными.) Большинство жертв нападений предпочитали затаиться, однако Джентш решил ответить ударом на удар. Он создал организацию UCLA Pro-Test, задачей которой была охрана экспериментов над

животными в кампусе, после чего группа провела съезд в поддержку опытов над животными. Конечно, его отношения с радикальными защитниками прав животных от этого не улучшились. Он регулярно получает электронные письма бранного содержания: «Дэвид Джентш, желаю всем вашим детям умереть от рака, а вам — смотреть, как они умирают. И пусть вы сами тоже умрете ужасной смертью».

Социологи обнаружили, что большинство террористов придерживаются радикальных взглядов в области морали, а движет ими смесь идеализма, ярости, религиозного фанатизма и естественного человеческого желания возложить вину за несправедливые дела на негодяев. Жерар Сосье и его коллеги из университета Орегона проанализировали стиль мышления доброй дюжины разновидностей воинствующих экстремистов. У всех членов этой группы встречались следующие черты: убежденность в том, что мирная тактика не приносит плодов, цель оправдывает средства, до утопии рукой подать, а зло необходимо уничтожить; демонизация противника; восприятие конфликта моральных принципов как войны.

Все эти черты можно наблюдать у экстремистов, которых в движении за освобождение животных немного, однако настроены они решительно — это и поджигатели, и бомбометатели, и те, кто обливает краской чужие шубы, и «освободители» лабораторных животных. Отголосок их слышится и в речах отдельных людей, например Джерри Влазек, врача, занимающего должность пресс-атташе Североамериканского фронта освобождения животных (ALF). В 2004 году, давая интервью австралийской телекомпании, Влазек сказал: «Готов ли я послать на смерть пятерых людей, виновных в вивисекции, чтобы тем самым спасти сотни миллионов жизней невинных животных? Да, готов».

Между 1993 и 2009 годом экстремистски настроенные борцы с абортами в США убили восемь человек и нанесли тяжелейшие травмы еще семнадцати. Защитники животных пока не убивали, но можно

предположить, что это лишь вопрос времени. В 2002 году Джеймс Джербоу, глава секции внутреннего терроризма в ФБР, заявил конгрессу, что наибольшую угрозу в области внутреннего терроризма представляют экстремистски настроенные защитники прав животных и «зеленые». (Защитники же прав животных утверждают, что при Буше ФБР замалчивало такие действия «правых» террористов, как нападения на клиники абортот, и возводило напраслину на движения защиты животных и окружающей среды.) По данным ФБР, воинствующие группировки защитников прав животных и окружающей среды нанесли различным учреждениям, работающим с животными, ущерб на 110 миллионов долларов. В 2009 году ФБР расследовало более 170 экстремистских эпизодов. В 2006 году конгресс издал Закон о террористических нападениях на организации, использующие животных, повышавший меру ответственности за нанесение материального и личного ущерба в результате незаконной деятельности по защите прав животных. 4 апреля 2009 года в список наиболее опасных террористов, разыскиваемых ФБР, был добавлен борец за права животных по имени Дэниел Сан-Диего. Утверждалось, что он ответственен за взрывы двух офисов корпораций, занимавшихся тестированием своей продукции на животных.

Почему же основной целью террористов — освободителей животных стали исследователи-биомедики, а не охотники или владельцы боев? В конце концов, по сравнению с десятью миллиардами животных на промышленных фермах или с бесчисленным множеством зверей, гибнущих или страдающих ежегодно от рук охотников, количество лабораторных животных совершенно ничтожно. В подавляющем большинстве опытов над животными используются крысы или мыши, то есть существа, которых люди не задумываясь убивают на месте (или, по крайней мере, платят за эту услугу другим). И уж конечно, гораздо проще привести доводы в защиту исследований, чем оправдать тех, кто убивает животных потому, что у них вкусное мясо, или стреляет в них ради развлечения.

Североамериканский фронт освобождения животных исполняет роль группы поддержки для наиболее агрессивно настроенной доли движения в защиту прав животных. Он выпускает пресс-релизы с рассказами о последних случаях рассылки лезвий в конвертах, о тех, кто устраивает пожары и разбивает чужие машины. В пресс-релизах рассказывается о том, какие виды исследований заставляют радикально настроенных борцов братья за оружие. Проштудировав пресс-релизы этой организации, я лично могу предложить начинающим исследователям совет, который убережет их от лезвий с крысиным ядом в почтовом ящике: никогда не имейте дела с Калифорнией, приматами и мозгами.

Почти 75 % пресс-релизов ALF посвящены нападениям на исследователей, проживающих в Золотом штате^[1]. Возможно, перекос вызван тем, что представитель ALF Влазек проживает именно рядом с Лос-Анджелесом. Однако Фонд биомедицинских исследований — группа, отслеживающая нападения защитников прав животных во всей стране, — сообщает, что подобные нападения происходят в Калифорнии вдвое чаще, чем в любом другом штате.

Вторым определяющим фактором помимо выбора Калифорнии в качестве места жительства являются животные, с которыми работает исследователь, — от этого выбора зависит, будет ли он подвергаться нападениям активистов. Дэвид Джентш использовал для большинства своих экспериментов мышей и крыс. Однако поджигатели явились к его дому после того, как он поставил несколько опытов на зеленых мартышках. К исследователям, которые изучают цыплят, ящериц, шелкопрядов, бражников, форелей, пауков, попугаев, мышей и крыс, борцы за права животных являются редко. Гораздо чаще их целью становятся ученые, работающие либо с обезьянами, либо с животными, которых мы привыкли рассматривать как питомцев (обычно это кошки). Если задуматься о том, какое количество животных страдает в тех или иных случаях, картинка выходит совершенно бессмысленная. К примеру, в университете Калифорнии

ежегодно ставят опыты над 75 тысячами мышей и только над несколькими дюжинами обезьян. Три четверти нападения, о которых рассказывается на веб-сайте ALF, затрагивали исследователей приматов, и это при том, что обезьяны и человекообразные составляют менее 1 % животных, используемых в исследованиях. И наоборот, против ученых, экспериментирующих с мышами и крысами — то есть с животными, используемыми в 95 % научных исследований, — было совершено всего 9% выпадов.

Как и большинство исследователей из университета Калифорнии, за последние годы подвергшихся нападению противников вивисекции, Джентш является нейробиологом. Он изучает мозговые процессы, лежащие в основе шизофрении, а также влияние на клетки мозга таких наркотиков, как фенциклидин, экстези, кокаин и никотин. Почему же борцы за права животных так настойчиво преследуют ученых, стремящихся создать препараты для излечения психических заболеваний, наркозависимости и слепоты, а не тех, кто ищет лекарство от рака или ВИЧ? Все просто: нейробиологи используют в своих исследованиях приматов, поскольку их мозг схож с человеческим. Высшей целью радикально настроенных борцов за права животных является запрет на все опыты над животными. (Жертвой одного из нападений стал генетик, изучающий плодовых мушек в университете Санта-Круз.) Однако активные подпольщики приняли стратегическое решение преследовать тех исследователей, которые изучают тех немногих животных, которым человек способен сопереживать. Да и в брошюрах с просьбами о пожертвованиях куда лучше смотрится фото симпатяги обезьянки, чем изображение белой крысы с глазками-бусинками.

Несмотря на все угрозы, злобные письма и поджоги, Дэвид Джентш относится к борцам за права животных на удивление хорошо. После того как сгорела его машина, Джентш решил встретиться с местными борцами за права животных, установить с ними, как он говорит, диалог и попытаться как минимум поддерживать его. Большинство

активистов, с которыми он повстречался, оказались вполне разумными людьми, не одобрявшими нападения и оскорбительных выходок в адрес исследователей. Не одобряют они и того, что СМИ уделяют столько внимания Фронту освобождения животных. Джентш считает, что за всеми угрозами, оскорбительными письмами и поджогами в Лос-Анджелесе и его окрестностях стоит одна-единственная группа фанатиков. Того же мнения придерживается и министерство внутренней безопасности, в своем отчете за 2001 год оценившее число «упертых» членов ALF приблизительно в 100 человек.

«Впрочем, устроить взрыв может и один-единственный человек», — напоминает мне Дэвид Джентш.

Принципы и философия движения за освобождение животных

Если борец за права животных выходит из себя, он подкладывает под чужое крыльцо бутылку с зажигательной смесью. Однако большинство активных защитников животных вовсе не принадлежат к числу жестоких фанатиков. Чтобы понять, что движет людьми, предпринимающими «прямые действия» в защиту животных, следует взглянуть на этические теории, легшие в основу современного движения за освобождение животных.

Как и журналистика, этика сводится к вопросам «кто?», «что?» и «почему?»: кто заслуживает этического отношения, что за обязательства перед ним у нас есть и почему лучше действовать так, а не иначе. Специализированная литература, посвященная нашим обязательствам перед представителями других видов, обширна, сложна и, по большей части, скучна. Философское обоснование морально-этического статуса животных можно проследить у последователей Аристотеля, феминисток, дарвинистов, правых христиан и левых постмодернистов. Однако два основных интеллектуальных подхода к освобождению животных берут свое начало из двух классических подходов к этике: утилитаризма и деонтологии. Утилитаристы считают, что этичность действия определяется его последствиями. Деонтологи же, напротив, считают, что этичность или неэтичность действия никак не зависит от его последствий. По их мнению, этика основывается на универсальных принципах и обязанностях (термин деонтология происходит от греческого слова «деон», означающего обязанности). Иными словами, обещания надо держать не потому, что, если их нарушить, случится нечто ужасное, а потому, что ты их дал.

Впервые принципы утилитаризма применительно к обращению с животными использовал философ

восемнадцатого века Джереми Бентэм, утверждавший, что любой поступок следует оценивать по тому, насколько он увеличивает удовольствие и уменьшает страдание. Изюминка его подхода заключалась в том, что он учитывал в своих расчетах и представителей других видов. Он писал: «Вопрос не в том, могут ли они мыслить или говорить, — вопрос в том, могут ли они страдать?» Питер Сингер из Принстонского университета — самый, вероятно, крупный современный философ, — использовал эту посылку и положил ее в основу изданной в 1975 году книги «Освобождение животных», с которой и началось современное одноименное движение.

Примечательно, что, хотя эту книгу и называют библией защитников прав животных, Сингер строит свою аргументацию вовсе не на той посылке, что животные (или люди, если уж на то пошло) обладают изначальными неотъемлемыми правами. Он исходит скорее из простой честности. Всю свою позицию Сингер изложил одной фразой: «В этой книге я стремлюсь доказать, что дискриминация исключительно по признаку принадлежности к тому или иному виду столько же предвзята, аморальна и неоправданна, сколь аморальна и неоправданна дискриминация по расовому признаку». Предпочтение интересов собственного вида в ущерб интересам представителей других видов Сингер называет «спесицизмом» (speciesism) и считает явлением столь же аморальным, сколь расизм и сексизм. Сингер исходит из того, что все наделенные сознанием (то есть способные испытывать удовольствие и боль) живые существа равно значимы для себя самих и что страдание уравнивает всех. «С этической точки зрения, — пишет он, — все мы стоим на одной ступеньке, и не важно, упираемся ли мы в нее двумя ногами, четырьмя или вовсе не имеем ног».

Интеллектуальным идеологом другого подхода к освобождению животных — деонтологического, — является Том Реган, в 1983 году выпустивший программную работу «В защиту прав животных». Реган начинает с того, что человек и некоторые животные заслуживают этического отношения потому, что являются

«субъектами жизни» и, следовательно, обладают изначальной ценностью. Под этим он подразумевает, что они имеют память, убеждения, желания, эмоции, чувство будущего и чувство собственной идентичности, если существуют в течение долгого времени. Реган убежден в том, что, если существо обладает изначальной ценностью, нельзя использовать или выбрасывать его как неодушевленный предмет. Меня, например, часто раздражает тупоголовый компьютер, который громоздится на столе у меня в офисе. Реган сказал бы, что с точки зрения этики допустимо (а я добавлю — еще и психологически приятно) вышвырнуть его из окна, даром что офис у меня на третьем этаже. Однако, если верить Регану, вышвырнуть в то же окно надоедливого студента или студентку, явившихся оспорить свои оценки, уже неэтично. И Тилли из окна тоже швырять нельзя, даже если она до смерти надоела мне своими требованиями почесать брюшко, когда я пытаюсь писать статью об этичном обращении с животными. Реган утверждает, что, будучи субъектами жизни, и напористый студент, и Тилли обладают врожденными неотъемлемыми правами, которых у компьютера не имеется. Еще важнее то, что у них у обоих эти права присутствуют в равном объеме. В частности, у них имеется право на уважительное обращение и право не подвергаться травмирующему воздействию.

В ряде вопросов Реган и Сингер расходятся. Так, например, они по-разному отвечают на вопрос о том, почему мне не следует выбрасывать с третьего этажа студента и/или кошку. Сингер сказал бы, что дело тут не во врожденных правах, а в том, что студент и кошка будут страдать. Сингер не возражает, по крайней мере теоретически, против безболезненного лишения человека или нечеловека жизни в определенных обстоятельствах — а вот Реган возражает. Впрочем, по крупным вопросам у них практически единое мнение. Оба они признают, что между человеком и прочими животными имеются крупные различия, однако считают, что этичное обращение с живым существом не должно зависеть от этих различий. Логически развивая доводы Регана о

правах и утилитаристский подход Сингера, мы приходим к тому, что не следует есть животных, охотиться на них или иными способами вынуждать их страдать, если этого можно избежать. Такие явления, как промышленное скотоводство, опыты над животными, демонстрация животных в зоопарках или охота на них ради меха, аморальны как с той, так и с другой точки зрения.

В тисках теории: этическое обращение с животными и границы логики

Имея дело с этикой, мы вынуждены ставить границы. Сингер провел границу «где-то между креветкой и устрицей», а Реган установил планку на уровне млекопитающих и птиц минимум одного года от роду. (Тут он слегка кривит душой, поскольку утверждает, что неотъемлемые права должны признаваться за человеком и в том случае, если ему нет еще года.) И Сингер, и Реган сознают, что человек живет в реальном мире, а не в воображаемой моральной утопии, населенной сплошь интеллектуалами. Ради соответствия здравому смыслу оба они готовы идти на некоторые компромиссы. Оба, например, признают, что некоторые живые существа заслуживают большего внимания, нежели другие. Сингер вложил больше сил в международную кампанию по борьбе за предоставление прав нашим ближайшим родственникам — человекообразным приматам, чем в борьбу за запрет мышеловок. А Реган утверждает, что, если в перегруженной шлюпке сидят четыре нормальных человека и золотистый ретривер, за борт следует отправить пса. (Он пишет: «Смерть собаки несравнима со вредом, который смерть может причинить любому из людей».)

Но что происходит, когда мы отказываемся рисовать границы морали на песке? Знаменитая фраза Ральфа Уолдо Эмерсона гласит: «Глупая последовательность — суеверие недалеких умов». В области этического обращения с животными примером глупой последовательности может служить Джоан Данейер, автор книги «Спесиецизм». Настаивая на буквальном соблюдении прав животных и на бескомпромиссном соблюдении моральных принципов, она создает набор нереальных этических стандартов. Вот что получается, если завести логику слишком далеко.

Данейер, конечно же, сочла бы меня спесиецистом — я же ем мясо. Однако удивляют ее яростные нападки на

интеллектуальную элиту движения за освобождение животных и даже на радикальные группы защитников прав животных, поскольку те не соответствуют ее стандартам идеологической чистоты. Так, Данейер решительно возражает против всех попыток уменьшить страдания животных за счет замены жестоких практик более мягкими вариантами. Она нападает на PETA за то, что эта организация вынудила индустрию фастфуда улучшить условия содержания кур на промышленных фермах. Увеличение клеток неприемлемо, потому что, по Данейер, возможны лишь два варианта: или пустые клетки, или ничего. А Том Реган выводит ее из себя утверждением, что с гипотетической спасательной шлюпки следует сбросить не человека, а собаку.

Особое место в ее личном списке пустышек — защитников животных занимает Питер Сингер. Данейер не одобряет его попыток поставить шимпанзе и горилл в особое положение и наделить их правами. (Подозреваю, что слова Сингера о том, что он не слишком переживал бы, прихлопнув таракана, поскольку насекомые не испытывают особых страданий, ей тоже бы не понравились.) Кроме того, Данейер недовольна тем, что Сингер считает человеческую жизнь ценнее жизни курицы. Он утверждает, что гибель трех тысяч человек 11 сентября 2001 года стала гораздо более серьезной трагедией, нежели смерть 38 миллионов кур, погибших в тот же день на американских мясокомбинатах. По мнению же Данейер, куры заслуживают даже более этичного отношения, нежели люди. Она пишет: «Неуважительное отношение Сингера к курам не соответствует его же собственной философии, в рамках которой безобидная личность ценится больше того, кто причиняет вред. С этой позиции кур следует считать более достойными, нежели большинство людей, которые без нужды причиняют другим массу страданий и даже убивают (например, надевая на себя одежду, произведенную из животных материалов)».

У философов есть специальная фраза для описания людей, доводящих логику до абсурда. Они говорят —

«попался в тиски теории». Данейер попадает в тиски теории из-за того, что делает два утверждения, которые кажутся разумными ровно до того момента, как мы попробуем применить их на практике. Первое гласит, что все существа, которые могут испытывать удовольствие и боль, заслуживают равного обращения. Второе — что для переживания чувства боли достаточно простейшей нервной системы.

Вот ряд логических следствий этих вроде бы безобидных утверждений. Эти следствия приводит сама Данейер в своем «Спесицизме»:

- «Поскольку все существа, наделенные способностью чувствовать, равны, мы обязаны спасать прежде всего собаку, а уж потом — любого человека» (с. 97).

- «Оса должна иметь законодательно закрепленное право на жизнь» (с. 141).

- «Мы обязаны этично относиться и к насекомым, и ко всем прочим существам, обладающим нервной системой... к таким существам относятся гребневики, такие кишечнополостные, как медузы, гидры, морские анемоны и кораллы» (с. 127).

Джоан Данейер живет в этической вселенной, которая заставила бы содрогнуться даже самого твердолобого защитника животных. Ну может ли разумный человек всерьез верить в то, что, решая, кого спасать из пожара — ребенка или щенка, — человек должен подбросить монетку? Или в то, что охотники на уток заслуживают пожизненного заключения?

Проблема борцов за освобождение животных заключается в том, что Данейер права. Если вы воспринимаете обвинение в спесицизме буквально, если вы всерьез убеждены в том, что наше обращение с живым существом не должно зависеть от размеров его мозга или от количества ног, жить вам в мире, где, по мнению Данейер, термиты имеют полное право сожрать ваш дом.

Как должен вести себя хороший человек?

Ненавижу своего внутреннего судью. Обычно он вылезает на свет по утрам, когда я принимаю душ или еду себе спокойно по горной дороге, выключив радио, или сплавляюсь в каяке по спокойному участку реки, где от меня не требуется особой собранности. Это мой Джимми Крикет, мой Обиван Кеноби. Он задает неудобные вопросы. Нейроученый Джошуа Грин утверждает, что это существо обитает в небольшом кусочке мозга где-то на уровне бровей — в дорсолатеральной префронтальной коре. С помощью функционального МРТ, позволяющего получить картину мозга, Грин обнаружил, что эта область включается, когда мы пытаемся логически рассуждать о сложных проблемах морального плана. В прошлый раз внутренний судья явился ко мне, когда я совершал пеший поход по Смоки-Маунтинз.

В. С.: Эй, Хел, привет, это я, твой внутренний судья.

Хел: Пошел вон.

В. С.: Ну послушай хоть минутку. Вот представь, идет 1939 год, а ты живешь в небольшой деревушке под названием Дахау, недалеко от Мюнхена. Каждый день ты видишь дым из труб за забором нового «лагеря» и знаешь, что гитлеровские гунны круглые сутки топят печи, чтобы жечь в них евреев, цыган и гомосексуалистов. Прошел слух, что на некоторых заключенных нацистские доктора даже ставят болезненные медицинские опыты. Твой друг Хайнц просит тебя помочь ему заложить бомбу под бараки, где живут эсэсовцы-охранники. «Убив их, мы спасем множество жизней, — шепчет Хайнц. — Пусть мир знает правду!» Так что же, Хел, ты бы помог Хайнцу взорвать бараки и тем самым, возможно, спасти несколько тысяч людей?

Хел: Я бы струхнул.

В. С.: Знаю. Но представь, что ты храбрый и добрый человек.

Хел (*вздыхает*). Ну ладно, добрый и храбрый человек имел бы полное право предпринять прямые действия, чтобы помочь предотвратить геноцид, даже если бы ему нужно было уничтожить целый барак нацистов.

В. С.: Согласен. А теперь представь, что ты начитался книг, написанных интеллектуалами из среды борцов за права животных. Прочитанное убедило тебя в том, что с точки зрения морали спесицизм ничем не отличается от расизма и что мучения обезьяны в лаборатории с моральной точки зрения совершенно эквиваленты страданиям человеческого ребенка. Еще ты знаешь, что в США ученые используют для опытов 60 тысяч обезьян в год. И ты согласен с Джерри Влазекком из Фронта освобождения животных, говорящим, что достаточно будет убить одного-двух исследователей, чтобы опыты прекратились.

А теперь ответь на такой вопрос. Имеет ли такой добрый и храбрый человек, как ты, право поджечь дом ученого, посадившего обезьян на кокаин затем, чтобы изучить связанные с зависимостью химические процессы мозга?

Хел: Нет, это противозаконно.

В. С.: Но в нацистской Германии убийство тоже было противозаконно, однако ты ведь его одобрил.

Хел: Но ведь это было совсем другое.

В. С.: Почему?

Хел: Потому что одно дело — держать в лаборатории обезьян и да же убивать их ради науки, и совсем другое — убивать евреев в концлагере.

В. С.: Но если ты веришь в то, что с моральной точки зрения между человеком и обезьяной практически нет разницы, разве ты не оправдаешь действия тех, кто нападает на исследователей?

Хм... Кажется, В. С. загнал меня в угол. Но тут я хватаюсь за всплывшее в памяти воспоминание о слышанной когда-то лекции по этической теории Иммануила Канта.

Хел: А вот и нет! Кант говорил, что в любой ситуации нужно вести себя так, как ты хотел бы, чтобы все вели себя. Я бы не хотел жить в мире, где любой повернутый на этике крестоносец с ружьем имел бы право стрелять в людей, которые угрожают его любимому коньку — реликтовым лесам, эмбрионам или лягушкам. В этом мире царил бы хаос.

В. С.: Но ты же сам сказал, что подорвать барак с нацистами-охранниками в концлагере — можно. Так откуда ты знаешь, какие незаконные действия моральны, а какие нет?

Хел: ЗНАЮ, и все. Здравый смысл подсказывает!

В. С.: То есть ты считаешь, что, когда речь заходит об убийстве, полагаться нужно на собственный здравый смысл и этическую интуицию? А Кант с этим согласился бы?

Хел: Пошел вон, зараза!

В вопросах морали нельзя доверять голове... и сердцу

Мой внутренний судья задал вопрос, лежащий в основе всей человеческой морали, а не только этики взаимоотношений с животными. Откуда мы знаем, что нечто — правильно? За решением этической проблемы мы можем обратиться к двум источникам: к собственному уму и к собственному сердцу. Беда в том, что полагаться ни на один из этих источников нельзя.

Начнем с головы. Когнитивные психологи раз за разом демонстрируют нам, что человеческое мышление, говоря словами экономиста-бихевиориста Дэна Ариели, «предсказуемо иррационально». Исследователи выявили не одну дюжину предубеждений, которые исподволь влияют на наши мысли. Названия у них самые роскошные: эффект Лейк-Вобегон, оценка по себе, ошибка игрока, эффект Барнума, наивный реализм и так далее.

Сделанный Данейер вывод о том, что паук и человеческий ребенок обладают одинаковым морально-этическим статусом, является логичным и нелепым одновременно. На его примере можно понять, как абсолютно логический подход может довести нас до абсолютно извращенных этических стандартов; понять, что, даже когда мы используем логику, при принятии этического решения все может пойти наперекосяк. Мой друг-философ Роб Басс с этим не согласен. Он убежден в том, что, если вы будете верно использовать формальную дедуктивную логику и исходить из истинных предпосылок, вы всегда придете к верному выводу. Быть может, в теории все так. И все же психологи раз за разом доказывают, что способность людей к рациональному размышлению о вопросах морали бывает очень разной. Более того, существует масса доказательств практически полного отсутствия связи между степенью сложности этического мышления и реальным поведением человека.

Восприятие вопросов морали с излишней серьезностью заводит в ловушку даже таких первоклассных мыслителей, как Том Реган и Питер Сингер. Так, в своем примере со шлюпкой Реган говорит, что за борт отправится собака, а потом идет дальше и утверждает, что ради спасения одного человека допустимо выбросить за борт хоть миллион собак. И в то же время Реган считает, что нельзя использовать миллион мышей в биомедицинских экспериментах, результаты которых могли бы спасти миллионы человеческих детей.

Питера Сингера та же самая логика приводит к выводам, которые у большинства вызвали бы отторжение. В книге «Практическая этика» он демонстрирует логическое следствие утилитарианизма, утверждая, что допустимо подвергнуть эвтаназии неизлечимо больного ребенка в случае, если его мать впоследствии может родить здорового младенца. Кроме того, Сингер утверждает, что сексуальные контакты между животным и человеком не всегда вредны для человека и для зверя. Эти замечания, будучи вырваны из контекста, вызвали бурю протеста как со стороны прессы, так и со стороны защитников животных.

Следование холодной логике при принятии решений привело многих философов к выводам, согласно которым для биомедицинских экспериментов лучше использовать не обезьян, а детей-инвалидов, поджигатель может быть вполне почтенным агентом социальных перемен, а жизнь муравья и обезьяны имеют равную ценность с точки зрения морали. Вот что значит полагаться на голову, когда речь заходит о животных.

А как насчет сердца? Быть может, моральная интуиция успешнее логики разрешит моральные парадоксы, возникающие при общении с представителями других видов?

Увы, нет. Уж если на то пошло, в вопросах морали сердце ошибается еще чаще головы. Интуиция (и ее слуга, здравый смысл) подвержена влиянию тьмы разнообразных факторов, не имеющих никакого отношения к морали —

ах, у этого животного такие большие глаза, оно такое маленькое, оно было символом нашей футбольной команды в университете, — а также зависит от эволюционной истории нашего вида. Моральная интуиция подсказывает моему другу Сэмми Хенсли, что его гончие вполне довольны жизнью на цепи у будки, а японскому рыбаку говорит, что дельфинов убивать можно, потому что это «рыба». Моя моральная интуиция разрешает мне есть мясо (особенно если оно снабжено ярлычком «выращено без жестокости»), а вот моему другу Алу та же интуиция говорит, что мясо — это убийство. Тысячи лет подряд здравый смысл твердил нам, что рабы являются собственностью хозяина, а гомосексуализм — преступление против природы. И та же самая моральная интуиция позволила террористам, угнавшим самолеты 11 сентября, а вместе с ними и поджигателям, подложившим бомбу под машину Дэвида Джентша, верить, что они совершают крайне высокоморальный поступок.

Кого считать высокоморальным

Я вконец запутываюсь и чувствую, что мне нужен взгляд со стороны на все эти «должен — не должен» в том, что касается этичного обращения с животными. Поэтому я пишу письма Гейл Дин, защитнице животных, которая относится к этике весьма серьезно.

Скажи, Гейл, с точки зрения освобождения животных есть какая-нибудь разница между террористами, протаранившими башни-близнецы, и теми «боевиками» из ALF, которые нападают на ученых? Ведь и те и другие убеждены, что их действия высокоморальны.

Гейл отвечает мне:

Есть огромная разница между группами, которые убеждены, что их действия высокоморальны, и группами, действия которых действительно высокоморальны. В том-то и разница. Во времена рабства многие люди незаконно помогали рабам с риском для собственной жизни потому, что были убеждены в высокоморальности собственных действий. На практике их действия действительно были высокоморальны. То же самое можно сказать о людях, которые спасали людей от нацистов.

На часах уже за полночь. Тилли спит в кресле-качалке у меня в офисе. Я устал. Пишу ответ:

Гейл, я согласен с тобой по поводу нацистов и рабовладения. Но скажи, откуда нам знать, где на самом деле кроется этическая истина в этих вопросах? Разве все в конце концов не сводится к личному мнению или к твоей собственной моральной интуиции?

На следующее утро приходит ответ:

Да, согласна, отыскать этическую истину бывает трудно. Но одно совершенно точно: этическая истина НИКОГДА не сводится к личному мнению!

Мне хотелось бы поверить в ее правоту, но чем дольше я изучаю взаимодействие людей и животных, тем больше у меня появляется сомнений.

Джонатан Хайдт утверждает, что все мы ханжи. За двадцать лет изучения отношения людей к животным я убедился, что это правда. Встречаются, конечно, редкие исключения вроде Лизы — веганки, которая не принимает антибиотиков и не выпускает кота на улицу, чтобы тот не охотился на птиц. Однако подавляющее большинство людей непоследовательны, чудовищно непоследовательны в своих суждениях и обращении с представителями других видов. И что с этим делать?

В 1950-х годах социальный психолог выдвинул одну из самых значимых психологических теорий. Согласно этой теории, при конфликте наших убеждений, поведения и установок мы испытываем состояние, которое автор назвал когнитивным диссонансом. Это причиняет нам дискомфорт, и потому человек стремится снизить градус психического конфликта, порожденного этим столкновением. Мы можем, к примеру, изменить убеждения или поведение либо исказить или отрицать доказательства.

Этик и эколог Крис Дайм (веган) — оптимист. По его словам, когда он указывает человеку на непоследовательность обращения с животными, тот нередко стремится вести себя более последовательно или, как минимум, пытается разрешить конфликт убеждений и поведения с помощью рационализации. Дайм пишет: «Мы понимаем, что наши отношения с животными весьма различны и противоречивы: кота мы держим в доме, а корову кладем на тарелку. Если указать человеку на эту непоследовательность, он попытается придать ей смысл или же изменить ситуацию, сделав ее приемлемой для себя. Видимо, стремление к последовательности —

явление положительное, а демонстрация непоследовательности становится серьезным мотиватором, побуждающим человека к моральной рефлексии и развитию».

Крис — философ. Его поражает потребность человека в логичности и соответствии убеждений поведению. Я — психолог. Меня больше поражает наша способность игнорировать даже самые явные примеры этической непоследовательности в собственном отношении и поведении с животными. Мой опыт показывает, что большинство людей — будь то любители петушиных боев, ученые, ставящие опыты на животных, или собаководы, — упорно не желают замечать (разве что издадут раздраженный смешок) парадоксов и несоответствий нашего личного и культурно обусловленного обращения с животными, даже когда им на это указываешь.

Получается, что в нашей обыденной каждодневности мораль если и не невозможна, то все время ускользает от нас, и когда мы пытаемся решить, как же нам обращаться с животными, то в равной мере и сердце и разум могут сбить нас с пути. Быть может, все-таки, как мы увидим в следующей главе, скорее стоит прислушиваться к невероятно сложной и тонкой индивидуальности человека, чем к абстрактным философическим трактатам, чтобы понять, как же нам жить с «иными» сущностями на этой планете.

10

Плотоядный йеху в каждом из нас

*Если ты можешь сделать очень мало,
это еще не причина не делать ничего.*

Джон Ле Карре

Главная героиня романа «Элизабет Костелло» нобелевского лауреата Дж. М. Кутзее — писательница, читающая в крупном университете серию лекций об этическом статусе животных. После одного из выступлений одна из слушательниц поднимает руку и спрашивает: «Не слишком ли много вы хотите от человечества, когда призываете нас отказаться от эксплуатации других живых существ и от жестокости? Разве не естественнее для человека признать себя человеком — пусть даже для этого ему придется признать, что в душе у него живет плотоядный йеху?»

Хороший вопрос. Борьба с внутренним йеху — это центральная тема этики, психологии, религии. Йеху имеет много имен. Фрейд называл его «Оно». Джордж Лукас звал его Дартом Вейдером. Когда апостол Павел писал, что дух силен, но плоть слаба, он предостерегал нас от йеху. О нем пел Джордж Джонс в песне «Почти убежден». Эволюционные психологи возводят его происхождение к плейстоцену, а нейроченые утверждают, что он обитает поочередно в лобных долях мозга и в лимбической системе.

Джонатан Хайдт, психолог, тщательнее прочих исследовавший моральные проявления йеху, сравнивает его с эмоциональным слоном, на котором восседает рациональный погонщик. Слон велик и обычно играет главную роль в этой паре, хотя и делает это неосознанно. Погонщик слабее слона, но умнее. Набравшись опыта,

погонщик может научиться понемногу контролировать слона. В этой книге я доказывал, что парадоксы в области отношений с представителями других видов являются неизбежным результатом извечной борьбы между рациональностью и скрывающимся внутри нас йеху. Мы живем в мире запутанной морали и трудноуловимой, а порой и вовсе отсутствующей логики — и что же теперь делать? Поднять лапки и сдаться? Обязательно ли сложная мораль приводит к моральному параличу?

Нет. Я встречал множество людей, сумевших договориться со своим плотоядным йеху. Они трудятся на благо животных, по-разному, с разной степенью отдачи — но трудятся. Большинство из них делает какие-то мелочи, которые одновременно помогают животным и дарят удовлетворение самим людям. Одни начинают есть меньше мяса или берут собаку из приюта. Другие жертвуют деньги в PETA или во Всемирный фонд охраны дикой природы, а может, просто останавливаются на обочине шоссе, чтобы унести ползущую по дороге черепашку в безопасное место.

А кто-то помогает животным по-крупному. Майкл Маунтин — как раз из таких.

Спасение животных по-крупному: глобальная революция доброты

В бар вошел человек...

Бар находился отеле «Шератон» города Рейли (Северная Каролина), куда я приехал на конференцию по вопросам взаимодействия человека и животных. Вошедшему было чуть за шестьдесят. Высокий, худощавый, с рыжеватыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой, явно проводящий много времени на воздухе, румяный — ну вылитый Авраам Линкольн. Он огляделся по сторонам и увидел, что единственное свободное место находится рядом с моим.

«Вы не против?» — английский акцент. Оксфорд или Кембридж.

«Нет-нет, садитесь. Меня зовут Хел Херцог».

«Майкл Маунтин, Общество лучших друзей животных».

«Ах да, кажется, я о нем слышал. Это где-то в глуши, верно? В пустыне».

«Да. Канеб, Юта».

Мы заказали по пиву.

Я стал расспрашивать Майкла про Общество лучших друзей. Он сказал, что основано общество было двадцать пять лет назад компанией любителей животных, мечтавших о месте, где никто не станет усыплять бездомную собаку или кошку. Со временем общество выросло и имеет оборот в 35 миллионов долларов (то есть размерами не уступает PETA); во время урагана «Катрина» члены общества спасли 6 тысяч животных; они сменили название с «Приюта „Лучшие друзья животных“» на «Общество лучших друзей животных», и теперь у них есть сотрудники и контакты с действующими

общественными организациями по всей стране, а вся их деятельность посвящена защите животных.

Я впечатлен. Однако еще больше меня поражает то, что я слышу, когда наш разговор переходит на отношение людей к животным. Майкл прекрасно понимает, что отношение людей к представителям других видов не может не быть парадоксальным и нелогичным. Он признается, что и сам не без греха. Сам он веган и не ест животных продуктов вовсе, однако покупает свиные уши для своей собаки. Собака их обожает, но Майкл говорит, что не может не думать о бедных свиньях.

Потом он заговаривает о сложных этических принципах, которыми руководствуется, имея дело с наводняющими дом летом слепнями.

«Правило у меня такое, — говорит он. — Если я гуляю на открытом воздухе и меня кусает слепень, я имею право его прихлопнуть, как комара. Но если слепень залетает ко мне в дом, я должен поймать его и вынести на улицу. — Майкл улыбается и добавляет: — Там-то он меня и будет поджидать, когда я в следующий раз пойду прогуляться».

«Но... ведь у тебя все шиворот-навыворот, — говорю я. — Наоборот, убивать можно муху, которая залетела к тебе в дом, на твою территорию, а если ты на улице, на ее территории, то убивать муху уже нельзя. В твоих принципах вообще есть логика?»

Он смеется: «Конечно есть. Логика во всем есть. Только логика не обязательно бывает логична. По-моему, мои принципы вполне согласуются с философией Общества лучших друзей животных. Невозможно спасти всех животных на свете, но если живое существо попало к тебе в руки, ты за него отвечаешь. Поэтому, если в дом ко мне залетает муха, я должен взять на себя ответственность за нее и быть добр к ней».

Редкая все же птица — принципиальный человек, способный смеяться над самим собой.

Недавно Майкл оставил должность президента, главного сборщика средств и издателя журнала Общества лучших друзей животных и начал работу над несколькими новыми проектами, объединившись для этого с молодым предпринимателем по имени Ландон Поллак. Один из проектов посвящен реабилитации образа питбуля в Соединенных Штатах, целью другого является организация глобального сообщества людей, которые заботятся о животных и о живой природе. Называется проект «Зое» — греческое слово, означающее «жизнь».

«Мы хотим совершить глобальную революцию доброты, чтобы люди начали по-иному относиться к животным, к природе и друг к другу».

Глобальная революция доброты? Как-то это слишком грандиозно, на грани безумия. Однако сам Майкл, похоже, не считает это безнадежным делом.

Я гляжу на часы. Мы проговорили два часа кряду. Бар закрывается в полночь, и, кроме нас, посетителей в нем уже не осталось. Когда мы встаем, Майкл приглашает меня приехать в Канеб, чтобы продолжить разговор и посмотреть, как работает их общество.

«Смотри, я ведь могу и правда приехать!»

Я возвращаюсь в номер и звоню Мэри Джин. «Не хочешь следующим летом слетать в Юту?»

Убежище в глухомани

Мы с Мэри Джин сходим с самолета в Лас-Вегасе, пересаживаемся на черный Hyundai, взятый напрокат в фирме Avis, и выезжаем на шоссе I-15 в северном направлении. Чтобы добраться до Канеба (штат Юта), нужно два часа ехать в сторону Сент-Джорджа, потом свернуть с хайвея, идущего между штатами, и еще пару часов ехать по двухполосной асфальтированной дороге через Аризону, Колорадо-Сити (который СМИ обычно называют «анклавом полигамии») и индейскую резервацию Кайбаб-Пают — тут-то и будет Канеб, городишко с одним-единственным светофором и населением в 3769 жителей (людей).

На следующее утро мы отправляемся к Лучшим друзьям, обитающим в пяти милях от города, если ехать по шоссе номер 89. Мне казалось, что убежище должно выглядеть как большой зоопарк с кошками и собаками. Как я ошибался.

Убежище, располагающееся рядом с национальным заповедником «Гранд стэркейс эскалант» размером с весь штат Делавер, занимает 3700 акров, да еще 30 тысяч акров арендует у Бюро по управлению земельными участками. Виды здесь совершенно библейские — бескрайнее небо, бесконечные скалы из песчаника, а горы напоминают огромную коробку цветных карандашей, за которые мы когда-то дрались с сестрой: кирпично-красные, цвета жженой охры, красного дерева и умбры, красно-розовые, медные, темно-бордовые. Такое чувство, будто все это я уже когда-то видел. Позже я вспоминаю, что да, действительно, видел. Многие из телесериалов, которые я любил в детстве, снимались неподалеку от каньона Ангелов, а то и в самом каньоне — «Одинокий рейнджер», «Рин-тин-тин», «Лесси», «С ружьем в дорогу», «Пороховой дымок», и даже «Дни Долины Смерти» с Рональдом Рейганом. Начиная с 1920-х годов здесь сняли почти сотню художественных фильмов, в том числе

«Планету обезьян», «Величайшую из когда-либо рассказанных историй», «Человек, который любил танцующую кошку» и «Джоси Уэйлс — человек вне закона».

Общество лучших друзей ежедневно проводит экскурсии для 30 тысяч посетителей, которые приезжают сюда каждый год, но для нас Майкл организовал специальную экскурсию по местам, которые обычно никому не показывают. Ведет нас Фейс Мелоун, жизнерадостная англичанка шестидесяти пяти лет, которая, похоже, знает кличку каждой из 1700 спасенных собак, кошек, свиней, лошадей, кроликов, ослов, павлинов, морских свинок и попугаев, проживающих в убежище. Майкл и Фейс входили в небольшую группу, которую теперь почтительно называют «основателями». Общество лучших друзей животных было создано кучкой молодых идеалистов середины 1960-х, стремившихся творить добро. («Мы не были хиппи, — оговаривается Майкл. — Уж скорее антихиппи. Например, у нас было строгое правило: никаких наркотиков».) Побывав на Юкатане, группа занялась политикой, включила в свою сферу деятельности религию и социальное обслуживание, а затем распалась. Однако некоторые ее члены вновь объединились в конце 1970-х и обнаружили, что у них есть общее дело — спасение животных.

В начале 1980-х группа наткнулась на Канебский каньон, который переименовала в каньон Ангелов. Место было глухое, однако члены группы решили, что именно тут можно устроить дом для никому не нужных животных. Они никак не ожидали, что небольшой приют на юго-западе Юты вырастет в одну из крупнейших американских организаций защиты животных; что в один прекрасный день к ним валом повалят волонтеры, готовые выгуливать собак, мыть пузатых свиней и убирать навоз из лошадиных стойл; что про приют снимут популярнейший телевизионный сериал («Догтаун» канала National Geographic); что Общество лучших друзей животных сыграет главную роль в самой успешной за всю американскую историю кампании по защите животных,

ориентированной на создание общественных программ по стерилизации и взятию из приютов домашних животных. Благодаря этим программам число собак и кошек, усыпляемых каждый год в приютах для животных, сократилось с семнадцати миллионов до четырех.

Фейс встречает нас в туристическом центре и ведет в «Свиной рай» (в Обществе лучших друзей любят вычурные названия). Мы видим, как волонтер из Виргинии заставляет толстую свинью размяться, подманивая ее диетическим попкорном. Мы говорим с женщиной-ветеринаром, восстанавливающей разбитое копыто огромного тяжеловоза, которого хозяева бросили на свалке. Потом мы садимся в машин) Фейс и отправляемся в Каса-дель-Калмар. Это дом — настоящий дом (Лучшие друзья не держат животных в клетках) — для котов с такими неизлечимыми заболеваниями, как лейкомия. Вокруг безупречная чистота, ни намек на запах мочи, и это при том, что, куда ни глянь, повсюду мурлычащие кошки. Фейс объясняет, что основная задача Общества лучших друзей — это работа с особыми животными: потерявшей лапу кошкой, собакой с огромной опухолью горла, орлом со сломанным крылом. Большинство таких животных поступает из других приютов, где о них не могут заботиться достаточно долго. Этот приют — последнее убежище для слепых, глухих, душевно надломленных.

Мимоходом посетив Кроличий дом, Лошадиный приют. Сады попугаев и Дом диких друзей (реабилитационный центр для черепах, сов, соколов, рысей и певчих птиц), мы сворачиваем к Верхнему Догтауну — комплексу, который занимает девяносто акров и служит домом примерно четырем сотням собак. В Доме старых друзей, где обитают пожилые собаки, я знаколюсь с Руби Бенджамин, энергичной дамой-психотерапевтом семидесяти восьми лет. Она живет на Манхэттене, но каждый год приезжает волонтером в Общество лучших друзей на неделю-другую. «Мое сердце остается здесь, — говорит она. — Когда я приезжаю сюда, у меня такое чувство, будто меня крепко обняли».

В главном здании Догтауна нас знакомят с Черри, мелким питбулем, который безмятежно лежит на подушке под столом, за которым печатает что-то на компьютере молодая девушка. Взгляд у Черри такой меланхоличный, а сам пес такой спокойный, что вы никогда бы не подумали, что он попал сюда вместе с двумя дюжинами бойцовых собак футболиста Майкла Вика — их отправили в Общество лучших друзей после полицейской проверки виргинского питомника «Бэд-ньюз кеннелс».

Нас быстро проводят по клинике. Волонтер-интерн из калифорнийской ветеринарной школы кастрирует в операционной кошку. За ним внимательно следит один из шести штатных ветеринаров организации. Мы суем нос в комнату гидротерапии, а потом техник гордо демонстрирует нам новейшую рентгеновскую установку с выводом данных на компьютер. Клиника обустроена лучше некоторых человеческих больниц, которые мне довелось повидать.

Фейс устроила нам обед с Фрэнком Макмилланом. Доктор Фрэнк, как зовут его Лучшие друзья, — ветеринар, ответственный за психическое здоровье животных-компаньонов. Именно он занимается реабилитацией питбулей Вика. Он утверждает, что эти животные страдают от собачьей разновидности посттравматического стрессового расстройства. В результате ужасного обращения со стороны организаторов собачьих боев главным симптомом у собак стала не агрессия, а страх. Вместе с командой специалистов по поведению животных Фрэнк полтора года работал над реабилитацией питбулей. Он ожидал худшего, однако был приятно удивлен — двадцать одна собака из двадцати двух демонстрируют настоящий прогресс. Несколько из них прошли собачий тест на лояльность. В настоящее время две собаки нашли семью, а еще об одной заботятся временные опекуны.

Следующим утром я прихожу сюда как волонтер. Меня отправляют в Догтаун. Там меня приветствует человек по имени Дон Бейн, бывший банкир из Техаса. Дон с женой наткнулись на Общество лучших друзей случайно, а потом влюбились в приют и в конце концов

купили дом в Канебе. Теперь Дон работает в Догтауне «координатором по социализации щенят» — бьюсь об заклад, другой работы с таким великолепным названием не сыщешь во всем мире. Он отправляет меня работать с сотрудником по имени Терри. Я должен помогать Терри кормить добрую дюжину собак. Одна из них, по кличке Тень, раньше принадлежала Вику вместе с другими питбулями. Тень бросает на меня взгляд и сердито ворчит. Терри говорит, что она всегда ведет себя так с незнакомыми людьми.

Я не в претензии. Тень не виновата. Она всего лишь жертва. В большинстве приютов для животных ей давным-давно вкололи бы смертельную дозу миорелаксанта. У Лучших друзей эта собака обрела дом и будет жить, даже если ее никогда не придется отдать в семью.

Наступает время прогулки.

Меня передают другому волонтеру, Доре. Дора живет в Канзасе и работает в магазине Home Depot. Она возвращалась домой из Сан-Франциско и на пару дней заехала поработать у Лучших друзей. Дора берет на поводок бурую псину, смахивающую на лабрадора и носящую кличку Золушка. Мне достается Лола, дворняжка, в которую я немедленно влюбляюсь, потому что она — точная копия Фриски, собаки, которая была у меня в детстве. И мы идем по прогулочной тропинке, которая вьется под пиниями, идет вдоль кустов можжевельника и хризантем, мимо кактусов-опунций, а вдали виднеются белые утесы заповедника. Собаки довольны жизнью, да и мы с Дорой тоже... пока не выясняется, что за разговорами о собаках мы ухитрились заблудиться. Терри находит нас как раз в тот момент, когда поднимается ветер, резко холодает, гремит гром и начинается дождь.

За обедом мы с Мэри Джин рассказываем Майклу о своих впечатлениях от убежища. Мы пробыли в Канебе неделю и были потрясены тем, чего сумела добиться кучка вооруженных одной только идеей мечтателей в пустыне

Юты. Они создали первоклассное заведение. Ванные здесь чистые, а сотрудники всегда отвечают на звонки. Еще удивительнее то, что животные в приюте не сливаются в единую массу. Сотрудники говорят не о «собаках», «кошках» или «лошадях», а о Джеймсе, Минде и Лучике (так зовут черно-белую морскую свинку). В воздухе разлито спокойствие. Все вокруг находится в совершенном порядке. Это даже немного пугает.

Философ Иммануил Кант утверждал, что люди не должны быть жестоки к животным, однако лишь потому, что, по его мнению, жестокое обращение с животными побуждает людей быть более жестокими друг к другу. Идея основателей Общества лучших друзей была противоположна кантовской: они верили, что доброе обращение с животными делает людей добрее друг к другу.

Майкл хочет поднять эту философию на новый уровень с помощью своего нового проекта «Зое» и поставить его целью глобальную революцию добра. Проект пока находится в зачаточном состоянии, однако Майкл уже собрал группу менеджеров и консультантов, в которую входят воротилы из разных корпораций, эксперты по защите животных, естественным и гуманитарным наукам, коммуникациям, маркетингу, издательскому делу и социальным проектам. Планы у них грандиозные — серия книг, возможно, журнал, телеканал, веб-сайт типа *Haffington Post*, где можно было бы ежедневно узнавать свежие новости о животных и об охране окружающей среды. Проект «Зое» должен превратиться в бренд, в стиль жизни, в площадку, объединяющую всех, кого волнуют охрана животных и окружающей среды, — сторонников переработки отходов, борцов с вырубкой лесов, веганов и «умеренных вегетарианцев», людей, которые пьют фритрейдерский кофе, и тех, кто ест курятину с пометкой «выращено без жестокости». Короче говоря, это люди, которые хотят сделать мир лучше, хотят жить в мире с животными и с природой, но не совсем представляют себе, как этого добиться.

Такие наполеоновские планы меня ошеломляют. Мы с Майклом придерживаемся разных убеждений, но его замыслы поистине масштабны. Для меня — даже слишком. Я меняю тему:

«А ты всегда был добр к животным?»

Ответ меня удивляет:

«Да я не то чтобы вот так вот ужасно их любил. У меня лучше получается все организовывать, выпускать газету, объединять людей, а не ухаживать за животными».

Но потом он рассказывает о муравьях, живущих у него на кухне.

«Муравьи такие забавные! Знаете, вроде комиссии по гигиене. Сначала засылают разведку на кухню, а если ничего не найдут, уходят на улицу. Но стоит моей кошке Конфетке обронить хоть крошку еды, муравьи устраивают целую военную операцию, чтобы вынести ее наружу. Интересно за ними следить. Чтобы поднять кусочек кошачьего корма, нужно много муравьев. Когда я вижу, как они над ним пыhtят, я им помогаю — собираю муравьев вместе с едой на салфетку и выношу на улицу».

Я пытаюсь представить себе человека, который запросто разговаривает с главами мультимиллиардных корпораций, зовет по имени голливудских звезд первой величины и утверждает, что не слишком любит животных, — и при этом стоит на четвереньках у себя на кухне, бережно собирает на салфетку муравьишек и несет их обратно к муравейнику только затем, чтобы чуть-чуть облегчить их жизнь.

Леди и морская черепаха

Майкл Маунтин — мечтатель, стремящийся к глобальной революции. Однако среди защитников животных гораздо больше таких, кто похож на Джуди Мази. Ей принадлежит салон красоты с парикмахерской и студией нейл-дизайна в Эдисто-Айленд (Южная Каролина). В свободное время Джуди помогает спасать вымирающие виды морских черепах.

Путь к спасению животных обычно начинается с заботы об одном-единственном животном — отощавшей бродячей собаке или о коте, который пробудет в приюте всего три дня, а затем должен быть усыплен в соответствии с правилами. Но у тех, кто спасает морских черепах, все иначе. Их питомцы не дарят им особого тепла, и по шерстке их не погладишь. Более того, многие спасатели никогда и не увидят животное, которое стремятся спасти. Им достаточно просто знать, что, когда они обходят на заре берег по линии прибоя, где-нибудь рядом может находиться самка морской черепахи в полтора центнера весом, ждущая восхода солнца, чтобы вылезти на песок, старательно выкопать в песке яму в полметра глубиной и отложить в нее сотню мягких яиц размером с шарик для пинг-понга. Спустя несколько месяцев яйца проклюнутся и, если повезет, один из тысячи черепахат сумеет выжить и проделать все то же самое двадцать пять лет спустя.

Для пляжного городишки Эдисто на удивление тих. Ни мотелей, ни гольф-клубов, ни «Макдоналдса», ни аквапарка. Есть, правда, паршивенький супермаркет Piggly Wiggly, да еще бар Whaleys, обшарпанное заведение с бильярдным столом, вкусной едой и простой обстановкой, стоящее в двух кварталах от главной дороги, неподалеку от водонапорной башни. Мы с Мэри Джин заехали в этот бар субботним вечером и сидели, попивая пиво и дожидаясь заказанных сэндвичей с креветками. Мэри Джин разговорилась с женщиной, сидевшей на соседнем

стуле у стойки. Я делил свое внимание между гонками NASCAR, которые показывали по телевизору над стойкой, и двумя сидевшими напротив меня парнями, которые разговаривали о рыбалке и пили вместо ужина устричные коктейли. (Кладете на дно стопки сырую устрицу, добавляете тридцать граммов водки Smirnoff, немного соуса табаско и лимонного сока. Проглатываете в один прием и запиваете глотком светлого «Будвайзера».)

Парни обработали уже с дюжину устриц, когда я услышал, что Мэри Джин говорит своей новой знакомой: «Вам стоило бы поговорить с моим мужем — он изучает людей, которые любят животных». Как оказалось, Джуди обожала морских черепах — вымирающих гигантов, которые откладывают яйца на всем побережье от Техаса до Северной Каролины. Мы с Мэри Джин быстренько поменялись местами.

Джуди рассказала, что переехала в Эдисто десять лет назад из Вайоминга после того, как развелась. Несколько лет подряд она работала на двух работах одновременно и скопила денег на собственный салон-парикмахерскую. Я задал ей вопрос о морских черепахах, и она, вспыхнув от удовольствия, достала сотовый телефон и начала показывать мне фотографии черепашьих следов на песке, открытые гнезда и новорожденных черепашат с пуговицу размером. Джуди входила в команду волонтеров, которые ранним утром обходили берег, записывали координаты обнаруженных «дорожек» (метровой ширины полос в песке, которые оставались после самок, выползавших откладывать яйца) и гнезд и перемещали опасно расположенные гнезда в безопасное место. Через пару месяцев, когда яйца проклюнутся, Джуди возвращается к гнезду и делает записи о судьбе его обитателей, подсчитывая количество проклюнувшихся яиц и мертвых черепашат.

Джуди предложила мне пойти на следующее утро обходить берег с нею вместе, но нам пора было уезжать из города. Впрочем, я пообещал вернуться.

Прошел год, и вот я сижу в гостинной Джуди и попиваю сладкий чай. Чай крепкий и холодный, и это прекрасно, потому что на улице под сорок градусов и влажность 98 %. Джуди знакомит меня со своим пожилым шоколадным лабрадором (кличка Оя, потому что у него только Одно Яйцо) и со своей восемнадцатилетней внучкой Меган, которая тоже принимает участие в спасении черепах. Меня знакомят с азами репродуктивного поведения морских черепах. Самки-черепахи всю жизнь проводят в океане и выползают на берег лишь раз в два-три года, чтобы отложить яйца. (Самцы на берег не выходят никогда.) Гнезда морских черепах представляют собой чудо архитектуры. По форме они напоминают химические реторты более полуметра в глубину. Яйца лежат в расширении, к которому сверху ведет узкий тоннель. Самка выкапывает гнездо задними плавниками, а отложив яйца, закрывает отверстие сверху и маскирует гнездо от хищников.

Далеко не все яйца успевают проклюнуться. Гнездо может разрыть енот, а порой какой-нибудь краб притаится рядом с яйцами и потихоньку питается желтками и эмбрионами. Примерно через пятьдесят дней черепашат вылупятся из яиц, пару дней проведут в гнезде, усваивая яичные желтки, а потом начнут рыть путь на поверхность. Вылезают они почти всегда ночью и инстинктивно ползут к линии прибоя, ориентируясь по небу над океаном и по отражению лунного света в воде.

Морские черепахи очень уязвимы. При самом лучшем раскладе только одна десятая процента черепашат достигнет репродуктивного возраста и вернется к родным берегам продолжить род. Черепашат едят все, кому не лень. Однако вымирают морские черепахи вовсе не из-за енотов, крабов, акул или птиц. Следовать в небытие вслед за странствующим голубем их заставляют пластиковые пакеты, которые они глотают, перепутав с медузами, или сети рыболовецких судов, или ядовитые химикаты, или нефтяные пятна. Мест для гнездования также становится все меньше — на берег наступают люди. В Эдисто крупную проблему представляет собой световое

загрязнение. Вместо того чтобы ползти к линии прибоя, черепашата уходят в глубь суши, куда их манят светящиеся окна домов, где кто-то страдает бессонницей, или свет газовой станции через дорогу от берега.

Программу защиты морских черепах реализует Отдел природных ресурсов Южной Каролины, однако программа стала возможной благодаря восьмистам волонтерам, которые, как и Джуди, в брачный сезон ежеутренне миля за милей обходят все черепашии пляжи штата. Программа преследует несколько целей. Одна из них научная: собранные волонтерами данные поистине бесценны. Благодаря тем, кто обходит берег, биологи знают точное местонахождение чуть ли не каждого черепашиего гнезда в Южной Каролине. Назовите им любой участок берега, и они скажут, сколько там было замечено «дорожек», сколько выкопано гнезд, сколько отложено яиц, каково соотношение мертвых и живых черепашат, кто им угрожает. Например, в 2009 году в Южной Каролине было обнаружено 2184 гнезда, проклюнулось 163 334 яйца, а 10 503 яйца было съедено. Яйца созревают в среднем за 54 дня, а в каждой кладке в среднем 116 яиц.

Вторая цель программы защиты морских черепах заключается в увеличении доли выживших черепашат. Волонтеры проходят специальную подготовку и сертификацию. Найдя гнездо, которое находится слишком близко к воде или недостаточно глубоко зарыто, они имеют право перенести его на безопасное место. Крайне осторожно, вынимая песок буквально по горсточке, они вскрывают гнездо. Затем, не переворачивая яиц, складывают их в ведро, роют новое гнездо в более удачном месте и помещают яйца туда в том же порядке, в каком они были извлечены. На пляжах, где гнездам угрожают хищники, волонтеры огораживают гнезда заборчиком. После того как черепашата вылупятся, волонтеры собирают дополнительную информацию, раскапывая одно гнездо из четырех. Они записывают, сколько яиц проклюнулось, а сколько не проклюнулось, а также фиксируют количество черепашат, которые вылупились, но умерли прямо в гнезде. Эта работа

приходится на самые жаркие дни августа — солнце, грязь, вонь, яичные желтки. Однажды Джуди вскрыла гнездо и обнаружила в нем двадцать мертвых черепахат. Это было душераздирающее зрелище.

Однако раз за разом на дне гнезда Джуди случается найти все еще живого черепашонка, который по какой-то причине не сумел самостоятельно выбраться на пляж.

И Джуди его спасает.

Она работает волонтером в южнокаролинской программе по защите гнезд морских черепах вот уже пять лет. Я спрашиваю, зачем ей это нужно.

«Ну, сначала было просто очень весело брать квадроцикл и на заре нестись по пляжу. И еще интересно было находить следы больших черепах, „дорожки“. Но вот потом, когда впервые раскапываешь опустевшее гнездо, чтобы пересчитать оставшиеся яйца, и видишь там живого черепашонка, который не сумел выбраться на поверхность, сердце просто разрывается от нежности».

«А сколько черепах вы спасли за пять лет, как вы думаете?»

«Много... несколько сотен, наверное, — отвечает Джуди, но потом грустно добавляет: — Хотя я знаю, что на практике выживет только одна из тысячи».

Потом она смеется: «Но я верю, что каждый черепашонок, которому я помогла, выжил. Что там будет с другими, не знаю, но мои выживают, я уверена».

Мы договариваемся вместе пойти обходить берег следующим утром. Джуди советует взять с собой воду и средство от комаров.

Шесть утра. Золотисто-лазурное небо, как на картинах Максвелла Пэриша. Кроме Джуди и меня в команде есть еще женщина по имени Шерри Джонсон и семиклассница Эйприл Фладд, которая работает в проекте вот уже второе лето. Наш участок называется Боганирей Плантейшен — 6500 акров песка, солончаковых болот и дубрав. Это один из тех кусочков Атлантического

побережья, который почти не испытал на себе влияния человека, — настоящее сокровище.

Мы берем пару квадроциклов, на которые нагружено необходимое снаряжение: несколько т-образных щупов в полтора метра длиной, флажки, чтобы отмечать гнезда, пара сетчатых клеток, которые не дают енотам добраться до гнезда, GPS-навигатор, большое ведро на случай, если придется переносить гнездо, ярко-оранжевые знаки, которые расставляют, чтобы идущий по берегу человек не наступил на черепашее гнездо. Джуди предлагает мне сесть на зеленый квадроцикл позади нее, а Эйприл устраивается с Шерри на оранжевом. Камера, мотор! — мы отправляемся в путь. Над болотами восходит солнце. В воздухе веет прохладой, а из звуков слышно только птичье пение. В полумиле от берега по солончакам бредет снежно-белая цапля, по небу плывет морской ястреб, а на мелководье ищет пищу семейка американских клювачей.

Джуди оглядывается и перекрикивает шум мотора: «Теперь видите, почему я сюда прихожу? Тут моя церковь». Она права. Заря на пляже дарит такое же волшебное ощущение, какое бывает, когда сидишь в нефе Шартрского собора и глядишь на витражи.

Пробравшись через болото с тучами мошкары, мы выезжаем на песок и начинаем свое патрулирование — ищем «дорожки». Пляж пуст, если не считать лодки ловца креветок в пятистах метрах от берега, да низко летящей крылом к крылу стаи пеликанов. Океан спокоен, как зеркальный пруд, и кажется, что на горизонте вот-вот покажется африканский берег.

Не везет. Мы объезжаем весь участок, добираемся до места, где река Северный Эдисто отделяет остров Ботани от Сибрука, — там за высоким забором расположился фешенебельный комплекс для состоятельных пенсионеров, любителей гольфа и тенниса, — однако не встречаем ни единой «дорожки». Увы. Не повезло. Мы разворачиваемся и едем обратно с пустыми руками. Я разочарован.

Однако потом везение возвращается. На обратном пути мы сталкиваемся с Крисом Салмонсеном, государственным биологом, работающим с дикой природой и патрулирующим соседний участок пляжа. У нас завязывается разговор, и, когда я говорю, что меня заинтересовали волонтеры вроде Джуди, Шерри и Эйприл, Крис улыбается и замечает, что без них он не смог бы выполнять свою работу. Мы договариваемся, что встретимся попозже и он подробнее расскажет мне о людях, работающих с морскими черепахами.

Крису сорок шесть лет. Он эколог по образованию и работал с волонтерами — спасателями черепах в Техасе, Флориде и Южной Каролине.

«Расскажите мне об этих людях».

Некоторым из них, говорит Крис, особенно мужчинам, больше всего нравится носиться туда-сюда по пляжу на квадроциклах. Такие долго не задерживаются. Большинство серьезных волонтеров — женщины.

Он говорит: «У многих волонтеров в жизни есть какая-то пустота, которую им нужно заполнить. Черепахи им в этом помогают. Это все равно что ходить в церковь по воскресеньям. Это религия».

Я припоминаю, что Джуди говорила мне то же самое.

Джуди не такая, как другие волонтеры, говорит Крис. У нее очень насыщенная жизнь. Она ведь не только спасает черепах, но и держит салон, а еще занимается живописью.

Крис продолжает: «Правда, не все волонтеры таковы. Некоторые из них настоящие фанатики. Они носят футболки с черепахами, украшают всевозможными изображениями черепах дома и вообще хотят, чтобы все знало, что они любят черепах. Так они обретают индивидуальность».

Потом Крис рассказывает мне о том, как однажды ужинал с женщиной, спасавшей черепах в Техасе. Когда он заказал креветок, женщина разрыдалась. Оказалось, что

боролась с местными ловцами креветок, заставляя их использовать специальные приспособления, позволяющие черепахам выбираться из сетей для креветок. Однако несмотря на все приспособления, каждый креветочный коктейль для нее означал смерть еще одной черепахи.

На следующее утро я снова встаю на заре и отправляюсь патрулировать берег — на этот раз с Крисом и его волонтерами: студенткой колледжа по имени Роза (она выходит в патруль пять дней в неделю) и фотографом по имени Мари, у которой с собой объектив длиной с мою руку. Я запрыгиваю на квадроцикл позади Розы, и мы едем через болото и солончак. Сегодня комарье в болоте совсем озверело — почище, чем в фильме «Африканская королева». Они прокусывают одежду, а мы знай отмахиваемся кепками. По ноге у Розы тонкой струйкой течет кровь.

Мы едем по пляжу и уже метров через четыреста натыкаемся на «дорожку». Первой замечает ее Роза, и ей достается честь отыскать отверстие, ведущее в гнездо. Роза берет щуп и начинает поиски. С помощью щупа можно обнаружить узкий ход, ведущий к гнезду. Песок в этом ходе более рыхлый, чем почва вокруг. Проверка щупом — дело тонкое, и, чтобы сунуть кончик щупа в песок, приходится прилагать немало усилий. Однако если нажмешь слишком сильно и при этом угодишь в рыхлый песок гнезда, щуп пройдет напрямиком в гнездо и раздавит яйца. Для работы со щупом нужна изрядная ловкость; примерно 10 % яиц гибнут под щупом.

Роза добрых четверть часа осторожно тыкает песок на участке диаметром в полметра, и наконец натыкается на рыхлый песок хода в гнездо. Потом она дает щуп мне, чтобы я понял, чем она таким была занята. Я первым делом погружаю щуп в песок рядом с тоннелем. Щуп входит плохо. Я передвигаю его на пару сантиметров в сторону, снова нажимаю, и — вуаля! — под щупом податливый рыхлый песок норы. Крис встает на четвереньки и начинает копать песок одной рукой. Когда показываются яйца, яма уже так глубока, что рука у него уходит по плечо. Он предлагает мне сунуть руку в ямку и

пощупать яйца. Яйцо черепахи кожистое, как яйца аллигатора, и почему-то кажется живым.

Мы вновь засыпаем ход, Крис помечает гнездо флажком, и записывает GPS-координаты в блокнот. Дома он введет данные в компьютер, и через двенадцать часов они будут доступны через Интернет. Мы вновь запрыгиваем на квадроциклы, Крис быстро замечает еще одну «дорожку» и берется за щуп. Мы проделываем все сначала и отправляемся дальше. У меня немного кружится голова. Мы нашли два гнезда, и у меня уже аллергия на черепах.

Спустя несколько недель я связался с Мег Хойл, координирующей волонтерскую программу на острове Ботани. Я хотел расспросить ее о том, что заставляет таких людей, как Джуди, Роза, Шерри и Эйприл, вставать рано утром, рыться в песке в поисках гнезд, отмахиваться от кусачих насекомых, терпеть сорокаградусную жару даже в тени и возвращаться домой, провоняв тухлыми яйцами, — затем лишь, чтобы помочь животным, которых почти никто не видит и которые почти наверняка будут съедены хищниками задолго до того, как вырастут и смогут продолжить свой род.

Мег ответила: «Я сама иногда этого не понимаю. Некоторые волонтеры обходят берег каждое утро, изо дня в день, и за лето находят всего штук двенадцать гнезд. „Дорожки“ попадаются им далеко не каждое утро, а многие не увидят ни одной черепахи за весь сезон. И все равно они не уходят. Они хотят обрести связь с природой, которую мы утратили. Всем нам нужна эта связь с миром и с животными».

Антрозоология в повседневной жизни

Я согласен с Мег. Большинство людей чувствуют необходимость восстановления связи с животными и природой. Но проявляется она у всех с разной силой. Среди нас редко попадаются Майклы Маунтины, которые не убивают даже забравшихся на кухню муравьев, зато очень много таких, как Джуди Маззи, — людей, у которых есть работа и семья, людей, которые делают то небольшое, что могут, чтобы воссоединиться с природой, и не особо переживают от своего непоследовательного отношения к другим видам. Они не терзаются вопросами о том, куда следует направить воображаемую вагонетку — на пожилого человека или на стаю вымирающих шимпанзе. Они не пытаются выяснить, как правильно освобождать животных, по Бентаму или по Канту. И вовсе не чувствуют себя виноватыми за то, что не едят говядины, однако носят кожаную обувь.

Сам я смирился с собственным лицемерием — по большей части. Йеху во мне говорит, что Тилли лучше выпускать на улицу, а не держать весь день взаперти, хотя я понимаю, что на свободе она нет-нет да и задушит птицу или бурундука. Йеху говорит, что изысканный вкус поджаренного в яме на медленном огне барбекю уже сам по себе оправдывает смерть свиньи, филе которой я собираюсь сдобрить острыми приправами.

Однако моральное чутье порой меняется, и тогда мы с йеху заключаем новые соглашения. Я бросил рыбалку, когда перестал получать удовольствие от вытягиваемой из горного ручья форели. Я не ем телятины, яйца мы покупаем у местного производителя, и я готов платить за тушку «свободной» курицы больше потому, что предпочитаю думать, будто ее жизнь была счастливее жизни какого-нибудь там бройлера. А когда старый любитель петушиных боев пригласил меня на дерби в Кентукки, где должны были драться пять петухов, я сказал — спасибо, что-то не хочется.

Начав изучать взаимоотношения человека и животных, я переживал из-за очевиднейших моральных противоречий, которые описал на страницах этой книги, — из-за вегетарианцев, которые преспокойно признавались, что едят мясо, из-за любителей петушиных боев, которые заявляли, что любят своих петухов, из-за заводчиков породистых собак, стремление которых улучшить породу привело к появлению тысяч генетически дефективных животных, из-за людей, державших в ужасной грязи и скученности множество животных, которых они якобы «спасли». Однако я пришел к выводу, что подобные противоречия не являются аномалией или проявлениями лицемерия. Они просто неизбежны и являются лишним доказательством нашей принадлежности к роду человеческому.

Квейму Энтони Аппии, директору Центра общечеловеческих ценностей в Принстоне, порой задают вопрос о том, где он работает. Когда он отвечает, что занимается философией, его обычно тут же спрашивают: «И какова же ваша философия?» Как правило, он отвечает на это: «Моя философия гласит, что все куда сложнее, чем вам кажется».

И молодая наука антрозоология говорит нам, что наши взгляды, поведение и отношения с животными в нашей жизни — и с теми, которых мы любим, и с теми, которых ненавидим, и с теми, которых едим, — точно так же куда сложнее, чем нам кажется.

Слова признательности

Я хотел бы выразить глубочайшую благодарность многим любителям животных, от активистов различных движений до ученых-зоологов, за то, что они позволили мне заглянуть в свой мир и терпеливо отвечали на мои наивные вопросы о своем отношении к представителям других видов.

В работе над книгой мне помогла обратная связь, которую предоставляли Джонатан Балкомб, Михали Барталос, Марк Бекофф, Алекс Бентли, Кендис Боан-Ленцо, Лео Бобадилла, Ларри Карбон, Мерритт Клифтон, Джейн Коберн, Крис Коберн, Карен Дэвис, Джуди Делоч, Бев Дуган, Леа Комес, Джон Гудвин, Сэм Гослинг, Че Грин, Джошуа Грин, Кэтрин Гриер, Лиз Ходж, Лесли Ирвин, Уэс Джемисон, Ребекка Джонсон, Сара Найт, Кэти Крюгер, Лаура Мэлони, Лори Марино, Адам Миклоши, Майкл Маунтин, Джим Мюррей, Дэвид Нимен, Эмили Паттерсон-Кейн, Скотт Плу, Эндрю Роуэн, Кэти Руди, Боря Сакс, Кен Шапиро, Майкл Шафер, Харриет Шилдс, Джефф Спунер, Крейг Стэнфорд, Саманта Стразенак, Мики Рэндольф, Ли Уоррен, Эрин Вильямс, Ричард Рэнгхэм, Стивен Вайз, Олив Уинн и Стив Завистовски. А когда дело дошло до ссылок на литературу и подготовки рукописи, на помощь мне пришли Морган Чайлдс, Сью Гридер и сотрудники библиотеки Хантера университета Западной Каролины.

Долгие годы моим прибежищем в мире науки было Международное общество антрозоологии — группа увлеченных своим делом исследователей, которым не сиделось в тесных рамках традиционных наук. Я особенно благодарен Арни Арлюку, Алану Беку, Бену и Линетт Харт, Энтони Подберсеку и Джеймсу Серпеллу за их поддержку и вклад в дело изучения взаимоотношений человека и животных. Я многим обязан этологу Гордону Бергхардту, долгое время бывшему моим наставником, а также Полу Розину и Джонатану Хайдту, психологам,

нетривиальный взгляд на вещи которых серьезно повлиял на мое восприятие психологии.

Дэвид Хендерсон и Крис Дим помогали мне разбираться в тонкостях философии права. Боб Басс и Гейл Дин прочли немалую часть этой книги, которая значительно выиграла от их замечаний и критики. Джойс Мур из C Bookstore убедил меня, что, возможно, издатели заинтересуются книжкой о том, почему нам так трудно разобраться в своем отношении к животным. Нуждаясь в литературном вдохновении, я шел к Гэрри Грину, Роберту Сапольски-Леонарду и Мерл Хаггард.

Эта книга не появилась бы на свет без помощи Дженнифер Гейтс и Рэйчел Сассман. Дженнифер увидела нечто стоящее в моих литературных потугах (о которых другой агент как-то сказал: «Да кому вообще охота об этом читать!»), а Рэйчел неустанно трудилась над концепцией книги и деликатно, но настойчиво внушала мне, что хорошая книга — это не просто сборник интересных историй, а нечто большее. В издательстве Harper подобралась отличная команда сотрудников во главе с ответственным редактором Гейл Уинстон, которая мастерски умеет ставить задачи. Гейл приходила мне на помощь всякий раз, когда я в этом нуждался, и в конце концов я стал слышать в собственной голове ее голос, то и дело повторявший: «Помни, читатель — человек умный». Текст стал куда лучше под умелой рукой Эми Вриланд, которая к тому же всегда задавала правильные вопросы. Джейсон Сак провел рукопись через весь процесс издания, от начала и до конца. Издатель Джонатан Бернхэм сразу же понял, о чем идет речь в книге, и заявил, что ей не хватает еще одной главы.

Я не мог бы и пожелать лучших коллег, чем те, с которыми я работаю на факультете психологии университета Западной Каролины. Это невероятно терпеливые люди, которые терпят меня, когда я врываюсь в офис, размахивая графиком прироста собачьих пород или излагая содержание нового отчета об исследованиях, который только что прочел. Вот уже двадцать лет кряду Брюс Хендерсон и Дэвид Маккорд читают мои черновики

и помогают вернуться на путь истинный, если мне случается забрести в дебри. Во многих моих исследованиях активное участие принимали аспиранты и студенты магистратуры университета Западной Каролины — надеюсь, они получали от работы не меньше удовольствия, чем я.

Написать книгу и не сойти при этом с ума не так-то просто, и меня буквально спасла небольшая — хотя нет, просто огромная — помощь друзей. Приятели, с которыми мы уже не первый год сплавляемся по рекам, помогали мне не забывать об основной цели и плыть по течению. Вот уже пятнадцать лет я каждый вторник подзаряжаю свою батарейку, играя вместе с классными музыкантами под предводительством скрипача-виртуоза Иена Мура старые горные мотивы в ресторане Guadalupe и в кафе Spring Street. Кстати, спасибо Джен и Фью за лепешки с козлятиной («без жестокости») и пиво. Особая благодарность Маку Дэвису, с которым я познакомился, переехав на небольшую ферму у ручья Шугар-Крик. В тот день Мак пахал табачное поле на муле. С тех пор прошло уже тридцать пять лет, однако я по-прежнему подцепляю у него интересные идеи, многие из которых вошли и в эту книгу.

Все те месяцы, что я просидел в полутемном подвальном кабинете, заваленном кипами распечаток и уставленном чашками остывшего кофе, меня изо всех сил поддерживала моя семья. Брат, сестра и мама служили источником постоянного ободрения, а вечным моим соратником, как всегда, была моя жена, Мэри Джин, особа с характером, которая еще в самом начале нашего знакомства помогла продемонстрировать, что разъяренная самка аллигатора без размышлений бросится на человека, защищая молодняк. Каждое предложение в этой книге Мэри Джин терпеливо прочла по десятку раз кряду и в целом помогла мне сохранить здравый рассудок. Она лучшая моя помощница. Наши дети, Адам, Кэти и Бетси, — все, как один, превосходные писатели — жизнерадостно критиковали каждую главу, и не надо было

просить их дважды, чтобы услышать откровенное признание: «Пап, вот тут у тебя фигня какая-то».

И наконец, я торжественно клянусь преподнести баночку лосося в собственном соку нашей Тилли, которая в тягучие послеобеденные часы подремывала в кресле-качалке со мною рядом, время от времени требуя почесать ей брюшко и неустанно напоминая мне о том, почему же мы все-таки впускаем в свою жизнь животных.

Список рекомендованной литературы

Антрозоология

Arluke, A., and Bogdan, R (2010). *Beauty and the Beast: Human-Animal Relationships as Revealed in Real Post Cards*, Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Bekoff M., ed. (2007). *Encyclopedia of Human-Animal Relationships*. Westport, CT: Greenwood Press.

Kalof, L. (2007). *Looking at Animals in Human History*. London, UK: Reaktion Books.

Ritvo, H. (1989). *The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Serpell, J. (1996). In *The Company of Animals: A Study of Human-Animal Relationships*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Психология и взаимоотношения человека и животных

Bulliet, R. W. (2005). *Hunters, Herders and Hamburgers: The Past and Future of Human-Animal Relationships*. New York, NY Columbia University Press.

Haraway, D. J. (2008). *When Species Meet*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Melson, L. G. (2001). *Why the Wild Thing Are: Animals in the Lives of Children*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1992). *Biophilia: The Human Bond with Other Species*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Домашние животные

Anderson, P. E. (2008). *The Powerful Bond Between Pets and People*. Westport, CT: Praeger.

Grier, K. C. (2006). *Pets in America: A History*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

Irvine, L. (2004). *If You Tame Me: Understanding Our Connections With Animals*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Zawistowski, S. (2008). *Companion Animals in Society*. Clifton Park, NY: Thompson Delamar Learning.

Собаки

Coppinger, R., and Cooper, L. (2002). *Dogs: A New Understanding of Canine Origin, Behaviour and Evolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Horowitz, A. (2009). *Inside of a Dog: What Dogs See, Smell and Know*. New York, NY: Scribner.

McConnell, P. B. (2002). *The Other End of the Leash: Why We Do What We Do Around Dogs*. New York, NY: Ballantine Books.

Miklosi, A. (2007). *Dog Behaviour, Evolution, and Cognition*. New York: Oxford University Press.

Sanders, C. (1999). *Understanding Dogs: Living and Working With Canine Companions*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Schaffer, M. (2006). *One Nation Under Dog*. New York, NY: Henry Holt.

Serpell, J. (1995). *The Domestic Dog: Its Evolution, Behaviour and Interactions With People*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Пол

Baron-Cohen, S. (2003). *The Essential Difference: The Truth About the Male and Female Brain*. New York, NY: Basic Books.

Donovan, J., and Adams, C. J. (1996). *Beyond Animal Rights: A Feminist Caring Ethic for the Treatment of Animals*. New York, NY: Continuum.

Luke, B. (2007). *Brutal: Manhood and the Exploitation of Animals*. Chicago, IL: University of Illinois Press.

Мясо

Adams, C. J. (2000). *The Sexual Politics of Meat: A Feminist-Vegetarian Critical Theory*. New York, NY: Continuum Publishing Group.

Eisnitz, G. A. (2007). *Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U. S. Meat Industry*. Amherst, NY: Prometheus Books.

Foer, J. S. (2009). *Eating Animals*. New York: Little, Brown and Company.

Maurer, D. (2002). *Vegetarianism: Movement or Moment?* Philadelphia, PA.: Temple University Press.

Pollan, M. (2006). *The Omnivores Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York, NY: Penguin Press.

Singer, P., and Mason, J. (2006). *The Ethics of What We Eat: Why Our Food Choices Matter*. Emmaus, PA: Rodale Press.

Куры

Davis, K. (2009). *Prisoned Chickens, Poisoned Eggs: An Inside Look at the Modern Poultry Industry*. Summertown, TN: Book Publishing Company.

Dundes, A. (1994). *The Cockfight: A Casebook*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Smith, P., and Daniel, C. (2000). *The Chicken Book*. Athens, GA: University of Georgia Press.

Мыши и наука

Birke L., Arluke, A., and Michael, M. (2008). *The Sacrifice: How Scientific Experiments Transform Animals and People*. West Lafayette, IN.: Purdue University Press.

Blum, D. (1995). *The Monkey Wars*. New York, NY: Oxford University Press.

Morrison, A. R. (2009). *An Odyssey with Animals: A Veterinarians Reflection on the Animal Rights and Welfare Debate*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Rudacille, D. (2000). *The Scalpel and the Butterfly: The War Between Animal Research and Animal Protection*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.

Систематичность и этика

Balcombe, J. (2010). *Second Nature: The Inner Lives of Animals*. New York: Palgrave MacMillan.

Bekoff, M., and Pierce, J. (2009). *Wildjustice: The Moral Lives of Animals*. Chicago, IL.: University of Chicago Press.

Hauser, M. D. (2006). *Moral Minds: How Nature Designed our Universal Sense of Right and Wrong*. New York, NY: HarperCollins.

Kazez, J. K. (2010). *Animalkind: What We Owe to Animals*. Malden, Massachusetts: Wiley-Blackwell.

Singer P. (1990). *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York, NY: Avon.

Wynne, C. D. L. (2004). *Do Animals Think?* Princeton, N. J.: Princeton University Press.

ПРИМЕЧАНИЯ

9. Речь *Марка Бекоффа* в приюте Farm Sanctuary Ное Down (www.farmsanctuary.org) в Орландо, Калифорния, 16 мая 2009 г.

14. ...*все члены семейства кошачьих... плотоядны...* — Котам, в отличие от собак, мясо необходимо для поддержания здоровья. Сравнение пищевых потребностей собак и кошек см. у Legrand-Defretin, V. (1994). Differences between cats and dogs: A nutritional view. *Proceedings of the Nutrition Society*, 53, 15–24.

14... *коты убивают ради удовольствия.* — Crook, K. R., & Soule, M. E. (1999). Mesopredator release and avifaunal extinction in a fragmented system. *Nature*, 400, 563–566. См. также Woods, M., McDonald, R. A., & Harris, S. (2003). Predation of wildlife by domestic cats (*Felis catus*) in Great Britain. *Mammal Review*, 33(2), 174–188.

14. ...*группе канзасских котовладельцев.* — Stuchhury, B. (2007) *Silence of the songbirds: how we are losing the worlds songbirds and what we can do to save them.* Toronto: Harper Collins.

17. ...*в пенисе есть кость...* — Находящаяся в пенисе кость называется приапова кость или бакулюм. Кости пениса обнаружены у многих видов млекопитающих, включая приматов. У разных животных эта кость может иметь разные размеры и форму. Почему у одних видов она большая, у других маленькая, а у третьих, и у человека в том числе, отсутствует вовсе — загадка эволюции. Ramm, S. A. (2007). Sexual Selection and genital evolution in mammals: A phylogenetic analysis of baculum length. *American Naturalist*. 169, 360–369.

18. ...*четыре с половиной миллиона американцев бывают укушены собакой...* — Sacks, J. J., Kresnow, M., & Houston, B. (1996). Dog bites: How big a problem? *Injury Oprcvention*, 2(1). 52–54. Sacks, J. J., Sinclair, L., Gilchrist,

J., Golab, G. C. & Lockwood, R. (2000). Breeds of dogs involved in fatal human attacks in the United States between 1979 and 1998. *Journal of the American Veterinary Medical Association*. 217(6), 836–840.

18. ...«тридцать три несчастья»... — Serpell, J. A. (2003). Anthropomorphism and anthropomorphic selection: Beyond the «cute response». *Society & Animals*, 11 (1), 83-ню.

20. ...желтых бульварных газетенок... — Herzog, H. A., & Galvin, S. L. (1992). Animals, archetypes, and popular culture: Tales from the tabloid press. *Anthrozoos*, 5, 77–92.

20. ...«беспокойной серединой»... — Donnelly S. (1989). Speculative philosophy, the troubled middle, and the ethics of animal experimentation. *Hastings Center Report*. 19. 15–21.

24. *Клифтон Флинн*, социолог Flynn, C. (2008). *Social Creatures: A Human and animal studies reader*. Brooklyn, NY: Lantern Books, (с. xiv.)

26... У нас есть несколько журналов, в которых печатаются отчеты об исследованиях... — Наиболее активно тему взаимоотношений человека и животных освещают журналы *Anthrozoos* и *Society and Animals*.

26. *Международное общество антрозоологии* — веб-сайт организации: www.isaz.net.

27. ...«терапия питомцами»... — Обзор последних исследований в области терапии питомцами см. у Fine, A. H. (cd.) (2008) *Handbook of animal-assisted therapy theoretical foundation and guidelines for practice*. New York: Elsevier.

27. ...результаты сорока девяти опубликованных исследований, посвященных ААТ работе... — Nimer, J. & Lundahl, B. (2007). Animal-assisted therapy: a metaanalysis. *Anthrozoos*, 20 (3), 225–238.

28. ...многие утверждения о целительной пользе общения с дельфинами явно преувеличены... — См.,

например, Cochrane, A. & Callen, K. (1992). *Dolphins and their power to heal*. Rochester, VT: Healing Art Press.

29. *...в Хоторіw...* — По данным Джима Гудвина, специалиста по истории психологии, у хоторнского исследования была политическая подоплека, о которой нам мало известно. Возможно, истинная цель исследования заключалась в том, чтобы дать понять, что рабочие фабрики довольны своей работой, и тем самым препятствовать созданию профсоюза. Goodwin, C. J. (2008). *A history of modern psychology* (3-е издание). New York: J. Wiley.

30. *Группа немецких ученых...* — Brensing, K., Linke, K., & Todt, D. (2003). Can dolphins heal by ultrasound? *Journal of Theoretical Biology*, 225(1), 99–105.

31. *...в каждом случае имелись методологические ошибки...* — Marino, L., & Lilienfeld, S. O. (1998). Dolphin-assisted therapy: Flawed Data, flawed conclusions. *Anthrozoos*, 11(4), 194–200. Marino, L., & Lilienfeld, S. O. (2007). Dolphin-assisted therapy: More flawed data and more flawed conclusions. *Anthrozoos*, 20, 239–249. К аналогичным выводам пришла Трейси Хамфрис. Huphris, T. L. (2003). Effectiveness of dolphin-assisted therapy as a behavioral intervention for young children with disabilities. *Bridges*, 1(6), 1–9.

31. *...получили различные травмы...* — Mazet, J. A., Hunt, T. D., & Zoccardi, M. H. (2004). Assessment of the risk of zoonotic disease transmission to marine mammal workers and the public. Итоговый отчет. Комиссия США по морским млекопитающим. RA. No. K005 486-01.

32. *В письме, опубликованном Фондом морских млекопитающих Арубы...* — Smith, B. A. (2007). Letter of DAT founder. (Отозвано 28 августа 2008 г.) www.arubammf.com/truth_about_dolphin_assisted_therapy

32. *Поберегите лучше деньги — и дельфинов тоже.* — Занимательный обзор взаимоотношений человека и дельфинов см. у Kudzinski, K. M. & Frohoff, T.

(2008). *Dolphyn Mysteries: Unlocking the secrets of communication*. New Haven, CT: Yale University Press.

32. *Мы похожи на своих собак?* — Coren, S. (1999). Do people look like their dogs? *Anthrozoos*, 12, 111–114. Roy, M. M., & Christenfeld, N. J. (2004). Do dogs resemble their owners? *Psychological Science*, 15(5), 361–363. Payne, C., & Jaffe, K. (2005). Self seeks like: Many humans choose their pets following rules used for assortative mating. *Journal of Ethology*, 23(1), 15–18; Devlin, K. (2009, 3 апреля) Dog owners do look like their pets, say psychologists. *Telegraph* (London); Nakajima, S., Yamamoto, N. (2009) Dogs look like their owners: Ratings of with racially homogenous owner portraits. *Anthrozoos*, 22(2), 173–181.

37. *...некоторые наши предпочтения говорят об у нас определенных личностных качествах, в то время как некоторые другие предпочтения не говорят ни о чем.* — Подход Гослинга к исследованиям представляет собой сложное сочетание эволюционной психологии, теории личности и поведения животных. Вы можете познакомиться с исследованиями Гослинга через сайт Gozlab по адресу: homepage.psy.utexas.edu/homepage/faculty_gosling/index.htm.

38. *Вместе с Энтони Подберсеком...* — Podberscek, A. L., & Gosling, S. D. (2005). Personality research on pets and their owners: Conceptual issues and review. В книге: A. Podberscek, E. S. Paul, & JA. Serpell (ред.), *Companion animals and us: Exploring the relationships between people and pets* (pp. 143–167). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

38. *...тест прошли... 527 кошатников.* — Gosling, S. Sandy, C. J., & Potter, J. (у печати Personalities of self-identified «dog people» and «cat people») *Antrozofits*.

39. *Некоторые ученые убеждены, что корни жестокости кроются в истории человека как вида...* — Так, Виктор Нелл утверждает, что жестокость является нормальным выражением инстинктов человека как хищника. Nell, V. (2006). *Cruelty's rewards: The gratifications*

of preparators and spectators. Behavioral and Brain Sciences, 29, 211–224.

40. *Антрополог Маргарет Мид писала...* — Это высказывание процитировано на с. 80 книги Lockwood, R., & Hodge, G. R. (1998). The tangled web of animal abuse and human violence. In R. Lockwood and F. R. Ascione (ред.), Cruelty to animals and interpersonal violence (p. 77–82). West Lafayette, IN: Purdue University Press.

40. *...эту точку зрения разделяют не все.* — В качестве введения в тему см. статьи в Lockwood, R., & Ascione, F. R. (1998). Cruelty to animals and interpersonal violence: Readings in research and application. West Lafayette, IN: Purdue University Press. Обзор современных исследований в этой области см. у Ascione, F. R., & Shapiro, K. (2009). People and animals, kindness and cruelty: Research direction and policy implications. Journal of Social Issues, 65, 569–587.

40. *...психиатром Аланом Фелтхаузом и ведущим исследователем взаимоотношений людей и животных Стивенном Келлертом.* — Felthous, A. R., & Kellert, S. R. (1986). Violence against animals and people: Is aggression against living creatures generalized? The Bulletin of American Academy of Psychiatry and the Law, 14(1), 55–69.

41... *«я избил щенка — наверное, просто потому, что наслаждался собственной силой».* — Цитата содержится в работе Blakemore, C. (12 февраля 2009 г.) Darwin understood the need for animal tests. Times (London) Online www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article57i1912.ece

41. *Пропагандисты Ассоциации часто начинают публичные выступления с описания различных трагедий...* — См., например, Lockwood, R., & Hodge, G. R. (1998). The tangled web of animal abuse and human violence. In R. Lockwood and F. R. Ascione (ред.), Cruelty to animals and interpersonal violence (p. 77–82). West Lafayette, IN: Purdue University Press.

42. *...354 дела о серийных убийствах...* — В ходе работы исследователи обнаружили, что 21 % из 354 серийных убийц в прошлом жестоко обращались с животными. В большинстве исследований мужчин учащих колледжей обнаружилось также, что среди них этот показатель достигает 20–30 %. Данные о серийных убийцах приводятся по Wright, J. and Hensley, C. (2003). From animal cruelty to serial murder: Applying the graduation hypothesis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 47, 71–88.

42. *...школьных «расстрелов».* — Заявление о школьных расстрелах было сделано Национальной ассоциацией прокуроров округов (communities.juslicetalking.org/blogs/day17/archive/2007/08/14/animal-abuse-its-association-with-other-violent-crimes.aspx). Профили школьных «стрелков» см. у Vossekul, B., Fein, R., Reddy, M., Borum, R., & Modzeleski, W. (2000). The Final Report and Findings of the Safe School Initiative: Implications for the Prevention of School Attacks in the United States. Washington, D. C.: United States Secret Service.

43. *Более популярная в «Свят» версия называется гипотезой постепенного роста насилия.* — Порой эту идею называют «тезисом о прогрессе». Beirne, P. (2004). From the animal abuse to interhuman violence? A critical review of the progression thesis. *Society and Animals*, 12(1), 39–65.

43. *Группа исследователей под руководством Арнольда Арлюка...* — Arluke, A., Levin, J, Luke, C., and Ascione, F. (1999). The relationship of animal abuse to violence and other forms of antisocial behaviour. *Journal of Interpersonal Violence*, 14(9), 963–975.

44. *...идея о превращении большинства жестоких детей в преступников не подтверждается цифрами.* — Patterson-Kane, E. G., & Piper, H. (2009). Animal avuse as a sentinel for human violence: A critique. *Journal of Social Issues*. Lea, S. R. G. (2007). Delinquency and animal

cruelty: Myths and realities about social psychology. New York: LFB Scholarly Publishing, LLC.

45. *...травили рыбу...* — Arluke, A. (2002) Animal abuse as dirty play. *Symbolic Interaction*, 25(4), 405–430.

45. *Недавний опрос...* — Gupta, M. E. (2006). Understanding the links between intimate partner violence and animal abuse: Prevalence, nature and function. Неопубликованная докторская диссертация, университет Джорджии, Афины, Джорджия.

46. *...все большее число ученых...* — См., например, Piper, H. (2003). The linkage of animal abuse with interpersonal violence: A sheep in wolfs clothing? *Journal of Social Work* 3(2), 161–176. Irvine, L. (2008). Delinquency and animal cruelty: Myths and realities about social pathology. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*, 37(3), 267–268. Taylor, N., & Signal, Г. (2008) Throwing the baby out with the bathwater: Towards a sociology of the human-animal abuse Link? *Sociological Research Online*, J3(i). www.socresonline.01g.uk/13/1/2.html.

46. *«Хорошо думать с позиции животного».* — Levi-Strauss, C. (1966). *The savage mind*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

47. *Проще соперживать...* — Greene, E. S. (1995). Ethnocateteries, social intercourse, fear, and redemption: Comment on Laurent. *Society and Animals*, 3(1), 79–88.

48. *...очарование роли не играет.* — Cohen, R. (July 19, 2009). The elhicist: Nesting blues. *New York Times*.

49. *...муравьи, выбирающие место для нового муравейника...* — Edwards, S. C. & Pratt, S. C. (2009). Rationality in collective decision-making by ant colonies. *Proceedings of the Royal Society: B*. 276(1673) 3655–3671.

49. *Биофилия.* Wilson, E. O. (1984). *Biophilia*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Данные об исследовании младенцев содержатся в Deloache, J. S. & Pickard (in press). How very young children think about animals. Гипотезу слежения за движением см. в New, H.,

Cosmides, L., & Tooby, J. (2007). Category-specific attention for animals reflects ancestral priorities, not experience. *PNAS*, 104(42), 16 598-16603.

50. *Примером того, как легко нами манипулировать с помощью факторов, запускающих родительский инстинкт, является мультфильм «Бэмби».* — Lutts, R. H. (1992). The trouble with Bambi: Walt Disneys Bambi and the American vision of nature. *Forest and Conservation History*, 36, 160–171. Cartmill, M. (1993). *A view to death in the morning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

51. *Лучше всего сказал об этом современный гарвардский биолог Стивен Джей Гулд, проследивший за эволюцией образа Микки...* — Gould, S. J. (1979). Mickey Mouse meets Konrad Lorenz. *Natural History*, 88(5), 30–36.

53. *...которого змея укусила в язык.* — Gerkin, R., Sergent, K. C., Curry, S. C., Vance, M., Nielsen, D. R., & Kazan, A. (1987). Life-threatening airway obstruction from rattlesnake bite to the tongue. *Annals of Emergency Medicine*, 16(7), 813–816.

54. *...страх перед змеями...* — О страхе перед змеями см. Ohman, A., & Mineka, S. (2003). The malicious serpent: Snakes as a prototypical stimulus for an evolved module of fear. *Current Directions in Psychological Science*, 12(1), 5–9. LoBue, V., & DeLoache, J. S. (2008). Detecting the snake in the grass: Attention to fear-relevant stimuli by adults and young children. *Psychological Science*, 19(3), 284–289. LoBue, V., & DeLoache, J. S. (2008). DeLoache, J. S., & LoBue, V. (год). The narrow fellow in the grass: Human infants associate snakes and fear. *Developmental Science*, 12(1), 201–207. Diamond, J. (1993). New Guineans and their natural world. In Kellert and Wilson (eds.), *The biophilia hypothesis* (pp. 251–271). Washington, D. C.: Island Press. Burghardt, G. N., Murphy, J. B., Chiszar, D., & Hutchins, M. (2009). Combating ophidophobia: Origins, treatment, education and conservation tools. In S. J. Mullin & R. A. Seigel (Eds). *Snakes: Ecology and conservations*. Ithaca, NY: Comstock Publishing.

55. *Биофилия, — пишет она, — представляет собой не инстинкт как таковой...* — Wilson, E. O. (1999). Biophilia and the conservation ethic. В S. R. Kellert & E. O. Wilson (eds.) The biophilia hypothesis (p. 31–41). Washington, D. C.: Island Press, (p. 31).

56. *Выражения, связанные с животными, встречаются в человеческом языке на каждом шагу.* — Классическое эссе о влиянии связанных с животными слов на человеческий язык см. у Leach, E. R. (1964). Anthropological aspects of language: Animal categories and verbal abuse. In E. Lenneberg (ed.), New directions in the study of language (p. 23–63). Cambridge, MA: MIT Press.

58. *...влюбилась с первого взгляда в щенка бигля...* — Этот случай описан в статье Herzog, H. (2002). Ethical aspects of the relationship between humans and research animals. ILAR Journal, 43, 27–32. Все лаборанты, которых я опрашивал в ходе этого исследования, в прошлом забирали домой подопытных животных в качестве питомцев.

59. *...свидетельствовали о глубоко укоренившейся системе категорий...* — Grief, M. L., Nelson, D. G. K... Keil, F. C, & Gutierrez, T. (2006). What do children want to know about animals and artifacts? Psychological Science, 17, 455–459.

59. *...слепые от рождения люди...* — Mahone, B. Z., Anzellotti, S., Schwarzbach, J., Zampini, M. & Caramazza, A. (2009). Category-specific organization of the human brain does not require visual experience. Neuron, 63, 397–405.

59. *...специализироваться на обработке информации о животных.* — Не все нейроспециалисты согласны с теорией разделения знаний по отделам мозга. Противоположное мнение см. у Caramazza, A. & Shelton, J. R. (1998). Domain-specific knowledge system in the brain: The animate-inanimate distinction. Journal of Cognitive Neuroscience, 10, 1–34 and Gerlach, C. (2007). A review of functional imaging studies on category specificity. Journal of Cognitive Neuroscience, 19, 296–314.

60. ...«социозоологической шкалой». — Arluke, A. & Sanders, C. (1996). Regarding animals. Philadelphia, PA: Temple University Press.

60. ...в Японии отношение к жучкам-научкам является куда более сложным. — Laurent, E. L. (2001). Mushi: For youngsters in Japan, the study of insects has been both a fad and a tradition. *Natural History*, 110(2), 70–75.

61. Антрополог Джеймс Серпелл... — Serpell, J. A. (2004) Factors influencing human attitudes to animals and their welfare. *Animal Welfare*, 13, S145–151.

62. ...Как голуби превратились в крыс... — Jerolmack, C. (2008). How pigeons became rats: The cultural-spatial logic of problem animals. *Social Problems*, 55–72-9463. ... назвавший смерть крокодила «эмоционально верным, хотя и абсолютно иррациональным поступком». — Без автора. (September 12, 1977). Kill the crocodile. *New York Times*, p. 32.

63. Споры о том, что лежит в основе человеческой морали, эмоции или рассудок... — Прекрасный обзор моральной психологии см. у Hauser, M. I. (2006). *Moral minds: How nature designed our universal sense of right and wrong*. New York: HarperCollins.

64. Мы с моей студенткой Шелли Гэлвин использовали этот метод, когда исследовали процесс принятия решений относительно использования животных в экспериментах. — Galvin, S. L., & Herzog, H. A. (1992). The ethical judgment of animal research. *Ethics & Behavior*, 2(4), 263–286.

65. ...предсказывал еще Хайдт... — Haidt, J. (2001). The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, 108(4), 814–834.

65. ...те участки мозга, которые работают с эмоциями; вариант же с опосредованным участием (повернуть выключатель) такого отклика не вызывает. — Примеры исследований Грина в области невроанатомии морали см. в Greene, J., & Haidt, J. (2002).

How (and where) does moral judgment work? Trends in Cognitive Sciences, 6(12), 517–523.

65. ...по имени Льюис Петри нович... — Petrinovich, L., O'Neill, P., & Jorgenson, M. (1993). An empirical study of moral intuitions: Toward an evolutionary ethics. Journal of Personality and Social Psychology, 64(3), 467–478.

66... Пол Розин называет отвращение моральной эмоцией. — Rozin, P., Haidt, J., & McCauley, C. R. (1999). Disgust: The body and soul emotion. In T. Dalgleish and M. Power (eds.), Handbook of cognition and emotion (p. 429–445). Chichester, UK: Wiley.

69. Директор гарвардской лаборатории когнитивной эволюции Марк Хаузер... — Hauser, M. D. (2006) Moral minds; How nature designed our universal sense of right and wrong. New York, NY: HarperCollins.

70. Ричард Булье — Bulliet, RW. (2005). Hunters, herders, and hamburgers: The past and future of human-animal relationships. New York: Columbia University Press.

70. Вот вам два вопроса. — От вопроса про биту и мяч у меня закипают мозги. Давайте прикинем: если бита стоит доллар, а мяч — десять центов, выходит, что бита стоит дороже мяча на 90 центов, а не на доллар. А если бита стоит доллар пять центов, а мяч — пять центов, разница будет как раз в доллар, а вместе получится доллар десять центов. Примеры взяты из Pious, S. (1993). The psychology of judgment and decision making. New York: McGraw-Hill.

71. Склонность к бессмысленной мести... — Sunstein, C. R. (2002 October). Hazardous heuristics. University of Chicago Law & Economics Olin Law and Economics Working Paper No. 165 and University of Chicago Public Law Research Paper No. 33.

71. ...именуется фреймингом. — Существует огромное количество научной литературы об эвристике. Например, см. Halliman, J. T. (2009). Why we make mistakes. New York: Broaw-way Books. Marcus, G. (2008). Kluge: The haphazard construction of the human mind. New

York: Houghton Mifflin. Kahneman, D., & Frederick, S. (2002). Representativeness revisited: Attribute substitution in intuitive judgment. У Т. Gilovick, D. Griffin, 1). Kahneman (eds.), *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment* (pp. 49–81). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

71. *...нацистское движение в защиту прав животных.* — О нацистском движении в защиту прав животных см. Arluke, A., & Sax, B. (1992). Understanding Nazi animal protection and the Holocaust. *Anthrozoos*, 5(1), 6–31.; Sax, B. (2000). *Animals in the Third Reich: Pets, scapegoats, and the Holocaust.* New York: Continuum International Publishing Group.

72. *...современных активистов движений в защиту животных вовсе не радует перспектива иметь Гитлера в единомышленниках...* — См., например. Berry, R. (2004). *Hitler: Neither vegetarian nor animal lover.* Brooklyn, NY: Pythagorean Books.

74. *...реакцию детей и взрослых на «Либо» и на живую собаку.* — Melson, G. F., Kahn, P., Beck, A., Friedman, B. & Edwards, N. (2009). Robotic pets in human lives: Implications for the human-animal bond and for human relationships with personified technologies. *Journal of Social Issues*, 65, 545–56775... *«Айбо» помогли людям чувствовать себя менее одинокими.* — Banks, M. R., Willoughby, L. M., & Banks, W. A. (2008). Animal-assisted therapy and loneliness in nursing homes: Use of robotic versus living dogs. *Journal of the American Medical Directors Association*, 9(3), 173–17776. *Серпейш. весьма красноречиво пишет о моральных вопросах...* — Serpell, J. A. (1996). *In the company of animals: A study of human-animal relationships.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, (p. 177).

77. *Исследователи из университета Портсмута обнаружили...* — Morris, P. H. (2008). Secondary emotions in non-primate species? Behavioural reports and subjective claims by animal owners. *Cognition & Emotion*, 22(1), 3–20.

78. *...Каково быть летучей мышью?...* Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *Philosophical Review*, 4, 435–450.

78. *...Гордон Бергхардт называет критический антропоморфизм.* — Burghardt, G. M. (1991). Cognitive ethology and critical anthropomorphism: A snake with two heads and hognose snakes that play dead. In C. A. Ristau (ed.). *Cognitive Ethology: The Minds of Other Animals* (pp.53–90). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. Не все бихевиористы приветствуют превращение антропоморфизма в исследовательский инструмент этиологии. См., например, Wynne, C. D. L. (2004). The perils of anthropomorphism. *Nature*, 428, 606.

81. *Считать ли животных-компаньонов...* — Holbrook, M. B. (2008). Pets and people: Companions in commerce. *Journal of Business Research*, 61, 546–55281. *Антуан, молодой француз...* — Gueguen, N, 8с Ciccotti, S. (2008). Domestic dogs as facilitators in social interaction: An evaluation of helping and courtship behaviors. *Anthrozoos*, 21, 339–349.

87. *Историк Кейт Томас утверждает...* — Thomas, K. (1983). *Man and the natural world: A history of modern sensibility*. New York: Pantheon.

88. *...антрозоолог Джеймс Серпелл из университета Пенсильвании.* — Serpell, J. A. Pet-keeping and animal domestication: A reappraisal. In Clutton-Brock, J. (ed.) (1989). *The walking larder: Patterns of domestication, pastoralism and predation* (pp. 10–21). London: Unwin Hyman.

88. *...у большинства питомцев, живших в американских домах...* — Grier, K. C. (2006). *Pets in America: A history*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

89. *...напоминают скорее взаимоотношения раба и хозяина...* — Irvine, L. (2004). Pampered or enslaved? The moral dilemmas of pets. *International journal of Sociology and Social Policy*, 24, 5–17. (p. 14).

91. ...суммы, которые мы тратим на своих любимчиков... — American Pet Products Association. (2009). Industry trends and statistics. Отозвано 30 августа 2009 г. с сайта americanpetproducts.org/press_industiytrends.asp. Brady, D. & Palmeri, C. (August 6, 2007). The pet economy. Business Week.

92. ...в девятнадцатом веке во Франции. — Kete, K. (1995). The beast in the boudoir: Petkeeping in nineteenth-century Paris. Berkeley: University of California Press.

93. ...МауКии Сильверстейн и Нейл Фиске назвали раздуванием. — Silverstein, M. J. & Fiske, N. (2003). Trading up: Why consumers want new luxury goods — and how companies create them. New York: Portfolio.

93. ...да, готовы. — Некоторые отрасли индустрии товаров для домашних животных пострадали от кризиса больше других. Так, по данным Джеймса Серпелла, за последние два года наблюдается значительное сокращение проведения дорогостоящих медицинских процедур для собак и кошек в ветеринарной больнице университета Пенсильвании. дф ...совет корпорациям, пробивающимся на рынок элитных товаров для животных... — Holbrook, M. B. (2008). Pels and people: Companions in commerce. Journal of Business Research, 61, 546–552.

94. ...что они выигрывают от того, что у них есть домашние животные? Herzog, H., Kowalski, R., Burgner, M. & Dunegon, C. (2003, May). Are pets really friends? Perceived benefits of relationships with companion animals. Paper presented at the meeting of the American Psychological Society, Atlanta, GA.

94. Друзья-люди оказываются лучше животных... — Serpell, J. (1989). Humans, animals, and the limits of friendship. In Porter, R. & Tomaselli, S. (eds.), The dialectics of friendship (p. 111–129). London: Routledge.

95. ...не испытывают особой привязанности к своим питомцам. — Johnson, T. P., Garrity, T. F., & Stallones. (1991). Psychometric evaluation of the Lexington Attachment to Pets Scale. Anthrozoos, 5, 160–175. Ученые провели

множество исследований с участием людей, привязанных к своим животным, однако я не припомню ни одного систематического исследования, нацеленного на миллионы людей, живущих с неприятными им животными.

95. *...привязанность к животным становится тем меньше...* — Poresky, R. H., & Daniels, A. M. (1998). Demographics of pet presence and attachment. *Anthrozoos*, 11, 236–241.

97... *те, кто имел домашнее животное, выживали гораздо чаще.* — Friedmann, E., Katcher, A. H., Lynch, J. J., & Thomas, S. A. (1980). Animal companions and one-year survival of patients after discharge from a coronary care unit. *Public Health Reports*, 95(4), 307–312. Позже Эрика воспроизвела этот эффект с большим количеством испытуемых, что позволило оценивать кошковладельцев отдельно от собаководовладельцев. Выяснилось, что хозяева собак действительно выживали чаще, в то время как наличие в доме кошки никак не влияло на состояние хозяев. См. Friedmann, E., & Thomas, S. (1995). Pet ownership, social support, and one-year survival after acute myocardial infarction in the cardiac arrhythmia suppression trial (CAST). *American Journal of Cardiology*, 76, 1213–1217.

98. *...подтверждающих благотворное влияние домашних животных на человеческое здоровье и благополучие.* — Обзоры по этому исследованию см. у Friedmann, E., Thomas, S., & Eddy, T. (2000). Companion animals and human health: Physical and cardiovascular influences. In Podberscek, A. L., Paul, E. S., Serpell, J. A. (ed.), *Companion animals and us: Exploring the relationships between people and pets* (p. 125–142). Cambridge, UK: Cambridge University Press. Wells, L. (2009). The effects of animals on human health and well-being. *Journal of Social Issues*, 65, 523–543. Beck, A. M., & Katcher, A. H. (2003). Future directions in human-animal bond research. *American Behavioral Scientist*, 47(1), 79–93. Barker, S. B. & Wolden, A. R. (2008). The benefits of human-companion animal interaction: A review. *Journal of Veterinary Medical Education*. 35, 487–495. Headey, B., & Grabka, M. M. (2007).

Pets and human health in Germany and Australia: National longitudinal results. *Social Indicators Research*, 80(2), 297–311.

98. *Карен Ажитнт, биопсихолог университета штата в Буффало...* — Allen, K. (2003). Are pets a healthy pleasure? The influence of pets on blood pressure. *Current Directions in Psychological Science*, 12(6), 236–239.

98. *...китайнки, имеющие собак...* — Headey, B., Na, E, Zheng, R. (2008) Pet dogs benefit owners health. A «natural experiment» in China. *Social Indicators Research*, 87(3), 481–493.

99. *...в моей местной газете...* — Clark, P. (2010) Wagging tail, wet nose brighten hospital. *Asheville Citizen-Times*. The reference for the radiation therapy study is Johnson, R. A., Meadows, R. L., Haubner, J. S., & Sevedge, K. (2008). Animal-assisted activity among patients with cancer: Effects 011 mood, fatigue, self-perceived health, and sense of coherence. *Oncology Nursing Forum*, 35, 225–232.

99. *...страдающих от синдрома хронической усталости...* — Wells, D. L. (год). Associations between pet ownership and self-reported health status in people suffering from chronic fatigue syndrome. *Journal of Alternative and Complementary Medicine*, 15, 407–413.

99. *...занимавшиеся вопросами выгула собак...* — Cutt, H. E., Knuiiman, M. W., & Giles-Corti, B. (2008). Does getting a dog increase recreational walking? *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, 5(17).

100. *...по результатам изучения 21 тысячи человек в Финляндии...* — Koivusilta, L. K., & Ojan-latva, A. (2006). To have or not to have a pet for better health? *PLoSONE*, 1, 1–9.

100. *Исследователи из Национального университета Австралии...* — Parslow, R. A., Jorm, A. F., Christensen, FI., Rodgers, B. & Jacomb, P. (2005). Pet ownership and health in older adults: Findings from a survey of 2,551 community-based Australians aged 60–64. *Gerontology*, 51(1), 40–47.

100. ...как приобретение питомца влияет на уровень одиночества у взрослых людей. — Giibey, A., McNicholas, J., & Collis, G. M. (2007). A longitudinal test of the belief that companion animal ownership can help reduce loneliness. *Anthrozoos*, 20(4), 345–353. 101. ...Эрика Фридман провела тщательный анализ результатов тридцати исследований... — Friedmann, E. & S011, H. (2009). The human-companion animal bond: I low humans benefit. *Veterinary clinics of North America*, 39(2) 293 326 101. ...домашние животные действительно помогают людям, пусть и не всем, сохранить здоровье и быть счастливее... — Заметим, что в антрозоологии, как и в других науках, о не давших результата исследованиях обычно ничего не пишут. Этот прием «откладывания в стол» означает, что результаты опубликованных исследований, вероятно, преувеличивают реальное влияние животных на человеческое здоровье. Так, недавнее исследование двенадцати антидепрессантов, в ходе которого 33 из 36 экспериментов продемонстрировали неэффективность препарата, так и не было освещено в печати. Turner, E. H., Matthews, A. M., Linar-datos, E., Tell, R. A., 8c Rosenthal, R. (2008). Selective publication of antidepressant trials and its influence on apparent efficacy. *New England journal of Medicine*, 358(3), 252–260.

101. *Возможных ответов три.* — McNicholas, J., Gilbey, A., Rennie, A., Ahmedzai, S., Dono, J. A., & Ormerod, E. (2005). Pet ownership and human health: A brief review of evidence and issues. *British Medicaljournal*, 331(7527), 1252–1254.

102. ...Карен Аллен это все же удалось, причем она решила не мелочиться и сделала объектом своих исследований состоятельных биржевых брокеров. — Allen, K., Shykoff, B. E., 8cIzzo, J. L. (2001). Pet ownership, but not ACE inhibitor therapy, blunts home blood pressure responses to mental stress. *Hypertension*, 38(4), 815–820.

102. ...в СиднейСКуит госпиталь неотложной помощи поступило шестнадцать пожилых людей... — Kurrle, S. E., Day, R., & Cameron. I. D. (2004). The perils of pet

ownership: A new fall-injury risk factor. Medical Journal of Australia, 181(11/12), 682–683.

103. *Центры по контролю за заболеваниями...* — Centers for Disease Control (2009). Nonfatal fall-related injuries associated with dog and cats — United States, 2001–2006. *MMYVR Weekly*, 58, 277–281.

103. *...опасности, приносимые животными, этим не исчерпываются.* — Животные могут причинять вред своим хозяевам довольно неожиданным образом. В одной из статей бюллетеня Американской ассоциации ветеринаров рептилий было описано восемнадцать случаев сексуальной агрессии со стороны самцов игуан по отношению к своим владельцам. Frye, F. F., Mader, D. R., & Ccntofanti, B. V. (1991). Interspecific (lizard/Human) sexual aggression in captive iguanas (iguana iguana). *American Association of Reptile Veterinarians*, (1). 4–6.

103. *...микроорганизмов, к которым чувствительны люди, являются «зоонозными»...* — Pickering, L. K., Marano, N., Vocchini, J. A., & Angulo, F. J. (2008). Exposure to nontraditional pets at home and to animals in public settings: Risks to children. *Pediatrics*, 122(4), 876–886.

103. *...5 % черепашек являются носителями сальмонеллеза?* — Интереснейший обзор болезней, которые человек может получить от животных, см. у Torrey, E. E., & Yolken, R. 11. (2005). *Beasts of the earth: Animals, humans, and disease*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

104. *...75 тысяч американцев заполучают сальмонеллы...* — Центры по контролю за заболеваниями (2003) Reptile-Associated Salmonellosis — Selected States, 1998–2002. *MMWR*. 52(49) 1206–1209.

104. *...мецитилин-резистентный золотой стафилококк...* — Lefebvre, S. L. & Weese, J. S. (2009). Contamination of pet therapy dogs with MRSA and *Clostridium difficile*, *Journal of Hospital Infection*, 72, 268–269. Enoch, D., Karas, J., Slater, J., Emery, M, Kearns, A., &

Farrington, M. (2005). MRSA carriage in a pet therapy dog. *Journal of Hospital Infection*, 60(2), 186–188.

104. *...объяснении такой связи между животным и человеком будет множество...* — Обсуждение этих теорий см. в: Tuan, Y. (1984). *Dominance affection: The making of pels*. New Haven, CT: Yale University Press. Grier, K. C. (2006). *Pets in America: A history*. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press.; Franklin, A. (1999). *Animals and modern cultures: A sociology of human-animal relations in modernity*. London: Sage.; Serpell, J. (1996). *In the company of animals: A study of human-animal relationships*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. Irvine, L. (2004). *If you tame me: Understanding our connection with animals*. Philadelphia, PA: Temple University Press. Olmert, M. D. (2009). *Made for each other: The biology of the human-animal bond*. Philadelphia, PA: Da Capo Press.

105. *Дэн Гилберт из Гарвардского университета утверждает, что всякий психолог...* — Gilbert. D. (2006). *Stumbling on happiness* New York: Alfred A. Knopf.

105. *...овладевшим сложными языками символов, имеющим моральный кодекс, религиозные убеждения и способность наслаждаться вкусом жгучего красного перца...* — Прекрасный обзор факторов, отличающих наш вид от всех прочих, см. у Gazzaniga, i\l. (2008). *Human: The science behind what makes us unique*. New York: Harper Collins. О доказательствах, что человек — единственное млекопитающее, способное наслаждаться вкусом жгучего красного перца, см. Rozin, P., Gruss, I... & Berk, C. (1979). *Reversal of innate aversions:-Attempts to induce a preference for chili peppers in rats*. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 93(6), 1001–1014. Встречаются, впрочем, и интересные исключения. Розин приучил двух пойманных в дикой природе шимпанзе к горячей пище. Кроме того, он отыскал нескольких мексиканских собак, любивших острую пищу. Во всех случаях животные выросли среди людей; Розин считает, что преодолеть естественные вкусовые ограничения животным помогло именно общение с людьми. Rozin, P. & Kenel, K. (1983).

Acquired preferences for piquant foods by chimpanzees. *Appetite*, 4, 69–77.

105. *Они были неразлучны...* — Фильм о Таре и Белле можно посмотреть по адресу www.elephants.com/tarra/TarraBella2.php.

106. *...выращивая молодых макак-резусов в обществе взрослых собак.* — Mason, W. A., & Kenney, M. (1974). Redirection of filial attachments in rhesus monkeys: Dogs as mother surrogates. *Science*, 183(4130), 1209–1211.

106. *...шимпанзе в дикой природе держат у себя представителей других видов...* — Питомцем был даман — животное, напоминающее крупную морскую свинку. Группа японских приматологов наблюдала сцену, которая была достойна фильма про Кинг-Конга: шимпанзе поймал дамана на дереве, аккуратно спустил на землю и показал его нескольким другим обезьянам. Начало прекрасное, но, к сожалению, кончилось все не лучше, чем у Кинг-Конга. Очень скоро шимпанзе ударил визжащего дамана о ствол дерева, а другие шимпанзе лупили зверька до тех пор, пока тот не издох. Побродив вокруг трупа, обезьяны вскоре заскучали и зашвырнули его в кусты. На следующее утро исследователи наблюдали, как самка шимпанзе в течение десяти минут перебирала шерсть на трупе. Быть может, шимпанзе и обращались с даманом как с игрушкой, однако питомцем он для них однозначно не был. Этот случай описан в Hirata, S., Yamakoshi, C., Fujita, S., Ohashi, G., & Matsuzawa, T. (2001). Capturing and toying with hyraxes (*Dendrohyrax dorsalis*) by wild chimpanzees (*Pan troglodytes*) at Bossou, Guinea. *American Journal of Primatology*, 53(2), 93–97. *...нам остается только гадать об этом.* — Идут споры о том, развилось ли мышление в современном его виде быстро, за счет внезапного изменения в нескольких генах, или же процесс шел постепенно. Balter, M. (2002) What made humans modern? *Science*, 295, 1219–1225; Wade, N. (July 25, 2006). Nice rats, nasty rats: Maybe its all in the genes. *New York Times*. For discussions of the evolution of human cognitive abilities see Tomasello, M. (1999). *The cultural origins of human cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press

and Mithen, S. J. (1996). The prehistory of the mind: The cognitive origins of art, religion and science. London: Thames and Hudson. Serpells views are in Serpell, J. A (2003). Anthropomorphism and anthropomorphic selection-beyond the «cute response». *Society & Animals*, 11(1), 83–100.

107. *...оргазма у женщин...* — См., например, Lloyd, E. A. (2005). The case of the female orgasm: Etas in the science of evolution. Cambridge, MA: Flarvard University Press.

108. *...чертой человеческой натуры, возникшей...* — См. Serpell, J. (1996). In the company of animals: A study of human-animal relationships. Cambridge, UK: Cambridge University Press, (p. 148).

108. *...вещей, универсальных для всего человечества...* — Brown, D. E. (1991). Human universals. Philadelphia, PA: Temple University Press.; Pinker, S. (2002). The blank slate: The modern denial of human nature. New York: Viking.

109. *Сравнивая близнецов этих двух типов...* — Dunn, K. M., Cherkas, L. F., & Spector, T. D. (2005). Genetic influences on variation in female orgasmic function: A twin study. *Biology Letters*, i(3), 260–263.; Silventoinen, K., Sammalisto, S., Perola, M., Boomsma, D. I., Cornes, B. K., Davis, C, et al. (2003). Heritability of adult body height: A comparative study of twin cohorts in eight countries. *Twin Research and Human Genetics*, 6(5), 399–408. Lykken, D., & Tellegen, A. (1996). Happiness is a stochastic phenomenon. *Psychological Science*, 7, 186–189.

110. *Стивен Линкер* — Pinker, S. How the Mind Works. New York: Norton (1997).

110. *...гнездовой паразитизм — стратегия воспроизводства...* — Мысль о том, что содержание питомцев является разновидностью гнездового паразитизма, обсуждалась у Serpell (1996) and by Archer, J. (1997). Why do people love their pets? *Evolution and Human Behavior*, 18(4), 237–259.

112. *Мемы вездесущи.* — Дополнительную информацию о культурной эволюции и мемах см. у Shennan, S. (2002). *Genes, memes and human history.* London: Thames Hudson; and Blackmore, S. (1999). *The meme machine.* Oxford. UK: Oxford University Press. The philosopher who has really taken Dawkins idea and run with it is Daniel Dennett (1995). *Darwins dangerous idea: Evolution and the meanings of life.* New-York: Simon & Schuster. Критический разбор системы мемов см. у Richerson, P.], & Boyd, R. (2005). *Not by genes alone: How culture transformed human evolution.* Chicago, IL: University Of Chicago Press.

113. *...дети, выросшие в семьях, где держали животных, став взрослыми, тоже заводят животных.* — Антропологи называют передачу информации от поколения к поколению «вертикальной», в то время как «горизонтальной» именуется передача мемов в культуре.

114. *...в Японии все популярнее становились...* — Bulliet, R. W. (2005). *Hunters, herders, and hamburgers: The past and future of human-animal relationships.* New York: Columbia University.

118. *Их улыбки, виляющие хвосты, мокрые языки — все говорит мне об этом.* — Email from Ruby Benjamin (2009, August 10).

118. *Если бы собаки могли говорить...* — Эту фразу Дилан произнес во время радиошоу XM Theme Time Radio Hour. Темой выпуска были песни о собаках.

118. *...98 % генов которому досталось от волка, а 2 % — от собаки.* — На практике заявления о доле волчьей крови в волкопсах почти никогда не подтверждаются генетическим анализом.

124. *Молекулярные биологи Хайди Паркер и Илейн Острандер...* — Parker, H. O, & Ostrander, E. A. (2005). *Canine genomics and genetics: Running with the pack.* PLoS Genetics, 1(5), 658.

124. *Но когда, где и почему наши предки...* — Новейшие открытия в области происхождения собак см. у Miklosi, A. (2007). *Dog behaviour, evolution, and cognition*. Oxford, UK: Oxford University Press.

124. *В пещерном искусстве эпохи палеолита можно отыскать потрясающие изображения...* — Guthrie, R. D. (2005). *The nature of Paleolithic art*. Chicago, IL: University of Chicago Press. Как правило, древние художники изображали крупных млекопитающих, на которых охотились. Однако отсутствие изображений собак не доказывает того, что в те времена люди не держали собак в качестве домашних животных. Bulliet, R. W. (2005). *Hunters, herders, and hamburgers: the past and future of human-animal relationships*. New York: Columbia University Press.

125. *Одомашненные животные начали меняться.* — Clutton-Brock, J. (1995). *Origins of the dog: Domestication and early history*. In J. Serpell (ed.), *The domestic dog: Its evolution, behaviour, and interactions with people* (pp. 7–20). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

125. *Судя по ископаемым окаменелостям...* — С костями проблема в том, что все время находится что-нибудь новенькое, не укладывающееся в существующую схему. Так, недавно группа археологов обнаружила окаменевшие останки собакоподобных животных, напоминающих немецких овчарок, — они находились в бельгийской пещере и насчитывали 32 тысячи лет. Germonpre, M., Sablin, M. V., Stevens, R. E., Hedges, R. E. fVI., Hofreiter, M., Stiller, M., et al. (2009). *Fossil dogs and wolves from Paleolithic sites in Belgium, the Ukraine, and Russia: Osteometry, ancient DNA and stable isotopes*. *Journal of Archeological Science*, 36(2), 473–490. For the first evidence of a human-canine bond see Morey, D. F. (1994). *The early evolution of the domestic dog*. *American Scientist*, 82, 336–347.

126. *В 1997 году в журнале Science вышла статья...* — Vila, C., Savolainen, P., Maldonado, J. E., Amorim, I. R., Rice, J. E., Honeycutt, R. L., et al. (1997).

Multiple and ancient origins of the domestic dog. *Science*, 276, 1687–1689.

127. *Рэй Коппингер* — Coppinger, R., & Coppinger, L. (2002). *Dogs: A new understanding of canine origin, behavior and evolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

127. *...даже выращенные в неволе волки...* — Topal, J., et al., (2010) The dog as a model for understanding human social behavior. *Advances in the Study of Behavior*.

129. *...интереснейший генетический эксперимент с лисами...* — Trut, L. N. (1999). Early canid domestication: The farm-fox experiment. *American Scientist*, 87, 160–169.

130. *...генетик Дмитрий Беляев...* — Беляев с братом поддерживали генетическую теорию Менделя, в то время как в Советском Союзе официально поддерживалась теория наследования, принадлежавшая Лысенко. Брат Беляева был сослан в лагеря, где и умер. Wade, N. (July 25, 2006). Nice rats, nasty rats: Maybe its all in the genes. *New York Times*.

130. *На физиологическом уровне тоже произошли изменения...* — Popova, N. K., Voitenko, N. N., Kulikov, A. V, & Avgustinovich, D. E (1991). Evidence for the involvement of central serotonin in mechanism of domestication of silver foxes. *Pharmacology, Biochemistry, and Behavior*, 40(4), 751–756.; Lindberg, J., Bjornerfeldt, S., Saetre, P., Svartberg, K., Seehuus, B., Bakken, M. (2005). Selection for tameness has changed brain gene expression in silver foxes. *Current Biology*, 15(22), 915–916. Менее известно, что, начиная эксперимент, Беляев запустил аналогичные эксперименты по изучению влияния селекции на одомашненность различных животных, в том числе крыс. Спустя 70 поколений отбора генетически ручные крысы любили, когда их ласкали, и позволяли с ними играть. Их злобные братья не задумываясь отгрызут ваш нос, даже если отпрыск злобной крысы будет воспитан генетически доброй мамочкой, и наоборот. Albert, F. W., Shchepina, O, Winter, O, Rompler, H., Teupser, D., & Palme, R. (2008). Phenotypic differences in behavior, physiology and neurochemistry between rats selected for

tameness and for defensive aggression toward humans. *Hormones and Behavior*, 53(3), 413–421.

131. ...«домурашек». — На эту фразу я впервые наткнулся в одноименном альбоме Ри Кудера, выпущенном в 1976 году.

131. ...сравнению способности волков, шимпанзе и собак... — Hare, B., & Tomasello, M. (2005). Human-like social skills in dogs? *Trends in Cognitive Sciences*, 9(9), 439–444. 131. ...самые сообразительные и социально активные животные. — Некоторые приматологи утверждают, что бонобо, или, как его называют, «пигмейский шимпанзе» умом не уступает человеку, а то и превосходит его.

132. ...у домашней собаки мозг еще на четверть меньше. — Kruska, D. C. T. (2005). On the evolutionary significance of encephalization in some eutherian mammals: Effects of adaptive radiation, domestication, and feralization. *Brain, Behavior and Evolution*, 65(2), 73–108.

132. ...стали предметом жестоких споров. — Объективный взгляд на дискуссию см. у Morrell, V. (2009). Going to the dogs. *Science*, 325, 1062–1065.

132....можно обучить волчат... — См. Miklosi, A. (2007). Dog behaviour, evolution, and cognition. Oxford, UK: Oxford University Press. Gaesi, M., Gyori, B., Viranyi, Z., Kubiny, E., Range, E., Belenyi, B. and Miklosi, A. (2009). Explaining dog wolf differences in utilizing human pointing gestures. *PLoS ONE*, 4(8), e 6584.

133. ...примеры мощи собачьего разума. — Kaminski, J., Call, J., & Fischer, J. (2004). Word learning in a domestic dog: Evidence for «fast mapping.» *Science*, 304(5677), 1682–1683. Rossi, A. P., & Adcs, C. (2008). A dog at the keyboard: Using arbitrary signs to communicate requests. *Animal Cognition*, 1/(2), 329–338. Range, p., Viranyi, Z., & Huber, L. (2007). Selective imitation in domestic dogs. *Current Biology*, 17(10), 868–872. Schwab, C., & Iluber, I. (2006). Obey or not obey dogs (*Canis Familiaris*) behave differently in response to attentional states of their owners. *Journal of Comparative Psychology*, 120(3), 169–175. Joly-iVlascheroni, B., Senju, A.,

& Shepherd, A. J. (2008). Dogs catch human yawns. *Biology Letters*, 4, 446–448.

133. *Они ищут пропавших детей и разложившиеся трупы, предупреждают глухих хозяев...* — Обзор разнообразных способов использования собак для помощи людям см. у Zawistowski, S. (2008). *Companion animals in society*. Clinton Park, NY: Thompson.

133. *...собаки наделены некой разновидностью экстрасенсорного восприятия...* — Sheldrake, R., 8с Smart, P. (2000). Testing a return-anticipating dog. *Anthrozoos*, 13(4), 203–212.

134. *...проверить гипотезу «спасительной Лесси»...* — Macpherson, K., & Roberts, W. A. (2006). Do dogs (*Canis familiaris*) seek help in an emergency journal of *Comparative Psychology*, 120(2), 113–119.

134. *...группа Адама Миклоши...* — Gacsi, M., McGreevy, P., Kara, E. 8с Miklosi, A. (2009). Effects of selection for cooperation and attention in dogs. *Behavioral and Brain Function*, 5, 31.

135. *Исследователи из Центра изучения взаимодействия животных и общества...* — Hsu, Y., 8с Serpell, J. A. (2003). Development and validation of a questionnaire for measuring behavior and temperament traits in pet dogs, *journal of the American Veterinary Medical Association*, 223(9), 1293–1300.

135. *...показатели обучаемости 1500 собак, принадлежавших к и породам.* — Serpell, J. A., 8с Hsu, Y. (2005). Effects of breed, sex, and neuter status on trainability in dogs. *Anthrozoos*, 18(3), 196–207.

136. *...четыре с половиной миллиона американцев бывают покусаны собаками...* — Sacks, J.J., Kresnow, M., & Houston, B. (1996). Dog bites: How big a problem? *Injury Prevention*, 2(1), 52–54.

136... *нападению на незнакомцев, на собственных хозяев и на других собак.* — Duffy, D. L., Hsu, Y., 8с Serpell,

J. A. (2008). Breed differences in canine aggression. *Applied Animal Behaviour Science*, 114 (3–4), 441–460.

136. *...образцом отваги и верности были питбули...* — Аналогичной стигматизации в разное время подвергались различные породы. Delise, K. (2002). *Fatal dog attacks: The stories behind the statistic*. Manorville, NY: Anubis Press.

137. *...не мог отогнать собак...* — Информация о нападении взята из рассказа, появившегося 10 сентября 2008 года в газете *Seattle Times*.

137. *Сторонники питбулей яростно защищают...* — Данные по дебатам о свойствах пород см. у Gladwell, M. (February 6, 2006). *Troublemakers: What pit bulls can teach us about profiling*. *The New Yorker*. Best Friends Animal Society is a major proponent of the campaign to rebrand pit bulls «Americas Dog»

138. *Среди антропологов нет единого мнения по поводу запрета на породы.* — Обзор мнений по вопросам, связанным со злобными породами, см. в данных по дискуссии Алана Бека и Леди Ван Кейкегейдж, состоявшейся в рамках ветеринарного форума в январе 2007 года.

138. *...питбули должны исчезнуть...* — PETA не только поддержала запрет на питбулей, но и совместно с Обществом гуманизма США потребовала, чтобы конфискованные у Майкла Вика собаки были усыплены, поскольку бойцовую собаку реабилитировать невозможно. Тем не менее в апреле 2009 года после длительных обсуждений группа организаций, в том числе ASPCA и HSUS, согласилась выступить против обязательной эвтаназии конфискованных бойцовых собак.

138. *...владельцы опасных собак...* — Barnes, J. E., Boat, B. W., Putnam, F. W., Dates, H. F., & Mahlman, A. R. (2006). Ownership of high-risk («vicious») dogs as a marker for deviant behaviors: Implications for risk assessment, *Journal of Interpersonal Violence*, 21(12), 1616–1634. Недавние исследования показали также, что владельцы «опасных

пород» чаще имеют криминальное прошлое. Ragatz, L., Fremouw, W., Thomas, T, & McCoy, K. (2009). Vicious dogs: The antisocial behaviors and psychological characteristics of owners. *Journal of Forensic Sciences*, 54(3), 699–703.

139. *Между 1979 и 1990 годом ротвейлеры загрызли в США шестерых человек...* — Sacks, J. J., Kresnow, M., & Houston, B. (1996).

142. *...статью об эволюционной психологии применительно к взаимоотношениям человека и животных...* — Herzog, H. (2002). Darwinism and the study of human-animal interactions. *Society and Animals*, 10(4), 361–367.

142. *...данные о количестве регистрируемых щенков каждой породы за последние три года.* — К сожалению, на сайте Американского клуба собаководства этой информации больше нет. Впрочем, ежегодная статистика по количеству регистраций публикуется в журнале Клуба The AKC Gazette.

143. *Статья их была посвящена именам, которые мы даем своим детям...* — Hahn, M. W., & Bentley, A. R. (2003). Drift as a mechanism for cultural change: An example from baby names. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 270, 120–123.

143. *...тысячи наиболее популярных имен в США...* — Интереснейший график пиков и спадов популярности детских имен можно увидеть на сайте Baby Name Wizard Web (www.babynamewizard.com/voyager#prefix=&ms=true&csw=m&sexact=false).

144. *...сравнил график степенного закона с хоккейной клюшкой...* — Gladwell, M. (2006, February 13). Million dollar Murray. *The New Yorker*, pp. 96–107.

145. *...длинный хвост.* — Anderson, C. (2008). *The long tail: Why the future of business is selling less of more*. New York: Hyperion.

145. *Другие 125 пород...* — Как правило, каждый год Американский клуб собаководства официально признает

несколько новых пород. В 2009 году было добавлено три породы, после чего их стало 161.

146. *В 1962 году был достигнут переломный момент...* — Возможно, причиной этого стал выход диснеевского фильма «Большой рыжий», в котором играл ирландский сеттер.

146. *...классический путь моды сверху вниз — от богатых к тем, кто хочет выглядеть богатыми.* — Ritvo, H. (1987). *The animal estate: The English and other creatures in the Victorian age.* Cambridge, MA: Harvard University Press; Grier, K. C. (2006). *Pets in America: A history.* Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.

147. *...в Atlantic Monthly вышла разгромная критическая статья.* — См. также Derr, M. (1990). *The politics of dogs.* *Atlantic Monthly*, 265(3), 49.; Derr, M. (2004). *Dogs best friend: Annals of the dog-human relationship.* Chicago, IL: University of Chicago Press.

149. *...ученые особенно охотно используют породистых собак при изучении таких человеческих заболеваний...* — Собаки вдвое чаще людей болеют раком. Прекрасный обзор нынешних исследований использования собачьей генетики для понимания человеческих болезней см. у Ostrander, E. A., & Wayne, R. K. (2005). *The canine genome.* *Genome Research*, 15(12), 1706–1716.

150. *...происходят от тридцати одного предка...* — Chase, K., Sargan, D., Miller, K... Ostrander, E., & Lark, K. (2006). *Understanding the genetics of autoimmune disease: Two loci that regulate late onset Addisons disease in Portuguese water dogs.* *International journal of Immunogenetics*, 33(3). 179–184.

151. *...90 % собак в приютах некоторых северо-западных штатов...* — Jonsson, P. (June 18, 2008). «Dixie dogs» head north. *Christian Science Monitor*. Herzog, H. (2009, January 26,) *A first dog from down South.* *Washington Post*. Peters, S. I. (2009, April 23) *Doomed dogs get on rescue wagon to other shelters.* *USA Today*.

157. *Как общество мы ожидаем, что женщины...* — Luke, B. (2007). *Brutal: Manhood and the exploitation of animals*. Urbana, IL: University of Illinois Press, (p. 15).

157. *Мужчинам нравится охотиться и убивать.* — Washburn, S. L, & Lancaster, C. S. (1968). The evolution of hunting. In R. B. Lee & I. DeVore (eds.) *Man the hunter*. Chicago, IL: Aldine Publishing (p. 299)

158. *...расспрашивал студентов ветеринарной школы...* — Об этом исследовании см. Herzog, H. A., Vore, T. L., & New, J.C. (1989). Conversations with veterinary students: Attitudes, ethics, and animals. *Anthrozoos*, 2, 181–188.

160. *...собирать данные всех исследований...* — Перечень результатов исследований см. у Herzog, H. A. (2006). Gender Differences in human-animal interactions. *Anthrozoos*, 20(1), 7–21.

160. *...среди владельцев животных-компаньонов равное количество мужчин и женщин...* — Pew Research Center (7 марта 2006 г.) Gauging family intimacy: Dogs edge cats (dads trail both). Pew Research Center: A Social Trends Report. Исследование охватывало случайную выборку из 3 тысяч взрослых американцев и показало, что 56 % мужчин и 57 % женщин держат домашних животных. Интересно, что одинаковое количество мужчин и женщин держали собак (40 % и 39 %) и кошек (21 % и 24 %). Женщины были чуть более склонны считать домашних животных членами своей семьи. Исследования также показали, что участники чувствовали более тесную связь с животными, чем с собственными родителями.

160. *Опубликовать некролог на смерть своего любимца...* — Wilson, C., Netting, F., Turner, D., Roth, C., & Olsen (2009) Companion animal obituaries: The «hairy heirs». Presentation to the International Society for Anthrozoology, Kansas City.

161... *«мой питомец мне дороже, чем любой из друзей»...* — Цитата из Lexington Attachment to Pets Scale. Johnson, T., Garrity, T., & Stallones, L. (1992). Psychometric

evaluation of the Lexington Attachment to Pets Scale (LAPS). *Anthrozoos*, 5(3), 160–175.

161. *...играем в догонялки, шутливо таскаем за уши и за хвост...* — Возможно, вам ничего этого делать не захочется. Специалисты по поведению животных считают, что шутливая борьба с собаками дает им сигнал о допустимости драки с хозяином и создает долгосрочные проблемы, связанные с доминированием. На этот вопрос существуют самые разные взгляды.

161. *...мужчины и женщины играют со своими собаками совершенно одинаково.* — Prato-Previde, E., Fallani, G., & Valsecchi, P. (2006). Gender differences in owners interacting with pet dogs: An observational study. *Ethology*, 112(1), 64–73. *161. ...их владельцев в приемной ветеринара...* — Mallon, G. (1993). A study of the interactions between men, women and dogs at the ASPCA in New York City. *Anthrozoos*, 6, 43–47.

162. *Гейл Мелсон, специалист по психологии развития...* — Melson, G. E, and Fogel, A. (1996). Parental perceptions of their childrens involvement with household pets. *Anthrozoos*, 9, 95–106. Прекрасный обзор роли животных в развитии детей см. у Melson, L. G. (2001). *Why the wild things are: Animals in the lives of children.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

162. *...симпатичных зверушек...* — Sprengelmeyer, R., Perrett, D., Fagan, E., Cornwell, R., Lobmaier, J., Sprengelmeyer, A., et al. (2009). The cutest little baby face: A hormonal link to sensitivity to cuteness in infant faces. *Psychological Science*, 20(2), 149–154; Fridlund, A., & McDonald, M. (1998). Approaches to Goldie: A field study of human approach responses to canine juvenescence. *Anthrozoos*, 11, 95–100.

163. *Стивен Келлерт из Йельского университета...* — Kellert, S. R. (1996). *The value of life: Biological diversity and human society.* Washington, D. C.: Island Press.; Kellert, S. R., & Berry, J. K. (1987). Attitudes, knowledge, and behaviors toward wildlife as affected by gender. *Wildlife Society Bulletin*, 15(3). 363–371. *163. ...страх перед змеями*

и науками... — Fredrikson, M., Annas, P., Fischer, H. A., & Wik, G. (1996). Gender and age differences in the prevalence of specific fears and phobias. *Behaviour Research and Therapy*, 34(1), 33–39.

163. *...отношение к использованию собак и шимпанзе в экспериментах...* — Pifer, L., Shimizu, K., & Pifer, R. (1994). Public attitudes toward animal research: Some international comparisons. *Society and Animals*, 2(2), 95–113.

163. *Шведские исследователи...* — Hagelin, J., Carlsson, H. E., & Hau, J. (2003). An overview of surveys on how people view animal experimentation: Some factors that may influence the outcome. *Public Understanding of Science*, 12,(1), 67.

163. *Национальный центр изучения общественного мнения опросил...* — Данные приводятся по Общему социологическому исследованию 1993 г.

165. *...в Викторианскую эпоху четверо из пяти членов организаций защиты животных...* — French, R. D. (1975) *Antivivisection and medical science in Victorian society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

165. *Женщины преобладают практически во всех областях практической деятельности по защите животных.* — Хотя женщины и составляют большинство активистов движения защиты животных, среди лидеров их меньшинство. Так, женщины редко упоминаются в списках и биографических указателях лидеров и гуру движений защиты животных. См. Herzog, H. (November 1999) «Power, Money and Gender: Status Hierarchies and the Animal Protection Movement in the United States». *International Society of Anthrozoology Newsletter*, 2–5.

166. *70 % женщин, подвергавшихся побоям...* — Ascione, F. (1998). Battered women's reports of their partners and their children's cruelty to animals. *Journal of Emotional Abuse*, 1 (1), 119–133. Аналогичные результаты были получены при исследовании подвергавшихся побоям женщин в Южной Каролине: см. Flynn, C. P. (2000). *Women's best friend: Pet abuse and the role of companion*

animals in the lives of battered women. *Violence Against Women*, 6(2), 162–177. Свежий обзор см. у Ascione, F. R., et al. (2007). Battered pets and domestic violence: Animal abuse reported by women experiencing intimate violence and by non-abused women. *Violence Against Women*, 13, 354–373.

166. ...*данные с веб-сайта Pet-abuse.com...* — Создателем Petabusc.com, позволившим нам получить данные о демографических характеристиках жестокого обращения с животными, стала психолог Кэти Гербаси, специализирующаяся на вопросах развития; см. Gerbasi, K. S. (2004). Gender and nonhuman animal cruelty convictions: Data from www.pet-abuse.com. *Society and Animals*, 12(4), 359–365. Данные получены с www.pet-abuse.com в январе 2009 г.

168. ...*«Великого кроличьего спасения 2006 года»...* — Weise, E. (August 8, 2006). Rabbit rescue ends some bad hare days. *USAToday*.

168. ...*влиянию скученного содержания животных на здоровье населения...* — Hoarding of Animals Research Consortium (2002). Health implications of animal hoarding. *Health & Social Work*, 27(2), 125–132.

169. ...*несколько причин скученного содержания животных...* — Patronek, G., I.oar, L., & Nathanson J, N. (2006). Animal hoarding: Structuring interdisciplinary responses to help people, animals, and communities at risk. Boston: Hoarding of Animals Research Consortium.

169. ...*вызван токсоплазмозом...* — Sklott. R. (December 9, 2007). «Cat Lady» conundrum. *New York Times*.

169. ...*связывающие скученное содержание животных со старческим слабоумием...* — Наиболее распространено мнение о том, что скученное содержание животных является разновидностью обсессивно-компульсивного расстройства. Однако эта точка зрения в последнее время была поставлена под сомнение; см. Patronek, G. (2007). Animal hoarding: What caseworkers

need to know. Paper presented at the MassHousing Community Services Conference, Boston, MA.

169. *Рецидивы случаются практически у 100 % больных.* — Miller, S. (2008, January/February). Objects of their affection: The hidden world of hoarders. *Best Friends Magazine*, 20–22, 57–61. Скученная жизнь людей увязывается с повреждением префронтальной коры головного мозга; см. Anderson, S. W., Damasio, IF, & Damasio, A. R. (2005). A neural basis for collecting behaviour in humans. *Brain*, 128(1), 201–212. Гипотеза о том, что скученное содержание животных может быть вызвано повреждениями мозга их хозяина, не проверялась.

171. *...неправильно относится к работе.* — Этнографическое исследование сотрудников приютов для животных, разрешающих парадокс между любовью к животным и их убийством, см. у Arluke, A. (2006). *Just a dog: Understanding animal cruelty and ourselves*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

172. *Некоторые социологи считают...* — См., например, Adams, C. J. (2002). *The sexual politics of meat: A feminist-vegetarian critical theory*. New York: Continuum Publishing. Donovan, J. & Adams, C. J. (eds.) (2007). *The feminist care tradition in animal ethics*. New York: Columbia University Press.

173. *...во всех человеческих культурах.* — Примеры с женщинами-охотницами из племенных обществ приводятся по Estioko-Griffin, A., & Griffin, P. B. (1981). Woman the hunter: The Agta. In F. Dahlberg (ed.). *Woman the gather* (pp. 121–140). New Haven: Yale University Press; Bailey, R. C., & Auger, R. (1989). Net hunters vs. archers: Variation in women's subsistence strategies in the Ituri forest. *Human Ecology*, 17(3), 273–297.; Romanoff, S. (1983). Women as hunters among the Matsigenka of the Peruvian Amazon. *Human Ecology*, 11(3), 339–343.; Goodman, M. J., Griffin, P. B., Estioko-Griffin, A. A., & Grove, J. S. (1985). The compatibility of hunting and mothering among the Agta hunter-gatherers of the Philippines. *Sex Roles*, 12(11), 1199–1209.

172. *Почти во всех человеческих культурах.* — Wood, W., & Eagly, A. H. (2002). A cross-cultural analysis of the behavior of women and men: Implications for the origins of sex differences. *Psychological Bulletin*, 128(5), 699–727.

173. *...результатом социализации.* — Quinn, P. C., & Liben, L. S. (2008). A sex difference in mental rotation in young infants. *Psychological Science*, 19(11), 1067–1070. Moore, D. S. & Johnson, S. P. (2008). Mental rotation in infants. *Psychological Science*, 19(11), 1063–1066. Williams, C. L., & Pleil, K. E. (2008). Toy story: Why do monkey and human males prefer trucks? Comment on «Sex differences in rhesus monkey toy preferences parallel those of children» by Hassett, Siebert and Wallen. *Hormones and Behavior*, 54, 355–358. Rakison, D. H. (2009). Does women's greater fear of snakes and spiders originate in infancy. *Evolution and Human Behavior*.

173. *...переживает эмпатию...* — Taylor, N., & Signal, T. (2005). Empathy and attitudes to animals. *Anthrozoos*, 18(1), 18–27. For a review of the literature on the connection between love of pets and love of people, see Paul, E. S. (2000). Love of pets and love of people. In A. Podberscek, E. S. Paul & J. A. and Serpell (eds.), *Companion animals and us: Exploring the relationships between people and animals*, (pp. 168–186). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

174. *...сам он становится более великодушным.* — Domes, C., Heinrichs, M., Michel, A., Berger, C., & Flerpertz, S. C. (2007). Oxytocin improves «Mind-reading» in humans. *Biological Psychiatry*, 61(6), 731–733.; Zak, P. J., Stanton, A. A., & Ahmadi, S. (2007). Oxytocin increases generosity in humans. *PLoS ONE*, 2(11), e111r8.

174. *Можно ли считать окситоцин тем раствором...* — Odendaal, J. S. J., & Meintjes, R. (2003). Neurophysiological correlates of affiliative behaviour between humans and dogs. *The Veterinary journal*, 165(3), 296–301. Miller, S. C., Kennedy, C., DeVoe, D., Hickey, M., Nelson, T., & Kogan, L. (2009). An examination of changes in oxytocin levels in men and women before and after interaction with a bonded dog. *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of the*

Interactions of People & # 38; Animals, 22(1), 31–42.
Nagasawa, M., Kikusui, T., Опака, Т, & Ohta, M. (2009). Dogs gaze at its owner increases owners urinary oxytocin during social interaction. *Hormones and Behavior*, 55(3), 434–441.
Исследование, в ходе которого эффект окситоцина не проявился (то есть давшее отрицательный результат), не освещалось в печати, хотя примеров было множество, а ведущим его специалистом был известный антрополог. (Personal communication, Rebecca Johnson, January 3, 2010.)

75. *...тем более они агрессивны и тем менее склонны к эмпатии.* — Harris, J. A., Rushton, J. P., Flampson, E., & Jackson, D. N. (1996). Salivary testosterone and self-report aggressive and pro-social personality characteristics in men and women. *Aggressive Behavior*, 22(5), 321–331.

76. *Возьмем, например, рост.* — Способы применения пересекающихся гауссовых кривых впервые стали мне ясны после прочтения статьи Гладуэлла в *New Yorker*. Пример с ростом взят из прекрасного обсуждения гауссовой кривой со Стивеном Пинкером в *The Blank Slate*.

76. *...смерть женщины от осложнений, связанных с анорексией...* — Hoek, H. W., & van IToeken, D. (2003). Review of the prevalence and incidence of eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 34(4), 383–396.

79. *Кливленд Эмори* — Cleveland Amory In Dundes, A. (1994). *The cockfight: A casebook*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, (p. 71).

79. *Капитан Л. Фиц-Барнард* — Fitz-Barnard, L. (1921). *Fighting sports*. London: Oldam Press, (p. 12).

83. *...старый негр лет пятидесяти...* — В конце 1970-х годов петушиные бои были, вероятно, наиболее популярным мероприятием, за которым проводила вечера субботы немалая доля жителей округа Мэдисон. Большинство участников и зрителей были белыми, однако Док считался наиболее уважаемым рефери, да и среди зрителей периодически попадалось несколько чернокожих, болевших за петухов, на которых они

поставили деньги. На каком-то этапе моих исследований пара сторонних организаторов из ку-клукс-клана пыталась организовать в округе собрание своей организации. Вначале они явились с этим предложением к главе школьного совета графства и попросили разрешения провести собрание в школьном здании, однако им этого не позволили. Хозяин арены для петушиных боев оказался более сговорчивым, так что подонки нарядились в свои дурацкие балахоны и провели собрание на арене. Не явился почти никто, кроме моего приятеля Роба Эмберга, фотографа-документалиста. На следующий день расисты уехали из города ни с чем. Никто не стал возиться с плакатами, которыми они обклеили стены вокруг арены. Несколько недель спустя я приехал на бои. Док по-прежнему судил, а чернокожие из Ашвилла по-прежнему делали ставки, словно ничего не произошло. Никто, кроме меня, словно бы не замечал развешанной повсюду символики ку-клукс-клана. Аналогичное ненавязчивое смешение рас характерно также для петушиных боев в Луизиане. См. Maunula, M. (2007). Of chickens and men: Cockfighting in the South. *Southern Cultures*, 13(4), 76–85.

184. ...*Грегори Бейтсон и Маргарет Мид писали...* — Подборку исторических и антропологических экскурсов в символик) — и значение петушиных боев в различных культурах см. у Dundes, A. (1994). *The cockfight: A casebook*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press. Кроме того, есть несколько художественных книг, посвященных проведению и культуре петушиных боев, в том числе West, N. (1995). *Day of the locust*. New York: Bantam Books.; Willeford, C. E. (1987). *Cockfighter*. New York: Creative Arts Books.; Manley, F. (1998). *The cockfighter*. Minneapolis: Coffee House Press. For essays on cockfighting as cultural phenomena see Bilger, B. (2000). *Noodling for flalheads: Moonshine, monster catfish, and other Southern comforts*. New York: Touchstone; and Crews, IT. (1977). *Cock-fighting: An unfashionable view*. *Esquire*, 87, 8, 12, 14.

184. ...«гомосексуальную битву мужчин, несущую элемент мастурбации». — Dundes, A. (1994). *The gallus as*

phallus. In A. Dundes, *The cockfight: A casebook*, (pp. 241–281). Madison, WI: University of Wisconsin Press, (p. 262).

185. ...одним из старейших и наиболее распространенных традиционных состязаний. — Историю петушиных боев см. у Smith, P., & Daniel, C. (2000). *The chicken book*. Athens, GA: University of Georgia Press.

187. *Основные правила, именуемые Кодексом Уортхэма...* — Кодекс Уортхэма касается боев с применением шпор, которые предпочитают в районе Аппалачей. Испанцы традиционно пользуются другим набором правил.

188. ...лиатоновской концепции ненависти... — Geertz, C. (1994). *Deep play: Notes on the Balinese cockfight*. In A. Dundes (Ed), *The cockfight: A casebook*, (p. 103). Madison, WI: University of Wisconsin Press.

193. ...Капитан Л. Фиш-Барнард пишет... — Fitz-Barnard, I., (19ai). *fighting sports*. London: Oldam Press, (p. 12).

193. *Из 120 миллионов диких птиц, которых ежегодно убивают охотники...* — Klem, D. (1991). *Glass and bird kills. An overview and suggested planning and design methods for preventing a fatal hazard*. In L. W. Adams and D. L. Leedy (eds.). *Wildlife conservation in metropolitan environments*, (p. 99–103). Columbia, MD: National Institute for Urban Wildlife.

194. ...большинство известных мне любителей петушиных боев не одобряют собачьи бои. — Моя знакомая Сюзи из Луизианы борется за защиту животных.

Она согласна с мнением жены Эдди о том, что петушиные бои — совсем не то же самое, что собачьи. Она на опыте убедилась в том, что в домах участников городских собачьих боев гораздо чаще обнаруживают порнографию, наркотики и большие суммы денег, нежели у участников петушиных дерби из сельской местности.

194. ...Ассоциация гуманизма США связывает петушиные бои с... — www.hsus.org/acf/fighting/cockfight/cockfighting_and_related_crimes.html. Некоторые из этих обвинений соответствуют действительности. Незаконные ставки (и укрывание от налогов) присутствуют практически на всех петушиных боях. Не сомневаюсь, что сейчас, как и в 1970-х, владельцы арен платят местным властям за слепоту, а приток испанцев обеспечивает возрастание количества незаконных иммигрантов, присутствующих на петушиных боях.

195. Многие ли из людей способны на такое? — Цитата принадлежит Бобби Кинеру из Гринсборо. Она прозвучала на DVD-записи «Петушиные бои», представлявшей собой восемь часов интервью с любителями боев. Запись сделана Olena Media ([www.olenamedia.com/](http://www olenamedia.com/)).

196. ...в своем труде «Отвага и сталь»... — McCaghy, C. H., & Neal, A. G. (1974). The fraternity of cockfighters: Ethical embellishments of an illegal sport. *Journal of Popular Culture*, (8), 557–569. (p. 74)

196. На арену его выпускают только в два года... — Иногда молодых петухов стравливают в так называемых «боях молодняка».

197. Карен Дэвис, организовавшая... — Мнение Карен о том, как обращаются с курами, см. в Davis, K. (2009). *Prisoned chickens, poisoned eggs: An inside look at the modern poultry industry*. Summertown, TN: Book Publishing Company.

198. ...двух корпораций-гигантов Tyson Foods и Urjohn. — В 1994 году корпорация Tyson приобрела 100 % акций корпорации Urjohn.

199. ...пора отправлять его на забой. — Об обращении с курами и прочими животными на американских мясокомбинатах см. Eisnitz, G. A. (2007). *Slaughterhouse: The shocking story of greed, neglect, and*

inhumane treatment inside the U. S. meat industry. Amherst, NY: Prometheus Books.

201. *...машина для отрезания голов.* — Альтернативой оглушению с помощью электричества и умерщвлению с помощью машины для отрезания голов является умерщвление с помощью регулируемого состава атмосферы (САК). САК производится при помощи газовой камеры, в которой птицы получают парализующую или смертельную дозу углекислого газа, инертного газа аргона или азота. Общество гуманизма США рекомендует САК как более гуманный вариант по сравнению с оглушением электричеством. Национальный совет производителей курятины не согласен с этим. См. Shields, S., & Raj, M. (no date). An HSUS report. The welfare of birds at slaughter. The Humane Society of the United States. See also Savage, C. (February 17, год). No advantage to gas-based stunning for chickens. Meat & Poultry.

201. *Эффективная система с двумя линиями потрошения может обрабатывать по 140 птиц в минуту.* — Bell, D. D., & Weaver, W. D. (2001). Commercial chicken meat and egg production. New York: Springer (p. 903). Даже когда птиц режут вручную, например, для соблюдения кашрута, темпы работы остаются невероятно большими. Узбек отмечает, что один работник должен перерезать горло 4 тысячам птиц в час. Bell, D. D., & Weaver, W. D. (2001). Commercial chicken meal and egg production. New York: Springer.

201. *Некоторые птицы попадают под нож неполностью оглушенными.* — Карен Дэвис из Международной ассоциации защиты домашней птицы утверждает, что процедура оглушения неэффективна и создана вовсе не затем, чтобы избавлять кур от страданий. Она написала мне в письме: «Подвергая птиц электрошоку, владельцы мясокомбинатов стремятся не к тому, чтобы оглушить курицу — и убить ее на месте, — а к тому, чтобы вызвать мышечный паралич, при котором куры не смогут трепыхаться при ощипывании и не сделают попытки убежать с конвейера. Оглушение создавалось вовсе не как „гуманный“ метод. Его

придумали в 1930-х годах исключительно в коммерческих целях — оно стало „передовым“ техническим решением, заменившим собой удар ножом снизу вверх от верхней части клюва в мозг». Аналогичного мнения придерживается Чарльз Уэбек, которому принадлежит глава об обработке бройлеров в книге Bell, D. I., & Weaver, W. D. (2001). *Commercial chicken meat and egg production*. New York: Springer. Уэбек пишет: «Оглушение необходимо для эффективного спуска крови и ощипывания» (с. 904). Вопросы благополучия животных в написанном им куске не затрагиваются ни разу.

203. *...петушиные бои стали незаконными во всех штатах.* — Однако петушиные бои остаются вполне законным занятием на таких американских территориях, как Пуэрто-Рико, Гуам, Самоа и Виргинские острова.

203. *Существовавшее в восемнадцатом веке движение против кровавого спорта...* — См. Thomas, K. (1983). *Man and the natural world: A history of the modern sensibility*. New York: Pantheon.

203. *...эссе, опубликованном в Atlanta Journal Constitution...* — Rudy, K. (September 6, 2007). *Dog-fighting and Michael Vick*. Atlanta journal Constitution.

204. *То же самое происходит и на скачках, где состязаются чистокровные скакуны.* — McMurray, J. (June 14, 2008). *AP finds 5K horse deaths since 03*. Washingtonpost.com.

208. *Вы спрашиваете, почему я не ем мяса.* — Coetzee, J. M. (2003). *Elizabeth Costello*. New York: Penguin Books.

208. *...выросло в шесть раз в Японии и в пятнадцать раз в Китае.* — Halweil, B., & Nierenberg, D. (2008). *Meat and seafood: The global diets most costly ingredients*. In Worldwatch Institute (ed.), *2008 State of the World: Innovation for a sustainable economy* (p. 61–74). Washington, DC: Worldwatch Institute.

209. *...беспокоиться не столько за твой уровень холестерина, сколько за твое душевное здоровье.* — Bruni,

E (2009, May 20). Beef and decor, aged to perfection. New York Times.

210. *Наши ближайшие родственники, шимпанзе, тоже любят вкус мяса.* — Дополнительную информацию о роли мяса в рационе шимпанзе см. у Stanford, C. B. (1999). The hunting ape: Meat eating and the origins of human behavior. Princeton, NJ: Princeton University Press; Stanford, C. (2002). significant others: The ape-human continuum and the quest for human nature. New York: Basic Books. Boesch, C. (1994). Hunting strategies of Gombe and Tai chimpanzees. In R. W. Wrangham, W. C. McGrew, F. B. M de Waal & P. G. Heltne (eds.), Chimpanzee cultures (p. 76–92). Cambridge, MA: Harvard University Press.; Foley, R. (2001). The evolutionary consequences of increased carnivory. In C. B. Stanford & H.-T. Bunn (eds.), Meat-eating and human evolution (pp. 305–331). New York: Oxford University Press. The exchange of meat for sex is described in Gomes, C. M. & Boesch, C. (2009). Wild chimpanzees exchange meat for sex on a longterm basis. PLoS ONE, 4, e5116 211. *...писал, что наши предки были кровожадными убийцами...* — Stanford, C. B. (1999). The hunting ape: Meat eating and the origins of human behavior. Princeton, NJ: Princeton University Press, (p. 107).

211. *...калорий, потребляемых народностями Северной Аляски...* — Cordain, L., Eaton, S., Brand Miller, J., Mann, N., & Hill, K. (2002). The paradoxical nature of hunter-gatherer diets: Meat-based, yet non-atherogenic. European Journal of Clinical Nutrition, 56(1), 42–52.; Gadsby, P. (October 1, 2004). The Inuit paradox. Discover Magazine.

212. *Не было ни одного сообщества охотников-собирателей...* — Cordain, L., Eaton, S. B., Sebastian, A., Mann, N., Lindeberg, S., Watkins, B. A., et al. (2005). origins and evolution of the Western diet: Health implications for the 21st century. American Journal of Clinical Nutrition, 81 (2), 341–354.

214. *...восприимчивы к разного рода бактериям, вирусам, простейшим, амёбам и паразитам...* — New Brunswick, NJ: Rutgers University Press; Finch, C. E., &

Stanford, C. B. (2004). Meat-adaptive genes and the evolution of slower aging in humans. *The Quarterly Review of Biology*, 79(1), 3–50. Chitnis, A., Rauls, D. and Moore, J. (2000) «origin of HIV Type 1 in colonial French Equatorial Africa?» *AIDS Research and Human Retroviruses*, 16(1) 5–8.

214. *...только человек сдобривает пищу специями...* — Вкус чили неприятен и человеческим детям. Исследования Пола Розина показали, что человеку нужно еще научиться получать удовольствие от жгучего перца. Rozin, P., & Schiller, D. (1980). The nature and acquisition of a preference for chili pepper by humans. *Motivation and Emotion*, 4(1), 77–101.

215. *...мясоедение остается рискованным занятием...* — Fessler, D. M. G. (2002). Reproductive immunosuppression and diet, *Current Anthropology*, 43(1), 19–61.; Flaxman, S. M., & Sherman, P. W. (2000). Morning sickness: A mechanism for protecting mother and embryo. *Quarterly Review of Biology*. 75(2), 113–148.

217. *...отвращение к мясу встречается втрое чаще, чем отвращение к овощам, и вшестеро чаще, чем отвращение к фруктам.* — Midkiff, E. E., & Bernstein, I. L. (1985). Targets of learned food aversions in humans. *Physiology & Behavior*, 34(5) 839–841.

217. *...пищевые табу, существующие в различных сообществах.* — Fessler, D., & Navarrete, C. (2003). Meat is good to taboo: Dietary proscriptions as a product of the interaction of psychological mechanisms and social processes. *Journal of Cognition and Culture*, 3(1), 1–40.

218. *...запретом на буйволиное мясо...* — Случай описан у McDonaugh, C. (1997). Breaking the rules: Changes in food acceptability among the Tharu of Nepal. In H. Macbeth (ed.), *Food preferences and taste: Continuity and change*. Oxford, UK: Berghahn Books.

219. *Большинству американцев особенно отвратительна мысль о поедании собачатины...* — Не все американцы испытывают отвращение перед собачатиной. У живущих в Калифорнии филиппинцев

собачье мясо входит в состав традиционных блюд и подается в особых случаях, например на свадьбах. Практика собакоедения послужила причиной конфликта между филиппинцами и белыми американцами. После инцидента в 1989 году, когда группа камбоджийских беженцев убила и ободрала щенка немецкой овчарки, намереваясь его съесть, калифорнийские власти добавили в Уголовный кодекс статью 598b, в которой запрещалось приобретать, продавать, ввозить или передавать кому-либо труп «любого животного, которое традиционно занимает место домашнего любимца или обычно является таковым». См. Griffith, M., Wolch, J., Lassiter, U. (2002). *Animal practices and the racialization of Filipinas in Los Angeles*. *Society & Animals*, 20(3), 221–248.

219. *...люди тысячелетиями ели собак.* — Обсуждение исторических и культурных вариаций отношения к собакоедению см. у McHugh, S (2004). *Dog*. London, GK: Reaktion Books.; Serpell, J. (1995). The hair of the dog. In J. Serpell (ed.), *The domestic dog: Its evolution, behavior and interactions with people* (p. 257–262). Cambridge, UK: Cambridge University Press; Simoons, F. J. (1994).

219. *...изучил торговлю собачьим мясом в Азии.* — Данные по собакоедению в Азии см. у Podberscek, A. (2009). Good to pet and eat: The keeping and consuming of dogs and cats in South Korea, *Journal of Social Issues*, 65, 615–632.; Walraven, B. (2002). Bardot soup and Confucians meat: Food and Korean identity in global context. In K. Cwiertka & B. Walraven (eds.), *Asian food: The global and the local* (p. 95–115). Honolulu: University of Hawaii Press.

221. *в индуистской традиции...* — Nelson, L. (2006). Cows, elephants, dogs, and other lesser embodiments of Atman: Reflections of Hindu attitudes toward nonhuman animals. In P. Waldau & K. Patton, *A communion of subjects: animals in religion, science, and ethics* (p. 179–193). New York: Columbia University Press.

221. *В большинстве интерпретаций исламской религии собаки тоже считаются существами*

нечистыми... — Foltz, R. (2006). «This she-camel of God is a sign to you»: Dimensions of animals in Islamic tradition and Muslim culture. In P. Waldau & K. Patton (eds.), *A Communion of Subjects: Animals in Religion, Science, & Ethics* (p. 149–150). New York: Columbia University Press.

221. *Индейцы озииса...* — Powers, W., & Powers, M. (1986). Putting on the dog. *Natural History*, 2, 6–16.

221. *Охотничьи обряды...* — Ceremonies in which hunters Serpell, J. (1996). In the company of animals: A study of human-animal relationships. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

222. *Питер Сингер, известный философ, боровшийся за освобождение животных...* — Singer, P., & Mason, J. (2006). *The ethics of what we eat: Why our food choices matter*. Emmaus, PA: Rodale Press.

223. *...мы с Сэнди раздали опросники тем из студентов...* — Herzog, H., & McGee, S. (1983). Psychological aspects of slaughter: Reactions of college students of killing and butchering cattle and hogs. *International Journal for the Study of Animal Problems*, 4(2), 124–132.

224. *Человеку необходимо есть, испражняться и спариваться...* — Rozin, P., Haidt, J., & Mc-Cauley, C. R. (2000). Disgust. In M. Lewis & J. M. Haviland-Jones (eds.), *Handbook of emotions* (2nd ed.) (p. 642). New York: Guildford Press.

223. *...исследователи скандинавского рынка...* — Kubberad, E., Ueland, O., Dingstad, G. I., Risvik, E., & Henjesand, I. J. (2008). The effect of animality in the consumption experience: A potential for disgust. *Journal of Food Products Marketing*, 14(3), 103–124.; and Kubberad, E., Ueland, O., Rodbotten, M., Westad, R., & Risvik, E. (2002). Gender specific preferences and attitudes toward meat. *Food Quality and Preference*, 13(5), 285–294.

225. *...«морализацией».* — Rozin, P., Markwith, M., & Stoess, C. (1997). Moralization and becoming a vegetarian:

The transformation of preferences into values and the recruitment of disgust, *Psychological Science*, 8, 67–73.

225. *Их доводы сводятся к четырем позициям...* — Существует множество литературы, содержащей этические, экологические, медицинские и феминистские доводы против мясоедения. Для начала рекомендую прочесть Singer, P., & Mason, J. (2006). *The ethics of what we eat: Why our food choices matter*. Emmaus, PA: Rodale Press.; Eisnitz, G. A. (2007). *Slaughterhouse: The shocking story of greed, neglect, and inhumane treatment inside the U. S. meat industry*. Amherst, NY: Prometheus Books.; and Adams, C. J. (2000). *The sexual politics of meat: A feminist-vegetarian critical theory*. London: Continuum International Publishing Group. Выпущенный в 2009 году фильм «Food, Inc.» изображает обращение с животными и рабочими-людьми на современных промышленных фермах.

225. *...Группой изучения вегетарианства.* — С результатами исследований группы можно ознакомиться на сайте www.vrg.org/nutslie/faq.htm#poll.

227. *...управление по контролю продуктов питания и медикаментов поивало нас снизить потребление насыщенных жиров.* — История «нутриционизма» в США описана в книге Pollan, M. (2008). *In defense of food: An eaters manifesto*. New York: Penguin Press.

227. *...средний американец потреблял двести граммов курятины в год.* — Boyd, W., & Watts, M. (1997). *Agro-industrial just-in-time: The chicken industry and postwar American capitalism*. In D. Goodman & M. Watts (eds.), *Globalizing food: Agrarian questions and global restructuring* (p. 192–225). New York: Routledge.

227. *Первоначально заявления о вреде красного мяса делали шарлатаны от науки...* — Pollan, M. (2008). *In defense of food: An eaters manifesto*. New York: Penguin Press.

228. *Изучив в 2009 году полмиллиона людей, обитающих в самых разных странах...* — Sinha, R., Cross, A. J., Graubard, B. I., Leitzmann, M. F., & Schatzkin, A.

(2009). Meat intake and mortality: A prospective study of over half a million people. *Archives of Internal Medicine*, 169, 562–571.

228. *Ньюкирк объяснила мне логику PETA...* — Ингрид Ньюкирк, электронное письмо от 24 июня 2008 г.

229. *Совета гуманистических исследований...* — Совет гуманистических исследований также координирует исследования взаимодействия людей и животных. Принадлежащий ему веб-сайт является одним из лучших источников информации о новейших исследованиях в области антропологии: www.humaneresearch.org/.

230. *...в 2002 году, по данным...* — Time Corliss, R. (July 15, 2002). Should we all be vegetarians? *Time Magazine*.

230. *...строгие вегетарианцы составляют менее одной десятой процента населения Америки.* — Результаты по США приведены у Fields, C, Dourson, M. and Borak, J. (2005). «Iodine-Deficient Vegetarians: A Hypothetical Perchlorate-Susceptible Population?» *Regulatory Toxicology and Pharmacology*, 42:37–46.

232. *Однако они же чаще испытывали тревогу и беспокойство...* — Вегетарианцы показывают более высокие результаты на таких шкалах Большой пятерки, как открытость новому и нейротизм (у меня эти показатели тоже велики). Golden, L. & Fferzog, H. (2008). Presentation to the meeting of the Southeastern Psychological Association, New Orleans. Описание пятифакторной модели личности см. у Gozling, S. (2008). *Snoop: What Your Stuff Says About You*. New York: Basic Books.

233. *...вегетарианство наиболее часто встречается среди девочек-подростков...* — По данным отчета Харриса за 2007 год, 10 % девочек в возрасте тринадцати-восемнадцати лет сказали, что никогда не едят мяса или морепродуктов. Moskin, J. (January 24, 2007). *Strict vegan ethics, frosted with hedonism*. *New York Times*.

233. *...связь вегетарианства и пищевых расстройств...* — Данные исследований, соотносящих

вегетарианство и пищевые расстройства, см. у Klopp, S. A., Heiss, C. J., & Smith, H. S. (2003). Self-reported vegetarianism may be a marker for college women at risk for disordered eating. *Journal of the American Dietetic Association*, 101 (6), 745–747; Neumark-Stainer, D., Story, M., Resnick, M., & Blum, R. (1997). Adolescent vegetarians. A behavioral profile of a school-based population in Minnesota. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*, 151(8), 833–838; OConnor, M. A. Touyz, S. W., Dunn, S. M., & Beumont, P. J. (1987). Vegetarianism in anorexia nervosa? A review of 116 consecutive cases. *The Medical Journal of Australia*, 147(11–12), 540–542; Robinson-O'Brian, R., Perry, C. L., Wall, M. M., Story, M., & Neumark-Sztainer, D. (2009). Adolescent and young adult vegetarianism: Better dietary intake and weight outcomes but increased risk of disordered eating behaviors. *Journal of the American Dietetic Association*, 109, 648–655; Worsley, A., & Skrzypiec, G. (1997). Teenage vegetarianism: Beauty or the beast? *Nutrition Research*, 17(3), 391–404; Lindeman, M., Stark, K., & Latvala, K. (2000). Vegetarianism and eating-disordered thinking. *Eating Disorders*, 8(2), 157–165; Lindeman, M. (2002). The state of mind of vegetarians: Psychological well-being or distress. *Ecology of Food and Nutrition*, 41, 75–86; Ilias, M., Karabudak, E. & Kiziltan, G. (2005). Vegetarianism and eating disorders: Association between eating attitudes and other psychological factors among Turkish adolescents. *Appetite*, 44(3), 309–315; Hormes, J. M., Catanese, D., Bauer, R., & Rozin, P. (2006). Links between meat avoidance, negative eating attitudes, and disordered eating behaviors. Meeting of the American Psychological Association.

236. ...Джеффри Муссаеф Мэссон воспекает преимущества отказа от животной пищи так... — Джеффри Мэссон является автором серии увлекательных и полезных книг о взаимоотношениях человека и животных, в том числе бестселлера *When elephants weep: The emotional lives of animals*. Цитата приводится по Masson, J. M. (2009). *The face on your plate: The truth about food*. New York: W. W. Norton (p. 168).

237. *...в обществе завязтых мясоедов...* — Steiner, G. (2009, November 22) Animal, vegetable, miserable. New-York Times.

237. *...психолог Джонатан Хайдт...* — Haidt, J. (2006). The happiness hypothesis. New York: Basic Books, (p. 165).

238. *... — помимо человека происходит битва между разумом и телом.* — Цитата из фильма 1999 года «Адвокат дьявола».

239. *...когнитивный разрыв между человеком и шимпанзе...* — Эта цитата из Марка Хузера приводится у Baiter, M. (2008). How human intelligence evolved — Is it science or «paleofantasy»? Science, 319, 1028. Противоположный взгляд на умственные способности животных см. у Hauser, M. (2000). Wild minds: What animals really think. New York: Henry Holt; Wynne, C. D. L. (2004) Do animals think? Princeton, NJ: Princeton University Press; and Bekoff, M. (2007) The emotional lives of animals. Noato, California: New World Library.

241. *Карл Кохен* — Cohen, C. (1987). The case for the use of animals in biomedical research. New England Journal of Medicine, 315, 865–870 (p. 867).

241. *Аллегра Гудмен* — Goodman, A. (2006). Intuition: A Novel. New York: Dial Press.

244. *...в конце концов тебе приходится убивать тех существ, изучению которых ты посвятил всю свою жизнь.* — Отметим схожесть мышления ученых, убивающих животных, изучению которых они посвятили свою жизнь, и любителей петушиных боев, о которых речь шла в предыдущей главе и которые виновны в гибели петухов, которых вырастили с рождения и которых, по их словам, любили и уважали.

244. *...о своих голубях он писал...* — In Preece, R. (2005). Brute souls, happy beasts, and evolution: The historical status of animals. Vancouver, BC: University of British Columbia Press, (p. 347).

244. *...исключительно ради удовлетворения грязного и отвратительного любопытства...* — Browne, J. (2002). Charles Darwin: The power of place. Princeton, NJ: Princeton University Press, (p. 421).

244. *...Дарвин дописал предложение...* — Оба варианта приводятся у Burghardt, G. M... & Herzog. H. A. (1980). Commentary: Beyond conspecifics: Is Brer Rabbit our brother? Bioscience, 30, 763–768.

245. *...Клод Бернар, писавший...* — Rudacille, D. (2000). The scalpel and the butterfly: The war between animal research and animal protection. New York: Farrar, Straus, and Giroux (p. 36).

245. *Современные этологи доказали правоту его утверждений.* — Не все ученые с этим согласны. Некоторые видные специалисты по поведению животных не так давно предположили, что значительное количество схожего поведения у людей и животных (например, использование орудий труда, чувство справедливости) поверхностны и не являются следствием эволюции. См., например, Bolhuis, J. J., & Wynne, C. D. L. (2009). Can evolution explain how the mind works? Nature, 458, 832–833.

246. Все четырнадцать ответили «да» о боли... — Herzog, H. (1991). Animal consciousness and human conscience. Contemporary Psychology, 36, 7–8. Социолог Мари Филипс получила те же результаты в этнографическом исследовании, она использовала в качестве примера разных животных (Phillips, M. T. (1993). Savages, drunks, and lab animals: The researchers perception of pain. Society and Animals, J(1), 61–81.) Чтобы уловить нюансы того, как относятся ученые к животным, которых изучают, см. Marris, E. (2006). Animal research: Grey matters. Nature, 444(7121), 808–810.

246. *...из опрошенных 155 исследователей...* — Knight, S., Vrij, A, Bard, K, & Brandon, D. (2009). Science versus human welfare: Understanding attitudes toward animal use. Journal of Social Issues, 65, 463–483.

247. *...сколько времени они способны плыть.* — Процедуры, используемые в опытах над животными, зачастую остаются загадкой из-за туманного языка, которым их описывают в научных документах. Я читал несколько посвященных этому эксперименту статей в научных журналах. Подробности о проведении плавательного теста не приводились ни в одной из них. Прекрасное обсуждение использования языка в науке см. у Birke, L., Arluke, A., & Michael, M. (2007). *The sacrifice: How scientific experiments transform animals and people.* West Lafayette, IN: Purdue University Press.

248. *Как большинство исследователей, использующих мышей для изучения фундаментальных биологических процессов...* — Альтернативный взгляд на отношение ученых к мышам см. в статье «Worlds Scientists Admit They Just Dont Like Mice», вышедшей в сатирической газете The Onion. Приводятся слова одного из ученых: «Мне приятно даже видеть их в клетке... Ненавижу этих мелких поганцев!» (www.theonion.com/content/node/30800).

248. *...от смещения шейных позвонков...* — Нейробиологи кровожадно спорят о том, сколько времени мышь остается в сознании после обезглавливания. Цифры варьируют от трех до тридцати с лишним секунд. Подробное обсуждение спора см. у Carbone, L. (2004). *What animals want: Expertise and advocacy in laboratory animal welfare policy.* New York: Oxford University Press.

248. *...большинство исследователей не особо заморачиваются проблемами этичности своей работы.* — Аналогичный умственный эксперимент поставил философ Майкл Аллен Фокс, использовав для этого фильм «Планета обезьян». Fox, M. A. (1986). *The case for animal experimentation.* Berkeley, CA: University of California. Фокс написал книгу в защиту опытов над животными. Однако сразу же после ее выхода из печати с ним произошло нечто странное — он полностью изменил свои взгляды на этичность опытов над животными и отрекся от собственных доводов.

250. ...«доводом предельных случаев». — Сжатый и доступный обзор довода предельных случаев и прочих современных философских взглядов на морально-этический статус животных см. у Singer, P. (2003). *Animal liberation* at 30. *The New York Review of Books*, 50(8), 23–26. The marginal case argument is treated at length in Dombrowski, D. A. (1997). *Babies and beasts: The argument from marginal cases*. Chicago, IL: University of Illinois Press.

251. *Генетики утверждают, что именно благодаря этим опытам...* — См., например, Roberts. R. B., & Threadgill, D. W. (2005). The mouse in biomedical research. В E. J. Eisen (ed.), *The mouse in animal genetics and breeding research* (319–140). London: Imperial College Press.

252. ...*философ Нел Ноддингс...* — Noddings, N. (2003). *Caring: A feminine approach to ethics*. Berkeley, CA: University of California Press, (p. 156).

252. *В ходе опроса, проведенного в 2009 году Zogby...* — Опрос проводился в феврале 2009 года по заказу Фонда биомедицинских исследований.

252. *Превращение мыши из вредителя сначала в питомца...* — Прекрасный исторический обзор роли мышей в американских биомедицинских исследованиях см. у Rader, K. A. (2004). *Making mice: Standardizing animals for American biomedical research, 1900–1955*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

253. *Лаборатория была основана в 1929 году Кларенсом Литтлом...* — Одна из причин, по которым Литтл назначил идеальным подопытным животным именно мышь, заключалась в том, что людям мыши безразличны. Critser, G. (2007, December). *Of mice and men: How a twenty-gram rodent conquered the world of science*. *Harpers Magazine*, 6576.

253. *На создание нового штамма может уйти целый год и сто тысяч долларов в придачу.* — Waltz, E. (2005). *Price of mice to plummet under NIHs new scheme*. *Nature Medicine*, 11, 1261.

253. ...99,9 % мышинных генов имеют соответствия среди известных нам человеческих генов. — Paigen, K. (2003). One hundred years of mouse genetics: An intellectual history. II. The molecular revolution (1981–2002). *Genetics*, 163(4), 1227–1235.

254. По словам Рика Войчика... — Цитата приводится по рекламному видеоролику Джексоновской лаборатории (www.jax.org/).

255. Карл Кохен, преподающий философию в университете Мичигана... — Cohen, C. (1987). The case for the use of animals in biomedical research. *New England Journal of Medicine*, 315, 865–870. (p. 868). Для более широкого ознакомления с проблемой оправдания нейроучеными опытов над животными см. Morrison, A. R. (2009). *An odyssey with animals: A veterinarians reflections on the animal rights and welfare debate*. Oxford, UK: Oxford University Press.

255. ...лекарства от тропических болезней, которыми почему-то почти никто не занимается. — На практике крупные фармацевтические компании тратят на исследования с целью создания новых лекарств меньше средств, чем на маркетинг и незначительные изменения молекулярной структуры наиболее популярных лекарств для получения дженериков. См. Angel, M. (2005). *The truth about drug companies: How they deceive us and what to do about it*. New York: Random House.

255. Они утверждают, что ученые преувеличивают роль опытов над животными в охране нашего здоровья. — Пример данной точки зрения см. у Greek, R., & Greek, J. (2000). Sacred cows and golden geese: The human cost of experiments on animals. New York: Continuum; Barnard, N D., & Kaufman, S. (1997, February). Animal research is wasteful and misleading. *Scientific American*. 80–82.; and LaFollette, H., & Shanks, N. (1996). *Brute science: Dilemmas of animal experimentation*. London: Routledge.

256. Ученые из Портленда, Орегона, Эдмонтона, Канады и Олбани (штат Нью-Йорк) подвергли восемь штаммов мышей... — Первый отчет об этом

исследовании см. у Crabbe, J. C., Wahlsten, D., & Dudek, B. C. (1999). Genetics of mouse behavior: Interactions with laboratory environment. *Science*, 284, 1670–1672. Споры о возможных объяснениях этому см.: Sapolsky, R. M. (2006). *Monkeyluv: And other essays on our lives as animals*. New York: Scribner.

256. ...насколько оправданно перенесение результатов, полученных на мышах, на людей. — Прочие статьи уважаемого журнала, посвященные вопросам перенесения результатов, полученных на мышах, см. у Giles, J. (2006). Animal experiments under fire for poor design. *Nature*, 444(7122), 981; Pound, P., Ebrahim, S., Sandercock, P., Bracken, M. B., & Roberts, I. (2004). Where is the evidence that animal research benefits humans? *British Medical Journal*, 328(7438), 514–517.

256. На страницах журнала *Immunology*... — Davis, M. M. (2008). A prescription for human immunology. *Immunity*, 29(6), 835–838.

257. ...одно из лекарств, которое излечило мышей сразу в четырех исследованиях, лишь ухудшало состояние больных людей. — Schnabel, J. (2008). Neuroscience: Standard model. *Nature*, 454(7205), 682–685.

258. В результате проведенного в Англии опроса... — Aldhous, P., Coghlan, A., & Copley, J. (1999). Animal experiments — where do you draw the line? Let the people speak. *New Scientist*, 162(2187), 26–31.

262. ...появления такого числа ненужных мышей... — См. Critser, G. (December 2007) Of mice and men, *Harpers Magazine*. 65–76. Ormandy, L., Schuppli, C. A., & Weary, D. M. (2009). Worldwide trends in the use of animals in research: The contribution of genetically-modified animal models. *ATLA*, 37, 63–68. Rowan, A. (2007). A brief history of the animal research debate and the place of alternatives. *AAFGH*, 12 (3), 203–211.

264. ...по мнению конгресса, мыши — не животные. — Под Закон о защите животных не попадают мыши, крысы и птицы, выращенные

специально для исследований. Однако диких мышей, крыс и птиц закон защищает, поскольку они не были выращены в лаборатории. Таким образом, мыши и птицы, пойманные в дикой природе и принесенные в лабораторию, находятся под защитой закона. Однако если их используют для получения потомства, их отпрыски окажутся за пределами досягаемости закона.

264. *...судья Чарльз Ритчи заявил, что исключение мышей, крыс и птиц...* — Мыши, крысы и птицы были первоначально исключены из закона вследствие появления в нем лазейки, согласно которой давать определение животному должен был министр сельского хозяйства. В 1993 году судья Ритчи вынес решение о том, что это исключение является произвольным и необоснованным. Тем не менее его заявление было отклонено вышестоящей инстанцией. В интересах биотехнологий сенатор Джесс Хелмс в последний момент изменил Билль о фермах 2002 года таким образом, чтобы исключение стало полноправной составляющей акта. Историю закона см. у Carbone, L. (2004). *What animals want: Expertise and advocacy in laboratory animal welfare policy*. New York: Oxford University Press.

264. *Собаки же — избранные животные, с ними надлежит обращаться особым образом.* — Особого обращения требуют и приматы. Закон о защите животных гласит, что исследовательские организации должны обеспечить «физиологическое благополучие» наших ближайших родственников — обезьян и приматов.

264. *Исключение из закона мышей, крыс и птиц...* — Заметим, что птицы, крысы и мыши, предназначенные для исследований в учреждениях, получающих финансирование от национальных организаций здравоохранения, находятся под защитой Руководства министерства здравоохранения по содержанию и использованию лабораторных животных — особый набор правительственных законов о содержании животных. Тем не менее примерно в 800 исследовательских центрах закон не защищает подопытных мышей.

265. *Ларри оценивает количество используемых мышей в сто с лишним миллионов.* — См. Carbone, L. (2004). What animals want: Expertise and advocacy in laboratory animal welfare policy. New York: Oxford University Press.; Taylor, K., Gordon, N., Langley, G., & Higgins, W. (2008). Estimates of worldwide laboratory animal use in 2005. ATLA, 36, 327–342. Примерная оценка в 100 миллионов принадлежит Ларри Карбону, считающему, что в настоящее время в исследованиях используется в 100–200 раз больше мышей, чем крыс.

267. *Мы разинули рты.* — Эти результаты были опубликованы в Pious, S., & Herzog, H. (2001). Reliability of protocol reviews for animal research. Science, 293(5530), 608–609. Responses to the article and our rejoinder can be found in Science (2000) 294, 1831–1832.

267. *И свое, в рассказе «Дзени искусство ухода за мотоциклом»...* — Pirsig, R. (1974). Zen and the art of motorcycle maintenance. New York: William Morrow, (p. 185)

270. *...имитируют действия и голосовые сигналы.* — Wise, S. M. (2002). Drawing the line: Science and the case for animal rights. Cambridge, MA: Perseus Books, (p. 157).

271. *...способны к сопереживанию.* — Langford, D. J., Crager, S. E., Shehzad, Z., Smith, S. B., Sotocinal, S. G., Levenstadt, J. S., et al. (2006). Social modulation of pain as evidence for empathy in mice. Science, 312(5782), 1967–1970.

271. *Если я не ошибся в подсчетах, в исследовании было использовано более 800 мышей.* — Трудно оценить точное количество животных, исходя лишь из отчета об исследовании, появившегося в журнале Science. Кроме статьи в печатном издании, в Сети было доступно тридцать страниц дополнительных материалов о подробностях эксперимента.

273. *Марк Бекофф — выдающийся этолог...* — Речь Марка Бекоффа в приюте Farm Sanctuary Ное Down (www.farmsanctuary.org) в Орландо, Калифорния, 16 мая

2009 года. Просмотреть лекцию можно по адресу www.youtube.com/watch?v=bZglqg7RQ6U.

274. *...медицинские эксперименты нацистов.* — Обсуждение этичности использования медицинских данных, полученных от нацистов, см. у Мое, К. (1984, December). Should the Nazi research data be cited? Hastings Center Report, 5–7.; and Cohen, B. (1990). The ethics of using medical data from Nazi experiments. Journal of Halacha and Contemporary Society, 19, 103–126.

274. *...результаты экспериментов над животными также получены несправедливым путем.* — См., например, Regan, T. (1993). Ill gotten gains. In P. Cavalieri & P. Singer (eds.), The great ape project, (pp 194–205). New York: St. Martins Press.

277. *Джоан Данейер* — Dunayer, J. (2004). Speciesism. (Derwood, MI): Ruce Publishing, (p. 134).

277. *Джонатан Хайдт* — Haidt, J. (2006). The happiness hypothesis: Finding modern truth in ancient wisdom. New York: Basic Books.

278. *...убивать животное, а потом швыряться его трупом.* — Слова Берна приведены у Murphy, K. (13 июня 2009 г.). Seattles Pike Place fishmongers under fire. Los Angeles Times.

278. *...«Мощная связь между людьми и их питомцами».* — Anderson, P. E. (2008). The powerful bond between people and pets: Our boundless connections to companion animals. Westport, CT: Praeger. (p. 2 14).

278. *...70 % активных защитников прав животных...* — Pious, S. (1991). An attitude survey of animal rights activists. Psychological Science, 2(3), 194–196.

279. *...статью специалиста по этике Милана Энгеля.* — Engel, M. (2000). The immorality of eating meat. In I. P. Pojman (ed.), The moral life: An introductory reader in ethics and literature (p. 856–889). New York: Oxford University Press.

280. ...«отсутствующей» или «несодержательной» позицией — Дополнительную информацию об общественном мнении и отношении к использованию животных см. у Herzog, H., Rowan, A., & Kossow, D. (2001). Social attitudes and animals. In A. N. Rowan & D. J. Salem (eds.). The state of the animals (p. 55-бд). Washington, D. C.: Humane Society Press.

280. ...большинство американцев озабочены обращением с животными гораздо меньше... — Данные в этом абзаце приведены по отчету Совета гуманитарных исследований (март 2004 г.), Understanding the public image of the U. S. animal protection movement.

281. ...психическим оцепенением-... — Slovic, P. (2007). «til look at the mass I will never act»: Psychic numbing and genocide, fudgment and Decision Making, и(г), 79–95.

281. ...одного-единственного краснохвостого ястреба, свившего гнездо... — Kristof, N. (May 10, 2007). Save the Darfur puppy. New York Times.

282. ...серия интервью с активными борцами за защиту животных. — Результаты исследования приведены в Herzog, H. A. (1993). «The movement is my life»: The psychology of animal rights activism, Journal of Social Issues, 49, 103–119. Дополнительную информацию о социологических и психологических исследованиях движения за права животных см. у Herzog, H. A. (1998). Understanding animal activism. In L. Hart (ed.), Responsible conduct with animals in research. New York: Oxford University Press.; Groves, J. M. (1997). Hearts and minds: The controversy of laboratory animals. Philadelphia, PA: Temple University Press. Jamison, W. V., & Lunch, W. M. (1992). Rights of animals, perceptions of science, and political activism: Profile of American animal rights activists. Science, Technology & Human Values, 17(4), 438–458; Pious, S. (1991). An attitude survey of animal rights activists. Psychological Science, 2(3), 194–196; Lowe, B. M. (2006), Fimerging moral vocabularies: The creation and establishment

of new forms of moral and ethical meanings. Oxford, UK: Lexington Books.

282. *...наиболее распространенной причиной является моральное потрясение.* — Связь между моральным шоком и активной общественной деятельностью впервые была установлена уjasper, J. M., & Poulsen, J. D. (1995). Recruiting strangers and friends: Moral shocks and social networks in animal rights and anti-nuclear protests. *Social Problems*, 42(4), 493–512.

283. *...борцы за права животных не слишком религиозны...* — Herzog (1998). Дополнительную информацию о параллелях между движением за права животных и религией см. у Herzog, H. A. (1993). «The movement is my life»: The psychology of animal rights activism. *Journal of Social Issues*, 49, 103–119; Jamison, W. V., Wenk, C, & Parker, J. V. (2000). Every sparrow that falls: Understanding animal rights activism as functional religion. *Society and Animals*, 8(3), 305–330; Lowe, B. M. (2006). Emerging moral vocabularies: The creation and establishment of new forms of moral and ethical meanings. Oxford, UK: Lexington Books.

284. *...различий в этической идеологии.* — Galvin, S. L., & Herzog, H. A. (1992). Ethical ideology, animal rights activism, and attitudes toward the treatment of animals. *Ethics & Behavior*, 2(3), 141–149.

286. *...веганские презервативы.* — Веганские презервативы и прочие интересные «интимные товары», произведенные без применения жестокости, продаются в интернет-магазине Vegan Store (vegan-store.com/).

289. *...слово «террористы» прибегают...* — Идеологию «прямых действий», как ее понимают экстремисты, см. в эссе Best, S., & Nocella, A. J. (eds.) (2004). *Terrorists or freedom fighters: Reflections on the liberation of animals*. New York: Lantern Books.

289. *...Джентли решил ответить ударом на удар.* — См. Ringach, D. R. & Jentsch, J. D. (2009). We must face the threats. *Journal of Neuroscience*, 29, 11 417-11418.

290. ...*стиль мышления доброй дюжины разновидностей воинствующих экстремистов.* — Обсуждение психологии борцов за идею и терроризма см. уjasper, J. M. (1998). The emotions of protest: Affective and reactive emotions in and around social movements. *Sociological Forum*, 13(3) 397–424; Baumeister, R. F. (1999). *Evil: Inside human violence and cruelty*. New York: Henry Holt and Company, LLC; and Saucier, G., Akers, L. G., Shen-Miller, S., Knezevic, G., & Stankov, L. (2009). Patterns of thinking in militant extremism. *Perspectives on Psychological Science*, 4(3), 256–271.

290. ...*давая интервью австралийской телекомпании, Влазек сказал...* — Best, S. (May 3, 2009). Whos afraid of Jerry Vlasak? Retrieved from civillibertarian.blogspot.com/2009/05/photo-and-caption-court-esy-of-guardian.html

291. ...*ФБР замалчивало такие действия «правых» террористов...* — См., например. Dean, G. (August 31, 2006). A terrorist under every Bush? *American Chronicle*. Retrieved from www.americanchronicle.com/articles/view/13047.

292. ...*животные, с которыми работает исследователь...* — Противники вивисекции уже не первое десятилетие борются с теми, кто работает с домашними животными и приматами. Появившееся в 1966 году в журнале *Life* изображение подопытной собаки повлекло за собой принятие первых федеральных законов об опытах над животными, а нападения на исследователей современные защитники прав животных начали в 1976 году. Первой их мишенью стал исследователь по имени Лестер Аронсон, проводивший эксперименты на кошках. В 1980-х годах из этой кампании выросла организация PETA, закрывшая лабораторию психолога Эдварда Тауба, проводившего опыты на обезьянах. Morrison, A. R. (2009). *An odyssey with animals: A veterinarians reflections on the animal rights and welfare debate*. New York: Oxford University Press; Guillermo, K. S. (1993). *Monkey business*. Washington, D. C.: National Press Books; and Blum, D.

(1995). *The monkey wars*. New York: Oxford University Press.

293. *...министерство внутренней безопасности...* — Отчет министерства внутренней безопасности (гоод) *Ecoterrorism: Environmental and animal rights militants in the United States*.

294. *...этические теории, лежащие в основу современного движения за освобождение животных.* — Кратко ознакомиться с доводами за предоставление прав животным можно у Sunstein, C. (2002). *The rights of animals: Avery short primer*. John M. Olin law & Economics Working Paper No. 157. Betrieved from papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm? abstract_id=32 366i.

295. *...изданной в 1975 году книги «Освобождение животных»...* — Если вы хотите прочесть только одну книгу и понять все, что касается освобождения животных, рекомендую эту. Однако более подробное изложение взглядов Сингера см. в Singer, P. (1993). *Practical ethics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

295. *Сингер исходит из того...* — Singer, P. (1975) *Animal Liberation*. New York: Avon Books.

297. *...предоставление прав нашим ближайшим родственникам...* — См.: Cavalieri, P., & Singer, P. (1993). *The great ape project: Equality beyond humanity*. New York: St. Martins Griffin.

297. *...за борт следует отправить пса.* — Пример со шлюпкой описан в Regan, T. (1983). *The case for animal rights*. Berkeley, CA: University of California Press, (p. 324).

297. *...Джоан Данейер, автор книги «Спесиецизм».* — Dunayer, J. (2004). *Speciesism*. Derwood, MD: Rycе Publishing.

298. *...насекомые не испытывают особых страданий...* — Сингер высказался о своих взглядах на морально-этический статус насекомых в интервью с колумнистом New York Times Николасом Кристофом.

Kristof, N. (April 9, 2009). Humanity even for non-humans. New York Times.

298. ...*Неуважительное отношение Сингера к курам...* — Dunayer, J. (март — май 2002 г.). Письмо в редакцию. Vegan Voice (p. 16–17.)

298. ...*заслуживают равного обращения.* — Сингер утверждает, что все наделенные чувствами существа равны с моральной точки зрения, однако не заслуживают равного обращения. Так, например, он не считает, что шимпанзе или собак следует наделить правом голосовать или водить машину.

299. ...*внутреннего судью.* — Мысль о том, что у каждого из нас есть свой внутренний судья, принадлежит Джонатану Хайдту (2007).

299. ...*Нейроученый Джошуа Грин утверждает...* — Greene, J. D., Nystrom, L. E., Engell, A. I., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. Neuron, 44(2), 389–400.

301. ...*предсказуемо иррационально...* — Прекрасное введение в поведенческую экономику см. у Ariely, D. (2008). Predictably irrational: The hidden forces that shape our decisions. New York: Harper Press.

302. ...*не одну дюжину предубеждений...* — См., например, Lilienfeld, S. O., Ammirati, R., & Landfield, K. (2009). Giving debiasing away: Can psychological research on correcting cognitive errors promote human welfare? Perspectives on Psychological Science, 4(4), 390–398.

302. ...*в своем примере со шлюпкой...* — Более подробный анализ ситуации «четыре человека и собака в спасательной шлюпке» см. у Franklin, J. H. (2006). Animal Rights and Moral Philosophy. New York: Columbia University Press.

302. ...*допустимо подвергнуть эвтаназии неизлечимо больного ребенка...* — Этот довод приводится на с. 186 в Singer, P. (1993). Practical ethics. Cambridge, UK: Cambridge University Press. Старое, но от этого не менее

увлекательное описание Сингера см. у Specter, M. (September 6, 1999). The dangerous philosopher. The New Yorker.

302. *...сексуальные контакты между животным и человеком...* — Эссе Сингера о животных содержится в Singer, P. (2001). Heavy petting. Nerve.com. Приводится по www.nerve.com/Opinions/Singer/heavyPetting/. Не так давно Сингер был приглашен в телешоу Comedy Central. В конце беседы, посвященной морально-этическому статусу человекообразных обезьян, Стивен Колберт задал странный вопрос: «А секс с животными? Для вас это нормально?» Сингер и глазом не моргнул. В соответствии с его убеждениями, любое действие морально настолько, насколько оно увеличивает удовольствие или уменьшает боль. Сингер ответил: «Я не вполне понимаю тех, кто занимается сексом с животными. По-моему, секс с людьми куда забавнее».

305. *...серьезным мотиватором, побуждающим человека к моральной рефлексии и развитию.* — Цитата из электронного письма, полученного мною от Криса Дайма.

307. *Джон Ле Карре* — le Carre, J. (2008). A most wanted man. New York: Scribner (p. 121).

309. *...Общество лучших друзей животных.* — Историю Лучших друзей см. у Glen, S. Best Friends: The True Story of the Worlds Most Beloved Animal Sanctuary. New York: Kensington Books (2001). *Квейму Энтони Аппии...* — Appiah, K. A. (2008). Experiments in ethics. Cambridge, MA: Harvard University Press (p. 199).

notes

Примечания

1

Золотой штат — шутовое название Калифорнии.